

БЕРТОЛТ

УЗБРАННОЕ

**Пресби
Расказы**

БРЕХТ

Избранное Пресы Рассказы

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

МОСКВА
"РАДУГА"
1987

ББК 84. 4Ге
Б78

Составление и предисловие В. Н. ДЕВЕКИНА
Примечания Е. В. РОЗЕН
Иллюстрации Т. В. ТОЛСТОЙ, оформление М. М. КРАКОВСКОГО
Редактор Н. Т. БЕЛЯЕВА

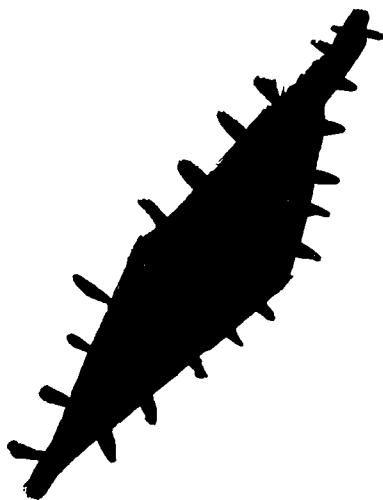
Брехт Б.
Б78 Избранное: Сборник. Пер. с нем. — М.: Радуга, 1987 — 376 с.

Творчество выдающегося писателя ГДР, одного из основоположников социалистического искусства, лауреата международной Ленинской премии "За укрепление мира между народами" вошло в золотой фонд литературы XX века. Непреходящее значение имеют новаторские принципы "эпического театра", созданного Брехтом.

В книгу вошли пьесы "Трехгрошовая опера", "Добрый человек из Сычуани", "Турандот, или Конгресс обелителей", избранные рассказы.

Б $\frac{4703000000 - 331}{030(01) - 87}$ 09 - 87

ББК 84.4Ге
И (ГДР)

ГЛАЗАМИ РАЗУМА

Навряд ли в современной европейской драматургии найдется имя более популярное, чем имя Бертольта Брехта. Его пьесы прочно завладели подмостками театров самых разных стран. Его стихи, проза и теоретические труды переведены на многие языки. Его любимое детище — труппа "Берлинского ансамбля" — объехало всю Европу, повсюду завоевывая сердца зрителей. А сколько исследований о творчестве Брехта появилось в последние десятилетия на русском, польском, английском, французском, чешском, итальянском и других языках! Что же касается немецких работ, то их число, как сообщил нам Вернер Хехт, директор Брехтовского центра в Берлине, уже измеряется тысячами.

Споры вокруг Брехта было всегда много. Они усилились после кончины писателя. Особенно неистовствовали реакционные критики; одни из них "очищали" Брехта от марксизма и провозглашали чистым, независимым художником; другие клеймили его как "отъявленного большевика". Замечательному драматургу отказывали в праве считать себя реалистом и тем более представителем социалистического реализма, бездоказательно утверждая, что его новаторство носит сугубо модернистский характер. Недавно прошедший юбилей Брехта показал, что споры вокруг его наследия не утихают; не прекратились и по

сей день попытки отторгнуть выдающегося писателя от социалистического лагеря, от социалистической культуры. То, что не удалось при жизни Брехта, когда его возвращение в Германскую Демократическую Республику вызвало настоящий переполох в западных политических кругах, пытаются наверстать со временем. В те годы Брехт ясно заявил своим недругам: "У меня такие убеждения не потому, что я здесь, в ГДР, я здесь потому, что у меня такие убеждения". В лаконичном ответе проявилось характерное для Брехта умение поставить все на свои места. Он никогда не был членом какой-либо партии, но всю жизнь отрицал беспартийность в искусстве. В своем главном теоретическом труде, в "Малом органоне для театра" («Kleines Organon für das Theater», 1949), Брехт писал: "Однако решающие для человечества события определяются борьбой, которая ведется на земле, а не в заоблачных высях, в действительности, а не в умах людей. Никто не может стоять над борьбой классов, потому что никто не может стоять над людьми. Общество не может быть представлено одним всеобщим рупором, пока оно расколото на классы, борющиеся между собой"¹. И в этом смысле Брехта можно с полным правом считать коммунистом.

Художественные достижения Брехта не нуждаются в особых рекомендациях. Новые поколения читателей десятилетие за десятилетием открывают для себя этого блистательного художника, боевым принципом которого всю жизнь была борьба за новое искусство. Счастливы читают Брехта в подлиннике; это позволяет им лучше понять природу его новаторства, глубину мысли, яркость мелких деталей. Тираж его книг даже за пределами ГДР измеряется уже миллионами.

* * *

Ойген Бертольд Фридрих Брехт (таково полное имя писателя) родился 10 февраля 1898 года в Аугсбурге в зажиточной буржуазной семье. Консервативные взгляды родителей, весь домашний уклад претили Брехту с детских лет. Обстановка в гимназии, с ее косным, формальным обучением, педантизмом и муштрой, укрепила мятежный характер будущего писателя. Сохранилась шутливая автобиография, в которой он как бы подводит итог юношескому периоду и, в частности, вспоминает своих преподавателей: "Народная школа докучала мне в течение четырех лет. За время моего девятилетнего пребывания в консервированном состоянии в аугсбургской реальной гимназии мне так и не удалось сколько-нибудь существенно способствовать умственному развитию моих учителей. Они же неустанно укрепляли во мне стремление к безделью и независимости".

Первые литературные шаги Брехт сделал, еще будучи гимна-

¹Б. Б р е х т. О театре. М., ИЛ, 1960, с. 195.

зистом. Это были стихи и рецензии на различные книги. Свои начальные опыты он публиковал в городской прессе под псевдонимом Бертольд Ойген, но уже в июле 1916 года сменил его на Берт Брехт, а впоследствии — на Бертольт Брехт. Сильное впечатление произвел на него в то время Франк Ведекинд, который исполнял стихи, аккомпанируя себе на гитаре. "Никогда ни один бард не восхищал и не потрясал меня так", — напишет после его кончины двадцатилетний Брехт. С октября 1919 года социал-демократическая газета "Фольксвилле" («Volkswille») стала печатать театральные рецензии начинающего драматурга, составившие впоследствии известный цикл, опубликованный и в русском переводе¹. Примерно к тому же времени относятся первые пьесы Брехта — "Вaal" («Baal», 1918) и "Спартак" («Spartakus», 1919), — в последующих редакциях — "Барабанный бой в ночи" («Trommeln in der Nacht»); при всех своих несовершенствах они очень заинтересовали Лиона Фейхтвангера, уже тогда увидевшего в молодом авторе сильную, незаурядную и одаренную личность.

Необычность, оригинальность мышления была присуща Брехту с юных лет. Достаточно вспомнить одну из его проделок в гимназии, с которой знакомят нас "Рассказы о господине Б.". В первой же истории, названной "Диалектика", мы читаем: "Когда господин Б. был еще мальчиком, его перевод в шестой класс зависел от контрольной работы по французскому языку. Увы, он ее завалил. Его соученик тоже провалился на контрольной по латыни, но он подчистил несколько ошибок и пошел к учителю, требуя повысить отметку. Обман был замечен: подчищенные места просматривали, и оценку поставили еще более низкую. Господин Б. понял минусы такой уловки. Он раздобыл красные чернила и подчеркнул в своей контрольной несколько мест, написанных верно, затем вежливо спросил экзаменатора, в чем здесь ошибка? Тот смутился: все написано правильно. "Если господин учитель ошибся в количестве неверных мест, — сказал господин Б., — следовало бы повысить мне отметку". Учителя эта логика сразила, и господина Б. перевели в следующий класс"².

Эта история, занимательная сама по себе, показывает, что уже юному Брехту был свойствен своеобразный и даже парадоксальный подход к обыденным явлениям жизни. Такое своеобразие мышления проявлялось у Брехта и во время работы в аугсбургском госпитале, где он воочию познакомился с ужасными последствиями первой мировой войны, и в годы обучения на медицинском факультете Мюнхенского университета, который он так и не кончил, поглощенный все возрастающей тягой

¹ См. там же, с. 316–332.

² Подлинник см. в кн.: В. Brecht. Vorwärts und nie vergessen... Ausgewählte Werke. М., Progress, 1976, S. 479.

к театру. С большой силой проявилось это своеобразие и в его творчестве. Непростая логика парадокса, расходящаяся с обычным, общепринятым мнением и даже резко противоречащая ему, положена Брехтом, в частности, и в основу тех пьес, которые вошли в данный сборник. К этому своеобразию брехтовской драматургии мы еще вернемся.

Значительный успех пришел к Брехту в 1922 году, когда ему дали премию имени Клейста за пьесу "Барабанный бой в ночи", ее премьера состоялась в том же году в Мюнхенском камерном театре. Благодаря весомому составу жюри премия Клейста ценилась высоко; она присуждалась не совсем обычным образом: каждый член жюри поочередно получал право единолично (с согласия жюри) присудить эту премию. Брехта ее удостоил Герберт Иеринг (Herbert Jhering, 1888 — 1977), в ту пору авторитетнейший театральный критик (стоит напомнить, что шесть лет спустя Ханс Хенни Ян присудил премию Клейста Анне Зегерс за повести "Восстание рыбаков" и "Грубеч"). Иеринг предоставил талантливому драматургу и возможность печататься в солидной столичной газете "Берлинер Берзен-Курир". Всё это привело к тому, что к моменту его переезда в Берлин (1924 год) имя Брехта уже хорошо знали в среде литераторов и деятелей театра.

Первая пьеса, написанная в Берлине, называлась «Mann ist Mann» (в русском переводе "Что тот солдат, что этот", ближе к оригиналу "Человек как человек"); она была закончена и поставлена в 1926 году. Эта острая и во многих вопросах политически зрелая комедия знакома и нашим зрителям. Она в известной мере завершает ранний период развития Брехта — период стихийного антибуржуазного бунта. Бунтарский дух писателя рождался из полного отрицания окружающей его бюргерской среды; его нигилистические устремления определялись чувством протеста, жаждой сопротивления. И в эстетическом аспекте Брехт, который с первых же шагов видел в литературе проблему общественную, страстно выступал и против манерничавшего авангардизма, и против художников "с устаревшими взглядами". Насколько широко понимал он это определение, видно хотя бы из того, что к ним Брехт причислял и таких писателей, как Томас Манн, Рильке, Верфель и др. Резкий полемический перегиб обусловливался горячим стремлением к новому искусству, в общественном отношении гораздо более активному, опирающемуся на совсем иную художественную основу. На какую именно, Брехт еще сформулировать не мог.

Поиски ответа на многие "проклятые вопросы" буржуазного мира привели Брехта вплотную к марксизму. Пытливый мыслитель, он с увлечением изучает труды основоположников марксизма-ленинизма. Свой отпуск, например, он целиком

посвятил "Капиталу" Маркса. "Я по уши в "Капитале". Мне теперь необходимо все это точно знать..." — пишет Брехт в одном из писем в октябре 1926 года. Марксизм открыл писателю сложный механизм капиталистического государства, помог познать законы классовой борьбы, законы человеческого общества. Называя по просьбе одного из столичных журналов лучшие книги 1926 года, Брехт включает в их число биографию Владимира Ильича Ленина и фотодокументальный альбом "Война — войне".

Интересно отметить, что Брехт пришел к марксизму не "снизу", а "сверху", то есть не через опыт участия в революционном движении, а, так сказать, умозрительно, путем знакомства с марксистскими и социалистическими произведениями. В этом проявилась еще одна его специфическая черта: любовь к теории. И в дальнейшем, до конца своей жизни, замечательный писатель и выдающийся практик театра сохранил привязанность к теории и неустанно фиксировал в стройных теоретических концепциях свои размышления о литературе и искусстве, создавая тем самым существенные предпосылки для новых художественных побед. "Так хорошо живется среди теорий, так приятно хозяйничать в их кругу", — писал Брехт, подтверждая свою веру в силу науки, силу разума.

В 1928 году в известном берлинском Театре на Шифбауэрдамм состоялась премьера "Трехгрошовой оперы", которая принесла Брехту широкую известность за пределами Германии. В новой пьесе драматург делает важный шаг к поставленной цели — раскрытию законов, по которым живет классовое общество. Подчеркивая принципиальную родственность мира преступников и мира буржуазных дельцов, Брехт в пьесе, а затем в сценарии "Трехгрошового фильма" («Dreigroschenfilm», 1930) и "Трехгрошовом романе" («Dreigroschenroman», 1934) последовательно проводит мысль о преступлении как первооснове капиталистического бизнеса. Особенно остро это звучит в романе. Так, например, благочестивый пуританин Пичем, некоронованный король нищих, приказывает своему подручному совершить убийство и в духе Клаузевица изрекает: "Это чисто коммерческое дело. Это продолжение коммерции другими средствами". Ему вторит грозный налетчик Макхит-Нож: "Что такое отмычка по сравнению с акцией? Что такое налет на банк по сравнению с основанием банка?" А в знаменитом втором финале "Трехгрошовой оперы" рефреном проходит утверждение, что человек живет лишь преступлениями.

Сюжет пьесы Брехт заимствовал у английского драматурга Джона Гэя (1685 — 1732), соответственно переработав его "Оперу нищих" (1728). Забегая вперед, отметим, что таким приемом Брехт и в дальнейшем пользовался неоднократно, каждый раз создавая, по существу, самостоятельное произведение. Хотя

формально местом действия остался Лондон, но на сцене не Англия и даже не Германия, а обобщенное капиталистическое государство с его отвратительными общественными условиями. Подчеркивая это, Брехт указывает в комментариях к пьесе, что она "изображает буржуазное общество (а не только люмпен-пролетарские элементы)". Расхожее мнение, что разбойник, дескать, не буржуй, продолжает он далее, породило другое заблуждение: "Буржуа не разбойник. Так что же, значит, между ними нет никакой разницы? Нет, есть. Разбойник иногда не трус"¹.

"Трехгрошовая опера" стала событием в театральном мире; она обошла почти все страны, везде пользуясь репутацией "кассового" спектакля. И в СССР ей аплодируют вот уже более полувека; начало положил замечательный режиссер А. Я. Таиров, поставивший ее в 1930 году в московском Камерном театре. Успеху "Трехгрошовой оперы" во многом способствовала музыка Курта Вайля; она обладает самостоятельностью и во многом усиливает эпизацию пьесы, разрушая сценические иллюзии и в корне меняя эмоциональную атмосферу. Музыка удачно входит в чисто брехтовское построение сцен, гармонирует с его саркастичными и злыми диалогами, тонко учитывает психологию публики. Хоры и сонги как бы вырываются из сюжета и исполняются большей частью на преобразованной сцене с измененным освещением, на что указывают авторские ремарки. Вставные музыкальные номера адресованы зрителю, они помогают ему: стряхнуть с себя "гипнотическое оцепенение" и занять активную критическую позицию при оценке происходящего. Представляется правильным мнение тех режиссеров, кто видит в брехтовской "Трехгрошовой опере" зародыш современного, ныне очень популярного театрального жанра — мюзикла.

"Трехгрошовая опера" явилась существенным шагом вперед к тому новому искусству, о котором Брехт мечтал еще в юности. Многие важные эстетические принципы (склонность к притче, к парадоксальному, к социально направленной активации зрителя, к использованию так называемой жестовой музыки и др.) мы найдем уже в этой пьесе. В ней мы встретимся и с "эффектом очуждения", который будет еще осмысливаться, развиваться и займет в дальнейшем видное место в теории эпического театра.

Следующая опера — "Подъем и упадок города Махагони" («Aufstieg und Fall der Stadt Mahagonny») — была завершена в содружестве с тем же композитором в 1929-м и впервые показана в 1930 году в Лейпциге, в постановке Вальтера Бругмана. И эта пьеса имела воинствующую антикапиталистическую тенденцию, выраженную в еще более острой пародийно-прово-

¹Б. Брехт. О театре. М., ИЛ, 1960, с. 70—79.

кационной форме. Не случайно лейпцигские спектакли сопровождались крупными скандалами, а через год на премьере в Берлине в зале завязалась потасовка. Около сотни зрителей было выведено из зала; на площади стычки продолжались. Видно, драматург сумел задеть уязвимые места в душе толстосумов и открыть другой части публики глаза на положение вещей в буржуазном обществе. Брехт сам лишь недавно разобрался в нем с помощью марксистской литературы и теперь считал своей задачей вывести на сцене всю грязь, несправедливость, неравенство, царящие за фасадом показного благополучия:

Denn die einen sind im Dunkeln
Und die andern sind im Licht.
Und man siehet die im Lichte
Die im Dunkeln sieht man nicht¹.

Не следует думать, что Брехт ограничивался штудированием марксистской литературы. Напротив, связь писателя с марксизмом, а это был длительный процесс, все более углублялась. Брехт посещает рабочую марксистскую школу в Нойкёльне (промышленный район Берлина), участвует в политических дискуссиях и все прочнее становится на позиции Коммунистической партии Германии. Сергей Третьяков, большой друг писателя, образно охарактеризовал его путь так: "С высот интеллектуальной эквилибристики, тропею ленинских статей, хромым шагом пришел Брехт к коммунизму. Туда, где люди бьются за свое живое дело"².

Сохранилось уже ставшее хрестоматийным, как, впрочем, и вышеприведенная цитата о "Капитале", свидетельство Фрица Штернберга о событиях 1 мая 1929 года. В тот день Брехт своими глазами увидел расстрел демонстрации безоружных рабочих. Позорная кровавая акция (были десятки убитых), осуществленная по приказу социал-демократа Цергибеля, полицей-президента Берлина, окончательно определила политическую позицию Брехта. С большой энергией он принимает участие в пропагандистской деятельности коммунистов — в частности, создает захватывающие боевые пролетарские песни, пишет сценарий к первому немецкому рабочему фильму, "Куле Вампе" («Kuhle Wampe»), показанному и у нас в Москве весной 1932 года (в главной роли снялся Эрнст Буш).

В драматическом жанре Брехт выступает в эти годы с пьесой "Святая Иоанна скотобоев" («Die heilige Johanna der Schlachthöfe», 1931), с циклом поучительных пьес (Lehrstücke)

¹ Заключительная строфа "Трехгрошового фильма".

² С. Третьяков. Люди одного костра. М., 1962, с. 492.

и широко известной инсценировкой романа М. Горького "Мать" («Die Mutter», 1931). Последняя фактически была оригинальным произведением с весьма вольным использованием мотивов романа. Так, например, судьбу Пелагеи Власовой Брехт довел до 1917 года, показав зрителю типичный образ матери немецкого рабочего. Живая и сложная героиня вырастала от пассивного протеста к сознательному участию в переустройстве мира, и это определяло пафос спектакля. Ганс Эйслер написал к пьесе музыку; многие хоры и сонги ("Хвала учению", "Хвала коммунизму", "Хвала диалектике" и др.) приобрели большую популярность. Берлинскую премьеру приурочили к 13-й годовщине зверского убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург; рабочий самодеятельный коллектив, поставивший пьесу, гастролировал с ней затем в течение нескольких месяцев. В "Матери" Брехт наглядно продемонстрировал роль боевой марксистской партии в классовой борьбе. Полиция всячески препятствовала показу "опасного" спектакля, пропагандировавшего легальные и нелегальные формы выступлений пролетариата за свое правое дело. В условиях нарастающей угрозы фашизации страны пьеса Брехта помогала развешивать и усиливать агитационно-пропагандистскую деятельность коммунистов.

Поджог рейхстага нацистами был сигналом зловещей опасности, и уже на следующий день ничем не примечательное семейство налегке (багаж привлек бы внимание) отправляется из Берлина в Прагу. Буравящий взгляд пограничников не обнаружил ничего подозрительного, дежурный патруль штурмовиков "не унюхал государственной измены" — и вот Бертольт Брехт, Елена Вайгель и их сын Стефан уже на чешской земле. Начался нелегкий путь эмигранта. Сам Брехт этого слова не любил. "Страна, принявшая нас, не дом для нас — лишь убежище", — писал он в одном из стихотворений.

Из Праги через несколько дней семья выехала в Вену, куда друзья переправили Барбару, дочь Брехта, гостившую в момент бегства у родных в Аугсбурге. Но Вена была ненадежным пристанищем, и Брехт принял предложение Курта Клебера приехать в Карону (Швейцария). Однако там обосноваться не удалось: дороговизна швейцарской жизни оказалась ему не по карману, да и полиция непрерывно теребила "нежелательного иностранца". Не оправдалась надежда на Париж: премьера балета "Семь смертных грехов" («Die sieben Todsünden der Kleinbürger» — либретто Брехта, музыка Курта Вайля, постановка Жоржа Баланчина) прошла без особого успеха. В такой ситуации оказалось весьма кстати приглашение датской писательницы Карин Михаэлис приехать к ней всей семьей. В Дании Брехт купил простой рыбацкий домик в деревушке, неподалеку от Свендборга, где и прожил более пяти лет. Тут ему писалось хорошо; помимо пьес, Брехт создал в те годы много стихов,

лучшие из них вошли в известный сборник "Свендборгские стихотворения" («Svendborger Gedichte», 1939).

Когда Данию пришлось покинуть, писатель перебрался в Швецию, а затем в Финляндию. Хотя он не бедствовал в прямом смысле слова, но материальные трудности испытывал постоянно. Дом, в котором Брехт жил на окраине Стокгольма, походил скорее на сарай, чем на человеческое жилье. С началом военных действий в Европе радостных весточек становится совсем мало, зато плохих — хоть отбавляй. Успехи фашистских войск производили впечатление на многих и влияли на общественное мнение. "С каждым победным донесением Гитлера, — записывает Брехт в дневнике, — я все больше теряю свое значение как писатель. Даже у книгопродавца и критика Ольсона нет времени прочесть мою пьесу¹. Да и посетителей становится все меньше и меньше". В компетентных кругах полагали бесспорным, что финны в ближайшее время вступят в войну. В такой обстановке писатель принял решение уехать в США. После ряда трагических осложнений и долгой утомительной дороги шведский пароход доставил Брехта и его семью из Владивостока в Лос-Анджелес. Война и опасности остались позади.

Несмотря на то что развитие событий в Европе вынуждало Брехта подчас "менять страны чаще, чем башмаки", несмотря на сотни огорчений, препятствий и финансовых затруднений, он работает в эти годы интенсивно и плодотворно. У него, как и у многих его соратников, мощно проявился тот художественный феномен, который уже ранее был нами условно назван "эффектом тридцатых годов". Он характеризуется ярким подъемом творчества, так сказать — "наперекор всему". За 7 — 8 лет Брехт создает свыше десяти пьес и ряд важнейших теоретических статей, в которых сформулированы основные положения его концепции эпического театра и его понимания реализма. Итог этот впечатляет прежде всего качественной стороной. Отмечая значительность достижений писателя в эмиграции, И. М. Фрадкин, видный советский исследователь творчества Бертольта Брехта, с полным основанием пишет в своей монографии о том, что большой школой для писателя было личное участие в антифашистской борьбе, "его творчество достигло полной идейно-художественной зрелости, из-под его пера вышли наиболее совершенные творения"². Добавим, что из них, как показало время, наибольший успех выпал на долю таких шедевров, как "Мамаша Кураж и ее дети" («Mutter Courage und ihre Kinder», 1939), "Жизнь Галилея" («Leben des Galilei», 1938) и "Добрый человек

¹ Имеется в виду комедия "Господин Пунтила и его слуга Матти" («Herr Punttila und sein Knecht Matti»).

² И. М. Фрадкин. Бертольт Брехт. Путь и метод. М., Наука, 1965, с. 154.

из Сезуана" («Der gute Mensch von Sezuan», 1938 — 1940).

"Мамашу Кураж" Брехт назвал хроникой; действие ее разворачивается в далекие годы Тридцатилетней войны, однако звучание этой захватывающей драмы, написанной накануне второй мировой войны, было острым и злободневным; она сохранила актуальность и в наши дни. На вопрос о том, что должна показать его пьеса, Брехт ответил, что ее задача — объяснить зрителю, что "на войне большую коммерцию ведут отнюдь не маленькие люди. Что война [...] уничтожает человеческие добродетели даже у самых добродетельных людей. Что можно пойти на любые жертвы, лишь бы одолеть войну"¹. Наряду с широкой антимилитаристской тенденцией Брехта волнует также вопрос о судьбе так называемых маленьких людей. Это вообще излюбленная тема в его творчестве. Пестрая, разномастная семья маркитантки Кураж бодро выезжает на сцену в первом акте в надежде поживиться на войне, но вот следует одна сокрушительная потеря за другой, и в финале пьесы мы видим лишь жалкую, сгорбленную фигуру матери, которая из последних сил, по инерции катит свой фургон навстречу трагической неизвестности. И хотя все ее дети погибли из-за своих хороших душевных качеств, сама Кураж остается жертвой духовной слепоты, житейского приспособленчества, веры в непогрешимость обывательского здравого смысла. Брехтовская героиня неисправима до конца, ни один из ударов, обрушившихся на нее, не заставил ее призадуматься. Но если Кураж ничему не научилась, то зрители, увидевшие ее жизнь, могли научиться многому. Ведь даже дочь мамашы Кураж, немое, изуродованное, несчастное существо, своим чутким и добрым сердцем поняла, что с войной надо воевать. Она находит в себе силу и мужество порвать с обывательской рассудочностью и ценою собственной жизни спасает целый город. Немая Катрин сумела прокричать свое "Нет!" войне и подала благородный пример всей Германии, онемевшей от ужасов гитлеровского террора.

Тема моральной капитуляции, так ярко прозвучавшая в знаменитой песне мамашы Кураж, получила своеобразное преломление в пьесе о Галилее, которую многие критики считают философской вершиной драматургии Брехта. И в этом есть свой резон. Ставя остро вопрос о моральной ответственности ученого, служителя так называемой чистой науки, Брехт высказывает свой взгляд на истину, на ее роль в развитии человеческого общества. Мужья науки, умы, озаренные внезапной догадкой, светлой мыслью, на службу какому делу поставят они свои открытия? Вот кардинальный вопрос нашего времени. Показывая важнейшую часть жизни Галилея, писатель лишает его героического ореола, навеянного легендой о бессмертных словах:

¹Б. Брехт. О театре. М., 1960, с. 271.

"А все-таки она вертится!" Брехтовский Галилей — пытливый исследователь, влюбленный не только в науку, но и в земные радости жизни. Он не в силах отвергнуть, как тонко подметил папа римский, ни старое вино, ни новую мысль. Жизнелюбие Галилея, которое так подкупает зрителя в начале пьесы, оборачивается затем своей малопривлекательной стороной: ученый оказывается не в состоянии пожертвовать наслаждениями и привычными удобствами во имя величия и торжества науки.

"Жизнь Галилея" была написана в 1938 — 1939 годах в Дании и впервые поставлена в 1943 году в Цюрихе. После взрыва атомной бомбы над Хиросимой Брехт создал новую редакцию пьесы, показанную в 1947 году в Калифорнии, а затем в Нью-Йорке. Отступничество Галилея воспринимается теперь драматургом сквозь призму страшной вины физиков XX века. Брехт отчетливо акцентирует моральное и общественное банкротство итальянского ученого ("Я предал свое призвание"); ведь истину нельзя спасти ценою отречения от нее, "победа разума может быть только победой разумных". И все же драматический рассказ о Галилее — не трагедия; на это указал сам Брехт в комментариях к пьесе. В ней показано, как в условиях мракобесия и инквизиции зарождается новая эпоха; в ней подвергаются критике предрассудки, осмеивается старое, отжившее и подчеркивается тщетность попытки повернуть назад колесо истории, ведь "насилие не может сделать невидимым то, что уже было увидено".

В июне 1940 года Брехт записывает в дневнике: "В общем и целом "Добрый человек из Сезуана" окончен. Материал заключал в себе большие трудности, и многие попытки справиться с ними, предпринимавшиеся мною в течение примерно десяти лет, не удавались". Следовательно, замысел пьесы появился у драматурга вскоре после "Трехгрошовой оперы", и в этом есть своя закономерность, так как уже в "Опере" ярко прозвучало противопоставление зла и добра в условиях буржуазного общества:

Стать добрым! Кто не хочет добрым стать?

Но вот беда — на нашей злой планете

Хлеб слишком дорог, а сердца черствы.

Мы рады жить в согласье и в совете,

Да обстоятельства не таковы.

(Перевод С. Анта)

В "Добром человеке из Сезуана" проблема добра, человечности в условиях звериных законов мира собственников и эгоистов получает дальнейшее, более глубокое развитие. Перед нами снова некая внегеографическая и внеисторическая среда, столь частая в брехтовских притчах. Героиня пьесы Шен Те — человек очень добрый по своей натуре; она предстает перед

зрителем в разных ипостасях (проститутка, хозяйка табачной лавки, владелица небольшой табачной фабрики), но ни в одной из них она не в состоянии творить добро — обстоятельства не таковы. Брехт, привыкший в своем творчестве прочно опираться на законы диалектики (вспомним его дерзкую формулу в пьесе "Барабанный бой в ночи": "Конец свиньи — начало колбасы"), теперь на более серьезной основе рассматривает диалектическую связь между добром и злом. Добрые дела приносят человеку разорение, злые дела укрепляют его благополучие — таков моральный и социальный парадокс капиталистического государства. Творящего добро съедят злые и сильные, а сеющий зло вырастает в подлый и жестокий мир хищников. "Тот, кто человеку волк, сам не человек, а волк", — сказал Брехт еще в начале 30-х годов в комментариях к пьесе "Мать".

Чтобы наглядней подчеркнуть взаимопроникновение и взаимосвязь доброго и злого начала, драматург использует мотив двойника. В критических ситуациях Шен Те превращается в вымышленного кузена Шуи Та, эгоистичные и злые поступки которого спасают ее от надвигающихся бед. Другого выхода у бедной Шен Те нет, так как помочь ей не в силах даже боги, впрочем, весьма равнодушные к участи людей. Именно они, спустившиеся на землю небожители, должны вершить суд в финале пьесы. И когда в ходе судебного разбирательства (один из любимых мотивов в творчестве Брехта) выясняется, что злодей Шуи Та и "ангел предместий" Шен Те — одно и то же лицо, сами боги приходят в замешательство. Несколько ханжеских советов и милостивое разрешение раз в месяц превращаться в злого Шуи Та — вот и вся их помощь доброй женщине. Довольные собой, боги возносятся на небо, оставляя героиню пьесы в смятении и отчаянии; кто же подскажет ей выход? Драматург, придерживаясь своих принципов, ни нравочений, ни готовых рецептов не предлагает, а вовлекает в размышление зрителя:

Ведь должен быть какой-то верный выход?
За деньги не придумашь — какой!
Другой герой? А если мир — другой?
А может, здесь нужны другие боги?
Иль вовсе без богов? Молчу в тревоге.
Так помогите нам! Беду поправьте
И мысль и разум свой сюда направьте.
Попробуйте для доброго найти
к хорошему — хорошие пути.
Плохой конец — заранее отброшен.
Он должен, должен, должен быть хорошим!

(Перевод Б. Слуцкого)

Так автор пьесы приводил публику к единственному правильному выводу: если не хочешь жить по волчьим законам, то круши этот бесчеловечный мир и создавай новый, гуманный и справедливый.

* * *

Высокая продуктивность творчества в европейский период эмиграции резко контрастирует с весьма невысокой отдачей в США, где Брехт провел более шести лет. Некоторые причины этого выявляются при внимательном чтении дневника, который писатель назвал «Arbeitsjournal». После длительного карантина, установленного самим Брехтом, «Рабочий дневник» (1938 — 1955) был издан Вернером Хехтом; часть его переведена на русский язык¹.

Дневник Брехта — документ не только личного, но и общественного характера; он охватывает почти восемнадцать лет середины нашего бурного века, причем именно годы, которые так богаты решающими историческими событиями. Вот почему интерес к нему перерастает рамки литературы и театра. Разумеется, как и все известные дневники нашего времени, «Рабочий дневник» Брехта в значительной мере пристрастен; субъективная позиция автора, отстаивающего свои личные и общественные взгляды, проявляется здесь намного сильнее, чем в его творчестве. Именно в силу этого мы не во всем можем согласиться с рядом оценок, предлагаемых писателем. В основном же «Рабочий дневник» является, бесспорно, выдающимся литературно-общественным документом, чисто брехтовским по самой манере письма и по своей эстетической платформе; вдобавок он позволяет нам заглянуть в мастерскую прославленного создателя эпического театра.

Поселившись по совету Лиона Фейхтвангера в Санта-Монике, предместье Лос-Анджелеса, и разместившись довольно удобно в двухэтажном доме с красивым садом, Брехт, несмотря на внешние признаки благополучия, вскоре записывает в дневнике: «Почти ни в одном месте жизнь не была для меня труднее, чем здесь, в этом морге беззаботности». Примерно через полгода он развивает ту же мысль: «Удивительно, но я не могу дышать в здешнем климате. Воздух тут полностью лишен запахов; он одинаков и утром, и вечером, и в доме, и в саду. Здесь не ощущаешь времен года... тут ничего не учуешь: ни запаха дыма, ни аромата травы... Иной раз, когда я еду в машине... то воспринимаю какие-то черты ландшафта, которые, в общем, кажутся мне привлекательными: мягкие очертания холмов, лимонные рощи, калифорнийский дуб; да и бензоколонки — то там, то

¹См.: Б. Брехт. О литературе. М., Художественная литература, 1977, с. 339—398.

сям — выглядят вроде бы весело, но все это будто стоит за толстым стеклом витрины, и над каждой цепью холмов, над каждым лимонным деревом невольно ищешь взглядом ярлык с указанием цены. Такие же ярлыки с ценой ищешь здесь и на людях”.

Разумеется, неприятие США имело более глубокие причины, чем недовольство климатом или ландшафтом. “Основы образа жизни здесь неблагоприятны, — записано в дневнике 30 марта 1942 года. — Повинен в этом недостойный характер производственных отношений, который превращает все в банальность”. Американский образ жизни, так страстно проклятый Леонгардом Франком в книге “Слева, где сердце” («Links, wo das Herz ist»¹, 1952), стал для Брехта решительно неприемлем. Безумный темп, безумный мир, непрерывно жующий жвачку и делающий из всего деньги, был и ему явно несимпатичен. Впрочем, неприязнь оказалась взаимной; одна за другой разбивались надежды писателя: пришел отрицательный ответ из театра, прислал отказ издатель. Брехта в США знают и ценят лишь немногие интеллигенты, для других он невзрачный и несговорчивый чужак, с ним нельзя делать большой бизнес.

Вот и очередная неудача: никто не хочет ставить “Карьеру Артуро Уи, которой могло не быть” («Der aufhaltsame Aufstieg des Arturo Ui», 1941). А ведь он писал ее с мыслью об американской сцене. Идея создать гангстерскую пьесу, вызывающую ассоциации с определенными событиями в фашистской Германии, возникла у драматурга еще в 1935 году, когда он приехал в Нью-Йорк в связи с постановкой “Матери” в “Театре Юниэн”. В Финляндии Брехт вернулся к своей идее и набросал план для 11 — 12 сцен. Работа пошла хорошо, его увлекла возможность испытать воздействие “двойного очуждения”, ведь гангстеры и коммерсанты изъясняются в его пьесе стихами, в “высоком стиле”, а в отдельных эпизодах звучит тонкая комедийная переключка с известными местами из драм Шекспира, Шиллера, Гёте. Заставляя гангстеров и торговцев цветной капустой говорить ямбами, Брехт достигал преимущественно пародийного эффекта, ибо при этом условием светом рампы озарялась неадекватность их победоносного возвышения. Контраст между значительностью и масштабностью классических героев и алчными помыслами ничтожных и отвратительных преступников увеличивал сатирическую силу “Карьеры Артуро Уи”.

Политическую остроту пьесы усугубляло легко улавливаемое сходство персонажей пьесы с их историческими прототипами, государственными и общественными деятелями 30-х годов. Во многих эпизодах получили отражение реальные события тех

¹ Это там сказано: “Боже, спаси человечество и не дай американскому образу жизни распространиться по всему земному шару!”

лет ("ночь длинных ножей", лейпцигский процесс о поджоге рейхстага, убийство австрийского канцлера Дольфуса и т. п.). Несомненной удачей явился заглавный образ авантюриста, жалкого проходимца и шантажиста, в котором каждый узнавал фашистского фюрера, кровавого палача немецкого народа. Брехт считал свою пьесу притчей, но в отличие от многих других своих притч снабдил ее энергичным моральным и политическим резюме, обращенным прямо к публике, подчеркивая, что "еще плодоносить способно чрево, которое вынашивало гада".

Такой эпилог акцентировал актуальность пьесы и для нашего времени. Однако театры США от нее отказались. К сожалению, такова была участь многих пьес Брехта; их семена в Америке не взошли; посев дал богатый урожай лишь после возвращения автора на родину.

В США Брехт официально именовался "враждебным иностранцем", как и многие немецкие эмигранты. Это накладывало на него, в частности, обязательство после восьми часов вечера не отлучаться из дому. Для поездок по стране требовалось разрешение прокурора; их каждый раз надо было регистрировать в полиции. Такой образ жизни в "отечестве свободы" не пришлось писателю по душе и только усугублял его неприятие США. Да и на хлеб приходилось зарабатывать в поте лица. Драматург с мировым именем был вынужден поступить на службу в Голливуд. Брехт не строил никаких иллюзий насчет характера своей работы; он подтвердил это в откровенном и предельно лаконичном стихотворении "Голливуд":

Что ни день заработать себе на хлеб
Выхожу я на рынок, где торгуют враньем.
Полный надежд,
Стараюсь затесаться в ряды продающих.

Тема Брехт и Голливуд, а также Брехт и киноискусство, несомненно, представляет большой интерес; она еще ждет своих исследователей и, разумеется, выходит за рамки вступительной статьи.

В США Брехт последовательно отстаивал свою антифашистскую позицию. Он ни на день не забывал, что за океаном, на бескрайних просторах России, решается судьба и его родины, судьба всего прогрессивного человечества. Писатель радуется от души первым победам Красной Армии и резко критикует союзников, затягивающих открытие Второго фронта ("Тори засунули американские танки в свой вязаный чулок. А народы истекают кровью"). Восхищаясь мужеством и героизмом советских войск, Брехт вместе с тем серьезно обеспокоен пассивностью самих немцев. Но, хотя ему тогда было очень мало известно о деятельности крупных подпольных антифашистских групп в Берлине, Лейпциге, Тюрингии, вера писателя-диалектика в

ну видят и в том, когда старое и древнее подается по-новому. А подлинно новое, поскольку оно сегодня отвергнуто, объявляется вчерашним, мимолетной модой, время которой уже отошло. Новыми считаются, например, методы ведения войны, а устарелым — такой политический метод, который предлагался не раз, но никогда не был осуществлен и при котором войны стали бы излишними. По-новому распределяются классы в общественном строе, а мысль об уничтожении классов объявляется устарелой¹.

Постоянно ратуя за широту и многообразие реалистического метода, драматург предостерегал от сведения понятия реализма к двум-трем именам или к нескольким формальным приемам, ведь для реализма характерна не узость, а широта эстетических принципов. Он считал, что эстетику и мораль следует определять требованиями современной борьбы. В известной беседе со своим собратом по перу Фридрихом Вольфом Брехт убежденно сказал: "Я вполне согласен с вами, что вопрос о выборе тех или иных художественных средств может быть лишь вопросом о том, как нам, драматургам, лучше социально активизировать, раскатать нашу публику. И все мыслимые художественные средства, старые и новые, следует испробовать, если они могут помочь нам в достижении этой цели"². В "Малом органоне" Брехт указал конкретные условия, при которых современный театр "сможет максимально приблизиться к тому, чтобы стать средоточием просвещения и глашатаем правды". Разумеется, было бы неправильно рассматривать выдающиеся теоретические положения Брехта как рецепты на все времена. Нельзя не согласиться с Вернером Миттенцваем, который в статье "Испытание нового метода" писал: "На многие вопросы нынешнего этапа развития социалистического искусства, которые возникают главным образом в связи с ослаблением воздействия антагонистического классового общества, Брехт ответить не смог. Он сам признавался, что всю жизнь борьба заставляла его "разоблачать чудеса, творимые богами", и у него почти не оставалось времени, чтобы "запечатлеть чудеса, творимые людьми". Однако новые возможности изображения, найденные им, выходят далеко за пределы его времени"³.

Из многочисленных набросков, планов, фрагментов, над которыми работал Б. Брехт в последние годы своей жизни, ему удалось завершить лишь одну пьесу — "Турандот, или Конгресс обелителей". Драматург закончил ее в августе 1954 г., однако замысел родился у него намного раньше, в тридцатые годы. Проблема общественной позиции интеллигенции, тенденции

¹Б. Брехт. О театре. М., ИЛ, 1960, с. 305–306.

²Ф. Вольф. Искусство — оружие. М., Прогресс, 1967, с. 174.

³Эстетические позиции. Сборник статей. М., Прогресс, 1973, с.79.

развития человеческого разума, особенно в экстремальных ситуациях, — все это вылилось тогда в его всемирно известную драму о Галилее, которая надолго оттеснила задуманную параболу о Турандот. Прошли десятилетия, и оригинальный сюжет о своенравной принцессе предстал писателю в своей другой ипостаси. Брехт почувствовал настоятельную потребность показать "вечер того самого разума, который — примерно в конце XVI века — возвестил начало эпохи капитализма".

Так возникла новая пьеса, где драматургу удалось вывести на сцену малых и больших жрецов этого "сумеречного разума", изолгавшихся и запутавшихся в хитросплетениях и уловках. Во многих сценах в чайном домике читатель, несомненно, уловит настойчивую параллель: продажность гейш — продажность выродившихся интеллигентов. Обличение протитуированного мышления, осмеяние тех, кто бесстыдно торгует своим интеллектом, стали главной темой брехтовской "Турандот". Действие пьесы вновь происходит во внегеографической и внеисторической среде, в стране, где жалкие потомки Галилея употребляют свои знания во вред трудовому народу и превращают философские выкрутасы в предмет купли и продажи.

Героиня пьесы не менее своенравна, чем хорошо знакомая нашим зрителям Турандот из сказки Карло Гоцци. Но ее капризы отодвинуты на второй план такими мощными факторами экономики и политики, как перепроизводство, промышленный кризис и борьба за власть. Чтобы получить руку брехтовской принцессы, надо отгадать всего лишь одну загадку, но зато какую! Лишь тот станет ее мужем, кто придумает, как успокоить народ, возмущенный резким вздорожанием хлопка. Один за другим выступают на конгрессе обелителей блистательные "интеллектуалы", состязаясь в красноречии и премудрости. И одна за другой появляются на сцех отрубленные головы неудачливых женихов. Их казнят не за подмену истины ложью, а за то, что они лгали недостаточно искусно. Крах конгресса усугубляется сообщением о народном восстании. На "высоте" оказывается лишь предводитель бандитской шайки Гогер Гог, в котором легко можно уловить кровное родство с фашистским "фюрером". Он устанавливает кровавую диктатуру, упраздняет науки и искусства. Вот он — современный Калаф! Ему по праву должна достаться красавица Турандот. Но восстания уже не остановить; буря народного возмущения сметает с лица земли и "великую империю", и всех ее приверженцев.

"Берлинский ансамбль" справедливо усматривал в своей постановке этой пьесы, показанной впервые в феврале 1973 года, и продолжение брехтовской традиции, и интересное новаторское решение ряда злободневных проблем.

Для Брехта искусство никогда не было самоцелью: он постоянно связывал свои заботы о судьбах искусства с самой

жгучей тревогой за будущее человечества. И отнюдь не случайно в качестве эмблемы на занавесе "Берлинского ансамбля" выбран голубь мира Пикассо. Со свойственной ему диалектической прозорливостью писатель еще в конце 40-х годов считал: "Ожидание новой войны парализует возрождение всего мира. Сегодня мы стоим не перед выбором между миром и войной, а перед выбором между миром и гибелью". Широкою известность получило "Открытое письмо немецким художникам и писателям" («Offener Brief an die deutschen Künstler und Schriftsteller»), в котором Брехт предлагал обеспечить полную свободу, всем художественным произведениям, однако с одним ограничением. Это ограничение Брехт сформулировал так: "Никакой свободы для произведений литературы и искусства, прославляющих войну или представляющих ее неизбежной, и для произведений, разжигающих ненависть между народами". Свое послание писатель закончил грозным предупреждением: "Великий Карфаген вел три войны. Он остался еще могучим после первой, еще населенным после второй. Он исчез с лица земли после третьей"¹.

В начале 50-х годов Брехт не раз говорил автору этих строк, что считает проблему мира началом и концом всей разумной человеческой деятельности. За год до своей кончины (август 1956 года) он развивал ту же мысль в официальной речи в Кремле по случаю вручения ему международной Ленинской премии "За укрепление мира между народами": "Как бы их ни угоняли, что бы им ни внушали, народы знают, что мир — это альфа и омега всякой человеколюбивой деятельности, всякого производства, всех искусств, в том числе и искусства жить".

Активная позиция Брехта в борьбе за мир получила отражение и в его творчестве, особенно в поэзии. Такие стихи, как вольный перевод "Песни мира" Пабло Неруды, "Анахроничное шествие", "Моим согражданам", "О воинственном учителе", "Танковому подразделению", и другие удачно дополняли известный цикл "Азы о войне — немцам". В одном из стихотворений упомянутого цикла Брехт сказал:

Генерал, человек — орудие очень пригодное для твоих целей,
Он может летать и может убивать.
Но у него есть один изъян:
Он умеет думать!

Неистребимой верой в способность людей мыслить пронизано все творчество выдающегося художника мысли Бертольта Брехта.

В. Н. Девекин

¹Б. Брехт. О литературе. М., Художественная литература, 1977, с. 302.

В сотрудничестве с Э. Гауптман, К. Вайлем

ТРЕХРОШОВАЯ ОПЕРА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Макхит, по кличке Мэкки-Нож.
Джонатан Джеремия Пичем,
владелец фирмы "Друг нищего".
Селня Пичем, его жена.
Полли Пичем, его дочь.
Браун, шеф лондонской полиции.
Люси, его дочь.
Дженни-Малина.
Смит.
Кимбл, священник.
Филч.
Уличный певец.
Бандиты.
Нищие.
Проститутки.
Констебли.

ПРОЛОГ
БАЛЛАДА О МЭККИ-НОЖЕ.
ЯРМАРКА В СОХО

Нищие нищенствуют, воры воруют, гулящие гуляют.

Уличный певец *(поет)*

У акулы зубы – клинья,
Все торчат как напоказ.
А у Мэкки – нож, и только,
Да и тот укрыт от глаз.

Если кровь прольет акула,
Вся вода кругом красна!
А у Мэкки есть перчатки,
Не ищи на них пятна.

Как над Темзою-рекою
Косит смерть людей подряд!
Ни при чем чума и оспа:
"Мэкки вышел", – говорят.

Если вдруг на Стрэнде людном
Тело мертвое найдешь,
Знай, что ходит где-то рядом,
Руки в брюки, Мэкки-Нож

Мейер Шмуль бесследно сгинул,
Он богатый был старик.
Деньги Мейера у Мэкки,
Против Мэкки нет улик.

Слева направо через сцену проходят, прогуливаясь, П и ч е м
с ж е н о й и д о ч е р ь ю.

Нож в груди у Дженни Таулер,
Содрогнулся стар и млад —
Мэкки-Нож с невинным видом
Совершает променад.

И на смерть Альфонса Глайта
До сих пор не пролит свет.
Расспросить бы надо Мэкки,
Но ведь он не скажет, нет.

А пожар в районе Сохо —
Семь детишек наповал.
Но вопросов скользких Мэкки
Скотленд-Ярд не задавал.

А растленье малолетней —
Все известно всем вокруг.
Но такие вещи Мэкки
И подавно сходят с рук.

Проститутки смеются, от них отделяется ч е л о в е к и, пересекая
площадь, торопливо уходит.

Д ж е н н и - М а л и н а. Вот он — Мэкки-Нож!

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

I

Ввиду возрастающей человеческой черствости коммерсант Пичем открыл заведение, в котором несчастнейшие из несчастных могли бы приобрести внешность, способную тронуть все более и более ожесточающиеся сердца.

УТРЕННИЙ ХОРАЛ ПИЧЕМА

Вставай, человече, вставай,
Бесчинствуй, не геться досугом!
Увидев, что ты негодай,
Воздаст тебе бог по заслугам.

Жену продавай ни за грош!
Не брезгай ничем и нигде!
От бога, подлец, не уйдешь:
Заплатишь на Страшном суде.

Пичем (*публике*). Нужно придумать что-то новое. Мое дело слишком сложно, ибо мое дело — это возбуждать человеческое сострадание. Есть вещи, которые могут потрясти человека, их немного, очень немного, но вся беда в том, что, если часто их применять, они перестают действовать. Ибо человек обладает ужасной способностью становиться бесчувственным, когда ему вздумается. Вот и получается, что, впервые увидев на улице нищего с культей вместо руки, испуганный прохожий готов пожертвовать ему десять пенни, во второй раз он ограничится пятью, а в третий, пожалуй, преспокойно позовет полицейского. Точно так же обстоит дело и со средствами духовного воздействия.

С колосников спускается большой щит с надписью: "Давать слаще, чем брать".

Что толку в прекраснейших и проникновеннейших изречениях, даже мастерски намалеванных, если они так быстро изнашиваются? В Библии можно найти четыре — от силы пять трогательных изречений, но стоит их израсходовать — и ты гол как сокол. Вот, например, плакат "Дающему воздастся" устарел за какие-нибудь несчастные три недели. Хочешь не хочешь — придумывай что-то новое. Тут вся надежда на Библию, но надолго ли ее хватит?

Стук в дверь. Пичем открывает; входит молодой человек по имени Филч.

Филч. Пичем и компания?

Пичем. Пичем.

Филч. Вы владелец фирмы "Друг нищего"? Меня к вам послали. Да, вот это плакаты! Это же капитал! У вас, наверно, целая библиотека таких изречений? Вот это я понимаю! Откуда у

нашего брата возьмутся идеи? Образования у нас нет, а без него дела не поставишь.

П и ч е м. Ваше имя?

Ф и л ч. Видите ли, господин Пичем, мне с юных лет не везло. Мать у меня была пьянчужка, отец — игрок. С детства предоставленный самому себе, лишенный материнской ласки, я все глубже скатывался в болото большого города. Я не знал ни отцовской заботы, ни семейного уюта. И вот — вы видите перед собой...

П и ч е м. Я вижу перед собой...

Ф и л ч (*смущенно*). ...человека без средств, жертву собственных страстей.

П и ч е м. Разбившийся о скалы корабль и так далее. Скажите-ка мне, обломок крушения, в каком районе вы исполняете эти детские сказки?

Ф и л ч. Не понимаю, господин Пичем.

П и ч е м. Надеюсь, вы произносите эту речь публично?

Ф и л ч. Видите ли, господин Пичем, вчера как раз произошел неприятный случай на Хайлэнд-стрит. Я тихо и грустно, со шляпой в руках, стою на углу, не подозревая ничего дурного...

П и ч е м (*листая записную книжку*). Хайлэнд-стрит. Совершенно верно. Ты, стало быть, и есть тот мерзавец, которого застукали вчера Хони и Сэм. Ты имел наглость приставать к прохожим в Десятом районе. На первый раз мы ограничились небольшой взбучкой, предположив, что ты действуешь по неведению, но, если ты еще раз сунешься, мы пустим в ход перо, ясно?

Ф и л ч. Позвольте, позвольте! Но что же мне делать, господин Пичем? Эти господа избili меня до полусмерти, а потом вручили мне вашу визитную карточку. Если я сниму пиджак, вы увидите, что я весь в синяках.

П и ч е м. Ну, друг мой, если для этого нужно еще снять пиджак, значит, мои люди чертовски нерадивы. Этот молокосос воображает, что стоит ему только протянуть лапу, как дела его будут устроены. Интересно, что бы ты запел, если бы лучшую форель из твоего пруда вылавливали соседи?

Ф и л ч. Видите ли, господин Пичем, у меня нет пруда.

П и ч е м. Так вот, лицензии выдаются только профессионалам. (*С деловитым видом показывает Филчу план города.*) Лондон разделен на четырнадцать районов. Всякий желающий заниматься нищенством в любом из этих районов должен выправить лицензию у Джонатана Джереми Пичема и К^о. Иначе отбоя не будет от жертв собственных страстей.

Ф и л ч. Господин Пичем, от полного разорения меня отделяют несколько шиллингов. Имея при себе два шиллинга...

П и ч е м. Двадцать шиллингов.

Ф и л ч. Господин Пичем! (*Умоляющим жестом указывает на плакат: "Не будь глух к чужой беде".*)

Пичем указывает на занавеску, прикрывающую застекленный стенд. На занавеске надпись: "Дающему воздастся".

Десять шиллингов.

Пичем. И пятьдесят процентов выручки еженедельно. С экипировкой — семьдесят процентов.

Филч. А в чем состоит экипировка?

Пичем. Это определяет фирма.

Филч. В каком районе смогу я приступить к работе?

Пичем. Бейкер-стрит, 2-104. Это даже дешевле, всего только пятьдесят процентов с экипировкой.

Филч. Прошу вас. *(Дает деньги.)*

Пичем. Ваше имя?

Филч. Чарлз Филч.

Пичем. Правильно. *(Кричит.)* Госпожа Пичем!

Входит госпожа Пичем.

Это Филч. Номер триста четырнадцать. Район Бейкер-стрит. Я сам зарегистрирую. Понимаю, почему вы приступаете к делу перед самой коронацией: эти торжества — единственный в жизни случай более или менее прилично заработать. Экипировка В. *(Отдергивает занавеску, открывая стенд, внутри которого видны пять восковых манекенов.)*

Филч. Что это такое?

Пичем. Это пять основных типов убожества, способных тронуть человеческое сердце. При виде их человек приходит в то противоестественное состояние, в котором он готов расстаться с частью своих денег.

Экипировка А: жертва развивающегося транспорта. Веселый калека *(демонстрирует)*, всегда жизнерадостный, всегда беззаботный. Впечатление усиливает культя руки.

Экипировка Б: жертва военного искусства. Нервная дрожь на почве контузии. Докучает прохожим. Работает на отвращении. *(Демонстрирует.)* Отталкивающее впечатление ослабляют нагрудные знаки.

Экипировка В: жертва промышленного подъема. Несчастный слепец, или высшая школа нищенства. *(Неуверенной походкой слепого шагает прямо на Филча. Подходит к нему вплотную.)*

Филч в ужасе вскрикивает.

(Тотчас же прекратив демонстрацию, удивленно глядит на Филча и неожиданно кричит.) Он сердобольный! Из вас же никогда в жизни не выйдет нищего! Быть прохожим — это для вас предел! Стало быть, экипировка Г. Селия, ты опять пила! Ты ничего не соображаешь. Сто тридцать шестой жаловался на свою ветошь.

Сколько раз я тебе говорил, что джентльмен не станет носить грязную одежду. Сто тридцать шестой заплатил за совсем новый костюм. Для возбуждения жалости надо было только растопить стеариновую свечку и нанести несколько пятен. Ни о чем ты не думаешь! Все приходится делать самому! (Филчу.) Раздевайся и надень вот это, только смотри носи аккуратно!

Ф и л ч. А что будет с моими вещами?

П и ч е м. Они переходят в собственность фирмы. Экипировка Д: молодой человек, выдавший лучшие дни или, если угодно, никак не думавший, что дойдет до жизни такой.

Ф и л ч. Ах вот как вы это используете? Но почему бы мне самому не выступать с историей о лучших днях?

П и ч е м. Потому что человеку никто не верит, когда он жалуется на собственные горести, сын мой. Если у тебя болит живот и ты будешь каждому это сообщать, всем станет противно, только и всего. И вообще тебе не положено задавать вопросы, надевай это барахло, и дело с концом.

Ф и л ч. По-моему, оно немного грязновато.

Пичем пронзает его взглядом.

Простите, ради бога, простите.

Г о с п о ж а П и ч е м. Поторопись-ка, сынок. Я не собираюсь стоять с твоими штанами до второго пришествия.

Ф и л ч (с неожиданной горячностью). Имейте в виду, ботинок я не сниму! Ни в коем случае. Лучше я вообще откажусь. Это единственный подарок моей бедной матери, и, как бы низко я ни пал, я ни за что...

Г о с п о ж а П и ч е м. Не болтай глупости, я же знаю, что у тебя грязные ноги.

Ф и л ч. А где же мне и мыть их? Зимой-то!

Госпожа Пичем уводит его за ширму, потом садится в левой части сцены и проделывает манипуляцию с костюмом, стеарином и утюгом.

П и ч е м. Где твоя дочь?

Г о с п о ж а П и ч е м. Полли? Наверху!

П и ч е м. Вчера этот человек снова был здесь? Он приходит всегда, когда меня нет дома!

Г о с п о ж а П и ч е м. Не будь таким подозрительным, Джонатан. Лучшего джентльмена не найдешь. Господин капитан неравнодушен к нашей Полли.

П и ч е м. Вот как!

Г о с п о ж а П и ч е м. И если у меня есть хоть на пенни ума, то Полли тоже находит его очень милым.

П и ч е м. Селия, ты швыряешься своей дочерью так, словно

я миллионер! Уж не хочешь ли ты выдать ее замуж? Да ведь если эти мерзавцы, наши клиенты, будут видеть только наши ноги, лавчонка не протянет и недели. Жених! Вот кто сразу же приберет нас к рукам! Еще бы! Неужели ты думаешь, что в постели твоя дочь будет держать язык за зубами лучше, чем ты?

Г о с п о ж а П и ч е м. Ты, оказывается, прекрасного мнения о собственной дочери!

П и ч е м. самого скверного. самого низкого. сплошная чувственность, и больше ничего!

Г о с п о ж а П и ч е м. Ну, это уж у нее не от тебя.

П и ч е м. Ишь ты, замуж захотела! Моя дочь должна быть для меня тем же, что хлеб для голодного. *(Листает Библию.)* Это сказано даже где-то в Библии. Замужество вообще ужасное свинство. Я выбью замужество у нее из головы.

Г о с п о ж а П и ч е м. Джонатан, ты просто неуч.

П и ч е м. Неуч! Как же его зовут, этого господина?

Г о с п о ж а П и ч е м. Все называют его "капитан".

П и ч е м. Вот как, вы даже не узнали его имени? Интересно!

Г о с п о ж а П и ч е м. Разве мы невежи, чтобы требовать у него метрику, если он такой деликатный и приглашает нас в отель "Каракатица" на танцевальный вечер?

П и ч е м. Куда?

Г о с п о ж а П и ч е м. В "Каракатицу", на танцевальный вечер.

П и ч е м. Капитан? "Каракатица"? Так-так-так...

Г о с п о ж а П и ч е м. Иначе как в белых перчатках этот господин ни ко мне, ни к моей дочери не прикасался.

П и ч е м. Белые перчатки!

Г о с п о ж а П и ч е м. Между прочим, он в самом деле никогда не снимает перчаток, белых лайковых перчаток.

П и ч е м. Так-так. Белые перчатки, трость с набалдашником слоновой кости, гетры, лакированные ботинки, сплошное обаяние и шрам...

Г о с п о ж а П и ч е м. На шее. Откуда ты его знаешь?

Филч выходит из-за ширмы.

Ф и л ч. Господин Пичем, нельзя ли подобрать для меня какой-нибудь текст? Я во всем люблю систему. Молоть что попало — это не по мне.

Г о с п о ж а П и ч е м. Ему нужна система, скажите пожалуйста!

П и ч е м. Он будет изображать идиота. Придешь сегодня вечером в шесть часов. Тебя подучат. Катись!

Ф и л ч. Большое спасибо, господин Пичем, тысяча благодарностей. *(Уходит.)*

П и ч е м. Пятьдесят процентов! Ну а теперь я тебе скажу,

кто этот господин в перчатках. Это Мэкки-Нож! (*Бежит по лестнице в спальню Полли.*)

Г о с п о ж а П и ч е м. Боже мой! Мэкки-Нож! Иисусе! Приди, Иисусе, будь гостем нашим! Полли! Что с Полли?

П и ч е м медленно возвращается.

П и ч е м. Полли? Полли не приходила домой. Постель не смята.

Г о с п о ж а П и ч е м. Наверно, она ужинала с этим мануфактурщиком. Ну конечно же, Джонатан!

П и ч е м. Дай бог, чтобы это оказался мануфактурщик!

Занавес опускается.

Господин и госпожа Пичем выходят к рампе и поют. Золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается трехламповый светильник. На щитах надпись:

ПЕСЕНКА "НЕ ХОТЯТ"

1

П и ч е м

Не хотят

Оставаться дома и идти бай-бай.

Жаждают усад,

Говорят: "Скорее радость жизни подавай!"

Г о с п о ж а П и ч е м

Вот вам луна над Сохо,

И шепот проклятый: "Милый, прижмись ко мне!"

И старая песня: "Куда ты, туда и я с тобой, Джонни",

И любви начало, и встречи при луне.

2

П и ч е м

Не хотят

Жить с умом, как у людей заведено.

Результат, результат:

Опускаются немедленно на дно.

О б а

Где же луна над Сохо,

Где шепот проклятый: "Милый, прижмись ко мне"?

Где старая песня: "Куда ты, туда и я с тобой, Джонни"?

Где любовь, когда ты по уши в дерьме?

II

В трущобах Сохо бандит Мэкки-Нож справляет свадьбу с Полли Пичем, дочерью короля нищих.
Пустая конюшня.

М а т т и а с-М о н е т а (*освещает конюшню; в руке у него револьвер*). Эй, руки вверх, кто здесь есть!

Входит М а к х и т и шагает вдоль рампы.

М а к. Есть кто-нибудь?

М а т т и а с. Ни души! Здесь можно спокойно сыграть свадьбу.

П о л л и (*входит в подвенечном платье*). Но ведь это же конюшня!

М а к. Присядь пока на ясли, Полли. (*К публике.*) В этой конюшне состоится сегодня моя свадьба с девицей Полли Пичем, которая выходит за меня по любви и согласна быть моей подругой жизни.

М а т т и а с. В Лондоне будут говорить, что это самая смелая твоя выходка. Ты увел из дому единственное дитя господина Пичема.

М а к. Кто такой господин Пичем?

М а т т и а с. Послушать его, так он беднейший человек в Лондоне.

П о л л и. Не здесь же нам праздновать свадьбу! Это же просто-напросто конюшня. Разве можно пригласить сюда господина пастора? К тому же и конюшня-то не наша. Нехорошо начинать новую жизнь со влома, Мак! Это же лучший день в нашей жизни.

М а к. Дитя мое, все будет, как тебе хочется. Ни о чем не беспокойся. Обстановку мы создадим.

М а т т и а с. Вот и мебель привезли.

Слышно, как подъезжают грузовики. Несколько мужчин втаскивают ковры, мебель, посуду и т. п., превращая конюшню в роскошное помещение.

М а к. Рухлядь.

Сложив в левой части сцены подарки, вошедшие поздравляют невесту и отчитываются перед женихом.

Д ж е к о б (*по кличке Крючок*). Поздравляю! На Джинджер-стрит, четырнадцать, во втором этаже были люди. Пришлось их сначала выкурить.

Р о б е р т (по кличке Пила). Поздравляю. На Стрэнде кокнули констебля.

М а к. Дилетанты.

Э д. Мы сделали все, что могли, но в Вест-Энде никак нельзя было спасти трех человек. Поздравляю.

М а к. Дилетанты и пачкуны.

Д ж и м м и. Одного старика пришлось малость побеспокоить. Думаю, что выживет. Поздравляю.

М а к. Я же сказал: избегать кровопролития. Как подумаешь о крови — тошно становится. Из вас никогда не выйдет деловых людей! Каннибалы вы, а не деловые люди!

У о л т е р (по кличке Плакучая Ива). Поздравляю. Еще полчаса назад, сударыня, этот клавесин принадлежал герцогине Сомерсетширской.

П о л л и. Что это за мебель?

М а к. Нравится ли тебе мебель, Полли?

П о л л и (плачет). Бедняги! Из-за какой-то несчастной мебели.

М а к. И это называется мебель! Рухлядь! Ты совершенно права, что сердисься. Клавесин красного дерева и диван в стиле ренессанс. Это же непростительно. А где стол?

У о л т е р. Стол?

Кладут несколько досок на ясли.

П о л л и. Ах, Мак! Я так несчастна! Хоть бы уж господин пастор не приходил.

М а т т и а с. Придет, конечно. Мы ему точно объяснили дорогу.

У о л т е р. Вот и стол!

М а к (видя, что Полли плачет). Моя жена вне себя. А где же еще стулья? Клавесин есть, а стульев нет! Ни о чем вы не думаете. Так ли уж часто я праздную свою свадьбу? Заткнись, Плакучая Ива! Я хочу сказать: так ли уж часто я на вас полагаюсь? И в первый же день вы огорчаете мою жену.

Э д. Милая Полли...

М а к (сшибает у него с головы шляпу). "Милая Полли"! Я тебе покажу "милую Полли", дерьмо! Я тебе голову проломлю. Ишь ты, "милая Полли"! Ты, может, спал с ней?

П о л л и. Как тебе не стыдно, Мак!

Э д. Клянусь вам...

У о л т е р. Сударыня, если чего из мебели не хватает, мы еще раз...

М а к. Клавесин красного дерева и ни одного стула. (Смеется.) Ты, невеста, как тебе это нравится?

П о л л и. Право же, это не самое страшное.

М а к. Два стула и диван. А новобрачные, выходит, пускай садятся на пол!

Полли. Ну и ну!
Мак (резко). Отпилить ножки у этого клавесина! Живо!
Четыре бандита (отшливывают ножки клавесина и поют)

Билл Лоджин и Мэри Сайер
Пожились — только и всего!
Дай им бог счастливого жителя-бытья!
Но, придя оформляться в магистрат,
Сам не знал он, чей был на ней наряд,
А она совсем не знала имени его.
Ура!

Уолтер. Вот видите, сударыня, как хорошо: получилась отличная скамья!

Мак. Я попросил бы джентльменов сбросить эти гнусные лохмотья и привести себя в пристойный вид. В конце концов, здесь не чья-то свадьба, а моя. А тебя, Полли, я попросил бы заняться жратвой. Она в корзинах.

Полли. Это свадебный ужин? Неужели все это краденое, Мак?

Мак. Разумеется, разумеется.

Полли. Хотела бы я знать, что ты будешь делать, если сейчас постучат в дверь и войдет шериф?

Мак. Тогда ты увидишь, что делает твой муж в таких случаях.

Маттас. Сегодня это совершенно исключено. Вся конная полиция сейчас в Давентри, сопровождает королеву. В пятницу коронация. (Уходит в глубину сцены с остальными бандитами.)

Полли. Два ножа и четырнадцать вилок! На каждый стул по ножу.

Мак. Ну и сапожники! Разве это работа зрелых мастеров? Это же ученическая мазня. Вы понятия не имеете о стиле. Надо уметь отличать Чиппендейл от Людовика Четырнадцатого.

Бандиты возвращаются. На них фракы или смокинги. К сожалению, однако, их осанка и жесты не соответствуют элегантной одежде.

Уолтер. Мы, собственно, хотели взять самые ценные вещи. Погляди-ка на дерево! Материал — высший сорт.

Маттас. Тсс! Тсс! Разрешите, капитан...

Мак. Полли, поди-ка сюда.

Жених и невеста чинно становятся рядом, готовясь выслушать поздравительную речь.

Маттас. Разрешите, капитан, в этот счастливейший для вас день, знаменующий расцвет, то есть я хотел сказать — пово-

ротный пункт вашей жизни, передать вам самые горячие и вместе с тем самые искренние поздравления и так далее. С души воротит от этого напыщенного тона. Одним словом (*пожимает жену руку*), выше голову, старина!

М а к. Благодарю тебя, Маттиас, очень мило с твоей стороны.

М а т т и а с (*растроганный, обнимает Мака и жмет руку Полли*). Да-да, это голос сердца! Итак, не вешать голову, старик, иными словами (*ухмыляется*), пусть головка не опускается.

Гости оглушительно хохочут. Внезапно Мак делает едва заметное движение, и Маттиас падает.

М а к. Заткнись. Оставь свою похабщину для Китти. Твоей шлюхе это придется по вкусу.

П о л л и. Мак, не будь таким вульгарным.

М а т т и а с. Я протестую: ты назвал Китти шлюхой... (*С трудом поднимается.*)

М а к. Ах вот как, ты протестуешь?

М а т т и а с. И вообще по ее адресу я не говорю сальностей. Я слишком уважаю Китти. Где тебе это понять! Ты-то как раз и не можешь обойтись без похабщины. Думаешь, Люси мне не рассказывала, какие гадости ты ей говорил! Да я по сравнению с тобой просто лорд.

Мак пристально глядит на него.

Д ж е к о б. Хватит, хватит, здесь же свадьба.

Бандиты отводят Маттиаса в сторону.

М а к. Как тебе нравится такая свадьба, Полли? В день своего бракосочетания ты видишь вокруг себя столько дерьма. Ты, наверно, никак не думала, что друзья твоего мужа могут так его подвести! Пусть это послужит тебе уроком.

П о л л и. По-моему, все очень мило.

Р о б е р т. Вздор. Никто никого не подводит. Расхождение во мнениях всегда может случиться. Твоя Китти ничем не хуже любой другой. А теперь доставай свой подарок.

В с е. Давай, давай!

М а т т и а с (*обиженно*). Пожалуйста.

П о л л и. Ах, свадебный подарок! Очень мило с вашей стороны, господин Маттиас-Монета. Посмотри, Мак, какая чудная ночная рубашка!

М а т т и а с. Может быть, это тоже похабщина, капитан?

М а к. Ладно, хватит. Я же не хотел тебя обидеть — в такой-то день.

У о л т е р. Ну а это? Чиппендейл! (*Снимает покрывало с*

огромных стоячих часов в стиле чиппендейл.)

М а к. Людовик.

П о л л и. Великолепные часы. Я так счастлива. Я не нахожу слов. Вы просто невероятно любезны. Жаль, что у нас нет квартиры. Правда, Мак?

М а к. Считай, что это только начало. Лиха беда — начало. Большое спасибо, Уолтер. Ну довольно, уберите барахло. Ужин!

Д ж е к о б (*в то время как другие уже заняты сервировкой*). Я, конечно, опять пришел с пустыми руками. (*С жаром, к Полли.*) Поверьте, сударыня, мне это очень неприятно.

П о л л и. Это не имеет никакого значения, господин Джекоб-Крючок.

Д ж е к о б. Ребята швыряются подарками, а я один стою как дурак. Войдите в мое положение. Каждый раз со мной такая история. Я могу вам назвать сколько угодно таких случаев! Вы просто глаза вытаращите. Вот недавно встретил я Дженни-Малину. Ну, говорю, старая потаскуха... (*Увидев, что за спиной его стоит Мак, молча удаляется.*)

М а к (*усаживает Полли*). В такой день, Полли, ты будешь кушать лучшие блюда. Прошу!

Все садятся.

Э д (*указывая на сервиз*). Красивые тарелки. Гостиница "Савой".

Д ж е к о б. Яйца под майонезом от Селфриджа. Предполагалась еще целая банка паштета из гусиной печени. Но Джимми сожрал его по дороге — со злости, потому что в банке оказалась дырка.

У о л т е р. В приличном обществе не говорят "дырка".

Д ж и м м и. Не набрасывайся на яйца, Эд. В такой-то день!

М а к. Хорошо бы спеть. Что-нибудь этакое благолепное.

М а т т и а с (*давится от смеха*). Благолепное? Шикарно сказано. (*Осекся под уничтожающим взглядом Мака.*)

М а к (*вышибает у соседа блюдо из рук*). Я, собственно, не хотел сразу приступить к ужину. Вы так и навалились на жратву, а я предпочел бы сначала создать надлежащее настроение. У людей в такие дни обычно что-нибудь устраивают.

Д ж е к о б. Что, например?

М а к. Неужели мне все самому придумывать? Я не требую от вас оперы. Но что-нибудь, кроме жратвы и похабщины, вы, ей-богу же, могли бы подготовить. Да что там говорить, в такие дни только и видишь, как ни в чем нельзя полагаться на друзей.

П о л л и. Лососина превосходная, Мак.

Э д. Да, такой вам еще не приходилось жевать. У Мэкки-Ножа она не переводится. Вы будете кататься как сыр в масле.

Я всегда говорил, что Мак — лучшая партия для девушки, у которой есть высокие идеалы. Это я вчера еще говорил Люси.

Полли. Люси? Кто такая Люси, Мак?

Джекоб (смущенно). Люси? Ах, знаете, это не нужно принимать всерьез.

Маттиас выходит из-за стола и, встав за спиной Полли, делает Джекобу отчаянные знаки, чтобы тот замолчал.

Полли (заметив жесты Маттиаса). Передать вам что-нибудь? Может быть, соль?.. Простите, вы хотите что-то сказать, господин Джекоб?

Джекоб. О нет, ничего, ничего. Если я чего-то и хотел, то именно ничего не сказать. А то еще сболтнешь лишнее.

Мак. Что у тебя в руке, Джекоб?

Джекоб. Нож, капитан.

Мак. А что у тебя на тарелке?

Джекоб. Форель, капитан.

Мак. Стало быть, ты режешь форель ножом, так, что ли? Это же неслыханно, Джекоб. Ты видела что-либо подобное, Полли? Он режет рыбу ножом! Так поступают только хамы, ты понял меня, Джекоб? Учись хорошим манерам. Ты еще намучишься с ними, Полли. Не так-то просто сделать из этих скотов людей, умеющих вести себя в приличном доме. Да знаете ли вы вообще, что такое приличный дом?

Уолтер. Приличный дом или публичный дом?

Полли. Фи, господин Уолтер!

Мак. Значит, вы не желаете петь, чтобы как-то украсить этот день? Пускай, значит, день моей свадьбы будет таким же скучным и нудным, как всякий другой? И вообще — почему никто не стоит у дверей? Может быть, мне самому сегодня стать у дверей, чтобы вы спокойно набивали себе брюхо за мой счет?

Уолтер (ворчливо). Что значит "за мой счет"?

Джимми. Перестань, Уолтерчик! Так и быть, я выйду. Какой дьявол сюда придет! (Выходит.)

Джекоб. Вот была бы потеха, если бы в такой день всех гостей застукали!

Джимми (вбегая). Эй, капитан, шухер!

Уолтер. Пантера-Браун!

Маттиас. Глупости, это его преподобие Кимбл!

Входит Кимбл.

Все (орут). Добрый вечер, ваше преподобие!

Кимбл. Ну наконец-то я вас нашел! Я нашел вас в скромной хижине. Но зато вы сидите под собственной крышей.

Мак. Герцога Девонширского.

Полли. Здравствуйте, ваше преподобие. Ах, как я счастлива, что в прекраснейший день моей жизни его преподобие...

Мак. А теперь я прошу отметить прибытие его преподобия небольшим песнопением.

Маттиас. Что вы скажете о "Билле Лоджине и Мэри Сайер"?

Джекоб. "Билл Лоджин" — это, пожалуй, подойдет.

Кимбл. Ну-ка, затяните, ребята!

Маттиас. Начнем, господа.

Трое мужчин (*поднимаются и нерешительно, слабыми, неверными голосами поют*)

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ ДЛЯ БЕДНЯКОВ

Билл Лоджин и Мэри Сайер
Поженились — только и всего!
Дай им бог счастливого житья-бытья!
Но, придя оформляться в магистрат,
Сам не знал он, чей был на ней наряд,
А она совсем не знала имени его.
Ура!

Ты в жене своей уверен? Нет!
Верность ей хранить намерен? Нет!
Дай им бог счастливого житья-бытья!
Билли Лоджин говорит: она
Целиком мне вовсе не нужна!
Свинья.
Ура!

Мак. И это все? Убожество!

Маттиас (*снова давится от смеха*). Убожество — вот верное слово, господа. Именно убожество.

Мак. Заткнись!

Маттиас. Я хочу сказать — нет подъема, нет огня и тому подобное.

Полли. Господа, если никто не хочет выступить, я, пожалуй, сама покажу вам один пустячок. Я попробую изобразить девушку, которую мне случилось однажды видеть в небольшом кабачке. Знаете, такие четырехпенсовые кабачки в Сохо. Девушка эта была судомойкой. И, понимаете, все над ней смеялись. А она в ответ говорила гостям такие вещи — вот вы сейчас услышите какие. Представьте себе, что это стойка — грязная-прегрязная стойка, за которой проходит весь ее день. Это ведро, в котором она полощет, а это — тряпка, которой она вытирает стаканы. Там, где вы сидите, сидели мужчины, которые над ней смеялись. Вы тоже можете смеяться, чтобы было совсем похо-

же. А если не сможете смеяться — не надо. (*Тихо напевая без слов, моет воображаемые стаканы.*) А теперь кто-нибудь из вас (*указывая на Уолтера*), ну, например, вы, пусть скажет: "Когда же наконец придет твой корабль, Дженни?"

У о л т е р. Когда же наконец придет твой корабль, Дженни?

П о л л и. А кто-нибудь другой, например вы, пусть скажет: "Ты все еще моешь стаканы, Дженни, пиратская невеста?"

М а т т и а с. Ты все еще моешь стаканы, Дженни, пиратская невеста?

П о л л и. Ну вот, а теперь я начинаю.

Особый золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается трехламповый светильник. На щитах надпись:

ПИРАТКА ДЖЕННИ

1

Я стаканы мою вам здесь, господа,
И я стелю вам потом постели,
И вы пенни мне даете — вы в расчете со мной, —
И мои лохмотья вида и такой трактир дрянной,
Как вам знать, кто я на самом деле?
Но настанет вечер, и крик раздастся с причала,
И вы спросите: "Что это за крик?"
И когда я засмеюсь, вы удивитесь:
Почему смеюсь я в этот миг?
И у пристани станет
Сорокарудийный
Трехмачтовый бриг.

2

"Ну-ка, вытри стаканы скорей!" — мне кричат
И монетку суют, подгоняя.
И прячу я монетку, и постели стелю.
Вам в ту ночь не спалось бы на них и в хмелю,
Если б знали вы, кто я такая.
Но настанет вечер — и гул раздастся с причала,
И вы спросите: "Что стрястись могло?"
И воскликнете, лицо мое увидев:
"Боже, как она смеется зло!"
И ударит из пушек
Сорокарудийный
Трехмачтовый бриг.

3

Невесело станет вам, господа!
Будут стены, треща, валиться.

И сровняется за ночь весь ваш город с землей,
Уцелеет от обстрела лишь один трактир дрянной,
И все спросят: "Кто сумел там скрыться?"
Не умолкнет гомон до рассвета у трактира.
"Чье же это, — будут спрашивать, — жилье?"
И, увидев, как я выйду рано утром,
Закричат: "Они шадят ее!"
И поднимет свой вымпел
Сорокаорудийный
Трехмачтовый бриг.

4

И матросы в этот вечер на пристань сойдут,
Чтобы суд справедливый править.
И куда бы вы ни скрылись, вас матросы найдут
И связанных сразу ко мне приведут.
И кого же мне из вас обезглавить?
Будет в этот вечер тишина у причала.
Я скажу: "Обезглавить всех!"
Острый меч сверкнет при лунном свете,
И когда покатится голова, я скажу: "Гопля!"
И умчится со мною
Сорокаорудийный
Трехмачтовый бриг.

М а т т и а с. Очень мило. Забавно, правда? Ишь ты, как отколола!

М а к. Что значит "мило"? При чем тут "мило", идиот? Это же искусство, а ты лезешь со своим "мило". У тебя это великолепно получилось, Полли. Но разве такая шваль — простите, ваше преподобие, — разве такие люди что-нибудь понимают? (Тихо, к Полли.) Между прочим, мне не нравится такое кривлянье, пожалуйста, имей это в виду на будущее.

За столом начинают громко смеяться. Банда потешается над священником.

Что у вас в руках, ваше преподобие?

Д ж е к о б. Два ножа, капитан.

М а к. А что у вас на тарелке, ваше преподобие?

К и м б л. Лососина, кажется.

М а к. Вот как! Значит, вы режете лососину ножом?

Д ж е к о б. Слыханное ли дело — жрать лососину с ножа; кто так поступает, тот просто...

М а к. Свинья. Ты понял меня, Джекоб? Учись.

Д ж и м м и (вбегая). Эй, капитан, шухер! Сам шериф.

У о л т е р. Браун, Пантера-Браун!

М а к. Да, Пантера-Браун, совершенно верно. Не кто иной, как Пантера-Браун, главный шериф Лондона, столп Олд Бейли, войдет сейчас в жалкую хижину капитана Макхита. Учитесь!

Бандиты прячутся.

Д ж е к о б. Это же верная виселица.

Входит Б р а у н.

М а к. Хелло, Джекки!

Б р а у н. Хелло, Мэкки! У меня мало времени, я на минутку. Неужели нельзя было обойтись без чужой конюшни? Это же снова взлом!

М а к. Очень уж удобно она расположена, Джекки. Рад, что ты не забываешь своего Мака и пришел на свадьбу к старому другу. Сейчас я познакомлю тебя с моей супругой, урожденной Пичем. Полли, это Пантера-Браун. Ну как, старина? *(Хлопает его по плечу.)* А это мои друзья, Джекки, с ними ты, наверно, уже встречался.

Б р а у н *(с неудовольствием)*. Я же здесь с частным визитом, Мак.

М а к. Они тоже. *(Зовет их.)*

Бандиты выходят из своих укрытий с поднятыми руками.

Эй, Джекоб!

Б р а у н. Это Джекоб-Крючок. Мерзавец!

М а к. Вот Джимми, вот Роберт, вот Уолтер!

Б р а у н. Ну ладно, на сегодня забудем об этом.

М а к. Вот Эд, вот Маттиас!

Б р а у н. Садитесь, господа, садитесь!

В с е. Благодарим вас, сударь.

Б р а у н. Рад познакомиться с очаровательной супругой моего старого друга Мака.

П о л л и. Вы мне льстите, сударь!

М а к. Садись, старая посудина, и бери курс на виски! Полли, господа! Вот перед вами человек, которого неисповедимая воля короля возвысила над прочими людьми и который тем не менее остался моим другом среди всех бурь и треволений и так далее. Вы знаете, кого я имею в виду, и ты тоже знаешь это, Браун. Ах, Джекки, помнишь ли ты, как мы служили в Индии. Ты солдат, и я солдат. Давай-ка споем солдатскую песню, Джекки!

Оба садятся на стол.

Золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается трехламповый светильник. На щитах надпись:

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Мак и Браун

1

Джон завербован, и Джимми взят,
Джорджи в сержантском званье.
Но армии дела нет до солдат,
У армии есть задание.
От Гибралтара
До Пешавара
Подушки пушки нам.
Если же новая,
Желто-лиловая,
Черного окраса
Нам попадется раса,
То из нее мы сделаем котлету. Трам-там.

2

Джонни мечтал раздобыть одеял,
А Джимми от виски тошнило.
Но Джорджи обоим напоминал,
Что не люди они, а живая сила.
От Гибралтара
До Пешавара
Подушки пушки нам.
Если же новая,
Желто-лиловая,
Черного окраса
Нам попадется раса,
То из нее мы сделаем котлету. Трам-там.

3

Джонни умер, и Джимми нет,
И сгинул их начальник Джорджи.
Но у крови все тот же цвет,
Да и порядок вербовки все тот же.
От Гибралтара
До Пешавара
Подушки пушки нам.
Если же новая,
Желто-лиловая,
Черного окраса
Нам попадется раса,
То из нее мы сделаем котлету. Трам-там.

Мак. Хотя ураган жизни разметал друзей юности, хотя наши профессиональные интересы различны, пожалуй, даже диа-

метриально противоположны, наша дружба выдержала все испытания. Пусть это будет вам уроком! Кастор и Поллукс, Гектор и Андромаха и так далее. Не было случая, чтобы я, простой грабитель, — вы меня понимаете — вернулся с добычей и не передал части ее, солидной части, своему другу Брауну в знак и свидетельство моей неизменной верности. Не было также случая — вынь нож изо рта, Джекоб, — не было также случая, чтобы он, всемогущий шеф полиции, назначил облаву, не известив об этом друга своей юности, то есть меня. Ну и так далее, в конце концов, у нас все основано на взаимности. Учитесь! (*Берет Брауна под руку.*) Да, Джекки, я рад, что ты пришел, ты поступил как истинный друг.

Пауза. Браун озабоченно разглядывает ковер.

Настоящий ширазский.

Б р а у н. Фирма "Ковры Востока".

М а к. Да, мы обычно все берем отсюда. Знаешь, Джекки, сегодня я не мог тебя не позвать. Надеюсь, что, несмотря на твою должность, моя просьба тебе не в тягость.

Б р а у н. Ты же знаешь, Мак, что я тебе ни в чем не могу отказать. Мне надо идти, у меня столько дел; если во время коронации хоть что-нибудь случится...

М а к. Знаешь, Джекки, мой тесть — отвратительный старый мерин. Если он начнет на меня капать... Скажи, Джекки, в Скотленд-Ярде нет на меня материала?

Б р а у н. В Скотленд-Ярде нет на тебя материала.

М а к. Естественно.

Б р а у н. Я же все устроил. Спокойной ночи.

М а к (*бандитам*). Может быть, вы встанете?

Б р а у н (*к Полли*). Всего доброго!

Б р а у н уходит, М а к его провожает.

Д ж е к о б (*до сих пор он беседовал с Маттиасом, Уолтером и Полли*). Признаюсь, у меня возникли кое-какие опасения, когда сказали, что идет Пантера-Браун.

М а т т и а с. Видите, сударыня, мы связаны с крупными представителями власти.

У о л т е р. Да, у Мака всегда найдется козырь, о котором наш брат и не подозревает. Но у нас тоже кое-что есть про запас. Господа, уже половина десятого.

М а т т и а с. Сейчас мы покажем гвоздь программы.

Все устремляются в левую часть сцены, за ковер, скрывающий какой-то предмет. Входит М а к.

М а к. В чем дело?

М а т т и а с (*из-за ковра*). Еще один небольшой сюрприз, капитан.

Стоя за ковром, они тихо, но с чувством поют песню о Билле Лоджине. Когда они доходят до слов "имени его", Маттиас срывает ковер, и они начинают петь во весь голос, хлопая по кровати, которая теперь видна Маку, Полли и публике.

М а к. Благодарю вас, друзья, благодарю.

У о л т е р. Ну а теперь гости потихоньку удалятся.

Все уходят.

М а к. Итак, пора отдать должное чувствам. Нельзя замыкаться в своей профессии. Сядь, Полли! Видишь, какая луна над Сохо?

Музыка.

П о л л и. Вижу. Милый, прижмись ко мне.

М а к. Хорошо, милая.

П о л л и. Куда ты, туда и я с тобой.

М а к. Где бы мы ни были, мы будем вместе.

О б а

Мы в церкви с тобою не венчаны,

Наша любовь на церковь плюет.

Мы просто мужчина и женщина,

А все остальное не в счет.

Тарелку долой, коль закончен обед!

Что толку в ней с этих пор?

В любви бывает лишь "да" и "нет",

А все остальное — вздор!

III

Для Пичема, знающего, как сурова жизнь, потеря дочери означает полное разорение.

Заведение Пичема

В правой части сцены П и ч е м и г о с п о ж а П и ч е м. У двери Полли в пальто и шляпе. В руках у нее дорожная сумка.

Г о с п о ж а П и ч е м. Вышла замуж? Ты увешиваешь ее спереди и сзади платьями, шляпами, зонтиками и перчатками, а когда эта девочка стóит уже не меньше, чем добрая яхта, она

сама летит на помойку, как гнилой огурец. Ты в самом деле вышла замуж?

Золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается трехламповый светильник. На щитах надпись:

ПЕСЕНКА, С ПОМОЩЬЮ КОТОРОЙ
ПОЛЛИ ДАЕТ ПОНЯТЬ РОДИТЕЛЯМ,
ЧТО ОНА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЫШЛА ЗАМУЖ
ЗА БАНДИТА МАКХИТА

П о л л и

1

Когда я невинной девчонкой была, —
Я была ею так же, как вы, —
Я думала: если появится он,
Не должна я терять головы.
И пусть богат он,
И пусть любезен,
Пусть он в будни прилично одет,
И пусть он знает, как обходиться с дамой,
Пусть — я отвечу: "Нет!"
Я останусь холодна и даже
Не улыбнусь в ответ.
Но, конечно, может быть вполне,
Прокачусь я с ним на лодке при луне.
Но не больше, нет, нет, нет.
Не годится просто так ложиться.
Нужно дать на этот счет обет.
Ведь все может с тобой случиться,
Когда сразу не скажешь: "Нет".

2

Из Кента явился мой первый жених.
Красив был — я знаю сама.
У второго было три парохода.
Третий был от меня без ума.
Каждый богат был,
Каждый — любезен,
Каждый был прекрасно одет.
И знали твердо, как обращаться с дамой.
Но всем я сказала: "Нет".
Я осталась холодна и даже
Не улыбнулась, нет.
Ну, конечно, быть могло вполне,
Что катались мы на лодке при луне.
Но не больше, нет, нет, нет.

Не годится просто так ложиться.
Я дала на этот счет обет.
Ведь все может с тобой случиться,
Когда сразу не скажешь: "Нет".

3

Но как-то в прекрасный, безоблачный день
Тот пришел, кто меня не просил.
И повесил он свой плащ у меня в каморке,
И в себе не нашла я сил.
И не был богат он,
И не был любезен,
И даже в праздник был скверно одет,
И не умел он вести себя как следует,
Но я не сказала: "Нет".
Не осталась холодна и даже
Улыбнулась в ответ.
Так и не пришлось ни разу мне
Покататься с ним на лодке при луне.
Тут уже не до катанья, нет.
Тут уже приходится ложиться
И забыть, что ты дала обет.
Все случилось, что могло случиться,
Но я не говорила: "Нет".

П и ч е м. Вот в какую шлюху она превратилась. Очень хорошо. Очень приятно.

Г о с п о ж а П и ч е м. Если уж ты настолько безнравственна, чтобы выйти замуж, то почему тебе нужен непременно конокрад и разбойник с большой дороги? Ты еще поплатишься! Я могла это предвидеть. Она с пеленок воображала себя чуть ли не королевой Англии!

П и ч е м. Значит, она действительно вышла замуж?

Г о с п о ж а П и ч е м. Да, вчера вечером, в пять часов.

П и ч е м. За известного преступника! Если хорошенько подумать, это доказывает огромную его смелость. Ведь стоит мне отдать дочь, последнюю опору моей старости, как рухнет мой дом и последняя собака от меня убежит. Я и так уже рискую умереть голодной смертью. Да-да, если нам троим хватит на зиму одного-единственного полена, то, может быть, мы и доживем до весны. Может быть.

Г о с п о ж а П и ч е м. Да что и говорить! Это нам награда за все, Джонатан. Я схожу с ума. Голова кружится. Я не выдержу. Ох! (*Падает в обморок.*) Рюмку коньяку!

П и ч е м. Видишь, до чего ты довела мать. Живее!

П о л л и выходит.

Стало быть, моя дочь шлюха. Очень хорошо, очень приятно. Как близко она приняла это к сердцу, бедная женщина!

П о л л и возвращается с бутылкой коньяка.

Вот единственное утешение, оставшееся твоей бедной матери.

П о л л и (*в этой сцене она так и светится счастьем*). Можешь смело дать ей две рюмки. Когда маме не по себе, она легко переносит двойную порцию. Это сразу поставит ее на ноги.

Г о с п о ж а П и ч е м (*приходя в себя*). Она опять изображает заботливую дочь! Не верю в ее искренность.

Входят пятеро нищих.

Н и щ и й. Я имею претензии. Это вонючий свинарник. Это не культяпка, а тяп-ляп, и я не стану выбрасывать деньги на такое дерьмо.

П и ч е м. Чего тебе надо? Твоя культяпка не хуже любой другой, только ты не содержишь ее в чистоте.

Н и щ и й. Вот как! А почему я зарабатываю меньше любого другого? Нет, шалишь, со мной этот номер не пройдет. (*Швыряет культяпку.*) Чем носить такое дерьмо, лучше уж по-настоящему отрубить себе ногу.

П и ч е м. Ну чего вы, собственно, хотите? Разве я виноват, если у людей теперь не сердце, а бульжник? Я же не могу дать вам по пяти культяпок сразу! В какие-нибудь три минуты я делаю из человека такую жалкую развалину, что, взглянув на него, собака и та заплачет. Разве я виноват, что люди не плачут? Вот тебе еще одна культяпка, если этой мало. Только научись держать вещи в порядке!

Н и щ и й. С этой еще куда ни шло.

П и ч е м (*проверяя протез у другого нищего*). Кожа не годится, Селия, резина противнее. (*Третьему.*) Шишка уже сходит, это у тебя последняя. Что ж, начнем сначала. (*Осматривая четвертого.*) Ну, конечно, разве настоящая парша может тягаться с искусственной! (*Пятому.*) Эй ты, на кого ты похож? Ты опять обжираться. Придется тебя наказать для примера.

Н и щ и й. Господин Пичем, честное слово, я ничего особенного не ел. У меня нездоровая полнота, я не виноват.

П и ч е м. Я тоже. Ты уволен. (*Снова второму.*) "Потрясать" и "действовать на нервы" — это разные вещи, дорогой мой. Мне нужны мастера своего дела. Только мастера и потрясают нынче сердца. Если бы вы работали как полагается, публика бы вам апплодировала! Но у тебя же нет выдумки! Я вынужден расторгнуть наш договор.

Н и щ и е уходят.

Полли. Пожалуйста, погляди на него. Может быть, ты думаешь, что он — писанный красавец? Так убедись, что нет. Но он человек со средствами. С ним я буду обеспечена. Он прекрасный взломщик, кроме того, он опытный и дальновидный грабитель. Я могла бы назвать тебе сумму его сбережений. Еще два-три удачных дела — и мы сможем поселиться в небольшом загородном доме не хуже господина Шекспира, которого так ценит отец.

Пичем. Стало быть, все очень просто. Ты вышла замуж. Что делают, когда выходят замуж? Да разве ты сообразишь! Так вот: когда выходят замуж, разводятся, не правда ли? Неужели так трудно до этого додуматься?

Полли. Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Госпожа Пичем. О разводе.

Полли. Но я же его люблю, зачем же мне думать о разводе?

Госпожа Пичем. Скажи, тебе не совестно?

Полли. Мама, если ты когда-нибудь любила...

Госпожа Пичем. Любила! Ты совсем свихнулась от этих проклятых книг. Все же так делают, Полли!

Полли. Ну что ж, значит, я исключение.

Госпожа Пичем. Вот я тебе всыплю по заднице, "исключение"!

Полли. Я знаю, все матери так поступают, но разве это может! Любовь важнее, чем шлепки по заднице.

Госпожа Пичем. Смотри, Полли, мое терпение лопнет.

Полли. Я не позволю отнять у меня мою любовь.

Госпожа Пичем. Еще одно слово, и ты получишь пощечину.

Полли. Выше любви ничего нет на свете.

Госпожа Пичем. И вообще у этого типа целая куча жен. Когда его повесят, того и гляди, объявится добрая дюжина вдов, и, пожалуй, у каждой будет еще младенец на руках. Ах, Джонатан!

Пичем. Повесят? Как ты додумалась до этого? Прекрасная мысль. Выйди-ка, Полли.

Полли выходит.

Правильно. Верные сорок фунтов.

Госпожа Пичем. Понимаю. Донести шерифу.

Пичем. Разумеется. И к тому же его бесплатно повесят... Сразу двух зайцев. Только сначала надо узнать, где он скрывается.

Госпожа Пичем. Это, милый мой, я могу тебе сказать наверняка: где ему быть, как не у своих потаскух?

Пичем. Но они же его не выдадут.

Госпожа Пичем. Положись на меня. Деньги правят миром. Сейчас я схожу в Тарнбридж и поговорю с девчонками.

Если в ближайшие два часа этот господин встретится хотя бы с одной из них, считай, что он в наших руках.

Входит Полли — она подслушивала за дверью.

Полли. Мамочка, не трудись. Мак скорее сам отправится в тюрьму Олд Бейли, чем встретится с такой особой. Но если бы он даже и пришел в Олд Бейли, шериф угостил бы его коктейлем, и они за сигарами потолковали бы об одном заведении на нашей улице, под которое тоже можно подкопаться. Если тебе угодно знать, папочка, твой шериф веселился на моей свадьбе.

Пичем. Как его фамилия?

Полли. Его фамилия Браун. Но для тебя он, наверно, Пантера-Браун. Все, у кого есть основания его бояться, называют его Пантера-Браун. Зато мой муж, папочка, называет его Джекки. Потому что для него он просто Джекки. Они друзья юности.

Пичем. Так-так, они друзья. Шериф и главный преступник! Наверно, это единственный случай дружбы в нашем городе.

Полли (в упоении). Когда они сидят за коктейлями, они треплют друг друга по щеке и говорят: "Если ты хлопнешь еще одну, я тоже хлопну еще одну". И когда один выходит, у другого сразу увлажняются глаза, и он говорит: "Куда ты, туда и я с тобой". В Скотленд-Ярде на Мака нет материала.

Пичем. Так-так. С вечера во вторник до утра в четверг моя дочь находилась у господина Макхита, женатого, можно не сомневаться, неоднократно. Он выманил ее из родительского дома под предлогом бракосочетания. Не пройдет и недели, как по этой причине его отправят на виселицу, как он того заслуживает. "Господин Макхит, некогда вы носили белые лайковые перчатки, у вас была трость с набалдашником слоновой кости и шрам на шее. Вы обычно пребывали в гостинице "Каракатица". Сейчас у вас остался только шрам, наименее ценная из ваших примет. Пребываете вы теперь главным образом за решеткой, а в недалеком будущем и вовсе перестанете где-либо пребывать..."

Госпожа Пичем. Ах, Джонатан, это тебе не удастся. Ведь дело идет о Мэкки-Нож, которого называют величайшим преступником Лондона. Он берет что захочет.

Пичем. Кто такой Мэкки-Нож! Собирайся, мы пойдем к шерифу. А ты отправишься в Тарнбридж.

Госпожа Пичем. К его потаскухам.

Пичем. Такова подлость мира. Либо ты останешься без ног от беготни и хлопот, либо твои ноги попросту украдут.

Полли. Ну что ж, я с удовольствием пожму руку господину Брауну.

Золотистый свет. Все трое выходят на авансцену и поют. На щитах надпись:

ПЕРВЫЙ ТРЕХГРОШОВЫЙ ФИНАЛ О НЕНАДЕЖНОСТИ ЖИТЕЙСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

П о л л и

Что мне нужно? Лишь одно:
Замуж выйти, стать женою.
Неужели и такое
Человеку не дано?

П и ч е м *(с Библией в руках)*

У человека есть на счастье право.
Ведь бытия земного краток век,
И хлеб вкушать, и радоваться, право,
Имеет право каждый человек.
Да, таково его святое право.
Но слыхано ль, чтоб кто-нибудь однажды
Осуществил права свои? Увы!
Осуществить их рад, конечно, каждый,
Да обстоятельства не таковы.

Г о с п о ж а П и ч е м

Доброй быть хочу с тобой,
Все отдать тебе я рада.
Мне ведь лучшая награда —
Счастье дочери родной.

П и ч е м

Стать добрым! Кто не хочет добрым стать?
Раздать бы бедным все добро свое!
Какая бы настала благодать,
Какое было б райское житье!
Стать добрым! Кто не хочет добрым стать?
Но вот беда — на нашей злой планете
Хлеб слишком дорог, а сердца черствы.
Мы рады жить в согласье и в совете,
Да обстоятельства не таковы.

П о л л и и г о с п о ж а П и ч е м

Он прав — кто возразить бы мог?
Зол человек, и мир убог.

П и ч е м

Я прав — кто возразить бы мог?
Зол человек, и мир убог.
Мы рады бы устроить рай земной,
Да обстоятельства всему виной!
Да, да, они всему виной!
Кто с братом жить в ладу не рад?
Твой брат тебе, конечно, друг,
Но станет в доме тесно вдруг —
И налицо домашний ад.
Кто верной быть женой не рад?

Жена тебе, конечно, друг.
Но ей любви не хватит вдруг —
И налицо домашний ад.
Твой сын тебе, конечно, друг.
Кто верным долгу быть не рад?
Но станешь сыну в тягость вдруг —
И налицо домашний ад.
А быть хорошим всякий рад.

Полли и госпожа Пичем
Вот это-то и скверно
И гнусно беспримерно.
Зол человек, а мир убог.
Он прав — кто возразить бы мог!

Пичем
Я прав. Кто возразить бы мог?
Зол человек, а мир убог.
И были бы мы не так черствы,
Да обстоятельства не таковы.

Все трое
И значит, в мире нет добра,
И значит, это все — мура.

Пичем
Зол человек, и мир убог.
Я прав. Кто возразить бы мог!

Все трое
Все это-то и скверно
И гнусно беспримерно.
И значит, в мире нет добра,
И значит, это все — мура!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

IV

Четверг, вторая половина дня. Мэкки-Нож прощается с женой, перед тем как удрать от своего тестя в Хайгейт.
Конюшня.

Полли (входя). Мак! Мак, не пугайся.

Мак (лежа на кровати). Что случилось? Что с тобой, Полли?

Полли. Я была у Брауна, и отец мой тоже там был. Они хотят тебя схватить. Отец грозил всякими ужасами. Браун отстаивал тебя, но в конце концов он сдался, и теперь он тоже считает, что тебе нужно немедленно скрыться. На некоторое время. Надо собрать вещи.

М а к. Собрать вещи. Глупости. Пойди сюда, Полли. Мы займемся не упаковкой вещей, а совсем-совсем другим.

П о л л и. Нет, сейчас нельзя. Я в таком страхе. Только и было разговоров что о виселице.

М а к. Не люблю, когда ты капризничаешь, Полли. В Скотленд-Ярде нет на меня материала.

П о л л и. Вчера, может быть, и не было, а сегодня хоть отбавляй, Я принесла обвинительное заключение. Это такой длинный список, всего и не запомнишь. Покушение на двух купцов, свыше тридцати взломов, двадцать три уличных ограбления, поджоги, преднамеренные убийства, подлоги, клятвопреступления — и все за последние полтора года. Ты ужасный человек. А в Винчестере ты соблазнил двух несовершеннолетних сестер.

М а к. Мне они сказали, что им уже за двадцать. А что говорит Браун? *(Медленно встает и, насвистывая, идет вдоль рамы в правую часть сцены.)*

П о л л и. Он догнал меня в вестибюле и сказал, что теперь не может ничего для тебя сделать. Ах, Мак! *(Бросается ему на шею.)*

М а к. Ну что ж, если мне надо сматываться, придется вести дело тебе.

П о л л и. Не говори сейчас о делах, Мак, я не могу о них слышать, лучше еще раз обними свою бедную Полли и поклянись, что ты ее никогда, никогда...

Резко оборвав Полли, Мак ведет ее к столу и усаживает на стул.

М а к. Вот бухгалтерские книги. Слушай внимательно. Это список личного состава. *(Читает.)* Итак, Джекоб-Крючок, на службе полтора года. Посмотрим-ка, что он принес. Раз, два, три, четыре, пять золотых часов. Немного, но работа чистая. Не садись ко мне на колени, сейчас у меня не то настроение. Дальше идет Уолтер — Плакучая Ива. На эту собаку положиться нельзя. Налево работает. Дай ему три недели отсрочки, пусть прогуляет перед виселицей. Потом уволишь. Просто заявишь Брауну.

П о л л и *(всхлипывая)*. Просто заявлю Брауну.

М а к. Джимми-второй. Беспардонный человек. Работник неплохой, приносит доход, но — бесстыж. Прямо из-под задниц простыни вытаскивает у дам из лучшего общества. Выдашь ему аванс.

П о л л и. Выдам ему аванс.

М а к. Роберт-Пила. Работает по мелочам. Таланта ни на грош. На виселицу не попадет, но и наследства не оставит.

П о л л и. Наследства не оставит.

М а к. В остальном действуй так же, как до сих пор. Вставай в семь часов, умывайся, принимай ванну и так далее.

Полли. Ты прав, нужно взять себя в руки и заняться делами. Твое — это теперь и мое, правда, Мэкки? А как быть с твоими комнатами, Мак? Может быть, отказаться от них? Просто жаль платить!

Мак. Нет, они мне еще понадобятся.

Полли. Зачем же нам бросать деньги на ветер!

Мак. Ты, кажется, думаешь, что я вообще не вернусь?

Полли. Да что ты! Я хочу только сказать, что потом можно снять снова! Мак... Мак, я больше не могу. Я смотрю на твой рот и уже не слышу, что ты говоришь. Ты будешь мне верен, Мак?

Мак. Ну конечно, я буду тебе верен. Как аукнется, так и откликнется. Ты думаешь, я тебя не люблю? Только я вижу дальше твоего.

Полли. Я тебе так благодарна, Мак. Ты печешься обо мне, а за тобой гонятся эти ищейки...

При последних словах Полли Мак цепенеет. Он встает, идет в правую часть сцены, сбрасывает с себя пиджак и моет руки.

Мак (*торопливо*). Чистую прибыль будешь по-прежнему переводить банкирскому дому Джек Пуль в Манчестере. Между нами говоря, я собираюсь целиком переключиться на банковскую деятельность. Это вопрос дней. Быть банкиром безопаснее и прибыльнее. Самое большее через две недели надо будет вынуть капитал из этого предприятия. После этого ты сходишь к Брауну и передашь список полиции. Самое большее через четыре недели все эти подонки человечества исчезнут в казематах Олд Бейли.

Полли. Но как же ты можешь глядеть им в глаза, если ты поставил на них крест, если они уже почти на виселице? Как же ты можешь пожимать им руки?

Мак. Кому? Роберту-Пиле, Маттиасу-Монете, Джекобу-Крючку? Этим-то висельникам?

Входят бандиты.

Рад видеть вас, господа.

Полли. Здравствуйте, господа.

Маттиас. Капитан, я раздобыл план празднования коронации. Должен сказать, что нам предстоит напряженная работа. Через полчаса — приезд архиепископа Кентерберийского.

Мак. Когда?

Маттиас. В пять тридцать. Нужно немедленно двигаться, капитан.

Мак. Да, вам пора двигаться.

Роберт. Что значит — вам?

М а к. Что касается меня, то, к сожалению, я вынужден принять небольшую поездку.

Р о б е р т. Боже правый, неужели вас хотят посадить?

М а т т и а с. Надо же, перед самой коронацией! Коронация без вас — это все равно что каша без ложки.

М а к. Заткнись! В связи с этим я временно передаю руководство предприятием своей жене Полли! *(Выводит ее на передний план, а сам уходит в глубину сцены и наблюдает за ней оттуда.)*

П о л л и. Ребята, я думаю, что наш капитан может спокойно отправиться в путь. Мы сумеем и без него повернуть дело. Мы покажем класс, правда, мальчишки?

М а т т и а с. Не смею возражать. Только не знаю, сумеет ли женщина в такой момент... Я не хочу вас обидеть, сударыня.

М а к. Что ты на это скажешь, Полли?

П о л л и. Ах ты, дерьмо, вот как ты начинаешь. *(Кричит.)* Попробовал бы ты меня обидеть! Эти господа спустили бы с тебя штаны и всыпали бы тебе как следует. Не правда ли, господа?

Небольшая пауза, после которой вся шайка неистово аплодирует.

Д ж е к о б. Да, к тому дело идет, можешь ей поверить.

У о л т е р. Bravo! Капитанша за словом в карман не ползет! Да здравствует Полли!

Б а н д и т ы. Да здравствует Полли!

М а к. Паршиво, что меня не будет на коронации. Это сто процентное дело. Днем все квартиры пустехоньки, а ночью весь beau monde¹ пьян в стельку. Кстати, Маттиас, ты слишком много пьешь. На прошлой неделе ты опять намекал, что детскую больницу в Гринвиче поджег ты. Если такое еще раз повторится, считай, что ты уволен. Кто поджег больницу?

М а т т и а с. Я.

М а к *(остальным)*. Кто поджег больницу?

Б а н д и т ы. Вы, господин Макхит.

М а к. Значит, кто?

М а т т и а с *(ворчливо)*. Вы, господин Макхит. Конечно, так наш брат никогда не повысится.

М а к *(жестами изображает, как вздергивают человека на виселицу)*. Ты-то уж повисишься, если вздумал со мной конкурировать. Слыханное ли дело, чтобы ученые заблуждения оксфордского профессора подписывал какой-то ассистент? Профессор подписывает собственноручно.

Р о б е р т. Сударыня, пока ваш супруг в отъезде, мы в вашем распоряжении. Расчет по четвергам, сударыня.

П о л л и. По четвергам, мальчишки.

¹Высший свет *(франц.)*. — Здесь и далее примечания переводчиков.

Бандиты удаляются.

Мак. А теперь прощай, солнышко. Следи за собой и, пожалуйста, не забывай ежедневно наводить красоту, так, словно я здесь. Это очень важно, Полли.

Полли. А ты, Мак, обещай мне, что не взглянешь ни на одну женщину и что уедешь отсюда немедленно. Поверь, что твоя маленькая Полли говорит это не из ревности. Это очень важно, Мак.

Мак. Кого интересуют всякие старые лоханки, Полли? Я люблю тебя одну. Как только достаточно стемнеет, я выведу своего вороного из какой-нибудь конюшни, а когда над твоим окошком взойдет луна, я буду уже далеко за Хайгейтским болотом.

Полли. Ах, Мак, тырываешь мне сердце. Останься со мной, и будем счастливы.

Мак. Я сам себерываю сердце. Я должен уйти, и кто знает, когда я вернусь.

Полли. Мы так мало были вместе, Мак.

Мак. Разве мы больше не будем вместе?

Полли. Ах, вчера я видела нехороший сон. Будто я подошла к окну и слышу смех на улице. Выглядываю в окно и вижу нашу луну. И луна такая тоненькая, как стершийся пенни. Не забывай меня, Мак, в чужих городах.

Мак. Конечно, я тебя не забуду, Полли. Поцелуй меня, Полли.

Полли. Прощай, Мак.

Мак. Прощай, Полли. *(Уходя, поет.)*

В любви бывает лишь "да" и "нет",

А все остальное — вздор!

Полли *(одна)*. А ведь он не вернется.

Счастье мелькнуло,

Мелькнуло — и мимо.

Что ж, попрощайся

Со мною, любимый.

Не нужно казнить,

К пречистой взывая.

Все это знала раньше

Матушка родная.

Слышен колокольный звон.

Въезд королевы в Лондон возвещен.

День коронации — что нам готовит он?

ИНТЕРМЕДИЯ

К рампе из-за занавеса выходят госпожа Пичем и Дженни-Малина.

Госпожа Пичем. Значит, как только вы увидите Мэки-Ножа, вы подойдете к первому попавшемуся констеблю и скажете ему два слова. За это вы получите десять шиллингов.

Дженни. Да где ж мы увидим Мака, если его ищут констебли? Не станет же он с нами развлекаться, когда за ним охотятся.

Госпожа Пичем. Я знаю, что говорю, Дженни. Пусть его ищет весь Лондон — все равно, Макхит не такой человек, чтобы отказаться от своих привычек. (Поет)

БАЛЛАДА О ЗОВЕ ПЛОТИ

1

Вот дьявол сам, кому ничто не свято,
Мясник, перед которым все — телята.
Нет силы, что такого уняла бы.
Кто ж на него найдет управу? Бабы.
Он хочет иль не хочет — он готов.
Таков уж плоти полновластный зов.
Ему на гражданский кодекс и Библию

напевать,

Он собственным нахальством упоен,
Вблизи себя не терпит женщин он,
Он знает, что от баб добра не ждать.
Пусть не кичится, ибо на поверку
Он рано или поздно ляжет сверху.

2

Титанов мысли и гигантов духа
До гибели доводит потаскуха.
Смеются над несчастными. И что же?
Насмешника хоронят шлюхи тоже.
Он хочет иль не хочет — он готов.
Таков уж плоти полновластный зов.
Один стал христианином, другой — анархист

скорей.

Тот знает гражданский кодекс, а этот несведущ

в нем.

Иной толкует о диете днем,
Под вечер полон он других идей.
А ночью — так выходит на поверку —
Он просто-напросто ложится сверху.

Еще не отзвонили колокола в честь коронации, а Мэкки-Нож был уже у тарнбриджских проституток. Проститутки его предают.

Четверг, вечер.

Публичный дом в Тарнбридже.

Обычный будничньй день; проститутки — большинство в одних рубашках — гладят белье, играют в шашки, моются — в общем, буржуазная идиллия. Джекоб-Крючок читает газету. На него никто не обращает внимания. Пожалуй, он даже мешает девушкам.

Джекоб. Сегодня он не придет.

Проститутка. Вот как?

Джекоб. Я думаю, он вообще больше не придет.

Проститутка. Жаль.

Джекоб. Вот как? Насколько я его знаю, он уже за чертой города. Теперь его поминай как звали!

Входит Макхит. Повесив шляпу на гвоздик, он садится на диван, по ту сторону стола.

Мак. Кофе, как всегда!

Виксен (в восхищении повторяет). Кофе, как всегда!

Джекоб (пораженно). Почему ты не в Хайгейте?

Мак. Сегодня четверг, мой день. Не стану же я из-за всякой чепухи отказываться от своих привычек. (Швыряет на пол обвинительное заключение.) И вообще дождь на дворе.

Дженни (читает обвинительное заключение). "Именем короля капитану Макхиту предъявляется обвинение в троекратном..."

Джекоб (отнимая у нее документ). Меня там тоже упоминают?

Мак. Как же, весь персонал.

Дженни (другой проститутке). Гляди, это обвинение.

Пауза.

Ну-ка, Мак, дай твою руку!

Он протягивает ей руку, продолжая пить кофе.

Долли. Верно, Дженни, погадай ему по руке. Ты здорово гадаешь. (Подходит с керосиновой лампой.)

Мак. Богатое наследство, что ли?

Дженни. Нет, наследства не видно!

Бетти. Что с тобой, Дженни? Почему ты так глядишь? Прямо мороз по коже дерет.

Мак. Дальняя дорога?

Дженни. Нет, не дальняя дорога.

Виксен. Ну что ж ты там увидела?

Мак. Только, пожалуйста, одно хорошее!

Дженни. Ах, где уж! Сплошной мрак и очень мало любви. Потом еще большое "К", это значит "коварство женщины". Потом...

Мак. Стоп. Относительно мрака и коварства я хотел бы узнать подробности. Например, имя коварной женщины.

Дженни. Я только вижу, что оно начинается на "Д".

Мак. Ошибаешься. Оно начинается на "П".

Дженни. Мак, когда зазвонят вестминстерские колокола, тебе придется туго!

Мак. Скажи больше!

Джекоб оглушительно хохочет.

В чем дело? (*Подбегает к Джекобу и заглядывает в обвинительное заключение.*) Наврали, их было только три.

Джекоб (*смеется*). Вот именно!

Мак. Красивое у вас белье.

Проститутка. От колыбели до могилы первое дело — белье!

Старая проститутка. Я никогда не ношу шелкового. А то гости сразу думают, что ты больная.

Дженни потихоньку идет к двери.

Вторая проститутка. Куда ты, Дженни?

Дженни. Скоро узнаете. (*Уходит.*)

Молли. Домотканое полотно тоже отпугивает.

Старая проститутка. А мне домотканое полотно помогает.

Виксен. Конечно, гости чувствуют себя как дома.

Мак (*Бетти*). А у тебя все еще с черной отделкой?

Бетти. Все еще.

Мак. А у тебя какое белье?

Вторая проститутка. Ах, мне просто совестно. Я никого не могу пригласить к себе в комнату. Моя тетка помешана на мужчинах. А в парадных — сами знаете — какое уж тут белье.

Джекоб смеется.

М а к. Ты кончил?

Д ж е к о б. Нет, я как раз дошел до растреления.

М а к (*возвратившись к дивану*). Где же Дженни? Милые дамы, задолго до того, как моя звезда взошла над этим городом...

В и к с е н. "До того, как моя звезда взошла над этим городом..."

М а к. ...я жил с одной из вас в самых ужасных условиях, милые дамы. И хотя я сегодня Мэкки-Нож, хотя счастье мне улыбается, я всегда буду помнить спутниц моих горьких дней, и в первую очередь Дженни, которую я любил больше всех других девушек. *Послушайте! (Начинает петь.)*

Под окном справа стоит Д ж е н н и. Она подзывает знаками констебля С м и т а. Потом к ней присоединяется г о с п о ж а П и ч е м. Дженни, Смит и госпожа Пичем стоят под фонарем и наблюдают за домом.

БАЛЛАДА СУТЕНЕРА

1

М а к

Давным-давно, в былые времена,
С ней хорошо, клянусь вам, ладил я,
Соединились в прочный капитал
Ее живот и голова моя.
Кормила Дженни, Мэкки охранял.
С гостями я всегда любезен был и мил:
Всегда постель гостям освободить спешил
И вежливо прощался. Например,
Я говорил: "Захаживайте, сэр".
Так провели полгода мы вдвоем
В борделе том, что нам служил жильем.

В дверях появляется Д ж е н н и, за ней С м и т.

2

Д ж е н н и

Но знали мы плохие времена:
Ведь ремесло не сладко и мое.
Когда без гостя возвращалась я,
Он говорил: "Продам твое белье!"
И обходилась я без белья.
Но иногда из чисто женского упрямства
Я отвечала даже грубостью на хамство,
И он давал мне в зубы, и, бывало,
От зуботычин я заболела.

Оба

Так провели полгода мы вдвоем
В борделе том, что нам служил жильем.

3

Оба (*вместе и попеременно*)

Давным-давно, в былые времена...

Он

Тогда жилось нам лучше, в самом деле.

Она

Хотя лишь днем бывали мы вдвоем.

Он

Ведь ночью гость лежал в ее постели.
(Привычной ночью, но сойдет и днем!)

Она

Когда же понесла я от него...

Он

Ложился снизу, только и всего.

Она

Боялся раздавить младенца нам на горе.

Он

Но все равно младенец сгинул вскоре,
И кончились полгода. И потом
Уже мы больше не жили вдвоем.

Танцуют. Мак берет трость, которая служит ему футляром для ножа. Джени-Малина протягивает Маку его шляпу. Мак еще танцует, когда Смит подходит к нему и кладет ему руку на плечо.

Смит. Все в порядке. Пошли!

Мак. Неужели до сих пор не сделали второго выхода из этого свинарника?

Смит пытается надеть на Мака наручники. Сбив его с ног ударом в грудь, Мак выскакивает в окно. Но под окном — госпожа Пичем и полицейские.

Мак (*спокойно и очень вежливо*). Добрый день, сударыня. Госпожа Пичем. Ах, милейший господин Макхит. Мой муж утверждает, что и герои мировой истории спотыкались на этом пороге.

Мак. Разрешите узнать, как чувствует себя ваш супруг?

Госпожа Пичем. Ему лучше. К сожалению, вам придется расстаться с вашими очаровательными дамами. Эй, констебли, отведите-ка этого господина на его новую квартиру.

М а к а уводят.

(Заглядывает в окно.) Милые дамы, если вы захотите его навестить, вы всегда застанете его дома. Отныне резиденция господина Макхита находится в Олд Бейли. Я так и знала, что он прохлаждается со своими шлюхами. Счет я оплачу. Будьте здоровы, сударьни. (Уходит.)

Д ж е н н и. Эй, Джекоб, что тут было!

Д ж е к о б (погруженный в чтение, ничего не заметил).
Где же Мак?

Д ж е н н и. Констебли тут были!

Д ж е к о б. Боже мой, а я себе читаю, читаю, читаю... Ай-яй-яй! (Убегает.)

VI

Преданный проститутками, Мак благодаря еще одной любящей женщине выходит на волю.

Тюрьма в Олд Бейли. Клетка.

Входит Б р а у н.

Б р а у н. Только бы мои люди его не застучали! Господи, хоть бы он миновал уже Хайгейтское болото и вспоминал своего друга Джекки. Но, как все великие люди, он такой легкомысленный. Если его приведут, честное слово, я не выдержу взгляда своего старого друга. Слава богу, что хоть луна светит, по крайней мере с пути не собьется, когда поедет через болото.

За сценой шум.

Что такое? О боже, вот его ведут.

Связанный канатами и сопровождаемый шестью констеблями, входит М а к; он сохраняет гордую осанку.

М а к. Ну вот, канделябры, наконец с божьей помощью мы и добрались до нашей старой виллы. (Замечает Брауна, отступившего в самый дальний угол камеры. Долгая пауза, во время которой Мак пронизывает взглядом своего бывшего друга.)

Б р а у н. Ах, Мак, это не я... Я сделал все, что... Не гляди на меня так, Мак... я не выдержу... Твое молчание наводит на меня ужас. (Кричит на констебля.) Не тяни его за веревку, скотина!.. Скажи что-нибудь, Мак. Скажи что-нибудь твоему бедному Джекки... Скажи хоть слово на проща... (Плачет, прислонившись головой к стене.) Даже словечком не удостоил. (Уходит.)

М а к. Уж этот Браун слизняк. Воплощенная нечистая совесть. И такой слизняк хочет быть шефом полиции. Хорошо, что я на него не накричал. Сначала я хотел было. Но я вовремя сообразил, что пристальный укоризненный взгляд проймает его сильнее всякой ругани. Так оно и вышло. Я поглядел на него, и он заплакал, как младенец. Этот фокус я вычитал в Библии.

Входит С м и т с наручниками.

Что, господин надзиратель, потяжелее там не нашлось? С вашего великодушного разрешения позволю себе попросить более удобные. *(Вынимает чековую книжку.)*

С м и т. У нас есть на любую цену, господин капитан. Какие изволите. От одной гинеи до десяти.

М а к. А если вообще никаких?

С м и т. Пятьдесят гиней.

М а к *(выписывает чек)*. Хуже всего, что теперь всплывет эта история с Люси. Если Браун узнает, что я за его дружеской спиной забавлялся с его дочерью, он превратится в пантеру.

С м и т. Да, что посеешь, то и пожнешь.

М а к. Конечно, эта лахудра уже где-то здесь. Приятное будет время перед казнью, ничего не скажешь.

Ах, господи, куда теперь мне деться?

Могу ли я такой быть жизни рад?

Я истину одну усвоил с детства:

Приятна жизнь твоя, коль ты богат.

Золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается трехламповый светильник. На щитах надпись:

БАЛЛАДА О ПРИЯТНОЙ ЖИЗНИ

1

Твердят, что на земле всего прекрасней
Жизнь мудреца, что пустота в желудке
И холод в доме — это предрассудки.
Оставьте про себя такие басни!
Кто хочет жизнью тешиться простой,
Пусть тешится. Увольте лишь меня.
Нигде, нигде на свете даже дня
Нельзя прожить на гордости одной.
Одной свободе разве будешь рад?
Приятна жизнь твоя, коль ты богат.

Судьбе наперекор, с задором странным
 Борцы плюют на страх и на оглядку.
 Они публично режут правду-матку,
 Чтоб только нервы щекотать мешчанам.
 Подтягивая брюки на ходу,
 Усталый, злой, борец бредет домой,
 Ложится спать с холодной женой
 И ждет наград в двухтысячном году.
 Не разжиреешь от таких наград.
 Приятна жизнь твоя, коль ты богат.

3

И я хотел великим быть не в меру,
 И я стремился бедным быть и чистым,
 Но, присмотревшись к сим идеалистам,
 Сказал себе: "Не следуй их примеру!
 Ты мудр и чист. Но как несчастен ты.
 Ты смел и гол. Но свет тебе не мил.
 Ты мудрым, чистым, смелым, голым был.
 Теперь с тебя довольно чистоты.
 Забудь о ней и жизни будешь рад:
 Приятна жизнь твоя, коль ты богат.

Входит Л ю с и.

Л ю с и. Ах ты, негодяй! Как ты можешь смотреть мне в глаза. После всего, что было между нами.

М а к. Люси, неужели у тебя нет сердца? Видя своего мужа в беде...

Л ю с и. Мужа! Ах ты, изверг! Ты думаешь, до меня не дошла история с Полли Пичем! Так бы и выщарапала тебе глаза!

М а к. Нет, серьезно, Люси, ты же не такая дура, чтобы ревновать меня к Полли.

Л ю с и. Разве ты на ней не женился, чудовище?

М а к. Женился! Вот так новости! Я бываю у них в доме. Я болтаю с ней. Иногда я ее в некотором роде чмокну разок-другой. И теперь этой дурехе понадобилось раззвонить, что я на ней женился. Милая Люси, я готов на все, чтобы только успокоить тебя. Если ты думаешь, что брак со мной успокоит тебя, — пожалуйста. Что еще может сказать джентльмен? Больше он ничего не может сказать.

Л ю с и. Ах, Мак, единственное, чего я хочу, — это стать порядочной женщиной.

М а к. Если ты думаешь, что ты станешь ею, выйдя за меня замуж,— пожалуйста. Что еще может сказать джентльмен? Больше он ничего не может сказать!

Полли. Где мой муж? Ах, Мак, вот ты где. Не прячь глаза, тебе нечего меня стыдиться. Я же твоя жена.

Люси. Подлец!

Полли. Мэки в тюрьме! Почему ты не ускакал за Хайгейтское болото? Ты обещал мне, что больше никогда не пойдешь к женщинам. Я знала, как они с тобой поступят. Но я тебе ничего не сказала, потому что я тебе верила. Мак, я останусь с тобой до самой смерти. Ни слова, Мак? Ни взгляда? О Мак, подумай только, как страдает твоя Полли, видя тебя здесь.

Люси. Ах ты, стерва!

Полли. Что это значит, Мак? И вообще — кто это? Скажи ей по крайней мере, кто я такая. Скажи ей, пожалуйста, что я твоя жена. Разве я не твоя жена? Посмотри на меня, разве я не твоя жена?

Люси. О прохвост, подлец! Значит, у тебя две жены, чудовище?

Полли. Скажи, Мак, разве я не твоя жена? Разве я не сделала для тебя всего, что могла? Я вступила в брак невинной, ты это знаешь. Ты поручил мне шайку, и я в точности выполняла наш договор. И Джекоб просит передать тебе, что...

Мак. Если бы вы хоть на минуту придержали языки, сразу бы все разъяснилось.

Люси. Нет, мой язык не придержишь. Я не могу этого вынести. Живой человек не может этого вынести.

Полли. Да, моя милочка, конечно, на стороне жены...

Люси. Жены!!

Полли. ...на стороне жены есть известное преимущество. К сожалению, милая, это так, по крайней мере с внешней стороны. Немудрено и голову потерять при его заботах.

Люси. Хороши заботы. Ну и дрянь же ты откопал! Нашел кого покорять! Вот так красавица из Сохо!

Золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается трехламповый светильник. На щитах надпись:

ДУЭТ РЕВНИВИЦ

1

Люси

Выходи, красавица из Сохо,
Дай полюбоваться мне тобою!
Мне увидеть бы и впрямь неплохо
Ту, что всех затмила красотой.
Твердят, лучше всех для моего супруга Полли.

П о л л и
    Лучше всех, лучше всех!
Л ю с и
    А взглянув, смеюсь я поневоле.
П о л л и
    Глупый смех, глупый смех!
Л ю с и
    Нет, ведь право, он смешон...
П о л л и
    Ах, так, значит, он смешон?
Л ю с и
    Если он в тебя влюблен!
П о л л и
    Если он в меня влюблен?
Л ю с и
    Ха-ха-ха! Готова поручиться,
    Что никто на Полли не польстится.
П о л л и
    Живы будем — поглядим.
Л ю с и
    Живы будем — поглядим.
О б е
    Мэкки — лишь мой. Мы неразлучны с Мэкки.
    Со мной одной любовь его навеки.
    И не сошла с ума я,
    И всякого дерьма я
    Бояться не желаю —
    Мне наплевать!

2

П о л л и
    Быть со мной у Мэкки есть причины.
    Я и правда недурна собою.
Л ю с и
    Чепуха!
П о л л и
    Ведь мне недаром твердят мужчины,
    Что я всех затмила красотой.
Л ю с и
    Ах ты, стерва!
П о л л и
    От стервы слышу!
    Да, да, лучше всех для моего супруга Полли.
Л ю с и
    Лучше всех, лучше всех?
П о л л и
    Потому смеюсь я поневоле.

Л ю с и

Глупый смех, глупый смех!

П о л л и

В самом деле, тот смешон...

Л ю с и

Ах, так, значит, и смешон?

П о л л и

Кто в такую не влюблен!

Л ю с и

Кто в такую не влюблен!

П о л л и (*публике*)

Ну а вы готовы поручиться,

Что никто на Полли не польстится?

Л ю с и

Живы будем — поглядим.

П о л л и

Живы будем — поглядим.

О б е

Мэкки — лишь мой. Мы неразлучны с Мэкки.

Со мной одной любовь его навеки.

И не сошла с ума я,

И всякого дерьма я

Бояться не желаю —

Мне наплевать!

М а к. Итак, милая Люси, успокойся. Полли просто-напросто выкидывает фокусы. Ей хочется нас разлучить. Меня повесят, а она будет выдавать себя за мою вдову. В самом деле, Полли, сейчас не время для таких штук.

П о л л и. И у тебя хватит совести от меня отречься?

М а к. И у тебя хватит совести болтать, что я женат? Зачем ты усугубляешь мои страдания, Полли? (*Укоризненно качает головой.*) Полли, Полли!

Л ю с и (*к Полли*). В самом деле, вы же только себя срамите. Да и как вам не стыдно волновать человека в таком положении. Это чудовишно!

П о л л и. Если вам знакомы элементарные правила приличия, сударыня, то вы должны быть сдержаннее с мужчиной в присутствии его жены.

М а к. Нет, серьезно, Полли, твои шутки переходят уже всякие границы.

Л ю с и. Если вы, сударыня, хотите устроить здесь скандал, я буду вынуждена позвать сторожа, чтобы он указал вам выход, милая барышня.

П о л л и. Дама! Дама! Дама! Позвольте мне еще сказать, барышня, что важничать вам не к лицу. Мой долг велит мне остаться с моим супругом.

Л ю с и. Что ты мелешь? Что ты мелешь? Ах, она не хочет

уйти? Ее выгоняют, а она ни с места! Может быть, выразиться яснее?

Полли. Ах ты, заткнись, гадина, а не то получите по морде, сударья!

Люси. Тебя же выгоняют, зануда! Нет, с тобой надо попросе, ты не понимаешь деликатности.

Полли. Твоей-то деликатности! О боже, я только унижаюсь. Ведь это же ниже моего достоинства... *(Плачет навзрыд.)*

Люси. Посмотри на мой живот, гадина! Разве такое бывает с бухты-барахты? Слепела, что ли?

Полли. Ах вот как! Ты того-с! Вот на что бьешь? Не надо было спать с ним, деликатная леда!

Мак. Полли!

Полли *(плача)*. Нет, это уж слишком. До этого нельзя было доводить, Мак. Не знаю, что мне и делать.

Входит госпожа Пичем.

Госпожа Пичем. Я так и знала. Где ей и быть, как не у своего дружка? Сейчас же ступай за мной, шлюха. Когда твоего дружка повесят, можешь и сама вешаться. До чего дошло! Твоя почтенная мать должна вытаскивать тебя из тюрьмы. И ко всему еще у него сразу две — Нерон этакий!

Полли. Оставь меня, мама. Ты же не знаешь...

Госпожа Пичем. Марш домой!

Люси. Вот видите, вашей маме приходится учить вас умразуму.

Госпожа Пичем. Марш!

Полли. Сейчас. Мне нужно... мне нужно сказать ему еще два слова... Нет, в самом деле... Знаешь, это очень важно.

Госпожа Пичем *(дает ей пощечину)*. И это не менее важно! Марш!

Полли. О, Мак!

Госпожа Пичем вытаскивает ее из камеры.

Мак. Люси, ты вела себя великолепно. Конечно, мне было жаль ее. Поэтому я не мог обойтись с ней так, как она заслуживает. Ты сначала подумала, что в ее словах есть доля истины, правда?

Люси. Да, сначала я так и подумала, милый.

Мак. Тогда ее мамаша не упрятала бы меня сюда. Ты ведь слышала, как она меня поносила? Разве так ведут себя с зятем? Так третируют в лучшем случае соблазнителья дочери, но никак не зятя.

Люси. Я счастлива, если ты говоришь это от чистого сердца. Я так тебя люблю, что, право, лучше мне видеть тебя на

виселице, чем в объятьях другой. Разве это не удивительно?

М а к. Люси, я хочу быть обязанным тебе жизнью.

Л ю с и. Чудесные слова! Повтори их еще раз.

М а к. Люси, я хочу быть обязанным тебе жизнью.

Л ю с и. Ты хочешь, чтобы я бежала с тобой, милый?

М а к. Да, но, понимаешь, если мы убежим вдвоем, нам труднее будет скрыться. Как только поиски прекратятся, я тебя выпишу. Спешной почтой, разумеется.

Л ю с и. Как я могу помочь тебе?

М а к. Принеси шляпу и трость!

Люси выходит и возвращается с шляпой и тростью. Она бросает их в клетку.

Люси, плод нашей любви, который ты носишь под сердцем, свяжет нас навеки.

Л ю с и уходит. Появляется С м и т. Он входит в клетку.

С м и т. Отдайте палку.

Начинается возня. Смит, с ломом и стулом в руках, гоняется за Маком. М а к перепрыгивает через решетку. За ним бегут к о н с т е б л и.

Г о л о с Б р а у н а. Здравствуй, Мак! Мак, отзовись, это я, Джекки, Мак, прошу тебя, ответь. Я не в силах больше выносить это.

Входит Б р а у н.

Б р а у н. Мэкки! Что такое? Он удрал. Слава богу! (*Садится на нары.*)

Входит П и ч е м.

П и ч е м (*Смиту*). Моя фамилия Пичем. Я пришел получить сорок фунтов, обещанных за поимку бандита Макхита. (*Становится перед клеткой.*) Хелло! Это господин Макхит?

Браун молчит.

Ах вот как! По всей вероятности, этот господин отправился на прогулку? Я пришел, чтобы навестить преступника, и кого же я здесь вижу? Господина Брауна? Пантера-Браун сидит, а его друг Макхит не сидит.

Б р а у н (*со стоном*). О, господин Пичем, это не моя вина.

П и ч е м. Конечно, не ваша. Не станете же вы сами... ставить

себя в такое положение... Конечно, вы тут ни при чем, Браун.

Браун. Господин Пичем, я вне себя.

Пичем. Могу себе представить. Наверно, на душе у вас кошки скребут.

Браун. Ужасная вещь — чувство собственного бессилия. Эти разбойники делают что хотят. Ужасно, ужасно.

Пичем. Может быть, вы приляжете на часок? Закроете глаза и сделаете вид, что ничего не случилось. Или представите себе, что гуляете по зеленой лужайке, а на небе, знаете, такие беленькие облачка. Главное — выкинуть неприятности из головы. И те, что уже были, и прежде всего те, что еще будут.

Браун (*беспокойно*). Что вы имеете в виду?

Пичем. У вас прекрасная выдержка. Я бы на вашем месте просто занемог, лег в постель ипил горячий чай. А главное — позаботился бы, чтобы кто-нибудь положил мне руку на лоб.

Браун. К черту! Я же не виноват, если преступник скрылся. В таких случаях полиция бессильна.

Пичем. Вот как, бессильна? Вы полагаете, что мы уже не увидим здесь господина Макхита?

Браун пожимает плечами.

В таком случае вы окажетесь жертвой чудовищной несправедливости. Теперь, конечно, опять станут говорить, что полиция не имела права его упускать. Да, блистательной коронацией дело не пахнет.

Браун. Что это значит?

Пичем. Позвольте напомнить вам один исторический факт. В свое время, в тысяча четырехсотом году до рождества Христова, он наделал много шума, однако ныне он неизвестен в широких кругах. Когда умер египетский фараон Рамзес Второй, полицмейстер Ниневии, или, вернее, Каира, чем-то провинился перед низшими слоями населения. Последствия таких провинностей бывали уже и в те времена ужасны. Как сказано в книгах по истории, коронационное шествие престолонаследницы Семирамиды превратилось "из-за чрезмерного энтузиазма низших слоев населения в сплошную цепь катастроф". Историки в ужасе от расправы, которой подвергла своего полицмейстера Семирамида. Подробностей я уже не помню, но, если не ошибаюсь, речь шла о каких-то змеях, которые сосали его кровь.

Браун. Неужели?

Пичем. Да не оставит вас господь, Браун. (*Уходит.*)

Браун. Единственное мое спасение — это железный кулак. Эй, сержанты, ко мне! Тревога!

Занавес. Макхит и Дженни-Малина выходят к рампе и поют. Золотистый свет.

ВТОРОЙ ТРЕХГРОШОВЫЙ ФИНАЛ

1

М а к

Вы учите нас честно жить и строго,
Не воровать, не лгать и не грешить.
Сначала дайте нам пожрать немного,
А уж потом учите честно жить.
Поборник благонравья и добра,
Ханжа и скромник с толстым животом!
Раз навсегда уже запомнить вам пора:
Сначала хлеб, а нравственность потом!
Добиться надо бы, чтоб голь сначала
От пирога хоть ломтик получала.

Г о л о с з а с ц е н о й

Ведь люди чем живут?

М а к

Ведь люди чем живут? Тем, что терзают,
Калечат, мучат, гонят, бьют плетьюми
Таких же, как они, и забывают,
Что мы же все являемся людьми.

Х о р

Вот, господа, вся правда без прикрас:
Одни лишь преступленья кормят нас!

2

Д ж е н н и

Ваш идеал — девица-недотрога,
Вы учите: нельзя греху служить.
Сначала дайте нам пожрать немного,
А уж потом учите честно жить.
Вы любите развлечься, господа.
Давайте же простимся со стыдом!
Пора запомнить раз и навсегда:
Сначала хлеб, а нравственность потом!
Добиться надо бы, чтоб голь сначала
От пирога хоть ломтик получала.

Г о л о с з а с ц е н о й

Ведь люди чем живут?

Д ж е н н и

Ведь люди чем живут? Тем, что терзают,
Калечат, мучат, гонят, бьют плетьюми
Таких же, как они, и забывают,
Что мы же все являемся людьми.

Х о р

Вот, господа, вся правда без прикрас:
Одни лишь преступленья кормят нас!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

VII

В эту же ночь Пичем готовится к выступлению, намереваясь испортить официальные празднества по случаю коронации демонстрацией голода и нищеты.

Заведение Пичема.

Нищие малюют на дощечках надписи, вроде: "Свой глаз я отдал королю".

Пичем. Господа, в данный момент в одиннадцати наших филиалах от Друри-Лейн до Тарнбриджа тысяча четыреста тридцать два человека трудятся над такими же плакатами. Они хотят присутствовать на коронации. *(Выходит.)*

Госпожа Пичем. Живее! Живее! Если вы не будете работать, вы не сможете попрошайничать. Ты хочешь быть слепым и не можешь даже как следует написать букву "к"? Нужен детский почерк, ведь это же понесет старик.

Слышен барабанный бой.

Нищий. Сейчас королевская стража стала во фронт. Они не подозревают, что в лучший день их военной карьеры им придется иметь дело с нами.

Входит Филч.

Филч *(докладывает)*. Госпожа Пичем, сюда приперлась добрая дюжина ночных курочек. Они утверждают, что с вас причитается.

Входят проститутки.

Дженни. Сударыня...

Госпожа Пичем. Ба, да у вас такой вид, словно вы свалились с насеста. Вы, наверно, хотите получить деньги за вашего Макхита? Так знайте, что вы ни шиша не получите. Понимаете, ни шиша!

Дженни. Как это понимать, сударыня?

Госпожа Пичем. Врываются всякие среди ночи! Кто же является в порядочный дом под утро! Лучше бы вы отоспались после вашей работы. Ну и вид у вас. Прямо с души воротит.

Дженни. Итак, сударыня, вы отказываетесь уплатить гонорар, причитающийся нам за выдачу господина Макхита?

Госпожа Пичем. Совершенно верно. Вы ни шиша не получите за предательство.

Д ж е н н и. Почему же, сударыня?

Г о с п о ж а П и ч е м. Потому что этого милого господина Макхита поминай как звали. Вот почему. А теперь марш из моего дома, сударыни.

Д ж е н н и. Ну, это уж слишком. С нами так не обращаются. С кем угодно, только не с нами.

Г о с п о ж а П и ч е м. Филч, дамы просят проводить их к выходу.

Филч подходит к дамам. Дженни его отталкивает.

Д ж е н н и. Я попросила бы вас придержать язык, а то как бы...

Входит П и ч е м.

П и ч е м. В чем дело? Надеюсь, ты им не дала денег. Ну как, сударыни? Сидит господин Макхит или не сидит?

Д ж е н н и. Оставьте меня в покое с вашим господином Макхитом. Вы ему в подметки не годитесь. Сегодня ночью я не смогла принять одного гостя, потому что ревела в подушку при мысли, что продала вам этого джентльмена. Вот как, сударыни. А что, вы думаете, было сегодня под утро, час назад? Выглядываю на улицу, смотрю — стоит себе тот самый человек, из-за которого я плакала, и просит, чтобы я бросила ему ключ. Он хотел, чтобы я забыла в его объятиях, как нехорошо я с ним обошлась. Сударыни, это последний джентльмен в Лондоне. И если с нами нет сейчас нашей коллеги Сьюки Тодри, то только потому, что от меня он пошел к ней, чтобы и ее утешить.

П и ч е м (в сторону). Сьюки Тодри...

Д ж е н н и. Теперь вы понимаете, что вы ему в подметки не годитесь. Подлый вы шпик!

П и ч е м. Филч, беги к ближайшему полицейскому посту. Господин Макхит изволит находиться у Сьюки Тодри.

Ф и л ч уходит.

Сударыни, о чем мы, собственно, спорим? Разумеется, вы получите свои деньги. Селия, милая, вместо того чтобы браниться с этими дамами, ты бы лучше напоила их кофе.

Г о с п о ж а П и ч е м (уходя). Сьюки Тодри!

П и ч е м. Живее, живее! Если бы не я, вы давно бы околели в тарнбриджских трущобах. Сколько бессонных ночей я провел, прежде чем додумался, как выколачивать пенни из вашей бедности. Наконец, однако, я сообразил, что люди имущие способны сеять нужду и горе, но глядеть на них не в состоянии. Потому что они такие же слизняки и болваны, как вы. Жратвы им

хватит до самой смерти, им ничего не стоит намазать полы у себя в доме сливочным маслом, так что даже крошки, упавшие со стола, и те станут у них сдобными, и все-таки они не могут со спокойной душой глядеть на человека, который падает от голода. Конечно, если он падает у них под окнами.

Входит г о с п о ж а П и ч е м. В руках у нее поднос с кофейным сервизом.

Г о с п о ж а П и ч е м. Завтра зайдете к нам в контору и получите деньги, но только после коронации.

Д ж е н н и. Госпожа Пичем, я не нахожу слов.

П и ч е м. Стройтесь! Сбор через час у Букингемского дворца. Марш!

Нищие строятся. Вбегают Ф и л ч.

Ф и л ч. Шухер! Я и до поста не дошел. Полиция уже здесь!

П и ч е м. Прячьтесь! (*Госпоже Пичем.*) Забирай отсюда всю братию. Когда я скажу "безвредны", понимаешь, "безвредны"...

Г о с п о ж а П и ч е м. Безвредны? Ничего не понимаю.

П и ч е м. Ну разумеется, ты ничего не понимаешь. Значит, когда я скажу "безвредны"...

Стук в дверь.

Слава богу, ключик найден. Когда я скажу "безвредны", вы исполните какую-нибудь музыку. Ступайте!

Г о с п о ж а П и ч е м и нищие прячутся: нищие, кроме девочки с плакатом "Жертва военного произвола", уstraиваются справа, за вешалкой в глубине сцены. Входят Б р а у н, С м и т и к о н с т е б л и.

Б р а у н. Так. Теперь будем действовать, господин друг нищего. Наручники, Смит. Ах, я вижу восхитительные плакаты. (*Девочке.*) "Жертва военного произвола" — это вы?

П и ч е м. Доброе утро, Браун, доброе утро. Хорошо ли вам спалось?

Б р а у н. Что?

П и ч е м. Доброе утро, Браун.

Б р а у н. С кем это он говорит? Разве он знает кого-нибудь из нас? Не имею чести быть с тобой знакомым.

П и ч е м. Ах, незнакомы? Доброе утро, Браун.

Б р а у н. Шляпу с него долой.

Смит выполняет приказание.

П и ч е м. Раз уж вы все равно шли мимо, Браун, подчеркиваю — м и м о, я хочу воспользоваться случаем и попросить вас упрятать наконец за решетку некоего Макхита.

Б р а у н. Он сумасшедший. Не смейтесь, Смит. Скажите, Смит, как это можно, чтобы такой закоренелый преступник разгуливал на свободе?

П и ч е м. Потому что он ваш друг, Браун.

Б р а у н. Кто?

П и ч е м. Мэки-Нож. Не я же. Я не преступник. Я же бедняк, Браун. Вы не станете причинять мне зла. Сейчас, Браун, наступает самый горький час вашей жизни. Хотите кофе? (*Проституткам.*) Дети мои, оставьте глоточек господину шефу полиции, надо быть вежливыми. Мы все можем отлично ладить друг с другом. Ведь все мы придерживаемся закона! А закон на то и существует, чтобы эксплуатировать граждан, нарушающих его по непониманию или в силу необходимости. Следовательно, тот, кто хочет поживиться на этой эксплуатации, должен строго придерживаться закона.

Б р а у н. Стало быть, вы считаете наших судей продажными!

П и ч е м. Напротив, сударь, напротив! Наши судьи совершенно неподкупны: никакими деньгами вы не заставите их вершить правосудие!

Снова барабанный бой.

Парад войск начался. Парад беднейших из бедных состоится через полчаса.

Б р а у н. Совершенно верно, господин Пичем. Через полчаса беднейшие из бедных отправятся на зимние квартиры в тюрьму Олд Бейли. (*Констеблям.*) Ну-ка, ребята, собрать всех патриотов, которые здесь расположились. (*Нищим.*) Вы, наверно, слыхали о Пантере-Брауне? Сегодня ночью, Пичем, я нашел выход из положения и, смею сказать, спас от смерти своего друга. Я просто-напросто уничтожу ваше гнездо. И посажу вас всех по обвинению — по обвинению в чем? В нищенстве. Вы, кажется, намекнули, что хотите натравить нищих на королеву и меня. Вот я этих нищих и задержу. Можешь кое-чему поучиться.

П и ч е м. Очень хорошо. Только каких нищих?

Б р а у н. Да вот этих калек. Смит, господа патриоты пойдут с нами.

П и ч е м. Браун, я хочу предостеречь вас от чрезмерной поспешности. Благодарите бога, Браун, что вы пришли ко мне. Видите ли, Браун, вы, конечно, можете арестовать этих людей. Но они безвредны, б е з в р е д н ы...

Музыка. Несколько тактов из "Песни о тщете человеческих усилий".

Б р а у н. Что это такое?

П и ч е м. Музыка. Они музицируют в меру своих сил. "Песня о тщете человеческих усилий". Не слышали? Можете кое-чему поучиться.

Золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается трехламповый светильник. На щитах надпись:

ПЕСНЯ О ТЩЕТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ УСИЛИЙ

Н и щ и е

1

Свою головой
Никак не проживешь.
Увы, свою головой
Прокормишь только вошь.
В человеке скуден
Хитрости запас.
Где вам видеть, люди,
Как дурачат вас.

2

Состав прекрасный план,
Умом своим блесни,
Состав другой. А толку-то,
А толку-то — ни-ни:
В человеке скуден
Подлости запас.
Но идеалы, люди,
Украшают вас.

3

За счастьем ты бежишь.
Но лучше погоди!
Настигнуть счастье ты спешишь,
А счастье позади.
В человеке скуден
Скромности запас,
И наша воля, люди,
Лишь дурачит нас.

П и ч е м. Ваш замысел, Браун, гениален, но, к сожалению, неосуществим. Кого вы можете здесь арестовать? Несколько молодых людей, которые, радуясь коронации, устроили не-

большой маскарад. Если же на улицу выйдут настоящие горе-мышки — здесь таковых нет, — это будет многотысячная толпа. Вот тут-то вы и просчитались. Вы забыли об огромном числе бедняков. Если они выстроятся перед собором, картина получится далеко не праздничная. У этих людей вид неказистый. Вы знаете, Браун, что такое рожистое воспаление? Представьте себе сто двадцать рожистых воспалений. Молодая королева привыкла к розам, а не к рожам. А потом еще увечные на паперти. Надо избежать этого, Браун. Вы, наверно, возразите мне, что полиция сумеет справиться с нами, нищими. Но вы же сами в это не верите. А разве красиво будет, если в день коронации полицейские станут избивать дубинками шестьсот несчастных калек? Нет, это будет некрасивое зрелище. Я бы даже сказал — отвратительное. И даже тошнотворное. Просто дурно делается, когда об этом подумаешь. Дайте мне стул.

Браун (Смиту). Это угроза. Это вымогательство. Его нельзя трогать. Его нельзя трогать в интересах общественного порядка. Такого еще никогда не случалось.

П и ч е м. А сейчас случилось. Вот что я вам скажу. С королевой Англии вы можете вести себя как угодно. Но беднейшему человеку в Лондоне вы не смеете наступать на мозоли. А то вы сразу отбраунитесь, господин Браун.

Браун. Значит, я должен арестовать Мэкки-Ножа? Вам легко говорить. Прежде чем арестовать человека, нужно его поймать.

П и ч е м. Тут я ничего не могу возразить. Придется мне, видно, доставить вам этого человека. Посмотрим, существует ли еще на свете порядочность. Дженни, где изволит пребывать господин Макхит?

Д ж е н н и. На Оксфорд-стрит, 21, у Сьюки Тодри.

Браун. Смит, сейчас же ступайте на Оксфорд-стрит, 21, к Сьюки Тодри. Арестуйте Макхита и доставьте его в Олд Бейли. А я тем временем переоденусь. В такой день я обязан быть в парадном мундире.

П и ч е м. Браун, если в шесть его не повесят...

Браун. О, Мак, ничего не вышло. (*Уходит вместе с констеблями.*)

П и ч е м (*кричит ему вдогонку*). Вот вы кое-чему и научились, Браун!

Снова барабанный бой.

Третий сигнал. Переориентировка. Новое направление — тюрьма Олд Бейли. Марш!

Н и щ и е уходят.

П и ч е м (поет)

Недобр и нехорош
Твой ближний. Ну так что ж!
Ударь его ты промеж глаз.
И будет он хорош.
В человеке скуден
Доброты запас.
Бейте смело, люди,
Ближних промеж глаз.

Занавес

Д ж е н н и - М а л и н а (выходит к рампе с шарманкой
и поет)

ПЕСНЯ О СОЛОМОНЕ МУДРОМ

1

Знаком вам мудрый Соломон,
Знаком его конец!
Умом постигнув всех и вся,
Все суетой назвал мудрец
И пожалел, что родился.
Велик и мудр был Соломон...
Пускай же раз и навсегда
Вам будет истина ясна,
Что мудрость – сущая беда.
Блажен, кому чужда она!

2

Красивой Клеопатры вам
Знаком плохой конец!
Беря героев римских в плен,
Она погибла наконец,
И ей в удел достался тлен...
А ведь была-то хоть куда!
Пускай же раз и навсегда
Вам будет истина ясна,
Что красота и та – беда.
Блажен, кому чужда она!

3

Знаком и храбрый Цезарь вам,
Знаком его конец!
Он захватил над Римом власть,
Но был заколот сей храбрец,
Как раз когда он правил всласть...

Он закричал: "И ты, мой сын!"
Пусть же раз и навсегда
Вам будет истина ясна,
Что храбрость — суцая беда.
Блажен, кому чужда она!

4

Вам любопытный Брехт знаком,
Он был вам прежде мил!
Но докучал вопросом он:
Кто богача обогатил?
И вы его скорее — вон...
Как любознателен был Брехт!
Пусть же раз и навсегда
Вам будет истина ясна,
Что любознательность — беда.
Блажен, кому чужда она.

5

А вот пред вами тот, чья жизнь
На волоске, — Макхит!
Пока он разуму внимал
И грабил так, как надлежит,
Он неприятностей не знал...
Но вот он сердцу волю дал,
И стала раз и навсегда
Простая истина ясна,
Что даже чувственность — беда.
Блажен, кому чужда она!

VIII

БОРЬБА ЗА СОБСТВЕННОСТЬ

Комната в Олд Бейли.
Л ю с и. Входит С м и т.

С м и т. Сударыня, с вами хочет поговорить госпожа Пол-
ли Макхит.

Л ю с и. Госпожа Макхит? Введи ее.

Входит П о л л и.

П о л л и. Здравствуйте, сударыня. Сударыня, здравствуйте!
Л ю с и. Что вам угодно?

П о л л и. Вы меня узнаете?

Л ю с и. Конечно, узнаю.

П о л л и. Я пришла, чтобы извиниться перед вами за свое вчерашнее поведение.

Л ю с и. Очень интересно.

П о л л и. Собственно, единственное, что может меня извинить, — это мое несчастье.

Л ю с и. Да-да.

П о л л и. Сударыня, вы должны простить меня. Вчера я была страшно возмущена поведением господина Макхита. Ему не следовало ставить нас в такое положение, не правда ли? Вы можете сказать ему это, когда его увидите.

Л ю с и. Я... я... с ним не встречаюсь.

П о л л и. Вы же с ним встречаетесь.

Л ю с и. Я с ним не встречаюсь.

П о л л и. Простите.

Л ю с и. Он же вас очень любит.

П о л л и. Ах нет, он любит только вас, я это отлично знаю.

Л ю с и. Вы очень любезны.

П о л л и. Ах, сударыня, мужчина всегда боится женщины, которая любит его сверх меры. И конечно, эту женщину он покидает. Он избегает ее. Я сразу заметила, что он в некотором роде в долгу перед вами, в таком долгу, о котором я и не помышляла.

Л ю с и. Вы говорите это искренне?

П о л л и. Конечно, разумеется, совершенно искренне, сударыня, поверьте.

Л ю с и. Милая Полли, мы обе любили его сверх меры.

П о л л и. Может быть. (Пауза.) А теперь, сударыня, я объясню вам, как все это случилось. Десять дней назад я впервые увидела господина Макхита в гостинице "Каракатица". Со мной была моя мать. Дней через пять, точнее позавчера, мы поженились. Вчера я узнала, что его разыскивает полиция как преступника. А сегодня я не знаю, что с нами будет. Стало быть, еще двенадцать дней назад, сударыня, я не представляла себе, что я вообще когда-либо окажусь во власти мужчины.

Пауза.

Л ю с и. Я вас понимаю, милая барышня.

П о л л и. Госпожа Макхит.

Л ю с и. Госпожа Макхит.

П о л л и. Между прочим, за последние часы я очень много думала об этом человеке. Он не так-то прост. Знаете, я прямо завидую вам, вспоминая, как он вел себя с вами. Когда я его покидала — меня заставила это сделать мама, — он не выразил ни малейшего сожаления. Может быть, у него в груди не

сердце, а камень? Как вы думаете, Люси?

Люси. Да я, милая барышня, право, не знаю, во всем ли виноват один господин Макхит. Вам следовало оставаться в своем кругу, милая барышня.

Полли. Госпожа Макхит.

Люси. Госпожа Макхит.

Полли. Вы совершенно правы. Или по крайней мере мне следовало поставить все на деловую почву. Мой папа всегда этого хотел.

Люси. Конечно.

Полли (*плача*). Ведь он же мое единственное достояние.

Люси. Милочка, такое несчастье может случиться и с умнейшей женщиной. Но официально вы все-таки его жена, пусть это вас утешит. Вы так подавлены, мне просто больно на вас глядеть. Не хотите ли чего-нибудь?

Полли. Чего?

Люси. Закусить, подкрепиться?

Полли. О да, пожалуйста.

Люси выходит.

Ну и стерва!

Люси (*возвращается с кофе и пирожными*). Пожалуй, этого хватит.

Полли. Я причиняю вам столько беспокойства, сударыня.

Пауза.

У вас такой хороший его портрет. Когда он его принес?

Люси. Что значит — принес?

Полли (*с невинным видом*). Ну когда он его здесь повесил?

Люси. Он его вообще не вешал.

Полли. Он дал вам его здесь, в этой комнате?

Люси. Он вообще не был в этой комнате.

Полли. Ах вот как! Да ничего страшного бы не было, если бы даже он сюда и заходил, правда? Пути судьбы ужасно извилисты.

Люси. Перестаньте говорить глупости. Вы же пришли сюда только для того, чтобы пошпионить.

Полли. Вы же знаете, где он сейчас, правда?

Люси. Я? А вы разве не знаете?

Полли. Сию же минуту скажите, где он.

Люси. Понятия не имею.

Полли. Ах, значит, вы не знаете, где он? Честное слово?

Л ю с и. Да, не знаю. Неужели вы тоже не знаете?
П о л л и. Нет, это чудовищно. (*Смеется.*)

Люси плачет.

Он в долгу перед обеими, и он удрал.

Л ю с и. Сил больше нет. Ах, Полли, это ужасно.

П о л л и (*весело*). Как я рада, что под конец этой трагедии обрела такую подругу. И на том спасибо. Может быть, ты хочешь есть, может, скушаешь еще пирожное?

Л ю с и. Пирожное! Ах, Полли, не будь так мила со мной. Право же, я этого не заслуживаю. Ах, Полли, мужчины того не стоят.

П о л л и. Конечно, мужчины того не стоят. Но что же делать?

Л ю с и. Нет! Теперь я выложу всю правду. Полли, ты не очень на меня разозлишься?

П о л л и. В чем дело?

Л ю с и. Оно не настоящее.

П о л л и. Что именно?

Л ю с и. Вот это. (*Указывает на свой живот.*) И все из-за этого преступника.

П о л л и (*смеется*). Ах как здорово! Значит, это была липа? Ну и стерва же ты! Слушай, ты хочешь Мэкки? Дарю его тебе. Возьми его себе, если найдешь!

За дверью слышны голоса и шаги.

Что там такое?

Л ю с и (*у окна*). Мэкки! Они его снова поймали.

П о л л и (*упавшим голосом*). Теперь все кончено.

Входит госпожа Пичем.

Г о с п о ж а П и ч е м. Ах, Полли, вот ты где. Переоденься, твоего мужа скоро повесят. Твой вдовый наряд я захватила.

Полли переодевается.

Черное тебе очень к лицу. Только гляди немного веселее.

IX

Пятница, пять часов утра. Мэкки-Нож, который снова пошел к проституткам, предан ими вторично. Теперь его повесят.

Камера смертников.

Звонят вестминстерские колокола. К о н с т е б л и вводят в камеру закованного в кандалы М а к х и т а.

С м и т. Давайте его сюда. Вестминстерские колокола уже зазвонили. Подтянитесь, на вас же лица нет. Не знаю, что на вас так подействовало. Наверное, вам просто стыдно. (*Констеблям.*) Когда колокола зазвонят в третий раз — это будет ровно в шесть, — он уже должен быть повешен. Срочно все приготовить.

К о н с т е б л ь. Уже четверть часа улицы Ньюгейта до того запружены людьми, что пробиться вообще невозможно.

С м и т. Странно. Неужели они уже знают?

К о н с т е б л ь. Если так пойдет дальше, через четверть часа об этом будет знать весь Лондон. И тогда люди, собиравшиеся приветствовать королеву, хлынут сюда. А королева проедет по пустым улицам.

С м и т. Поэтому нельзя мешкать. Если мы управимся к шести, то к семи люди еще поспеют на шествие. Марш!

М а к. Эй, Смит, который сейчас час?

С м и т. Вы что, ослепли? Четыре минуты шестого.

М а к. Четыре минуты шестого.

Смит запирает дверь камеры снаружи. В это время входит
Б р а у н.

Б р а у н (*Смиту, спиной к камере*). Он там?

С м и т. Вы хотите его видеть?

Б р а у н. Нет-нет-нет, ради бога, сделайте все сами. (*Уходит.*)

М а к (*неожиданно раздражается потоком слов: он говорит тихо*). Смит, не бойтесь, я не собираюсь вас подкупить. Я все знаю. Если бы я вас подкупил, вам пришлось бы в лучшем случае удрать за границу. Да-да, удрать. Для этого вас нужно обеспечить на всю жизнь. Тысяча фунтов, не так ли? Ничего не отвечайте. Через двадцать минут я скажу вам, сможете ли вы получить эту тысячу фунтов к полудню. Я не бью на чувства. Выйдите и хорошенько подумайте. Жизнь коротка, а денег мало. И я вообще не знаю, удастся ли мне сколько-нибудь достать. Но впускайте ко мне всех, кто пожелает войти.

С м и т (*медленно*). Это вздор, господин Макхит.

М а к (*тихо, в быстром темпе поет*)

О состраданье просит вас Макхит.

Он не под буками, не под кустом,

Не на траве среди берез лежит.

О нет, лежит он в склепе гробовом!

Друзья, друзья, молящему внемлите.

Пусть громаду этих стен прорвет

Его последний горестный призыв.
Помянете его, когда умрет.
Но ведь сейчас, покамест Мэкки жив,
Так помогите же, о, помогите!

В коридоре появляются М а т т и а с и Д ж е к о б. Они хотят пройти к Макхиту. Смит останавливает их.

С м и т. Эй, что с тобой, ты похож на выжатый лимон.

М а т т и а с. С тех пор как с нами нет капитана, брюхатить наших дам приходится мне. Иначе они не получают справку о невменяемости. На такой работе требуется выносливость жеребца, вот я и выдохся. Мне нужно поговорить с капитаном.

Оба подходят к Маку.

М а к. Двадцать пять шестого. Вы, я вижу, не торопитесь...

Д ж е к о б. Как-никак нам пришлось...

М а к. Как-никак меня повесят, чучело! Но сейчас у меня нет времени ругаться с вами. Двадцать восемь минут шестого. Итак, сколько вы можете взять из вашего личного хранилища? Немедленно, сию же минуту.

М а т т и а с. Из нашего хранилища – в пять утра?

Д ж е к о б. Неужели действительно дошло до этого?

М а к. Четыреста фунтов, идет?

Д ж е к о б. А с нами что будет? Это же все, что у нас есть..

М а к. Кого повесят – вас или меня?

М а т т и а с (*сердито*). А кто лежал у Сьюки Тодри, вместо того чтобы смыться? Мы или ты?

М а к. Заткнись. Скоро буду лежать совсем в другом месте. Половина шестого.

Д ж е к о б. Ну что ж, Маттиас, надо соглашаться.

С м и т. Господин Браун велел спросить, что подать вам на завтрак.

М а к. Оставьте меня в покое. (*Маттиасу.*) Ты хочешь или не хочешь? (*Смиту.*) Спаржу.

М а т т и а с. Кричать на себя я никому не позволю.

М а к. Да я же не кричу на тебя. Просто я... Итак, Маттиас, ты дашь меня повесить?

М а т т и а с. Конечно, я не дам тебя повесить. Кто об этом говорит? Но это все наши деньги. Четыреста фунтов – это действительно все наши деньги. Неужели и этого нельзя сказать?

М а к. Пять часов тридцать восемь минут.

Д ж е к о б. Давай живей, Маттиас, а то это будет уже ни к чему.

М а т т и а с. Если только сумеем пробиться. Ни пройти ни проехать из-за этого сброда.

М а к. Если вас не будет здесь без пяти шесть, вы меня больше не увидите. *(Кричит.)* Больше не увидите!..

С м и т. Уже ушли. Ну как? *(Делает жест, как будто отсчитывает деньги.)*

М а к. Четыреста.

С м и т, пожав плечами, уходит.

(Вдогонку Смигу.) Мне нужно поговорить с Брауном.

С м и т в х о д и т с к о н с т е б л я м и.

С м и т. Мыло у вас есть?

К о н с т е б л ь. Только не того сорта.

С м и т. Через десять минут все должно быть готово.

К о н с т е б л ь. Опускная доска не действует.

С м и т. Ничего знать не хочу. Уже второй раз звонили.

К о н с т е б л ь. Это же свинарник, а не тюрьма.

М а к *(поет)*

Глядите, он уже почти отпет,

Теперь Макхит поистине банкрот.

Вы, для кого сошелся клином свет

На деньгах, неужели он умрет?

Что пользы вам в повешенном Макхите?

Как стадо перепуганных свиней,

Бегите к королеве! К ней одной!

Поговорите о страдальце с ней,

Он вдоволь сыт предсмертной тоской.

Так помогите же, о, помогите!

Появляется П о л л и.

С м и т. Я не могу вас к нему пустить. Ваш номер шестнадцать. Ваша очередь еще не подошла.

П о л л и. При чем тут номер шестнадцать! Не будьте бюрократом. Я его жена, я должна с ним поговорить.

С м и т. Но не больше пяти минут.

П о л л и. Еще чего — пять минут! Глупости. Пять минут! Это нельзя раз-два. Это же не так просто. Это же прощание навеки. В таких случаях муж и жена должны многое друг другу сказать... Где же он?

С м и т. Разве вы его не видите?

П о л л и. Ах да, конечно. Благодарю вас.

М а к. Полли!

П о л л и. Да, Мэкки, я здесь.

М а к. Да, конечно!

П о л л и. Как ты себя чувствуешь? Ты очень раскис? Это ведь нелегко!

М а к. Что ты вообще собираешься делать? Что с тобой будет?

П о л л и. Ах, это пустяки, наша фирма работает превосходно. Мэки, ты очень нервничаешь?.. Кто, собственно, был твой отец? Ты мне многого еще не рассказал. Не понимаю, что с тобой. Ты ведь всегда был вполне здоровым человеком.

М а к. Слушай, Полли, ты не можешь выгащить меня отсюда?

П о л л и. Да, конечно.

М а к. Конечно, нужны деньги. Я тут с надзирателем...

П о л л и (*медленно*). Деньги ушли в Саутгемптон.

М а к. А здесь у тебя ничего нет?

П о л л и. Нет, здесь нет. Но знаешь, Мэки, я могу, например, с кем-нибудь поговорить... может быть, даже обратиться к самой королеве. (*Подавленно.*) О Мэки!

С м и т (*уводя Полли, Маку*). Ну что, собрали тысячу фунтов?

П о л л и. Прощай, Мэки! Всего хорошего! Не забывая меня! (*Уходит.*)

С м и т и к о н с т е б л и вносят столик. На нем тарелка со спаржей.

С м и т. Спаржа сварилась?

К о н с т е б л и. Так точно. (*Уходят.*)

Появляется Б р а у н. Он подходит к Смигу.

Б р а у н. Смит, чего он от меня хочет? Хорошо, что вы отложили завтрак до моего прихода. Мы войдем к нему со столиком, пусть видит, как мы к нему относимся.

Браун и Смит входят со столиком в клетку. С м и т уходит.

Пауза.

Здравствуй, Мак. Вот спаржа. Поешь немного.

М а к. Не трудитесь, господин Браун. Найдутся другие люди, чтобы оказать мне последние почести.

Б р а у н. Ах, Мэки!

М а к. Прошу со мной рассчитаться! Тем временем позвольте мне поесть. В конце концов, это мой последний завтрак. (*Ест.*)

Б р а у н. Приятного аппетита. Ах, Мэки, ты же просто пытаешь меня раскаленным железом.

М а к. Расчет, сударь, пожалуйста, расчет. Никаких сантиментов.

Б р а у н (*со вздохом достает из кармана книжечку*). Вот он, Мак. Вот расчет за последние полгода.

М а к (*резко*). Ах, вы пришли только затем, чтобы и здесь еще получить свои денежки.

Б р а у н. Ты же знаешь, что это не так...

М а к. Пожалуйста, вы не должны нести убыток. Сколько я вам должен? Но, пожалуйста, дайте счет по статьям. Жизнь сделала меня недоверчивым... Вы можете понять это лучше, чем кто-либо другой.

Б р а у н. Мак, когда ты так говоришь, я ни о чем не могу думать.

За сценой слышен громкий стук.

Г о л о с С м и т а (*за сценой*). Так. Теперь выдержит.

М а к. Расчет, Браун.

Б р а у н. Если ты настаиваешь — пожалуйста. Значит, в первых, деньги за поимку убийц, которых изловили благодаря тебе или твоим людям. Ты получил от правительства в общей сложности...

М а к. Три случая, по сорок фунтов каждый, итого сто двадцать фунтов. Четверть этой суммы причитается вам. Следовательно, мы должны вам тридцать фунтов.

Б р а у н. Да-да... Но я, право, не знаю, Мак. Стоит ли тратить последние минуты...

М а к. Пожалуйста, оставьте эту дребедень. Тридцать фунтов. И за дуврское дело восемь фунтов.

Б р а у н. Как же так, восемь фунтов! Не мало ли? Там же было...

М а к. Вы мне верите или вы мне не верите? Итак, по балансу последнего полугодия вы получаете тридцать восемь фунтов.

Б р а у н (*громко всхлипывая*). Всю свою жизнь... я...

О б а. Исполнял все твои желания.

М а к. Три года в Индии — и Джон завербован, и Джимми взят, пять лет в Лондоне, и вот благодарность. (*Изображает повешенного.*)

Неверным другом предан, здесь висит

Прекраснейший, добрейший из людей.

Увы, на шее собственной Макхит

Узнал всю тяжесть задницы своей.

Б р а у н. Мак, если ты со мной так говоришь... Кто нападает на мою честь, тот нападает на меня. (*В гневе выбегает из клетки.*)

М а к. На твою честь...

Б р а у н. Да, на мою честь. Смит, начинайте! Впустить посетителей. (*Маку.*) Извини, пожалуйста.

С м и т (*входит, быстро, Маку*). Сейчас вас еще можно спасти, но через минуту будет поздно. Вы собрали деньги?

М а к. Да. Если ребята вернутся.

С м и т. Их не видно. Значит, все кончено.

Впускают посетителей. Входят Пичем, госпожа Пичем,
Полли, Люси, проститутки, священник,
Маттиас и Джекоб.

Д ж е н н и. Нас не хотели пускать. Но я им сказала: если вы сейчас же отсюда не уберетесь, вы будете иметь дело с Дженни-Малиной.

П и ч е м. Я его тесть. Прошу прощения, кто из присутствующих господин Макхит?

М а к (*представляется*). Макхит.

П и ч е м (*миновав клетку, становится справа, как потом и все остальные*). Волею судьбы, господин Макхит, вы стали моим зятем, не познакомившись со мной. Обстоятельство, благодаря которому мы впервые увиделись, чрезвычайно прискорбно. Господин Макхит, некогда вы носили белые лайковые перчатки, у вас была трость с набалдашником слоновой кости и шрам на шее, и пребывали вы обычно в гостинице "Каракатица". Теперь остался только шрам, кстати сказать, наименее ценная из ваших примет. Пребываете же вы в клетке, а в недалеком будущем и вовсе перестанете где-либо пребывать.

Полли в слезах проходит вдоль клетки и становится справа.

М а к. Какое на тебе красивое платье!

Маттиас и Джекоб проходят вдоль клетки и становятся справа.

М а т т и а с. Мы не могли пробиться из-за толчеи. Мы так бежали, что я боялся, как бы Джекоба не хватил удар. Если ты нам не веришь...

М а к. Что говорят мои люди? Они на хороших местах?

М а т т и а с. Видите, капитан, мы так и знали, что вы нас поймете. Ведь коронация случается не каждый день. Людям нужно подработать. Они просили передать вам привет.

Д ж е к о б. Самый сердечный!

Г о с п о ж а П и ч е м (*проходит вдоль клетки, становится справа*). Господин Макхит, кто бы мог представить себе это неделю назад, когда мы с вами танцевали в "Каракатице"?

М а к. Да, танцевали в "Каракатице".

Г о с п о д и н П и ч е м. Жестока судьба человеческая.

Б р а у н (*в глубине сцены, священнику*). И с этим-то человеком мы плечом к плечу сражались в Азербайджане.

Д ж е н н и (*проходит мимо клетки*). Мы все в Друри-Лейн просто вне себя. Ни одна душа не пошла на коронацию. Все хотят тебя видеть. (*Становится справа.*)

М а к. Меня видеть.

С м и т. Ну, пошли. Шесть часов. *(Выпускает Мэкки из клетки.)*

М а к. Мы не заставим посетителей ждать. Дамы и господа! Перед вами гибнущий представитель гибнущего сословия. Нас, мелких кустарей, взламывающих честным ломом убогие кассы мелких лавчонок, поглощают крупные предприниматели, за которыми стоят банки. Что такое "фомка" по сравнению с акцией? Что такое налет на банк по сравнению с основанием банка? Что такое убийство человека по сравнению с использованием его в своих интересах? Я прощаюсь с вами, сограждане. Благодарю вас за то, что вы пришли. Некоторые из вас были мне очень близки. Меня очень удивляет, что Дженин меня выдала. Впрочем, это лишнее доказательство того, что мир остается прежним. Меня погубило роковое стечение обстоятельств. Ну что ж, я гибну.

Золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается трехламповый светильник. На щитах надпись:

БАЛЛАДА, В КОТОРОЙ МАКХИТ ПРОСИТ У ВСЕХ ПРОЩЕНИЯ

О братья, вы переживете нас.
Мы смертники. Не будьте строги с нами
И у помоста в наш последний час
Не смейтесь, потрясая бородами.

И не кляните нас, хоть нас казнили,
Не гневайтесь, в отличие от судей!
Ведь кто не легкомыслен из людей!
Ах, если б все благоразумней были!
О люди, вот урок вам. Кто грешил,
Молите бога, чтоб меня простил.

Девчонок, продающих ласки,
Всегда готовых оголиться,
Котов, что строят девкам глазки,
Чтоб их деньгами поживиться,
Клятвопреступников, колодниц,
Бродяг, способных и убить,
Гулящих, тунеядцев, сводниц —
Я их прошу меня простить.

На полицейских зол — не скрою, —
Которые меня кормили
Одной древесною корою
И много бед мне причинили.
Я мог бы и проклясть их ныне,
Но буду кроток, так и быть!

Чтобы не связываться с ними,
Я их прошу меня простить.

Взять молоток бы потяжеле
Да в полицейских запустить!
Не стоит, впрочем. В самом деле,
Я их прошу меня простить.

С м и т. Пожалуйте, господин Макхит.
Г о с п о ж а П и ч е м. Полли и Люси, не покидайте вашего
мужа в его последний час.

М а к. Сударьни, что бы ни было между нами...

С м и т (уводит его). Марш!

Путь к эшафоту.

Все выходят через левую дверь. Обе двери — в плоскости кулис.
Затем все с фонариками в руках появляются с другой стороны
сцены. Как только Макхит всходит на эшафот, Пичем обращается
к публике.

П и ч е м

Почтеннейшая публика! Итак,
Макхита наконец должны казнить.
Так уж устроен божий мир. Дурак,
Кто хочет даром что-то получить.

Но, чтобы не считали нас
Глашатаями истины такой,
Макхита не казнят, поскольку мы сейчас
Придумали конец совершенно другой.

Пусть так хотя бы в опере случится,
Что право перед милостью смирится.
И потому, благой конец суля,
Сюда сейчас примчится вестник короля.

Появление королевского вестника.

На щитах надпись:

ТРЕТИЙ ТРЕХГРОШОВЫЙ ФИНАЛ

Х о р

Тише! Кто скачет к нам?
Королевский вестник скачет к нам!

Верхом на коне появляется Б р а у н — королевский вестник.

Б р а у н. По случаю коронации королева повелевает немедленно освободить капитана Макхита.

Всеобщее ликование.

Одновременно он получает звание потомственного дворянина...

Ликование.

...замок Мармарел и пожизненную ренту в десять тысяч фунтов. Присутствующим здесь новобрачным королева шлет королевский привет и наилучшие пожелания.

М а к. Спасен, спасен! Да-да, где нужда велика, там и помощь близка.

П о л л и. Спасен, мой дорогой Мэкки, спасен! Я так счастлива.

Г о с п о ж а П и ч е м. Итак, все пришло к благополучному концу. Как легко и мирно жилось бы на свете, если бы всегда появлялись королевские вестники.

П и ч е м. Поэтому останьтесь все на местах и спойте хорал беднейших из бедных, чью трудную жизнь вы сейчас представили. Ибо в действительности печален бывает именно их конец. Когда побитые дают сдачи, королевские вестники появляются чрезвычайно редко. Поэтому нужно быть терпимее к злу.

В с е (*поют под орган, подходя к рампе*)

Несправедливость не страшна. К тому же

Она умрет сама: тепла в ней нет.

Не забывайте о великой стуже

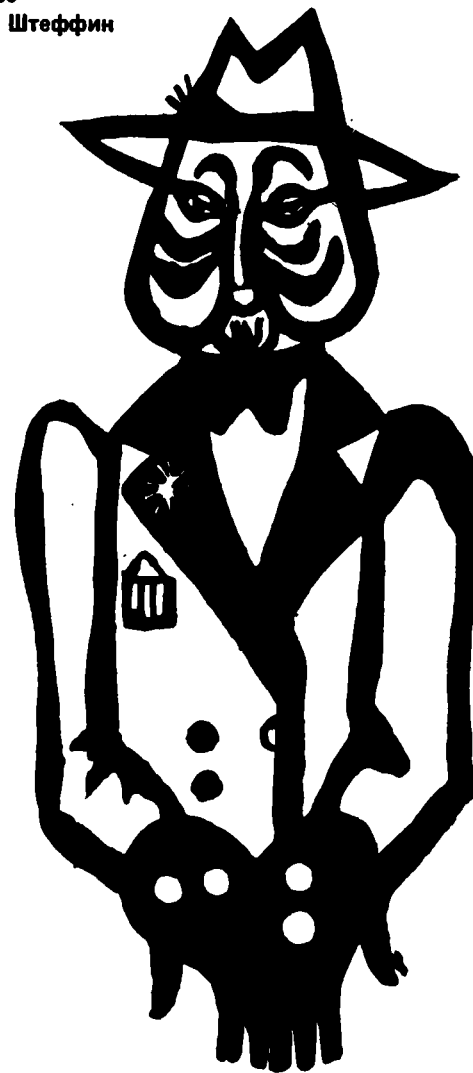
В юдоли нашей, стонущей от бед.

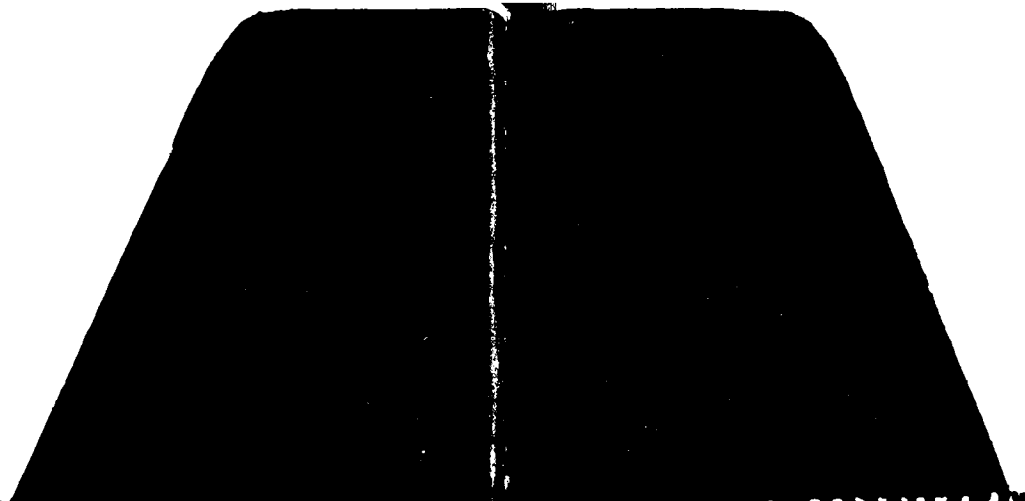
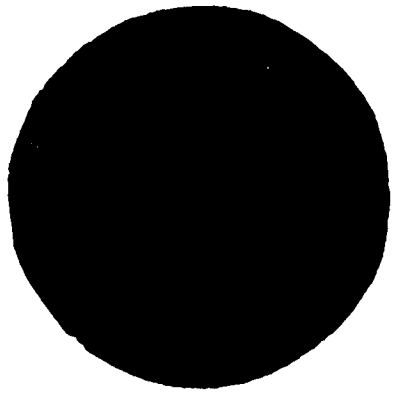
Занавес

ДОБРЫЙ
ЧЕЛОВЕК
ИЗ
СЫЧУАНИ

ПЬЕСА-ПАРАБОЛА

В сотрудничестве
с Р. Берлау и М. Штеффин

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ван, водонос.
Три бога.
Шен Де.
Шой Да.
Ян Сун, безработный летчик.
Госпожа Ян, его мать.
Вдова Шин.
Семья из восьми человек.
Столяр Лин То.
Домовладелица Ми Дзю.
Полицейский.
Торговец коврами.
Его жена.
Старая проститутка.
Цирюльник Шу Фу.
Бонза.
Официант.
Безработный.
Прохожие в прологе.

Место действия: полуевропеизированная столица Сычуани. Провинция Сычуань, в которой были обобщены все места на земном шаре, где человек эксплуатирует человека, ныне к таким местам не принадлежит.

ПРОЛОГ

Улица в главном городе Сычуани. Вечер. Водонос Ван представляется публике.

Ван. Я здешний водонос — торгую водой в столице Сычуани. Тяжелое ремесло! Если воды мало, приходится далеко ходить за ней. А если ее много, заработок мал. И вообще в нашей провинции большая нищета. Все говорят, что если кто еще способен нам помочь, так это боги. И вот представьте себе мою радость, когда знакомый торговец скотом — он много разъезжает — сказал мне, что несколько виднейших наших богов уже находятся в пути и их можно ожидать в Сычуани с часу на час. Говорят, небо сильно обеспокоено множеством жалоб, которые туда поступают. Уже третий день, как я дожидаясь здесь у городских ворот, особенно под вечер, чтобы первым приветствовать гостей. Позднее вряд ли это мне удастся. Их окружают высокопоставленные господа, попробуй к ним тогда пробиться. Как бы только их узнать? Они появятся, наверно, не вместе. Скорее всего, по одному, чтобы не слишком обращать на себя внимание. Вот эти не похожи на богов, они возвращаются с работы. *(Внимательно смотрит на проходящих мимо рабочих.)* Плечи у них согнулись от тяжести, которые они таскают. А этот? Какой же он бог — пальцы в чернилах. Самое большое — служащий цементного завода. Даже те два господина...

Мимо проходят двое мужчин.

...и те, по-моему, не боги. У них жесткое выражение лица, как у людей, привыкших бить, а богам нет в этом необходимости. А вот там трое! Как будто другое дело. Упитанны, ни малейшего признака какого-либо занятия, башмаки в пыли, значит, пришли издалека. Они, они! О мудрейшие, располагайте мной!
(Падает ниц.)

Первый бог (*радостно*). Нас здесь ждут?

Ван (*дает им напиток*). Уже давно. Но только я один знал о вашем прибытии.

Первый бог. Мы нуждаемся в ночлеге. Не знаешь ли ты, где бы нам пристроиться?

Ван. Где? Везде! Весь город в вашем распоряжении, о мудрейшие! Где пожелаете?

Боги многозначительно смотрят друг на друга.

Первый бог. Хотя бы в ближайшем доме, сын мой! Попытаемся в самом ближайшем!

Ван. Меня только смущает, что я навлеку на себя гнев власть имущих, если отдам особое предпочтение одному из них.

Первый бог. Потому-то мы и приказываем тебе: начни с ближайшего!

Ван. Там живет господин Фо! Подождите минутку. (*Подбегает к дому и стучит в дверь.*)

Дверь открывается, но видно, что Ван получает отказ.

(*Робко возвращается.*) Вот неудача! Господина Фо, как назло, нет дома, а слуги ни на что не решаются без его приказа, хозяин очень строг! Ну и взбесится же он, когда узнает, кого не приняли в его доме, не правда ли?

Боги (*улыбаясь*). Безусловно.

Ван. Еще минуточку! Дом рядом принадлежит вдове Су. Она будет вне себя от радости. (*Бежит к дому, но, видимо, снова получает отказ.*) Я лучше справлюсь напротив. Вдова говорит, что у нее только одна маленькая комнатка — и та не в порядке. Сейчас же обращусь к господину Чену.

Второй бог. Нам хватит маленькой комнатки. Скажи, что мы ее займем.

Ван. Даже если она не прибрана, даже если в ней полно пауков?

Второй бог. Пустяки! Где пауки, там мало мух.

Третий бог (*приветливо, Вану*). Иди к господину Чену или еще куда-нибудь, сын мой, пауки, признаться, мне не по душе.

Ван снова стучится в какую-то дверь, и его пускают.

Голос из дома. Оставьте нас в покое с богами! И так забот по горло!

Ван (*возвращаясь к богам*). Господин Чен в отчаянии, его дом полон родни, и он не осмеливается показаться вам на

глаза, мудрейшие. Между нами, я думаю, среди них есть дурные люди, и он не хочет, чтоб вы их видели. Он страшится вашего гнева. В этом все дело.

Третий бог. Разве мы так страшны?

Ван. Только для недобрых людей, не правда ли? Известно же, что жителей провинции Кван десятилетиями постигает наводнение — кара божья!

Второй бог. Вот как? И почему же?

Ван. Да потому, что все они безбожники.

Второй бог. Вздор! Просто потому, что они не чинили плотину.

Первый бог. Тсс! (Вану.) Ты все еще надеешься, сын мой?

Ван. Как можно даже спрашивать такое? Стоит пройти еще один дом, и я найду для вас жилье. Каждый пальчики себе облизывает в предвидении, что примет вас у себя. Неудачное стечение обстоятельств, понимаете? Бегу! (Медленно отходит и нерешительно останавливается посреди улицы.)

Второй бог. Что я говорил?

Третий бог. И все-таки, думаю, это простая случайность.

Второй бог. Случайность в Шуне, случайность в Кване и случайность в Сычуани. Страху божьего нет больше на земле — вот истина, которой вы боитесь смотреть в лицо. Признайте, что наша миссия потерпела фиаско!

Первый бог. Мы еще можем натолкнуться на доброго человека. В любую минуту. Мы не должны сразу отступать.

Третий бог. Постановление гласило: мир может оставаться таким, как он есть, если найдется достаточно людей, достойных звания человека. Водонос — сам такой человек, если только я не обманываюсь. (Подходит к Вану, который все еще стоит в нерешительности.)

Второй бог. Он обманывается. Когда водонос дал нам напиток из своей кружки, я кое-что заметил. Вот кружка. (Показывает ее первому богу.)

Первый бог. Двойное дно.

Второй бог. Мошенник!

Первый бог. Ладно, он отпадает. Ну и что ж такого, если один с гнильцой? Мы встретим и таких, которые способны жить достойной человека жизнью. Мы обязаны найти! Вот уже два тысячелетия не прекращается вопль — так дальше продолжаться не может! Никто в этом мире не в состоянии быть добрым! Мы должны наконец указать на людей, которые могут следовать нашим заповедям.

Третий бог (Вану). Может быть, это очень затруднительно — найти пристанище?

В а н. Только не для вас! Помилуйте! Моя вина, что оно не сразу нашлось. Я плохо ищу.

Т р е т и й б о г. Дело, безусловно, не в этом. (*Возвращается обратно.*)

В а н. Они уже догадываются. (*К прохожему.*) Высококочтимый господин, извините, что обращаюсь к вам, но три самых главных бога, о предстоящем прибытии которых в течение многих лет говорит вся Сычуань, теперь наконец прибыли и нуждаются в жилье. Не уходите! Убедитесь сами! Довольно одного взгляда! Ради бога, выручайте! На вашу долю выпал счастливый случай — воспользуйтесь им! Предложите убежище богам, пока кто-нибудь не перехватил их, — они согласятся.

Прохожий продолжает свой путь.

(*Обращается к другому прохожему.*) Почтеннейший, вы слышали? Может быть, у вас есть квартира? Не обязательно — роскошные палаты. Главное — добрые намерения.

В т о р о й п р о х о ж и й. Откуда мне известно, что за боги твои боги? Кто знает, кого пустишь. (*Заходит в табачную лавку.*)

В а н (*бежит обратно к богам*). Он наверняка согласится. (*Замечает свою кружку на земле, растерянно смотрит на богов, поднимает ее и снова убегает.*)

П е р в ы й б о г. Это звучит не очень ободряюще.

В а н (*прохожему, когда тот выходит из лавки*). Ну, как же с жильем?

В т о р о й п р о х о ж и й. Почему ты знаешь, может быть, я сам живу в гостинице?

П е р в ы й б о г. Он ничего не найдет. Сычуань нам тоже придется вычеркнуть.

В а н. Это три главных бога! Правда, правда! Статуи в храмах очень на них похожи. Если вы, не теряя времени, подойдете и пригласите их, возможно, они еще согласятся.

В т о р о й п р о х о ж и й (*смеясь*). Хороши же, должно быть, жулики, которых ты хочешь пристроить. (*Уходит.*)

В а н (*бранится ему вслед*). Кривой спекулянт! Бога ты не боишься! Будете жариться в кипящей смоле за свое бесчувствие! Боги плюют на вас! Но вы еще пожалеете! До четвертого колена будете расплываться! Всю Сычуань покрыли позором!

Пауза.

Теперь остается только проститутка Шен Де, эта ведь не может сказать "нет". (*Зовет.*) Шен Де!

Из верхнего окна выглядывает Ш е н Д е.

Они уже здесь, я не могу найти для них прибежища. Можешь ты принять их на одну ночь?

Шен Де. Боюсь, что нет, Ван. Я жду гостя. Но возможно ли, чтоб ты не нашел для них приюта?

Ван. Сейчас не время говорить об этом. Вся Сычуань — сплошная куча дерьма.

Шен Де. Мне пришлось бы спрятаться от него, когда он появится. Может быть, он тогда уйдет. Ему еще вздумалось прогуляться со мной.

Ван. Пока что мы поднялись бы наверх, а?

Шен Де. Только вы не должны громко разговаривать. Можно быть с ними откровенной?

Ван. Боже сохрани! Они ничего не должны знать о твоём ремесле. Нет, лучше уж мы подождем внизу. Но ты не уйдешь с ним?

Шен Де. Дела мои плохи, и, если я к завтрашнему утру не уплачу за квартиру, меня выкинут вон.

Ван. В такую минуту нехорошо быть расчетливой.

Шен Де. Не знаю. К сожалению, в желудке урчит и тогда, когда у императора день рождения. Ладно, я приму их.

Видно, что она гасит свет.

Первый бог. Похоже, что ничего не вышло.

Боги подходят к Вану.

Ван (*увидя позади себя богов, вздрагивает*). Квартира обеспечена. (*Вытирает пот.*)

Боги. Да? В таком случае пойдём.

Ван. Не торопитесь. Обождите немного. Комнату приводят в порядок.

Третий бог. Тогда мы присядем и подождём.

Ван. Кажется, здесь слишком большое движение. Лучше перейдем на ту сторону.

Второй бог. Мы с охотой присматриваемся к людям. Собственно, с этой целью мы сюда и прибыли.

Ван. Да, но здесь сквозняк.

Второй бог. О, мы закаленные люди.

Ван. Но, может быть, вы желаете, чтобы я показал вам ночной город? Не совершить ли нам маленькую прогулку?

Третий бог. Мы сегодня уже достаточно ходили. (*Улыбаясь.*) Но если ты хочешь, чтобы мы отсюда отошли, тебе достаточно только сказать нам.

Отходят подальше.

Теперь ты доволен?

Они садятся на крыльцо одного из домов.

Ван (*опускается на землю на некотором расстоянии от них; собравшись с духом*). Вы поселитесь у одинокой девушки. Она лучший человек в Сычуани.

Третий бог. Вот и хорошо!

Ван (*публике*). Когда я поднял кружку, они так странно посмотрели на меня. Неужели заметили? Я не смею больше взглянуть им в глаза.

Третий бог. Ты очень устал.

Ван. Чуть-чуть. От беготни.

Первый бог. Что, людям здесь очень тяжело живется?

Ван. Хорошим — да.

Первый бог (*серьезно*). Тебе тоже?

Ван. Я знаю, что вы имеете в виду. Я нехороший. Но мне тоже нелегко.

Между тем перед домом Шен Де появился мужчина. Он несколько раз свистит, и Ван каждый раз вздрагивает.

Третий бог (*тихо, Вану*). Кажется, он не дождался и ушел.

Ван (*растерянно*). Да, да. (*Встает и бежит на площадь, оставляя кувшин и кружку.*)

В это время произошло следующее: мужчина, ожидавший на улице, ушел, и Шен Де, выйдя из дому и тихо позвав: "Ван", идет по улице в поисках Вана. И теперь, когда Ван тихо зовет: "Шен Де", он не получает ответа.

Она обманула меня. Ушла, чтобы раздобыть денег на квартиру, и у меня нет ночлега для мудрейших. Они устали и ждут. Я не могу еще раз прийти к ним и сказать: ничего нет! Мой собственный дом — водосточная труба, о ней не может быть и речи. Кроме того, боги, безусловно, не захотят жить у человека, жульнические дела которого обнаружили. Я не вернусь к ним ни за что на свете. Но там осталась моя посуда. Что делать? Я не смею взять ее. Скорее я уйду из города и скроюсь с их глаз, потому что мне не удалось помочь тем, кому я поклоняюсь. (*Убегает.*)

Но едва он исчез, возвращается Шен Де, ищет его на другой стороне улицы и видит богов.

Шен Де. Это вы, мудрейшие? Меня зовут Шен Де. Я буду рада, если вы удовлетворитесь моей каморкой.

Третий бог. Но куда исчез водонос?

Шен Де. Вероятно, мы с ним разминулись.

Первый бог. Он, должно быть, решил, что ты не при-
дешь, и побоялся вернуться к нам.

Третий бог (*поднимает кружку и кувшин*). Мы оста-
вим это у тебя. Они ему еще понадобятся.

Предводительствуемые Шен Де, боги идут в дом. Темнеет и
снова светлеет. На рассвете боги выходят из дверей дома. Их
ведет Шен Де, освещая путь лампой. Они прощаются.

Первый бог. Милая Шен Де, спасибо за гостеприимство.
Мы не забудем, что именно ты приютила нас. Верни водоносу
его посуду и передай нашу благодарность за то, что он показал
нам доброго человека.

Шен Де. Я не добрая. Сказать по правде, когда Ван обра-
тился ко мне с просьбой дать вам пристанище, я заколебалась.

Первый бог. Колебание не беда, если его побороть.
Знай, что ты подарила нам нечто большее, чем ночлег. У многих,
и даже у нас, богов, возникло сомнение — существуют ли еще
на свете добрые люди. Для того чтоб это выяснить, мы и пред-
приняли наше путешествие. Мы продолжаем его с радостью,
потому что одного уже нашли. До свидания!

Шен Де. Остановитесь, мудрейшие, я совсем не уверена,
что я добрая. Правда, я хотела бы быть такой, но как же тогда
с платой за комнату? Признаюсь вам: чтобы жить, я продаю
себя. Но даже этим путем я не могу просуществовать, слишком
многим приходится делать то же самое. И вот я готова на все,
но кто же не готов на все? Конечно, я охотно соблюдала бы за-
поведи — почитание старших и воздержание от лжи. Не пожелать
дома ближнего своего было бы для меня радостью, быть вер-
ной одному мужчине — приятно. Я не хотела бы также никого
использовать и обижать беззащитного. Но как сделать это?
Даже нарушая заповедь, еле удается прожить.

Первый бог. Все это, Шен Де, не что иное, как сомне-
ния доброго человека.

Третий бог. Прощай, Шен Де! Передай сердечный привет
водоносу. Он был нам добрым другом.

Второй бог. Боюсь, что ему пришлось туго.

Третий бог. Будь счастлива!

Первый бог. Главное, оставайся доброй, Шен Де! Про-
щай!

Поворачиваются, чтобы уйти, кивают ей на прощание.

Шен Де (*испуганно*). Но я не уверена в себе, мудрейшие!
Как мне быть доброй, когда все так дорого?

Второй бог. Здесь мы, к сожалению, бессильны. В экономические вопросы мы не можем вмешиваться.

Третий бог. Стойте! Погодите минуту! Если бы у нее были кое-какие средства, ей, пожалуй, легче было бы оставаться доброй.

Второй бог. Мы не вправе ей ничего дать. Мы не сумеем там, наверху, объяснить это.

Первый бог. А почему бы нет?

Шепчутся, оживленно дискутируя.

(Шен Де, смущенно.) Мы слышали — тебе нечем заплатить за комнату. Мы люди не бедные и в состоянии отблагодарить за ночлег. Вот! (Дает ей деньги.) Только никому не говори, что мы тебе дали денег. А то, пожалуй, еще не так истолкуют.

Второй бог. Еще бы!

Третий бог. Нет, это дозволено. Мы ничего не нарушили, если рассчитались за ночлег. В постановлении об этом ничего не сказано. Итак, до свидания!

Боги быстро уходят.

I

Маленькая табачная лавка.

Лавка не совсем еще обставлена и не открыта.

Шен Де (публике). Вот уже три дня, как ушли боги. Они сказали, что платят мне за ночлег. Но когда я посмотрела, что они мне дали, то увидела больше тысячи серебряных долларов. Я купила на эти деньги табачную лавочку. Вчера я переехала сюда и надеюсь, что сумею сделать много добра. Например, госпожа Шин, прежняя владелица лавки. Уже вчера она приходила просить у меня рису для своих детей. Вот и сегодня, я вижу, она идет через площадь со своим горшком.

Входит Шин. Женщины раскланиваются друг с другом.

Добрый день, госпожа Шин.

Шин. Добрый день, мадемуазель Шен Де. Как вы чувствуете себя в вашем новом доме?

Шен Де. Хорошо. Как ваши дети провели ночь?

Шин. В чужом-то доме! Если только можно назвать домом этот барак. Младший уже кашляет.

Шен Де. Плохо.

Ш и н. Вы не можете понять, что такое плохо, потому что вам хорошо живется. Но и вам придется кое-что испытать здесь, в этой лавчонке. Не забывайте — это квартал нищеты.

Ш е н Д е. Да, но ведь в обеденный перерыв, как вы мне говорили, заходят рабочие цементного завода?

Ш и н. Кроме них, никто ничего не покупает, даже соседи.

Ш е н Д е. Когда вы уступали мне лавку, вы не сказали об этом ни слова.

Ш и н. Не хватает только ваших упреков! Мало вам того, что вы лишили моих детей крова! А потом растравляете разговорами о лавчонке и нищенском квартале. Сколько можно!.. (Плачет.)

Ш е н Д е (быстро). Я сейчас принесу вам рис.

Ш и н. Я хотела бы еще попросить взаймы немного денег.

Ш е н Д е (между тем как она сыплет рис в горшок). Этого я не могу, я же ничего еще не выручила.

Ш и н. Мне нужны деньги. Чем жить? Вы отняли у меня все и еще хотите доконать. Я подброшу вам своих детей на порог, кровопийца! (Вырывает у Шен Де из рук горшок.)

Ш е н Д е. Не сердитесь, рассыпете рис!

Входит пожилая пара и бедно одетый человек.

Ж е н щ и н а. Милая моя Шен Де, мы слышали, что тебе повезло. Ты стала деловой женщиной! Представь себе, мы без крыши над головой. Нашу табачную лавку пришлось закрыть. Мы и подумали, нельзя ли провести у тебя хотя бы одну ночь. Ты ведь помнишь моего племянника? Вот он, мы никогда не расстаемся.

П л е м я н н и к (оглядывая помещение). Славная лавчонка!

Ш и н. Что это за люди?

Ш е н Д е. Когда я приехала из деревни в город, это были мои первые квартирные хозяева. (Публике.) Когда гроши, которые были со мной, кончились, они выгнали меня на улицу. Они, вероятно, боятся, что я откажу им. Бедняги.

Они без приюта,

Без счастья, без доли.

Нужна им поддержка,

Как им откажешь?

(Приветливо, пришедшим.) Пожалуйста, пожалуйста! Я охотно приму вас. Правда, у меня всего-навсего крохотная комнатка позади лавки.

М у ж ч и н а. С нас хватит. Не беспокойся. (Между тем как Шен Де приносит чай.) Мы устроимся вот здесь, чтобы не мешать. Ты, должно быть, выбрала табачную торговлю в память о первом пристанище у нас? Мы смогли бы помочь тебе кое-какими советами. Потому-то и явились сюда.

Шин (*насмешливо*). Надо надеяться, что появятся еще и покупатели?

Женщина. Это она про нас?

Мужчина. Тсс! Вот и покупатель!

Входит оборванный человек.

Оборванный человек. Простите. Я безработный.

Шин смеется.

Шен Де. Чем могу служить?

Безработный. Я слышал, вы завтра открываете лавку, и подумал: когда распаковывают товар, бывает, что-нибудь портится. Не найдется ли у вас лишней сигареты?

Женщина. Это уже слишком — выпрашивать табак! Если бы еще хлеб!

Безработный. Хлеб дорог. Две-три затяжки — и я другой человек. Я так устал.

Шен Де (*дает ему сигареты*). Это очень важно — стать другим человеком. Будьте же моим первым покупателем. Вы принесете мне счастье.

Безработный быстро закуривает и, кашляя, уходит.

Женщина. Правильно ли ты поступила, милая Шен Де?

Шин. Если вы будете так торговать, то в три дня проторгуетесь.

Мужчина. Бьюсь об заклад — у него в кармане были деньги.

Шен Де. Но он сказал, что у него ничего нет.

Племянник. Откуда вы знаете, что он не солгал?

Шен Де (*с возмущением*). Откуда я знаю, что он солгал?

Женщина (*покачивая головой*). Она не умеет сказать "нет"! Ты слишком добра, Шен Де. Если хочешь сохранить лавку, научись отказывать, когда к тебе обращаются.

Мужчина. Скажи, что она не твоя, что она принадлежит твоему родственнику, который требует от тебя отчета. Разве это трудно сказать?

Шин. Совсем нетрудно, если бы не страсть разыгрывать из себя благодетельницу.

Шен Де (*смеется*). Ругайтесь, ругайтесь! Вот я возьму да откажу вам в жилье и рис тоже заберу обратно!

Женщина (*испуганно*). Как, и рис тоже твой?

Шен Де (*публике*)

Они — плохие.

Они никого не любят.

Они никому не пожелают полной тарелки.
Они знают только себя.
Кто их осудит за это?

Входит человек маленького роста.

Шин (*видит его и спешит уйти*). Завтра загляну опять.
(*Уходит.*)

Маленький человек (*кричит ей вслед*). Пойдите, госпожа Шин! Вы-то мне и нужны!

Женщина. Почему она сюда приходит? У нее есть права на тебя, что ли?

Шен Де. Прав нет, но есть голод, это больше.

Маленький человек. Она знает, почему спешит унести ноги. Вы новая владелица лавки? Уже разложили товар по полкам! Предупреждаю, как вас там, они не ваши! Пока не уплатите за них! Дрянь, которая здесь сидела, не рассчиталась со мной. (*Остальным.*) Я ведь столяр.

Шен Де. Разве полки не принадлежат к обстановке, за которую я заплатила?

Столяр. Обман! Кругом обман! Вы, конечно, заодно с этой Шин! Я требую свои сто серебряных долларов, не будь я Лин То.

Шен Де. Как же я уплачу, если у меня нет больше денег?

Столяр. Тогда я продам их с аукциона! Сию же минуту! Либо вы платите, либо я их продаю!

Мужчина (*подсказывает Шен Де*). Родственник!

Шен Де. Нельзя ли подождать до следующего месяца?

Столяр (*кричит*). Нет!

Шен Де. Не будьте жестоки, господин Лин То. Я не в состоянии со всеми сразу рассчитаться. (*Публике.*)

Немного снисхождения — удваиваются силы.

Вот ломовая лошадь нагнулась за травой.

Смотрите на это сквозь пальцы —

Она лучше потянет телегу.

Немного терпенья в июне — и твое дерево

В августе согнется под тяжестью персиков.

Разве можно жить вместе без снисхождения?

Маленькая отсрочка

Помогает великой цели.

(*Столяру.*) Будьте снисходительны, господин Лин То!

Столяр. А кто будет снисходителен ко мне и моей семье? (*Отодвигает одну из полок от стены, словно хочет унести с собой.*) Деньги, или я уношу полки!

Женщина. Милая Шен Де, почему бы тебе не поручить это дело своему родственнику? (*Столяру.*) Напишите счет, и двоюродный брат Шен Де заплатит.

Столяр. Знаем мы этих двоюродных братьев!

Племянник. Что ты смеешься как дурак! Я знаю его лично.

Мужчина. Это не человек, это нож!

Столяр. Хорошо, пусть ему передадут мой счет. (*Отпродывает полку, садится на нее и пишет счет.*)

Женщина. Он стащит с тебя последнюю рубаху, если его не остановить. Отвергай притязания, справедливы они или нет, потому что у тебя отбоя не будет от притязаний, справедливых или нет. Брось кусок мяса в бочку с мусором, и собаки всего квартала перегрызутся у тебя во дворе. Зачем-нибудь да существуют суды?

Шен Де. Он работал и вправе получить за свой труд. И у него семья. Обидно, что я не могу заплатить! Что скажут боги?

Мужчина. Ты выполнила свой долг уже тем, что приютила нас, это более чем достаточно.

Входят хромой человек и беременная женщина.

Хромой (*мужу и жене*). Так вот вы где! Миленькие родственнички, нечего сказать! Бросить нас на углу улицы, красиво!

Женщина (*смущенно, Шен Де*). Это мой брат Вун и невестка. (*Обоим.*) Не бранитесь и садитесь спокойно в уголок, чтобы не мешать Шен Де, нашему старому другу. (*Шен Де.*) Я думаю, придется оставить обоих — невестка уже на пятом месяце. Или ты другого мнения?

Шен Де. Пожалуйста!

Женщина. Благодарите. Чашки стоят вон там. (*Шен Де.*) Эти вообще бы не знали, куда деваться. Какое счастье, что у тебя есть лавка!

Шен Де (*улыбаясь, несет чай. Публике*). Да, счастье, что у меня есть лавка!

Входит домовладелица Ми Дзю с бумагой в руке.

Домовладелица. Мадемуазель Шен Де, я владелица дома, госпожа Ми Дзю. Надеюсь, мы будем ладить друг с другом. Вот договор о найме. (*Между тем как Шен Де читает договор.*) Чудесное мгновение — открытие маленького торгового дела, вы согласны, господа? (*Осматривается кругом.*) На полках еще, правда, пусто, но ничего, обойдется. Вы, конечно, сможете представить мне несколько рекомендаций?

Шен Де. Разве это необходимо?

Домовладелица. Но я совсем не знаю вас.

Мужчина. А если мы поручимся за Шен Де? Мы знаем

ее с тех пор, как она приехала в город, и готовы в любую минуту ругаться за нее головой.

Домовладелица. А вы кто такой?

Мужчина. Торговец табаком, Ма Фу.

Домовладелица. Где ваша лавка?

Мужчина. В данный момент у меня нет лавки. Видите ли, я ее как раз только что продал.

Домовладелица. Так. (*Шен Де.*) Больше некому дать о вас сведения?

Женщина (*подсказывает*). Двоюродный брат! Двоюродный брат!

Домовладелица. Должен же у вас быть кто-нибудь, кто поручится за того, кого я впускаю в дом. Это почтенный дом, моя милая. Иначе я не могу позволить себе заключить с вами договор.

Шен Де (*медленно, опустив глаза*). У меня есть двоюродный брат.

Домовладелица. Ах, у вас есть двоюродный брат? Здесь, в городе? Так давайте пойдем прямо к нему. Чем он занимается?

Шен Де. Он живет не здесь, а в другом городе.

Женщина. Ты, кажется, говорила — в Шуне?

Шен Де. Господин Шой Да. В Шуне!

Мужчина. Да, да, я отлично его знаю. Высокий такой, худощавый.

Племянник (*столяру*). Вы, кажется, тоже договаривались с двоюродным братом мадемуазель Шен Де о полках!

Столяр (*ворчливо*). Как раз выписываю для него счет. Вот он! (*Передает счет.*) Завтра утром приду опять! (*Уходит.*)

Племянник (*кричит ему вслед, косясь на домовладелицу*). Можете не беспокоиться, двоюродный брат за все расплатится!

Домовладелица (*пронизывая взглядом Шен Де*). Ну что же! И я буду рада познакомиться с ним. Добрый вечер, мадемуазель. (*Уходит.*)

Женщина (*после паузы*). Теперь все откроется! Можешь быть уверена, уже завтра утром она узнает о тебе все.

Невестка (*тихо, племяннику*). Долго здесь не удержаться!

Входит старик, которого ведет мальчик.

Мальчик (*через плечо*). Они здесь.

Женщина. Здравствуй, дедушка. (*Шен Де.*) Добрый старик! Воображаю, как он беспокоился о нас. А мальчик, не правда ли, сильно вырос. Жрет за троих. Кого вы там еще привели?

Мужчина (*выглянув наружу*). Никого, кроме племянницы.

Женщина (*Шен Де*). Молоденькая, только-только из деревни. Надеюсь, это не обременит тебя? Когда ты жила с нами, нас еще не было так много, правда? Но нас становилось все больше. Чем хуже жилось, тем больше прибавлялось. И чем больше прибавлялось, тем хуже жилось. А теперь давайте запрем дверь на засов, не то покоя не будет. (*Запирает двери.*)

Все садятся.

Главное — не мешать твоему делу. Иначе дым не поднимется над крышей этого дома. Надо установить порядок: днем младшие уходят, остаются только дедушка, невестка и, пожалуй, еще я. Остальные заглядывают в течение дня самое большее раз-два, верно? Ну а сейчас зажгите-ка лампу и устраивайтесь поуютнее.

Племянник (*юмористически*). Только бы не ворвался сегодня ночью двоюродный брат, этот грозный господин Шой Да.

Невестка смеется.

Брат (*тянется за сигаретой*). Одна не имеет значения!
Мужчина. Никакого.

Все берут сигареты и закуривают. Брат передает по кругу кувшин с вином.

Племянник. Двоюродный брат заплатит!
Дедушка (*серьезно, Шен Де*). Добрый день!

Шен Де, смущенная этим запоздалым приветствием, кланяется. В одной руке она держит счет столяра, в другой — договор о найме.

Женщина. Спели бы вы что-нибудь, развлекли бы хозяйку!

Племянник. Дедушка начнет!

Они поют.

ПЕСНЯ О ДЫМЕ

Дедушка

Покуда не стала вся голова седая,
Я думал, что разум пробиться мне поможет,
Теперь я уж знаю, что мудрость никакая
Голодный желудок наполнить не сможет.

И вот я говорю: забудь про все!
Взгляни на серый дым.
Все холоднее холода, к которым он уходит.
Вот так и ты пойдешь за ним.

М у ж ч и н а

Три шкуры сдирают за честную работу.
Я поглядел и выбрал кривой, окольный путь.
Но нашему брату и здесь не дали ходу.
Теперь я не знаю, куда мне свернуть.

И вот я говорю: забудь про все!
Взгляни на серый дым.
Все холоднее холода, к которым он уходит.
Вот так и ты пойдешь за ним.

П л е м я н н и ц а

Надежды — не для старых. Надеждам нужно время.
Чтоб их создать сначала. Чтоб их разбить потом.
Для юных — двери настежь. Но мы — путями всеми
Через любые двери — в Ничто пойдём.

И вот я говорю: забудь про все!
Взгляни на серый дым.
Все холоднее холода, к которым он уходит.
Вот так и ты пойдешь за ним.

П л е м я н н и к (*брату*). Откуда у тебя вино?

Н е в е с т к а. Он заложил мешок табаку.

М у ж ч и н а. Что? Этот табак был единственное, что у нас
еще оставалось! Мы не прикасались к нему даже для того, чтобы
уплатить за ночлег! Свинья!

Б р а т. Ты называешь меня свиньей за то, что моей жене
холодно? Ты же сам пил. Сейчас же давай сюда кувшин!

Они дерутся. Полки с табаком падают.

Ш е н Д е (*умоляет их*). О, пожалейте лавку, не ломайте
ее! Это дар богов! Берите все, что хотите, но не ломайте!

Ж е н щ и н а (*скептически*). Лавка меньше, чем я пред-
полагала. Вряд ли следовало рассказывать о ней нашей тете и
другим. Если еще они припрутся, станет совсем тесно.

Н е в е с т к а. Да и хозяйка как будто стала холоднее!

Снаружи раздаются голоса и стук в дверь.

К р и к и. Откройте! Это мы!

Ж е н щ и н а. Тетя, это ты? Ой, что делать?

Ш е н Д е. Моя милая лавка! О моя надежда! Едва откры-
лась — и уже не лавка. (*Публике*.)

Спасенья маленькая лодка
Тотчас же идет на дно —
Ведь слишком много тонущих
Схватились жадно за борта.
К р и к и (снаружи). Откройте!

ИНТЕРМЕДИЯ ПОД МОСТОМ

У реки, скорчившись, сидит в о д о н о с.

В а н (оглядываясь кругом). Тишина кругом. Уже четвертый день, как я здесь скрываюсь. Они меня не найдут, потому что я гляжу в оба. Я нарочно бежал в ту сторону, куда они уходили. Вчера они перешли мост, я слышал их шаги над своей головой. Сейчас они должны быть уже далеко, я в безопасности. (Ложится и засыпает.)

Музыка. Насыпь делается прозрачной, и появляются б о г и.

(Закрывая лицо локтем, словно защищаясь от удара.) Не говорите ничего, я все знаю! Я не нашел никого, кто захотел бы приютить вас, ни одного дома! Теперь вам все известно! Идите же дальше.

Пер в ы й б о г. Нет, ты нашел. Когда тебя не было, тот, кого ты нашел, явился. Он пустил нас к себе ночевать, он охранял наш сон и посветил лампой, когда мы уходили. Ты назвал его добрым человеком, и он оказался добрым.

В а н. Так это была Шен Де?

Т р е т ь и й б о г. Конечно!

В а н. А я, малOVER, убежал! Только потому, что думал: она не может прийти. Не может прийти, потому что дела ее плохи.

Б о г и

О слабый!

Добросердечный, но слабый человек!

С нуждою рядом — он доброты не видит.

Рядом с опасностью — не видит храбрых.

О слабость — ты к хорошему слепа!

О приговоры слишком скорые! Отчаянье,

Что слишком рано и легко приходит!

В а н. Мне очень стыдно, мудрейшие!

Пер в ы й б о г. Теперь, Ван, сделай нам одолжение, скорее возвращайся в столицу и найди добрую Шен Де, чтобы рассказать нам о ней. Ей теперь хорошо. Говорят, она достала денег на маленькую лавку и получила возможность следовать велению своего доброго сердца. Дай ей понять, что ты нуждаешься в ее

помощи, ибо человек не может долго оставаться добрым, если от него не требуют доброты. Мы же отправимся дальше на поиски людей, которые походили бы на нашего доброго человека из Сычуани, дабы прекратить наконец разговоры о том, что добрые люди не находят себе места на земле.

Б о г и исчезают.

II

Табачная лавка.

Повсюду спящие люди. Лампа еще горит. Стучат.

Ж е н щ и н а (*заспанная, поднимается*). Шен Де! Стучат! Где она там?

П л е м я н н и к. Вероятно, пошла за завтраком. Господин двоюродный брат заплатит!

Женщина смеется и, волоча ноги, идет к двери. Входит молодой человек, за ним столяр.

Молодой человек. Я двоюродный брат.

Ж е н щ и н а (*в изумлении*). Как? Кто вы?

Молодой человек. Меня зовут Шой Да.

Г о с т и (*поднимая один другого*). Двоюродный брат! Да ведь это была шутка, у нее же нет никакого двоюродного брата!

— Но вот пришел какой-то и заявляет, что он двоюродный брат!..

— Поразительно, в такую рань!

П л е м я н н и к. Если вы двоюродный брат хозяйки, сударь, то разбудьте нам поскорее завтрак!

Ш о й Д а (*гася лампу*). Скоро придут первые покупатели, одевайтесь живее, пожалуйста, пора открывать мою лавку.

М у ж ч и н а. Вашу лавку? Я думал, это лавка нашей приятельницы Шен Де?

Шой Да отрицательно качает головой.

Как, это не ее лавка?

Н е в е с т к а. Здорово она надула нас. Да где же она пропадает?

Ш о й Д а. Она задержалась. И просила вам передать, что, поскольку здесь я, она ничем больше не может вам помочь.

Женщина (*потрясенная*). А мы считали ее добрым человеком!

Племянник. Не верьте ему! Надо ее найти.

Мужчина. Да, мы этим сейчас займемся. (*Распоряжается.*) Ты, и ты, и ты, и ты, вы ищите ее повсюду. Мы с дедушкой останемся здесь, охранять крепость. Мальчик за это время раздобудет что-нибудь поесть. (*Мальчику.*) Видишь там на углу булочную? Проберись-ка туда и засунь побольше за пазуху.

Невестка. Не забудь захватить парочку маленьких светлых пирожков!

Мужчина. Только берегись булочника, чтоб он не поймал тебя. И смотри не наскочи на полицейского!

Мальчик кивает головой и уходит. Остальные быстро одеваются.

Шой Да. Боюсь, что кража дурно отразится на репутации заведения, где вы нашли приют.

Племянник. Не обращайтесь на него внимания. Мы ее сейчас найдем, и она как следует его проучит!

Племянник, брат, невестка и племянница уходят.

Невестка (*на ходу*). Оставьте нам что-нибудь от завтрака!

Шой Да (*спокойно*). Вы ее не найдете. Моя кузина, естественно, сожалеет, что не может бесконечно соблюдать закон гостеприимства. Увы, вас слишком много! Вы заняли табачную лавку, а она нужна мадемуазель Шен Де.

Мужчина. Наша Шен Де не смогла бы даже вымолвить что-нибудь подобное.

Шой Да. Возможно, вы и правы. (*Столяру.*) Вся беда в том, что нужда в этом городе слишком велика, чтобы ее одолел один человек. К сожалению, за последние одиннадцать столетий не произошло никаких изменений, с тех самых пор, как кто-то сочинил четверостишие:

- Что нужно, — губернатора спросили, —
- Чтоб те, кто мерзнет в городе, не мерзли?
- О, одеяло в десять тысяч футов —

Накрыть предместья, — вот что он ответил. (*Начинает приводить лавку в порядок.*)

Столяр. Я вижу, вы стараетесь уладить дела вашей кузины. Кстати, за ней маленький должок — хорошо бы его погасить — за полки. Он подтвержден свидетелями. Сто серебряных долларов.

Шой Да (*вытаскивает из кармана счет, не без дружеской нотки*). Не кажется ли вам, что сто серебряных долларов — это чересчур?

Столяр. Нет, не кажется. И я ничего не сбавлю. Мне нужно кормить жену и детей.

Шой Да (*жестко*). Сколько детей?

Столяр. Четверо.

Шой Да. Тогда я предлагаю вам двадцать серебряных долларов.

Мужчина смеется.

Столяр. Вы с ума сошли? Полки из орехового дерева!

Шой Да. Пожалуйста, забирайте их.

Столяр. Что это значит?

Шой Да. Они слишком дороги для меня. Прошу вас убрать отсюда полки из орехового дерева.

Женщина. Ловко он его отбрил! (*Тоже смеется.*)

Столяр (*неуверенно*). Я требую, чтобы пришла мадемузель Шен Де. Она, по-видимому, порядочнее вас.

Шой Да. Безусловно. Она разорена.

Столяр (*решительно берет одну из полок и несет к двери*). Можете валить свой товар на пол! Мне наплевать!

Шой Да (*мужчине*). Помогите ему!

Мужчина (*тоже хватая полки и, ухмыляясь, несет к выходу*). Итак, полки вон!

Столяр. Ты собака! Что же, по-твоему, моя семья должна подыхать с голоду?

Шой Да. Я еще раз предлагаю вам двадцать серебряных долларов, и только потому, что не хочу класть свой товар на пол.

Столяр. Сто!

Шой Да равнодушно смотрит в окно. Мужчина снова берется за полки.

Не сломай по крайней мере о косяк, идиот! (*В отчаянии.*) Да, но они же сколочены по мерке! Они годятся только для этой дыры, и никуда больше. Доски ведь разрезаны.

Шой Да. В том-то и дело. Поэтому я и даю вам только двадцать серебряных долларов. Поскольку доски разрезаны.

Женщина визжит от удовольствия.

Столяр (*вдруг устало*). Пропави все пропадом! Берите полки и платите сколько хотите.

Шой Да. Двадцать серебряных долларов. (*Кладет на стол две большие монеты.*)

Столяр берет их.

М у ж ч и н а (*несет полки обратно*). Хватит за кучу нарезанных досок.

С т о л я р. Да, хватит, чтобы напиться пьяным! (*Уходит.*)

М у ж ч и н а. Этого вы проводили!

Ж е н щ и н а (*вытирая выступившие от смеха слезы*). "Они из орехового дерева!" — "Забирайте их!" — "Сто серебряных долларов! У меня четверо детей!" — "Тогда я плачу двадцать". — "Но они разрезаны!" — "В том-то и дело! Двадцать серебряных долларов!" Вот как нужно обращаться с этими типами.

Ш о й Д а. Да. (*Серьезно.*) А теперь — уходите.

М у ж ч и н а. Мы?

Ш о й Д а. Да, вы. Вы воры и паразиты. Если вы уйдете сейчас же, не теряя времени на споры, вы еще можете спастись.

М у ж ч и н а. Лучше всего совсем не отвечать ему. Орать на пустой желудок не дело. Хотел бы я знать, куда девался мальчишка?

Ш о й Д а. Да, куда девался мальчик? Я вас предупредил, что не хочу видеть его с краденными пирожками в своей лавке. (*Вдруг кричит.*) Уходите!

Они остаются на своих местах.

(*Снова совершенно спокойно.*) Как вам угодно. (*Идет к двери и низко кланяется кому-то.*)

В дверях появляется п о л и ц е й с к и й.

Полагаю, что вижу перед собой представителя власти, охраняющего этот квартал.

П о л и ц е й с к и й. Совершенно верно, господин...

Ш о й Д а. Шой Да.

Они улыбаются друг другу.

Приятная погода сегодня!

П о л и ц е й с к и й. Пожалуй, несколько жарко.

Ш о й Д а. Да. Пожалуй, несколько жарко.

М у ж ч и н а (*тихо, жене*). Если он будет болтать, вернется мальчишка, и нас схватят. (*Пробует тайно делать Шой Да знаки.*)

Ш о й Д а (*не обращая внимания*). Однако по-разному судят о погоде в прохладном помещении и на пыльной улице.

П о л и ц е й с к и й. Безусловно! По-разному!

Ж е н щ и н а (*мужу*). Успокойся! Мальчик увидит в дверях полицейского и не зайдет.

Шой Да. Входите же. Здесь прохладнее. Моя кузина и я открыли лавку. Разрешите сказать вам, что мы придаем большое значение хорошим отношениям с начальством.

Полицейский (входит в помещение). Вы очень любезны, господин Шой Да. Да, здесь действительно прохладно.

Мужчина (тихо). Он нарочно ввел сюда полицейского, чтобы мальчик не увидел его снаружи.

Шой Да. Гости! Как я слышал, дальнейшее знакомство моей кузины. Они здесь проездом.

Взаимное приветствие.

Мы как раз собирались распрощаться.

Мужчина (хрипло). Ну, мы пошли.

Шой Да. Я передам кузине, что вы благодарите ее за ночлег, но не имели времени ее дождаться.

С улицы доносятся шум и крики: "Держи вора!"

Полицейский. Что такое?

В дверях стоит мальчик. Из-за пазухи падают лепешки и пирожки. Женщина делает ему отчаянные знаки, чтобы он уходил. Он поворачивается и хочет уйти.

Эй, ты, стой! (Хватает его.) Откуда у тебя пирожки?

Мальчик. Вот оттуда.

Полицейский. Ага, кража?

Женщина. Мы ничего не знали. Мальчишка сделал это на свой страх и риск. Негодяй.

Полицейский. Господин Шой Да, не объясните ли вы, что здесь произошло?

Шой Да молчит.

Ага! Все пойдете со мной в участок.

Шой Да. Я вне себя, что у них случилось нечто подобное.

Женщина. Он видел, как мальчик ушел.

Шой Да. Могу заверить вас, господин полицейский, что вряд ли я пригласил бы вас, если бы хотел скрыть преступление.

Полицейский. Само собой очевидно. Но вы понимаете, конечно, господин Шой Да, что мой долг задержать этих людей.

Шой Да кланяется.

Вперед, марш! (Выгоняет их за дверь.)

Старик (на пороге, миролюбиво). До свиданья.

Все, кроме Шой Да, уходят. Он продолжает приводить помещение в порядок. Входит д о м о в л а д е л и ц а.

Д о м о в л а д е л и ц а. Так вы, стало быть, и есть двоюродный брат! Как это понять — в моем доме арестовывают людей? Ваша кухня посмела устраивать здесь постоянный двор? Вот что получается, когда снисходишь к людям, которые еще вчера ютились в каморках и выпрашивали у булочника лепешки. Вы видите, я все знаю.

Ш о й Д а. Вижу. Вам наговорили о моей кухне много плохого. Ее обвинили в том, что она голодала! В самом деле, она жила в нищете. У нее самое дурное имя — она бедна.

Д о м о в л а д е л и ц а. Она была самой обыкновенной...

Ш о й Д а. Нищенкой. Произнесем это жестокое слово!

Д о м о в л а д е л и ц а. Ах, пожалуйста, только без сентиментальностей! Я говорю о ее поведении, а не о доходах. Не сомневаюсь, что некоторые доходы все же были — иначе не было бы и лавки. Кое-какие пожилые мужчины позаботились. Откуда же взялась лавка? Сударь, это почтенный дом! Люди, которые платят здесь за квартиры, не желают жить под одной крышей с такой особой, да!

Пауза.

Я не изверг, но обязана принять это во внимание.

Ш о й Д а (*холодно*). Госпожа Ми Дзю, я занят. Скажите прямо, во сколько обойдется нам жизнь в этом почтенном доме?

Д о м о в л а д е л и ц а. Признаюсь, человек вы хладнокровный.

Ш о й Д а (*достает из-под прилавка договор на наем помещения*). Плата очень высока. Я понимаю договор так, что плату нужно вносить ежемесячно.

Д о м о в л а д е л и ц а (*быстро*). Но не людям, подобным вашей кухне.

Ш о й Д а. Как вас понять?

Д о м о в л а д е л и ц а. А так, что людям, подобным вашей кухне, полагается вносить сумму в двести серебряных долларов за полгода вперед.

Ш о й Д а. Двести серебряных долларов! Но это же разбой! Где мне достать их? На большой оборот я не могу здесь рассчитывать. Единственная надежда, что работницы, которые шьют на цементном заводе мешки, много курят — работа, как мне говорили, изнурительная. Но они мало зарабатывают.

Д о м о в л а д е л и ц а. Об этом вы должны были раньше подумать.

Ш о й Д а. Госпожа Ми Дзю, нельзя так жестоко. Верно, моя кухня допустила непростительную ошибку, приютив бездомных.

Но она исправится, я позабочусь о том, чтоб она исправилась. С другой стороны, посудите сами, разве могли бы вы найти лучшего жильца, чем человек, который знает дно жизни, потому что сам оттуда? Он будет работать как проклятый, только бы вовремя уплатить вам, он все сделает, всем пожертвует, все продаст, ни перед чем не остановится и при этом будет вести себя тихо, как мышка, как мошка, во всем вам подчинится. лишь бы снова не вернуться туда. Да такой жилец дороже золота.

Д о м о в л а д е л и ц а. Двести серебряных долларов вперед, или она пойдет на улицу, откуда пришла.

В х о д и т п о л и ц е й с к и й.

П о л и ц е й с к и й. Надеюсь, я вам не помешаю, господин Шой Да.

Д о м о в л а д е л и ц а. Полиция действительно проявляет к этой лавке совершенно исключительное внимание.

П о л и ц е й с к и й. Госпожа Ми Дзю, надеюсь, у вас не создано ложного впечатления. Господин Шой Да оказал нам услугу, и я специально пришел, чтобы поблагодарить его от имени полиции.

Д о м о в л а д е л и ц а. Ну, меня это не касается. Буду надеяться, господин Шой Да, что вашей кухне понравится мое предложение. Я привыкла жить в согласии со своими жильцами. До свидания, господа. *(Уходит.)*

Ш о й Д а. До свидания, госпожа Ми Дзю.

П о л и ц е й с к и й. У вас недоразумения с госпожой Ми Дзю?

Ш о й Д а. Она требует с меня арендную плату вперед, поскольку моя кухня не кажется ей достаточно respectable-ной.

П о л и ц е й с к и й. Разве у вас нет денег?

Ш о й Д а молчит.

Такой человек, как вы, господин Шой Да, должен же пользоваться кредитом?

Ш о й Д а. Возможно. Но как получить кредит такому лицу, как Шен Де?

П о л и ц е й с к и й. Разве вы не собираетесь остаться здесь?

Ш о й Д а. Нет. И не смогу вернуться обратно. Только проездом мне удалось протянуть ей руку помощи, лишь бы отвратить худшее. Скоро она опять будет предоставлена самой себе, и я боюсь даже думать, что ее ждет.

П о л и ц е й с к и й. Господин Шой Да, мне очень жаль, что у вас затруднения с арендной платой. Должен признаться, что

сначала мы косились на эту лавку, но сегодня ваш решительный поступок рекомендует вас с лучшей стороны. Мы, представители власти, с первого взгляда замечаем, на кого можем рассчитывать как на оплот порядка.

Шой Да (*горько*). Господин полицейский, чтобы спасти эту маленькую лавку, которую моя кузина считает даром богов, я готов дойти до пределов дозволенного законом. Но жестокость и хитрость помогают только против низших, ибо границы проведены разумно. Я нахожусь в положении человека, который едва покончил с крысами, как ему преградила путь река. (*После маленькой паузы.*) Вы курите?

Полицейский (*засовывая в карман две сигары*). Нам, представителям власти, было бы очень жаль потерять вас, но вы должны понять также и госпожу Ми Дзю. Шен Де — и здесь мы не должны обманываться — жила за счет того, что продавала себя мужчинам. Вы можете мне возразить: что ей оставалось делать? Чем, к примеру, платить за квартиру? Но при всем том, согласитесь, это не респектабельно. Почему? Первое: любовь не принято продавать, иначе это будет продажная любовь. Второе: респектабельно быть не с тем, кто платит, а с тем, кого любят. Третье: не за горсть риса, а по любви. Прекрасно, скажете вы мне, но что стоит вся наша мудрость, если молоко уже пролито? Как ей быть? Она должна раздобыть плату за полгода. Господин Шой Да, признаюсь вам, на этот вопрос я не нахожу ответа. (*Напряженно думает.*) Господин Шой Да. Есть! Найдите ей мужа!

Входит маленькая старушка.

Старушка. Пожалуйста, дешевую хорошую сигару для моего мужа. Завтра как раз сорок лет со дня нашей свадьбы, и у нас маленькое торжество.

Шой Да (*вежливо*). Сорок лет — и все еще торжество!

Старушка. Насколько это в наших средствах! У нас небольшая торговля коврами — напротив. Надеюсь, мы будем дружными соседями. Это очень важно, особенно когда времена тяжелые.

Шой Да (*предлагает ей разные ящички*). Боюсь, времена иными не бывают.

Полицейский. Господин Шой Да, нам нужен капитал. Так вот, я предлагаю замужество.

Шой Да (*извиняющимся тоном, старушке*). Я поддался соблазну и позволил себе обременить господина полицейского своими частными заботами.

Полицейский. Мы не можем уплатить за полгода. Прекрасно, мы возьмем себе в мужья небольшой капиталец.

Шой Да. Это не так легко будет сделать.

Полицейский. Почему? Чем она не партия! Маленькая развивающаяся торговля! (Старушке.) Что вы думаете об этом?

Старушка (нерешительно). Да..

Полицейский. Объявление в газете.

Старушка (сдержанно). Если барышня согласна...

Полицейский. Как она может быть не согласна? Сейчас напишу. Услуга за услугу. Не думайте, что власти не сочувствуют мелким торговцам, которые ведут суровую борьбу за существование. Вы помогаете нам, а мы за это сочиним вам объявление о намерении вступить в брак. Ха-ха-ха! (Решительно извлекает записную книжку, слонит огрызок карандаша и пишет.)

Шой Да (медленно). Неплохая мысль.

Полицейский. "Какой... приличный... мужчина с небольшим капиталом... не исключается вдовец... желает вступить в брак... расцветающую табачную торговлю?" И еще добавим: "Обладаю привлекательной, симпатичной внешностью". Ну как?

Шой Да. Если вы полагаете, что это не будет преувеличением.

Старушка (приветливо). Что вы, что вы! Я ее видела.

Полицейский вырывает из книжки листок бумаги и передает Шой Да.

Шой Да. С ужасом я наблюдаю, сколько нужно удачливому, чтобы не попасть под колеса! Сколько ухищрений! Сколько друзей! (Полицейскому.) Несмотря на всю свою решимость, я не знал, как быть с платой за наем. И вот пришли вы и помогли разумным советом. И в самом деле я, кажется, вижу выход.

III

Вечер в городском парке.

Молодой человек в потрепанной одежде провожает глазами самолет, по-видимому летящий высоко над парком. Он достает из кармана веревку и оглядывается по сторонам. Когда он направляется к высокой иве, на дороге показываются две проститутки. Одна уже старая, другая — племянница из семьи, обосновавшейся у Шен Де.

Молодая. Добрый вечер, миленький. Пойдешь со мной?

Сун. Не исключено, милые дамы, если вы дадите мне поесть.

Старая. Видно, рехнулся? (Молодой.) Пошли дальше. Зря потеряем время. Это же безработный летчик.

Молодая. Но в парке, наверно, уже никого не осталось, сейчас пойдет дождь.

Старая. Поглядим, авось кто-нибудь еще найдется.

Идут дальше. Осмотревшись по сторонам, Сун достает веревку и забрасывает на сук дерева. Но ему опять помешали. Обе проститутки быстро возвращаются. Они не видят его.

Молодая. Ох и ливень будет!

На дороге появляется Шен Де.

Старая. Смотри, вот идет это чудовище! Она погубила тебя и твою родню.

Молодая. Не она. Ее двоюродный брат. Она пустила нас к себе, а потом предлагала заплатить за пирожки. Против нее я ничего не имею.

Старая. Зато я имею! *(Громко.)* Ах, вот она, наша миленькая сестрица со своим золотым горшком! Мало ей лавки, она еще хочет перехватить у нас кавалеров.

Шен Де. Что ты на меня набросилась? Я иду в чайный домик у пруда.

Молодая. Говорят, ты выходишь замуж за вдовца с тремя детьми!

Шен Де. Да, я должна там встретиться с ним.

Сун *(нетерпеливо)*. Уберетесь вы наконец, потаскухи! И здесь покоя от них нет!

Старая. Заткни глотку!

Обе проститутки уходят.

Сун *(кричит им вслед)*. Стервятники! *(Публике.)* Даже в таком уединенном месте они рыщут в поисках своих жертв, даже в кустах, под дождем они норовят поймать своих покупателей.

Шен Де *(сердито)*. Почему вы браните их? *(Замечает веревку.)* Ой!

Сун. Чего вытаращицалась?

Шен Де. Зачем веревка?

Сун. Проходи, сестрица, проходи! У меня нет денег, даже медяка. Но, будь он у меня, я купил бы не тебя, а кружку воды.

Начинается дождь.

Шен Де. Зачем веревка? Вы не должны этого делать!

Сун. Тебе-то что? Убирайся!

Шен Де. Дождь.

С у н. Только попробуй стать под это дерево.

Ш е н Д е (*продолжает неподвижно стоять под дождем*).
Нет.

С у н. Отстань, говорю, напрасно стараешься. Со мной у тебя ничего не выйдет. Ко всему прочему ты слишком некрасива. Кривые ноги.

Ш е н Д е. Неправда.

С у н. Не показывай! Черт с тобой, иди под дерево, раз дождь пошел.

Ш е н Д е (*медленно подходит и садится под деревом*).
Почему вы решились на это?

С у н. Хочешь знать? Ну так я скажу, чтобы только отделаться от тебя.

Пауза.

Ты знаешь, что такое летчик?

Ш е н Д е. Да, в чайном домике я видела летчиков.

С у н. Нет, ты не видела их. А если видела, то пустобрехов и дураков в кожаных колпаках, у которых нет слуха для мотора и чувств для машины. Попадает такой тип в ящик, потому что у него есть чем подмазать управляющего ангаром. Скажи такому: дай твоему ящику упасть с высоты двух тысяч футов сквозь облака, а потом поймай его одним нажимом рычага, и он ответит: этого нет в договоре. Кто не умеет посадить на землю самолет, точно это его собственный зад, тот не летчик, а болтун. А я летчик. И все-таки самый большой дурак на свете — это я сам, потому что я прочел в пекинской школе все книги о полетах. Одну лишь страницу одной только книги я не прочел, а на этой странице было написано, что летчики больше не нужны. И так, я летчик без самолета, почтовый летчик без почты. Да что там — разве ты можешь понять!

Ш е н Д е. Думаю, все-таки могу.

С у н. Нет, раз я говорю тебе, что ты не можешь понять, значит, не можешь.

Ш е н Д е (*смеясь и плача*). В детстве у нас был журавль со сломанным крылом. Он был ласковый, терпеливо переносил наши шалости, важно шествовал с нами и только кричал, чтобы мы не перегоняли его. Но осенью и весной, когда над деревней тянулись большие стаи, он терял покой, и я хорошо понимала его.

С у н. Не реви.

Ш е н Д е. Нет.

С у н. Это портит цвет лица.

Ш е н Д е. Я уже перестала. (*Вытирает рукавом слезы.*)

С у н (*прислонясь к дереву, но не поворачиваясь к Шен Де, протягивает руку и трогает ее лицо*). Ты даже не умеешь как следует вытереть лицо. (*Вытирает ей лицо носовым платком.*)

Пауза.

Раз ты пристаешь, чтоб я не повесился, открой же по крайней мере рот.

Шен Де. Что мне сказать?

Сун. Почему, собственно, ты вздумала вынуть меня из петли, сестра?

Шен Де. Я испугалась. Вы, наверно, пошли на это, потому что вечер такой хмурый. (*Публике.*)

В нашей стране
Не должно быть хмурых вечеров
И высоких мостов над рекой.
Опасен также предутренний час
И вообще зимняя пора.
Дело в том, что бедняка
Может доконать любой пустяк.
И он отшвырнет от себя
Невыносимую жизнь.

Сун. Расскажи о себе.

Шен Де. О чем? У меня есть маленькая лавка.

Сун (*насмешливо*). Ну да? Ты ни за кем не охотишься, у тебя есть лавка!

Шен Де (*решительно*). У меня есть лавка, но прежде я была гулящей.

Сун. Лавку тебе, видно, подарили боги?

Шен Де. Да.

Сун. В один прекрасный вечер они появились и сказали: вот тебе деньги.

Шен Де (*с тихим смехом*). В одно прекрасное утро.

Сун. Нельзя сказать, чтобы с тобой было весело.

Шен Де (*после паузы*). Я умею немного играть на цитре и передразнивать людей. (*Говорит низким голосом почтенного человека.*) "Нет, как вам это нравится, я, кажется, забыл свой кошелек!" Но потом я получила лавку. Тогда я первым делом подарила цитру. Теперь, сказала я себе, я могу быть как истукан, теперь это не нужно!

Теперь я богачка, сказала я себе.

Хожу одна. И сплю одна.

Целый год, сказала я себе,

Не буду иметь дела с мужчинами.

Сун. Но сейчас ты выходишь замуж? За того, в чайном домике, на пруду.

Шен Де молчит.

А что ты, в сущности, знаешь о любви?

Шен Де. Все.

С у н. Ничего, сестра. Ты скажешь, что тебе было хорошо?

Ш е н Д е. Нет.

С у н (*не поворачиваясь, гладит ее по лицу*). А так хорошо?

Ш е н Д е. Да.

С у н. Я вижу, тебе немного надо. Ну что это за город!

Ш е н Д е. У вас нет друзей?

С у н. Целая куча, но ни одного, у которого хватило бы терпения выслушать, что я все еще без работы. Они делают при этом такое лицо, словно им говорят, что в море еще осталась вода. А у тебя разве есть друг?

Ш е н Д е (*нерешительно*). Двоюродный брат.

С у н. Тогда остерегайся его.

Ш е н Д е. Он был здесь всего один раз. Теперь он ушел и никогда больше не вернется. Но почему такая безнадежность? Есть поговорка: говорить без надежды — значит говорить зло.

С у н. Ну, ну, дальше! Все-таки человеческий голос.

Ш е н Д е (*горячо*). Как бы ни свирепствовала нужда, все же есть на свете отзывчивые люди. Когда я была маленькой, я упала однажды с вязанкой хвороста. Какой-то старик поднял меня и даже дал грошник. Я часто вспоминала об этом. Те, у кого мало еды, охотно делятся с другими. Вероятно, люди рады показать, на что они способны, разве не лучшее из того, на что они способны, — доброта? Злоба — это просто отсутствие способностей. Кто поет песню, или строит машину, или сажает рис, тот доброжелательный. И вы тоже такой.

С у н. Я вижу, тебе немного надо.

Ш е н Д е. Да. Теперь я почувствовала каплю дождя.

С у н. Где?

Ш е н Д е. Между глаз.

С у н. Ближе к правому или левому?

Ш е н Д е. К левому.

С у н. Хорошо. (*Через некоторое время, сонным голосом.*)
А с мужчинами ты покончила?

Ш е н Д е (*улыбаясь*). Но ноги у меня не кривые.

С у н. Быть может, и нет.

Ш е н Д е. Наверняка нет.

С у н (*устало прислонясь к дереву*). Но так как я уже два дня ничего не ел и со вчерашнего дня не пил, сестра, то не смог бы любить тебя, даже если бы захотел.

Ш е н Д е. Хорошо, когда идет дождь.

Появляется в о д о н о с В а н. Он поет.

ПЕСНЯ ВОДОНОСА ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ

Гром гремит, и дождик льется,
Ну а я водой торгую,

А вода не продается
И не пьется ни в какую.
Я кричу: "Воды купите!"
Но никто не покупает.
В мой карман за эту воду
Ничего не попадает.
Купите воды, собаки!

Если б дождь не выпадал бы,
Если б он лет семь не лился,
Вот бы я с воды разжился:
Я по капле продавал бы!
"Дай воды! Воды скорее!" —
У ведра б толпа кричала.
Покупателя любого
Я бы оглядел сначала —
А вдруг он мне понравится?
Глотка бы у вас повысохла, собаки!
(Смеясь.)

Дождик брызгает все пуше.
Вы без денег воду пьете
И большое вымя тучи,
Не платя гроша, сосете.
Ну а я кричу, как прежде:
"Воду, воду покупайте!"
И никто не покупает...
Купите воды, собаки!

Дождь перестал.

Шен Де (*видит Вана и подбегает к нему*). Ах, Ван, ты
вернулся? Твоя посуда у меня.

Ван. Спасибо, что сохранила. Как поживаешь, Шен Де?

Шен Де. Хорошо. Я познакомилась с очень умным и сме-
лым человеком. Я хотела бы купить у тебя кружку воды.

Ван. Запрокинь голову, и у тебя будет полон рот воды.
Вон с той ивы все еще капает.

Шен Де. Но я хочу твоей воды, Ван.

Принесенной издалека
И замучившей тебя.
Продающейся так плохо,
Потому что идет дождь.
А мне она нужна для господина,
Что стоит вот там.
Он летчик, а летчик
Смелее других людей.
Вместе с облаками —

Вопреки ураганам —
Он летит сквозь небеса и приносит
Дружеские письма
Друзьям в далекой стране.

(Платит и бежит с кружкой к Суну, обернувшись к Вану, кричит, смеясь.) Он уснул. Безднадежность, дождь и я — мы утомили его.

ИНТЕРМЕДИЯ

Место ночлега Вана — водосточная труба.

Водонос спит. Музыка. Труба становится прозрачной, и спящему являются боги.

Ван (сияя). Я видел ее, мудрейшие! Совсем такая же, как прежде!

Первый бог. Это нас радует.

Ван. Она любит! Она показала мне своего друга. Ей действительно хорошо.

Первый бог. Приятно слышать. Надо надеяться, это укрепит ее стремление к добру.

Ван. О да! Она делает столько добра, сколько в ее силах.

Первый бог. Какие же ее добрые дела? Расскажи, милый Ван!

Ван. Для каждого она находит приветливое слово.

Первый бог (с любопытством). Ну, ну?

Ван. Редко человек уходит из ее маленькой лавки без табака потому лишь, что у него нет денег.

Первый бог. Это звучит неплохо. Еще что?

Ван. Она приютила у себя семью из восьми человек!

Первый бог (торжествуя, обращается ко второму). Из восьми человек! (Вану.) И быть может, это еще не все?

Ван. Она купила у меня кружку воды, несмотря на то что шел дождь.

Первый бог. Все это, в общем, не больше чем мелкая благотворительность. Впрочем, это понятно.

Ван. Но благотворительность стоит денег. Доходы от маленькой лавки всего не покроют.

Первый бог. Конечно, конечно! Но хороший садовник творит чудеса даже на маленьком клочке земли.

Ван. Шен Де так и делает! Каждое утро она раздает рис, и это отнимает больше половины ее дохода. Можете мне поверить, мудрейшие.

Первый бог (слегка разочарованный). Я ничего и не говорю. И не могу сказать, чтоб я был недоволен началом.

Ван. Примите во внимание — времена нелегкие! Ей уже

пришлось однажды вызывать на помощь двоюродного брата, чтобы спасти свою лавчонку.

Едва нашелся укрытый от ветра угол,
Как со всего зимнего неба
Налетели крикливые птичьи стаи,
И дрались за место, и голодная лиса
Прокусила тонкую стенку,
И одноногий волк

Пропрокинул маленькую миску с едой.

Короче говоря, ей самой было не справиться с делами. Но все согласны с тем, что она добрая девушка. Ее уже везде называют "ангел предместий". Так много доброго исходит из ее лавки! Что бы там ни говорил столяр Лин То.

Первый бог. А что? Разве столяр Лин То плохо отзывается о ней?

Ван. Ах, он жалуется только, что полки в лавке не оплачены полностью.

Второй бог. Что ты говоришь? Не заплатили столяру? В лавке Шен Де? Как же она допустила?

Ван. Вероятно, у нее не хватило денег.

Второй бог. Это не ответ. Раз должна — плати! Надо избегать даже намек на непорядочность. Сперва блюда букву закона, а уж потом его дух.

Ван. Но в этом виноват двоюродный брат, мудрейшие, не она.

Второй бог. Тогда этот двоюродный брат не переступит больше ее порога!

Ван (подавленный). Понимаю, мудрейший. В оправдание Шен Де да позволено мне будет сказать, что двоюродный брат известен как весьма почтенный коммерсант. Даже полиция его ценит.

Первый бог. Мы и не собираемся осуждать господина двоюродного брата, прежде чем выслушаем его. Признаться, я плохо разбираюсь в коммерции, и, может быть, надо выяснить, что в коммерции принято и что нет. Ах, эта мне коммерция! Разве это обязательно? Все помешались на делах! Разве семь добрых королей занимались коммерцией? А праведный Кун торговал рыбой? Что общего у коммерции с достойной, честной жизнью?

Второй бог (очень сердито). Так или иначе, это не должно повториться. *(Поворачивается, чтобы идти.)*

Оба других тоже собираются идти.

Третий бог (смущенно). Прости нашу резкость. Мы очень устали сегодня и не выспались. Ночлег! Богатые дают нам наилучшие рекомендации для бедных, но бедные не имеют достаточно жилья.

Б о г и (удаляясь, бранятся). Слаба даже лучшая из них. Ну что тут особенного! Мало! Мало! Понятно, все это от чистого сердца, а толку-то чуть! Она должна была бы по меньшей мере...

Их голоса больше не слышны.

В а н (кричит им вслед). Не гневайтесь, мудрейшие! Не требуйте слишком многого для начала!

IV

Перед табачной лавкой Шен Де.

Цирюльня, торгующая коврами и табачная лавка Шен Де. Понедельник. У лавки Шен Де ждут оставшиеся члены семьи из восьми человек: д е д у ш к а, н е в е с т к а, а также б е з р а б о т н ы й и в д о в а Ш и н.

Н е в е с т к а. Сегодня она не ночевала дома!

Ш и н. Неслыханно! Наконец-то убрался этот свирепый двоюродный братец, и время от времени она снисходит к нам и выделяет кое-что из своих запасов риса. И этого, изволите ли видеть, уже достаточно, чтоб пропадать целыми днями и шляться одним богам известно где!

В цирюльне слышны громкие голоса. Оттуда, спотыкаясь, выбегает В а н, за ним толстый ц и р ю л ь н и к с тяжелыми щипцами для завивки волос в руках.

Г о с п о д и н Ш у Ф у. Я тебе покажу, как приставать к моим клиентам со своей вонючей водой! Бери свою кружку и убирайся прочь!

Ван хочет взять кружку, которую протягивает ему господин Шу Фу, тот ударяет его щипцами по руке так, что Ван громко вскрикивает.

Получай! Впредь будет тебе наука. (Пыхтя, возвращается в цирюльню.)

Б е з р а б о т н ы й (поднимает кружку и протягивает ее Вану). За избиение можешь подать в суд.

В а н. Рука пропала.

Б е з р а б о т н ы й. Что-нибудь сломано?

В а н. Я не могу двинуть ею.

Б е з р а б о т н ы й. Садись и полей ее водой!

Ван садится.

Ш и н. Тебе-то вода ничего не стоит.

Н е в е с т к а. Уже восемь утра, а тут лоскутка льняного не найдешь! Шагни где-то заводит. Позор!

Ш и н (*мрачно*). Она забыла о нас!

По улице идет Ш е н Д е, неся горшок с рисом.

Ш е н Д е (*публике*). Я никогда еще не видела города ранним утром. В эти часы я лежала всегда, накрытая с головой грязным одеялом, оттягивая ужас пробуждения. Сегодня я шла среди мальчишек-газетчиков, мужчин, поливающих водой асфальт, тележек со свежими овощами из деревень. Я прошла длинный путь от квартала Суна до своего дома, но с каждым шагом мне становилось веселей. Я всегда слыхала, что, когда любят, витают в облаках, но ведь самое чудесное, что идешь по земле, по асфальту. Поверьте мне, вы много теряете, если не любите и не видите города в час, когда он поднимается со своего ложа, как бодрый старик ремесленник, который вдыхает свежий воздух и берется за инструмент, как это воспевают поэты. (*Ожидаящим.*) Доброе утро! Вот рис! (*Раздает рис, потом видит Вану.*) Доброе утро, Ван. Сегодня я беспечна. По пути я разглядывала себя в каждой витрине, а теперь мне хочется купить шаль. (*Немного помедлив.*) Мне так хочется выглядеть красивой. (*Быстро входит в лавку, где продаются ковры.*)

Г о с п о д и н Ш у Ф у (*снова появляясь в дверях, публике*). Я поражен, до чего прекрасна сегодня владелица табачной лавки мадемуазель Шен Де, которую я до сих пор совсем не замечал. Всего три минуты, как я видел ее, но чувствую, что уже влюблен. Удивительно симпатичная особа! (*Вану.*) А ты прочь, негодяй! (*Возвращается в цирюльню.*)

Ш е н Д е, очень пожилая супружеская пара — торговец коврами и его жена — выходят из лавки. Шен Де несет шаль, торговец коврами — зеркало.

С т а р у х а. Она очень нарядна и совсем недорого — в ней маленькая дырочка.

Ш е н Д е (*смотрит на шаль, которую держит старуха*). Зеленая тоже нарядна.

С т а р у х а (*улыбаясь*). Но, к сожалению, в ней нет изъяна.

Ш е н Д е. Да, уж такая беда. Я со всей своей лавкой не могу позволить себе чего-нибудь получше. У меня еще мало доходов и уже столько расходов.

С т а р у х а. Благотворительные дела. Зачем же столько? В первое время каждая чашка риса играет роль, скажете — нет?

Шен Де (*примеряет бракованную шаль*). Да, так уж водится, но сейчас я беспечна. Идет мне этот цвет?

Старуха. Об этом следует спросить мужчину.

Шен Де (*поворачиваясь к старику*). К лицу она мне?

Старик. Спросите не меня...

Шен Де (*очень вежливо*). Нет, я спрашиваю вас.

Старик (*так же вежливо*). Шаль идет вам. Только накиньте ее матовой стороной наружу.

Шен Де платит.

Старуха. Если она вам не понравится, вы всегда можете ее обменять. (*Отводит Шен Де в сторону.*) Есть у него кое-какие сбережения?

Шен Де (*смеясь*). О нет.

Старуха. Как же заплатить за помещение?

Шен Де. Плату! Совсем позабыла.

Старуха. Так я и думала! А в следующий понедельник уже первое. Мне бы нужно с вами кое о чем поговорить. Знаете, мой муж и я, после того как мы узнали вас, стали сомневаться насчет того брачного объявления — решили в крайнем случае прийти вам на помощь. Мы кое-что отложили и смогли бы одолжить вам двести серебряных долларов. Хотите, отдадите нам в заклад ваши запасы табака. Письменное соглашение между нами, конечно, не обязательно.

Шен Де. Вы в самом деле хотите одолжить деньги такому легкомысленному человеку?

Старуха. Сказать откровенно, вашему двоюродному брату, который, конечно, не легкомыслен, мы, возможно, и не одолжили бы, вам же — со спокойной душой.

Старик (*подходя к ним*). Поладили?

Шен Де. Если бы боги слышали, что говорила ваша жена, господин Фен. Они ищут добрых людей, которые счастливы. А вы, должно быть, счастливы, помогая мне, я ведь попала в беду из-за любви.

Старики с улыбкой смотрят друг на друга.

Старуха. Вот деньги. (*Передает Шен Де конверт.*)

Шен Де берет его и кланяется. Старики тоже кланяются. Они идут обратно в свою лавку.

Шен Де (*Вану, высоко поднимая конверт*). Плата за полгода. Разве не чудо? А что ты скажешь о моей новой шали, Ван?

Ван. Ты купила ее ради того, кого я видел в городском парке?

Шен Де утвердительно кивает головой.

Шин. Лучше бы взглянула на его сломанную руку, чем болтать о своих сомнительных похождениях!

Шен Де (*испуганно*). Что с твоей рукой?

Шин. Цирюльник повредил ее щипцами на наших глазах.

Шен Де (*ужасаясь своей невнимательности*). А я ничего не заметила! Сейчас же иди к врачу, не то рука одеревенеет и ты никогда не сможешь как следует работать. Какое несчастье! Вставай скорее! Иди же, иди!

Безработный. Ему нужен не врач, а судья! Он вправе потребовать от богатого цирюльника вознаграждения за ущерб.

Ван. Ты думаешь, есть надежда?

Шин. Если только она сломана.

Ван. Кажется, да. Смотри, как распухла. Ты думаешь, дадут пожизненную пенсию?

Шин. Во всяком случае, тебе нужен свидетель.

Ван. Но вы же все видели! И можете подтвердить. (*Оглядывается кругом.*)

Безработный, дедушка, невестка сидят у стены дома и едят.
Никто не поднимает глаз.

Шен Де (*Шин*). Вы же сами видели!

Шин. Не хочу связываться с полицией.

Шен Де (*невестке*). Тогда вы!

Невестка. Я? Я не смотрела!

Шин. Как не смотрели? Я сама видела, что вы смотрели! Вы только боитесь, потому что у цирюльника — власть.

Шен Де (*дедушке*). Я уверена, что вы не откажетесь засвидетельствовать.

Невестка. На его показания не обратят внимания. Он выжил из ума.

Шен Де (*безработному*). Дело, возможно, идет о пожизненной пенсии.

Безработный. У меня уже два привода за попрошайничество. Мое показание скорее повредит ему.

Шен Де (*недоверчиво*). Выходит, никто из вас не решается сказать, что здесь было? Среди бела дня человеку перебили руку, все видели, и все молчат? (*С гневом.*)

О вы, несчастные!

Вашего брата оскорбляют, а вы закрываете глаза!

Застигнутый врасплох кричит, а вы молчите?

Насильник ходит меж вами и выбирает жертву.

А вы говорите:

Он пощадит нас,

Потому что мы покорны.

Что это за город? Что вы за люди?

Если городом правят несправедливо — он должен восстать.

А если он не восстает — пусть погибнет в огне

Еще до наступления ночи.

Ван, если тот, кто видел, отказывается свидетельствовать, то я скажу, что видела я.

Ш и н. Лжесвидетельство.

В а н. Не знаю, вправе ли я это принять. Но, может быть, все-таки должен. (*Смотрит на свою руку, озабоченно.*) Как вы находите, она уже достаточно распухла? Мне кажется, опухоль уже спала?

Б е з р а б о т н ы й (*успокаивает его*). Нет, опухоль ничуть не спала.

В а н. В самом деле? Пожалуй, она стала даже чуть больше. Видимо, все-таки сломан сустав. Лучше сразу побегу к судье! (*Осторожно поддерживая руку, не сводя с нее глаз, быстро уходит.*)

Шин бежит в цирюльню.

Б е з р а б о т н ы й. Она помчалась к цирюльнику, чтобы подольститься к нему.

Н е в е с т к а. Мы не можем изменить мир.

Ш е н Д е (*удрученная*). Я не хотела вас обидеть. Я просто испугалась. Нет, не хотела. Прочь с моих глаз!

Б е з р а б о т н ы й, н е в е с т к а и д е д у ш к а, надувшись, жуя, уходят.

(*Публике.*)

Они уже не отвечают.

Стоят, куда их поставят.

Велишь уйти — немедленно уходят!

Их не задеть ничем. И только запах пищи

Их заставляет приподнять глаза.

Вбегает старая женщина. Это мать Суна, г о с п о ж а Я н.

Г о с п о ж а Я н (*запыхавшись*). Вы мадемуазель Шен Де? Сын мне все рассказал. Я мать Суна, госпожа Ян. Подумайте только, у него есть надежда снова стать летчиком! Сейчас пришло письмо из Пекина. От управляющего ангаром почтовых самолетов.

Ш е н Д е. Он сможет опять летать? О госпожа Ян!

Г о с п о ж а Я н. Однако это стоит огромных денег: пятьсот серебряных долларов.

Ш е н Д е. Много. Но не отказываться же из-за денег? У меня есть лавка.

Госпожа Ян. Ах, если бы вы могли ему помочь!

Шен Де (*обнимает ее*). Если бы я могла ему помочь?

Госпожа Ян. Вы дали бы способному человеку возможность выдвинуться.

Шен Де. Как они смеют мешать человеку быть полезным! (*После паузы.*) За лавку я выручу слишком мало, а эти двести долларов мне одолжили. Вы можете, конечно, взять их сейчас же. Я продам запасы табака и верну долг. (*Дает ей деньги стариков.*)

Госпожа Ян. Ах, мадемуазель Шен Де, это ведь помощь тому, кто в ней нуждается. Вы знаете, как они его здесь называли? Мертвым летчиком. Раз он больше не летает — значит, он мертвый.

Шен Де. Однако нам не хватает еще трехсот серебряных долларов. Нужно подумать, госпожа Ян. (*Медленно.*) Я знаю кое-кого, кто, пожалуй, мог бы помочь. Ах, я не хотела бы знать его больше — он слишком жесток и слишком хитер. Разве что в последний раз?.. Но летчик должен летать! Это ясно.

Отдаленный гул мотора.

Госпожа Ян. Ах, если бы тот, о ком вы говорите, мог достать деньги! Смотрите — утренний почтовый самолет, он летит в Пекин!

Шен Де (*решительно*). Помашите, госпожа Ян! Летчик, наверно, увидит нас! (*Машет своей шалью.*) Помашите тоже!

Госпожа Ян (*машет*). Вы знаете того, кто летит?

Шен Де. Нет. Того, кто будет летать. Пусть летит потерявший надежду, госпожа Ян. Пусть хоть один сможет подняться над всей этой бедой, над всеми нами! (*Публике.*)

Ян Сун, мой любимый, вместе с облаками,
Вопреки ураганам,
Летит сквозь небеса и приносит
Дружеские письма
Друзьям в далекой стране.

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Шен Де входит, держа в руках маску и костюм Шой Да, и поет.

ПЕСНЯ О БЕСПОМОЩНОСТИ БОГОВ И ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

У нас в стране
Полезному мешают быть полезным.
Он может доказать, что он полезен,

Лишь получив поддержку сильных.
Добрые
Беспомощны, а боги бессильны. Почему
У них, богов, нет крейсеров и танков,
Бомбардировщиков, и бомб, и пушек,
Чтобы злых уничтожать, а добрых — оберечь?
И нам было бы лучше, и богам.

(Надевает костюм Шой Да и делает несколько шагов его походкой.)

Добрые у нас в стране
Добрými не могут оставаться:
Пустые миски — едоки дерутся.
Ах, все заветы божьи
От нищеты не помогают. Почему
К нам на базары боги не приходят —
Чтоб оделять довольством, улыбаться
И, подкрепленных хлебом и вином,
Учить друг с другом дружески общаться?

(Надевает маску Шой Да и продолжает петь его голосом.)

Чтобы добраться с ложкою до чашки,
Нужна жестокость.
Та жестокость, на которой зиждутся империи.
Не раздавив сперва двенадцать нищих,
Тринадцатому не помогут. Почему
Не заявляют боги там, в эфире,
Что время дать всем добрым и хорошим
Возможность жить в хорошем, добром мире?
Почему
Они нас, добрых, к пушкам не приставят
И не прикажут нам: огонь! О, почему
Терпенье терпят боги?

V

Табачная лавка.

За прилавком сидит Ш о й Д а и читает газету. Он не обращает ни малейшего внимания на Ш и н, которая, болтая без умолку, занимается уборкой.

Ш и н. Такая лавчонка живо прогорит, если только просочатся кой-какие слухи. Поверьте мне, я знаю, что говорю. Давно пора такому порядочному человеку, как вы, вмешаться в темную историю Шен Де с этим Ян Суном с Желтой улицы. Не забывайте, что господин Шу Фу, живущий напротив цирюльник,

который владеет двенадцатью домами и только одной-единственной и к тому же старой женой, не далее чем вчера намекнул, и никому другому, а мне лично, на свой чрезвычайно лестный для барышни интерес к ней. Он даже справлялся уже о ее имущественном положении. О чем это говорит, как не о настоящей любви? (*Не получая никакого ответа, наконец выходит с ведром.*)

Г о л о с С у н а (*снаружи*). Это лавка мадемуазель Шен Де?
Г о л о с Ш и н. Да. Но сегодня здесь двоюродный брат.

Шой Да подбегает к зеркалу легкой походкой Шен Де и только собирается поправить прическу, как замечает в зеркале свою ошибку. Он возвращается с тихим смехом на прежнее место. Появляется Ян Сун, за ним идет Шин. Она проходит мимо него в лавку.

С у н. Я Ян Сун.

Шой Да кланяется.

Шен Де здесь?

Ш о й Д а. Ее здесь нет.

С у н. Но вам, вероятно, известны наши отношения. (*Обводит взглядом лавку.*) Настоящий магазин! А мне казалось, что она немного прихвастнула. (*С удовольствием заглядывает в ящички и фарфоровые горшочки.*) Человеке! Я снова буду летать! (*Берет сигару.*)

Шой Да дает ему прикурить.

Как вы думаете, сможем мы выколотить из лавки еще триста серебряных долларов?

Ш о й Д а. Разрешите спросить: вы намерены ее сейчас продать?

С у н. У нас же нет трехсот долларов наличными.

Шой Да качает головой.

Со стороны Шен Де было очень мило, что она сразу дала двести. Но недостает трехсот, а без них у меня ни черта не получится.

Ш о й Д а. Мне кажется, она поторопилась обещать вам деньги. Это может стоить ей лавки. Говорят: поспешность — ветер, опрокидывающий здание.

С у н. Мне нужны деньги — сейчас или никогда. И девушка не принадлежит к тем, которые долго задумываются, когда нужно что-нибудь отдать. Между нами, мужчинами: до сих пор она ни в чем не колебалась.

Ш о й Д а. Так.

С у н. Что говорит только в ее пользу.

Ш о й Д а. Могу я узнать, для чего предназначены пятьсот серебряных долларов?

С у н. Вполне. Я вижу, вы меня прощупываете. Управляющий ангаром в Пекине, мой друг по летной школе, устроит меня, если я выложу ему пятьсот серебряных долларов.

Ш о й Д а. Не слишком ли много?

С у н. Нет. Ему придется уличить в оплошности летчика, у которого большая семья и который поэтому очень ревностный служака. Понятно? Кстати, это между нами. Шен Де ничего не должна об этом знать.

Ш о й Д а. Может быть. Однако вот что: не продаст ли управляющий ангаром в следующем месяце также и вас?

С у н. Только не меня. Я не позволю себе оплошности. Я слишком долго был безработным.

Ш о й Д а (*кивает головой*). Голодная собака быстрее везет тележку домой. (*Некоторое время смотрит на Суна испытующим взглядом.*) Дело рискованное. Господин Ян Сун, вы требуете от моей кухни, чтобы она отказалась от своего маленького имущества и от всех друзей в этом городе и целиком вручила свою судьбу вам. Я полагаю, у вас есть намерение жениться на Шен Де?

С у н. Да, я к этому готов.

Ш о й Д а. Но разве в таком случае вам не жаль спустить лавку за несколько серебряных долларов? Когда нужно быстро продать, всегда получаешь меньше. Двести серебряных долларов, которые у вас в руках, оплатили бы помещение за полгода. Разве вас не привлекает перспектива табачной торговли?

С у н. Меня? Чтобы Ян Суна, летчика, увидели стоящим за прилавком! "Желаете ли вы, уважаемый господин, крепкую сигару или сигару полегче?" Нет, это не дело для Ян Сунов, по крайней мере не в этом столетии!

Ш о й Д а. Позвольте вас спросить, а летать — это дело?

С у н (*достает из кармана письмо*). Почтеннейший, я буду получать двести пятьдесят серебряных долларов в месяц! Взгляните сами — почтовые марки и штампель Пекина.

Ш о й Д а. Двести пятьдесят серебряных долларов? Немало.

С у н. А вы думали, я летаю даром?

Ш о й Д а. Видно, должность подходящая! Господин Ян Сун, кухня уполномочила меня помочь вам получить место летчика, ведь для вас оно — все. Я понимаю мою кухню и не вижу оснований, почему бы ей не следовать влечению своего сердца. Она имеет полное право познать радости любви. Я готов превратить в деньги все, что здесь есть. Вот идет владелица дома госпожа Ми Дзю, воспользуюсь случаем и посоветуюсь с ней насчет продажи.

Домовладелица (*входит*). Добрый день, господин Шой Да. Вы осведомлены о том, что срок арендной платы истекает послезавтра?

Шой Да. Госпожа Ми Дзю, обстоятельства складываются так, что моя кузина вряд ли сможет продолжать заниматься табачной торговлей. Она собирается замуж, и будущий супруг (*представляет Ян Суна*) берет ее с собой в Пекин, где они начнут новую жизнь. Если я получу за свой табак достаточную сумму, я продам лавку.

Домовладелица. Сколько же вам нужно?

Сун. Триста наличными.

Шой Да (*быстро*). Нет, пятьсот!

Домовладелица (*Суну*). Может быть, я смогу помочь вам. (*Шой Да*.) Сколько стоил ваш табак?

Шой Да. Кузина в свое время заплатила за него тысячу серебряных долларов и пока еще очень мало продала.

Домовладелица. Тысяча серебряных долларов! Ее, конечно, надули. Вот что я вам скажу: если вы послезавтра съедете, я плачу триста серебряных долларов за всю лавку.

Сун. По рукам! А, старик?

Шой Да. Мало!

Сун. Хватит!

Шой Да. Мне нужно по меньшей мере пятьсот.

Сун. Зачем?

Шой Да. Позвольте мне поговорить с женихом кузины. (*Отводит Суна в сторону.*) Весь табак заложен двум старикам за двести серебряных долларов, которые вручены вам.

Сун (*нерешительно*). Есть по этому поводу какое-нибудь письменное соглашение?

Шой Да. Нет.

Сун (*после маленькой паузы, домовладелице*). Мы согласны на триста.

Домовладелица. Мне еще нужно знать, свободна ли лавка от долговых обязательств.

Сун. Отвечайте же.

Шой Да. Свободна.

Сун. Когда можно получить триста долларов?

Домовладелица. Послезавтра, у вас еще останется время обдумать. Если вы можете подождать месяц, вы получите больше. Я даю триста, и то лишь потому, что рада помочь вам. Ведь дело, как я понимаю, идет о счастье юной четы. (*Уходит.*)

Сун (*кричит ей вслед*). Согласны! Ящички, горшочки, мешочки — все за триста, и конец мучениям! (*Шой Да.*) А если бы мы получили до послезавтра где-нибудь больше? Тогда мы, пожалуй, даже вернули бы эти двести.

Шой Да. За такой срок? Мы не получим даже доллара

сверх того, что нам предлагает Ми Дзю. Есть у вас деньги на поездку вдвоем и на первое время?

С у н. Конечно.

Ш о й Д а. Сколько же?

С у н. Так или иначе, я достану, даже если бы пришлось их украсть.

Ш о й Д а. Ах так, значит, и эту сумму нужно сначала еще раздобыть?

С у н. Не лезь в бутылку, старик. Я доберусь до Пекина, чего бы мне это ни стоило.

Ш о й Д а. Но для двоих это обойдется не так дешево.

С у н. Для двоих? Ведь Шен Де я оставлю здесь. Первое время она была бы для меня, прямо скажем, обузой.

Ш о й Д а. Понимаю.

С у н. Что вы уставились на меня, как на дырявый баллон от масла? Выше себя не прыгнешь.

Ш о й Д а. А на какие средства, по-вашему, будет жить моя кузина?

С у н. Надеюсь, вы поможете?

Ш о й Д а. Постараюсь.

Пауза.

Я хотел бы, чтобы вы вернули мне лично двести серебряных долларов, господин Ян Сун, и оставили их здесь до тех пор, пока не предъявите два билета в Пекин.

С у н. Знаешь что, шурин, я просил бы тебя не вмешиваться.

Ш о й Д а. Мадемуазель Шен Де...

С у н. Предоставьте это мне.

Ш о й Д а. ...быть может, не согласится продать свою лавку, если узнает...

С у н. Все равно согласится.

Ш о й Д а. А моих возражений вы не опасаетесь?

С у н. Почтеннейший!

Ш о й Д а. Вы, по-видимому, забыли, что она человек и имеет разум.

С у н (*весело*). Меня всегда поражало — чего только не воображают об особах женского пола, да еще об их разуме! А слышали вы когда-нибудь, например, о могуществе любви и о зове плоти? Вы надеетесь на ее разум? Разума у нее нет. Ее слишком много унижали в течение всей жизни, беднягу! Когда я положу руку ей на плечо и скажу: "Ты пойдешь со мной!" — она услышит колокольный звон и не узнает даже родной матери.

Ш о й Д а (*с трудом*). Господин Ян Сун!

С у н. Господин... как вас там!

Ш о й Д а. Моя кузина предана вам, потому что...

С у н. Скажем, потому, что ей нравится, когда я ее хватаю! Заруби себе на носу! *(Достает из ящика еще одну сигару, потом кладет две в карман и в конце концов берет весь ящик под мышку.)* Ты придешь к ней не с пустыми руками: со свадьбой решено. И тогда она принесет триста, или ты их принесешь. Или она, или ты! *(Уходит.)*

Ш и н *(высунув голову из дверей задней комнаты)*. Противный субъект! Вся Желтая улица уже знает, что он держит девчонку в руках.

Ш о й Да *(кричит)*. Лавка пропала! Он не любит! Это крушение. Гибель. *(Начинает метаться по комнате, как пойманное животное, все время повторяя: "Лавка пропала!")* Потом вдруг останавливается перед Ш и н и обращается к ней.) Ш и н, вы выросли в сточной канаве, и я тоже. Разве мы легкомысленны? Нет. Разве, когда надо, мы не способны на жестокость? Нет. Я готов схватить вас за горло и трясти до тех пор, пока вы не выплюнете монету, которую украли у меня. Вы это знаете. Времена ужасны, этот город — ад, но мы карабкаемся вверх по гладкой стене. И вдруг кого-нибудь из нас постигает несчастье — любовь. Этого достаточно, все погибло. Малейшая слабость — и человека нет. Как освободиться от всех слабостей, и прежде всего от самой смертоносной — любви? Она невыносима для человека! Она слишком дорога! Но скажите, можно ли вечно быть начеку? Что это за мир?

Там поцелуют, а потом задушат.

Любовный вздох — в крик страха переходит.

Ах, почему там коршуны кружат?

Там на свиданье женщина идет!

Ш и н. Пожалуй, я лучше сразу приведу цирюльника. Поговорите с ним. Это человек чести. Цирюльник — самая подходящая партия для вашей кузины. *(Не получив ответа, убегает.)*

Ш о й Да снова мечется по комнате, пока не появляется господин

Ш у Ф у, сопровождаемый Ш и н, которая, однако, по знаку

Шу Фу снова исчезает.

Ш о й Да *(спешит навстречу)*. Сударь, я слышал, что вы проявляете интерес к моей кузине. Позвольте мне отставить все условности, все требования приличия и всякую сдержанность, так как в данный момент мадемуазель Шен Де угрожает величайшая опасность.

Господин Ш у Ф у. О!

Ш о й Да. Моя кузина, еще несколько часов назад владелица собственной лавки, сейчас почти нищая. Господин Шу Фу, лавка погибла.

Господин Ш у Ф у. Господин Ш о й Да, очарование мадемуазель Шен Де заключается не в богатствах ее лавки, а

в доброте ее сердца. Имя, которым называет ее этот квартал, говорит само за себя: ангел предместий!

Шой Да. Сударь, доброта влетела моей кухне за один только день в двести серебряных долларов! Пора положить этому конец.

Господин Шу Фу. Разрешите мне высказать более мягкое суждение: с этой доброты самое время снять запрет. Делать добро — в натуре мадемуазель Шен Де. Какое имеет значение, что она кормит четырех человек: глубоко растроганный, я наблюдаю это каждое утро. Почему бы ей не кормить четырехста человек? Я слышал, что она ломает голову над тем, например, как приютить нескольких бездомных. Мои дома за скотобойней пустуют. Они в распоряжении мадемуазель Шен Де и т. д. и т. п. Господин Шой Да, смею ли я надеяться, что эти мысли, пришедшие мне на ум в последние дни, заинтересуют мадемуазель Шен Де?

Шой Да. Господин Шу Фу, она с восхищением выслушает столь возвышенные мысли.

Входит Ван с полицейским. Господин Шу Фу поворачивается и внимательно рассматривает полки.

Ван. Шен Де здесь?

Шой Да. Нет.

Ван. Я Ван, водонос. Вы, по-видимому, господин Шой Да?

Шой Да. Совершенно верно. Здравствуйте, Ван.

Ван. Я дружу с Шен Де.

Шой Да. Знаю — вы один из ее старейших друзей.

Ван (*полицейскому*). Видите? (*Шой Да.*) Я пришел насчет своей руки.

Полицейский. Она перебита, тут ничего не скажешь.

Шой Да (*быстро*). Я вижу, вам нужно перевязать руку. (*Достает из комнаты шаль и бросает ее Вану.*)

Ван. Но это же новая шаль.

Шой Да. Она ей больше не нужна.

Ван. Шен Де купила ее, чтобы кому-то понравиться.

Шой Да. Как выяснилось, в этом уже нет нужды.

Ван (*подвязывает руку шалью*). Она моя единственная свидетельница.

Полицейский. Ваша кухня, говорят, видела, как цирюльник Шу Фу ударил щипцами водноноса. Вам это известно?

Шой Да. Я знаю только, что моей кухни не было на месте, когда произошло это маленькое событие.

Ван. Это недоразумение! Пусть придет Шен Де, и все разъяснится. Шен Де все подтвердит. Где она?

Шой Да (*серьезно*). Господин Ван, вы называете себя дру-

гом моей кухни. Как раз сейчас у нее большие заботы. Все кому не лень эксплуатировали ее ужаснейшим образом. В будущем она не может разрешить себе больше ни малейшей слабости. Я убежден, вы не потребуете, чтобы она все потеряла, дав ложные показания.

В а н (*растерянно*). Но ведь по ее же совету я пошел к судье.

Ш о й Д а. Разве дело судьи лечить руку?

П о л и ц е й с к и й. Нет. Но его дело заставить цирюльника возместить ущерб.

Господин Шу Фу оборачивается.

Ш о й Д а. Господин Ван, один из моих принципов — не вмешиваться в споры моих друзей. (*Кланяется господину Шу Фу.*)

Шу Фу делает то же самое.

В а н (*сняв шаль и возвращая ее обратно, печально*). Понимаю.

П о л и ц е й с к и й. Я, стало быть, могу удалиться. Ты собрался надуть, и кого — порядочного человека. Гляди, парень, в следующий раз будь осмотрительнее со своими наветами. Если господин Шу Фу не пощадит тебя, ты попадешь в тюрьму за клевету. Теперь — проваливай!

П о л и ц е й с к и й и В а н уходят.

Ш о й Д а. Прошу извинения за этот инцидент.

Г о с п о д и н Ш у Ф у. Извиняю. (*Быстро.*) А дело с этим "кому-то" (*показывает на шаль*) в самом деле в прошлом? Совсем покончено?

Ш о й Д а. Совсем. Его избобличили. Правда, понадобится время, чтобы раны затянулись.

Г о с п о д и н Ш у Ф у. Будет проявлена необходимая чуткость.

Ш о й Д а. Это свежие раны.

Г о с п о д и н Ш у Ф у. Она поедет в деревню.

Ш о й Д а. На несколько недель. Однако она будет рада слушать обсудить это предварительно с человеком, которому может довериться.

Г о с п о д и н Ш у Ф у. За скромным ужином в скромном, но хорошем ресторане.

Ш о й Д а. В интимной обстановке. Спешу поставить в известность мою кухню. Она проявит благоразумие. Она в тревоге за свою лавку, которую рассматривает как дар богов. Попрошу вас обождать — я сейчас. (*Уходит в заднюю комнату.*)

Ш и н (*высовывает голову*). Можно поздравить?

Господин Шу Фу. Можно. Госпожа Шин, сообщите сегодня же опекаемым Шен Де, что я предоставляю им прибежище в моих домах за скотобойней.

Шин кивает, ухмыляясь.

(Встав с места, публике.) Ну, как вы находите меня, дамы и господа? Можно ли сделать больше? Быть самоотверженнее? Деликатнее? Дальновиднее? Скромный ужин! Какие обычно приходят при этом вульгарные и недостойные мысли! О нет, не произойдет ничего предосудительного. Даже прикосновения, хотя бы случайного, когда рука тянется за солонкой! Только обмен мыслями — не больше. Две души найдут друг друга среди цветов, украшающих стол, кстати, белых хризантем. *(Отмечает это в записной книжке.)* Нет, здесь не будет использовано затруднительное положение, не будет извлечена выгода из разочарования. Будут предложены заботы и помощь, но почти безмолвно. Только взглядом будет дано понять, взглядом, который может означать и больше!

Шин. Итак, все устроилось, как вы хотели, господин Шу Фу!

Господин Шу Фу. О, вполне! Очевидно, в этой местности произойдут перемены. Известный субъект получил отставку, и все притязания на лавочку потеряют силу. Люди, осмеливающиеся запятнать репутацию самой целомудренной девушки в городе, впредь будут иметь дело со мной. Что вы знаете об этом Ян Суне?

Шин. Он самый грязный, самый ленивый...

Господин Шу Фу. Он — ничто. Его нет. Он не существует.

Входит Сун.

Сун. Что здесь происходит?

Шин. Господин Шу Фу, если угодно, я позову господина Шой Да. Вряд ли он пожелает, чтобы в лавке торчали посторонние лица.

Господин Шу Фу. У мадемуазель Шен Де с господином Шой Да идет важный разговор, который нельзя прерывать.

Сун. Она здесь? Каким образом? Я не видел, чтобы она сюда входила! И что за разговор? Я должен принять в нем участие!

Господин Шу Фу *(преграждает ему дорогу в комнату)*. Придется подождать, сударь. Думаю, что представляю себе, с кем имею дело. Примите к сведению, что мадемуазель Шен Де и я готовимся объявить о нашей помолвке.

С у н. Что?

Ш е н. Вас это удивляет?

Сун борется с цирюльником, чтобы попасть в комнату; из нее выходит Ш е н Д е.

Господин Шу Фу. Извините, милая Шен Де. Может быть, вы согласитесь разъяснить?

С у н. Шен Де! Что случилось? Ты с ума сошла?

Ш е н Д е (*волнуясь*). Сун, мой двоюродный брат и господин Шу Фу договорились, что я познакомлюсь с планами господина Шу Фу, как помочь людям, живущим в этом квартале.

Пауза.

Мой двоюродный брат против наших отношений.

С у н. И ты согласилась?

Ш е н Д е. Да.

Пауза.

С у н. Они тебе сказали, что я плохой человек?

Шен Де молчит.

Вероятно, так оно и есть, Шен Де. Потому-то ты мне и нужна. Я — низкий человек. Без денег, без манер. Но я буду защищаться. Они сделают тебя несчастной, Шен Де. (*Идет к ней. Вполголоса.*) Взгляни на него! Где твои глаза? (*Кладет руку ей на плечо.*) Бедный зверек! К чему они склоняют тебя? Брак по расчету! Без меня они прямо потащили бы тебя на бойню. Скажи сама, без меня ушла бы ты с ним?

Ш е н Д е. Да.

С у н. С человеком, которого не любишь!

Ш е н Д е. Да.

С у н. Ты все уже забыла? Как шел дождь?

Ш е н Д е. Нет.

С у н. Как спасла меня от петли, как купила кружку воды, как обещала денег, чтобы я снова мог летать?

Ш е н Д е (*дрожит*). Чего ты хочешь?

С у н. Чтобы ты ушла со мной.

Ш е н Д е. Господин Шу Фу, простите меня, я хочу уйти с Суном.

С у н. Мы, видите ли, любим друг друга, вы способны это понять? (*Ведет ее к двери.*) Где ключ от лавки? (*Достает его из кармана и передает Шин.*) Положите на порог, когда кончите уборку. Пойдем, Шен Де.

Господин Шу Фу. Это насилие! (Кричит в глубину сцены.) Господин Шой Да!

Сун. Скажи, чтобы он здесь не орал.

Шен Де. Пожалуйста, не зовите моего двоюродного брата, господин Шу Фу. Он не согласен со мной, я знаю. Но чувствую, что он не прав. (Публике)

Я хочу уйти с тем, кого люблю.

Я не хочу высчитывать, сколько это стоит.

Я не хочу обдумывать — хорошо ли это.

Я не хочу знать — любит ли он меня.

Я хочу уйти с тем, кого люблю.

Сун. Вот так.

Шен Де и Сун уходят.

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Шен Де в свадебном наряде на пути к венчанию, обращается к публике.

Шен Де. Я пережила страшную минуту. Когда я вышла из дому веселая, полная радостного ожидания, на улице меня оставила старуха — жена торговца коврами. Дрожа, она рассказала, что ее муж от тревоги за деньги, которые они одолжили мне, заболел. Она думает, что лучше всего, если я верну их сейчас. Я; конечно, обещала. Она успокоилась и, плача, пожелала мне счастья, извинившись за то, что они не доверяют моему двоюродному брату и, к сожалению, даже Суну. Меня охватили ужас, что, как только она ушла, у меня подкосились ноги. В смятении я снова бросилась в объятия Ян Суна. Я не могла устоять перед его голосом и ласками. Все дурное, что он сказал Шой Да, не могло образумить Шен Де. Склоняясь в его объятия, я подумала: ведь и боги хотели, чтобы я была доброй к себе.

Чтоб не дать другим погибнуть и себя не погубить,

Чтобы всех осчастливить

И себя со всеми вместе.

Как могла я забыть двух добрых стариков! Сун, как ураган, унес мою лавку в сторону Пекина, а с ней и всех моих друзей. Но он не плохой человек и любит меня. Пока я с ним, он не способен на дурное. То, что мужчина говорит мужчине, ничего не значит. В таких случаях он хочет казаться великим, могучим и, конечно, черствым. Как только я скажу ему, что старики не в состоянии уплатить налоги, он все поймет. Он скорее станет рабочим на цементном заводе, чем летчиком путем преступления. Правда, летать — это его страсть. Хватит ли у меня сил

пробудить в нем добрые чувства? Я иду к венцу — страх и радость борются в моей душе. *(Быстро уходит.)*

VI

Отдельный кабинет в дешевом ресторане в предместье города. Официант наливает вино свадебным гостям. Возле Шен Де стоят дедушка, невестка, племянница, Шин и безработный. В углу одиноко ждет бонза. На переднем плане Сун, разговаривающий со своей матерью, госпожой Ян. Он в смокинге.

Сун. Кое-какие неприятности, мама. Она только что со свойственной ей простотой объявила мне, что не может продать лавку. Какие-то люди потребовали обратно две сотни серебряных долларов, которые она взяла взаймы и отдала тебе. А ее двоюродный брат признался мне, что между ними нет письменного договора.

Госпожа Ян. Что ты ей ответил? Ты, конечно, не можешь на ней жениться.

Сун. Говорить с ней о таких вещах бесполезно. Она слишком тупа. Я послал за ее двоюродным братом.

Госпожа Ян. Но он хочет выдать ее за цирюльника.

Сун. С этим сватовством я покончил. Цирюльника отвадили. А двоюродный брат сразу смекнет, что раз я получил двести долларов, то и с лавкой покончено, потому что кредиторы наложат на нее арест. Но он сообразит также, что если я не получу еще трехсот, то мне не летать.

Госпожа Ян. Пойду подстерегу его на улице. А ты ступай к невесте, Сун!

Шен Де *(обращается к публике)*. Я не ошиблась в нем. Он ничем не проявил разочарования. Конечно, отказаться от того, чтобы летать, — для него тяжелый удар. Однако он весел. Я люблю его. *(Кивком головы подзывает к себе Суна.)* Сун! Ты еще не чокнулся с невестой.

Сун. За что мы выпьем?

Шен Де. За будущее.

Пьют.

Сун. Когда жениху не надо будет брать напрокат смокинг. Шен Де. Но когда платье невесты иногда будет попадать под дождь.

Сун. За все, что мы себе желаем!

Шен Де. Чтобы оно скорее сбылось!

Госпожа Ян (*идя к выходу, Шин*). Я в восторге от своего сына. Я всегда внушала ему, что ему ничего не стоит взять любую. Почему? У него специальность механика и летчика. И что же он говорит мне теперь? Я женюсь по любви, мама, говорит он. Деньги — еще не все. Это брак по любви! (*Невестке.*) Когда-нибудь это должно случиться. Не правда ли? Но матери нелегко. Нелегко. (*Обращаясь к бонзе, громко.*) Пожалуйста, не слишком торопитесь. Если вам понадобится для церемонии столько же времени, сколько для того, чтобы выторговать свое вознаграждение, оно соответственно возрастет. (*Шен Де.*) Мы еще подождем, дорогая моя. Один из самых уважаемых гостей еще не прибыл. (*Ко всем.*) Извините, пожалуйста. (*Уходит.*)
Невестка. Пока есть вино, ждут охотно.

Все садятся.

Безработный. Спешить некуда.

Сун (*громко и шутливо*). Перед бракосочетанием я должен предварительно устроить тебе маленький экзамен. Это совсем не лишнее, когда так скоропалительно заключают браки. (*Гостям.*) Я понятия не имею, что у меня будет за жена. Это меня беспокоит. Ухитришься ли ты, например, из трех чайных листиков сварить пять чашек чая?

Шен Де. Нет.

Сун. Значит, я буду без чая. А сумеешь ли ты улечься на тюфяке величиной с молитвенник?

Шен Де. Вдвоем?

Сун. Одна.

Шен Де. В таком случае — нет.

Сун. Я в отчаянии, что у меня будет такая жена.

Все смеются. За спиной Шен Де в дверях появляется госпожа Ян. Она пожимает плечами, давая понять Суну, что ожидаемого гостя не видно.

Госпожа Ян (*бонзе, который показывает ей свои часы*). Что вы так спешите? Речь идет о нескольких минутах. Я вижу, все пьют, курят и никто не торопится. (*Присаживается к гостям.*)

Шен Де. Но не следует ли поговорить о том, как мы уладим дело?

Госпожа Ян. О, пожалуйста, сегодня ни слова о делах! Это придает торжеству такой обыденный тон, правда?

Раздается звонок. Все смотрят на дверь, но никто не входит.

Шен Де. Кого ждет твоя мать, Сун?

Сун. Пусть это будет для тебя сюрпризом. Между прочим, что подельывает твой двоюродный брат Шой Да? Мы с ним хорошо ладили. Весьма разумный человек! Голова! Почему ты молчишь?

Шен Де. Не знаю. Я не хочу о нем думать.

Сун. Почему?

Шен Де. Потому что ты не должен с ним ладить. Если любишь меня, то не можешь любить его.

Сун. Пусть тогда убирается к трем чертям: демону аварий, демону тумана и демону горючего. Пей, ты, убогая! (Заставляет ее пить.)

Невестка (Шин). Здесь что-то не так.

Шин. А чего же вы ожидали?

Бонза (решительно подходит к госпоже Ян с часами в руке). Я вынужден покинуть вас, госпожа Ян. Сегодня у меня еще одна свадьба, а завтра с утра похороны.

Госпожа Ян. Вы думаете, мне приятно, что все откладывается? Мы надеялись, что обойдемся одним кувшином вина. Смотрите — он уже почти пуст. (Громко, Шен Де.) Не понимаю, дорогая Шен Де, почему твой двоюродный брат заставляет себя так долго ждать!

Шен Де. Мой двоюродный брат?

Госпожа Ян. Дорогая моя, да ведь его-то мы и ждем. Я придерживаюсь старых правил и полагаю, что столь близкий родственник должен присутствовать на свадьбе.

Шен Де. О Сун, так это из-за трехсот серебряных долларов!

Сун (не глядя на нее). Ты же слышишь — из-за чего. Она придерживается старых правил. Я вынужден с этим считаться! Подождем еще четверть часика, и, если он не придет, оттого что три черта уже схватили его, мы начнем!

Госпожа Ян. Вы все, конечно, уже знаете, что сын получает должность почтового летчика. Мне это очень приятно. В такие времена надо хорошо зарабатывать.

Невестка. Он будет находиться в Пекине, правда?

Госпожа Ян. Да, в Пекине.

Шен Де. Сун, ты должен сказать матери, что с Пекином ничего не выйдет.

Сун. Об этом ей скажет твой двоюродный брат, если только он рассуждает так же, как ты. Между нами: я думаю, что иначе.

Шен Де (испуганно). Сун!

Сун. Как я ненавижу Сычуань! Знаешь, кем они мне все здесь представляются, когда глаза мои полузакрыты? Клячами. Они озабоченно мотают головой: ой, что это там над нами гремит? Как? Мы больше не нужны? Что такое? Наше время кончи-

лось? Пусть они перегрызут друг друга в этом дохлом городе! Только бы вырваться отсюда!

Шен Де. Но я обещала вернуть деньги.

Сун. Да, ты мне об этом говорила. А раз ты способна на подобные глупости, хорошо, что придет твой двоюродный брат. Пей и предоставь нам заниматься делами! Мы все уладим.

Шен Де (*в отчаянии*). Но двоюродный брат не может прийти!

Сун. Как это понять?

Шен Де. Его здесь нет больше.

Сун. Может, ты расскажешь тогда, как тебе представляется наше будущее?

Шен Де. Я думала, у тебя еще целы двести серебряных долларов. Мы бы их завтра вернули, сохранили табак, который стоит много дороже, и стали бы продавать его у ворот цементного завода. Мы же не в состоянии уплатить арендную плату за полгода.

Сун. Забудь об этом! Забудь скорее, сестра! Чтоб я стал на улице продавать табак рабочим цементного завода, я, Ян Сун, легчик! Лучше я спущу эти двести долларов за одну ночь, лучше выброшу в воду! Твой двоюродный брат — он знает меня. Я договорился с ним, и он принесет к свадьбе еще триста.

Шен Де. Мой двоюродный брат не может быть здесь.

Сун. Я думал, что он не может не быть.

Шен Де. Там, где я, он быть не может.

Сун. Как таинственно!

Шен Де. Так знай же, Сун: он не друг тебе. Это я люблю тебя. Мой двоюродный брат Шой Да никого не любит. Он мой друг, но не друг моих друзей. Он согласился, чтобы ты получил деньги стариков, надеясь на место легчика для тебя. Но он не принесет к свадьбе триста серебряных долларов.

Сун. Это почему?

Шен Де (*глядя ему прямо в глаза*). Он сказал — ты купил только один билет до Пекина.

Сун. Так было вчера, но вот смотри, что я покажу ему сегодня! (*Наполовину вытаскивает из нагрудного кармана две бумажки.*) Старухе незачем их видеть. Два билета в Пекин, для меня и для тебя. Ты все еще настаиваешь на том, что двоюродный брат против нашего брака?

Шен Де. Нет. Должность отличная. А лавки у меня больше нет.

Сун. Из-за тебя я распродал мебель.

Шен Де. Не говори больше! Не показывай билеты! Мне очень страшно, я чувствую, что готова все бросить и уехать с тобой. Ах, Сун, я не могу дать тебе триста серебряных долларов, подумай о стариках!

Сун. Подумай обо мне!

Пауза.

А всего лучше пей! Или ты принадлежишь к числу благоразумных? Не нужна мне благоразумная жена. Когда я пью, я снова летаю. И ты выпей и, может быть, еще поймешь меня.

Шен Де. Не думай, что я не понимаю тебя, не понимаю, что ты хочешь летать, а я не могу тебе помочь.

Сун. "Вот самолет, мой любимый, но у него одно лишь крыло!"

Шен Де. Честным путем нам не получить это место в Пекине. Поэтому я должна взять обратно двести серебряных долларов. Дай мне их сейчас, Сун!

Сун. "Дай мне их сейчас, Сун!" О чем ты, собственно, говоришь? Жена ты мне или не жена? Ты что, не понимаешь, что продаешь меня? К счастью моему, и твоему также, это больше не зависит от тебя, потому что все уже решено.

Госпожа Ян (*ледяным тоном*). Сун, ты уверен, что двоюродный брат невесты придет? Сдается мне, что он отсутствует, потому что он против этого брака.

Сун. Что ты говоришь, мама! Нас с ним водой не разольешь. Я широко распахну двери, пусть он сразу найдет нас, когда прибежит на свадьбу своего друга Суна. (*Идет к двери, толкает ее ногой. Потом возвращается, слегка пошатываясь, он слишком много выпил, и снова садится возле Шен Де.*) Мы будем ждать. Твой двоюродный брат разумнее, чем ты. Любовь, мудро сказал он, неотделима от жизни. А самое важное, он знает, чем это кончится для тебя: ни лавки, ни мужа.

Все ждут.

Госпожа Ян. Идет!

Слышны шаги, и все смотрят на дверь, но шаги снова удаляются.

Шин. Пахнет скандалом. Чувствуете? Невеста ждет свадьбы, а жених — господина двоюродного брата.

Сун. Господин двоюродный брат не торопится.

Шен Де (*тихо*). Ах, Сун!

Сун. Торчать здесь с билетами в кармане, рядом с душой, которая не умеет считать! Предвижу день, когда ты приведешь в дом полицию, чтобы она потребовала с меня двести долларов.

Шен Де (*публике*). Он плохой человек и хочет, чтобы я тоже была плохой. Я, которая его любит, — здесь, а ему нужен двоюродный брат. Но вокруг меня сидят горемыки — старуха с больным мужем, бедняки, которые завтра будут ждать у дверей чашку риса, и чужой человек из Пекина, который дрожит за свою должность. И все они охраняют меня, потому что уповают на меня.

Сун (*пристально смотрит на стеклянный кувшин, в котором нет больше вина*). Кувшин с вином — это наши часы. Мы бедные люди, и если гости выпили вино — значит, часы остановились навсегда.

Госпожа Ян делает ему знак, чтобы он молчал, потому что снова слышны шаги.

Официант (*входит*). Прикажете еще кувшин вина, госпожа Ян?

Госпожа Ян. Нет, я думаю, хватит. Вино только распаривает, правда?

Шин. Да оно небось и дорого.

Госпожа Ян. Когда я пью вино, меня всегда бросает в пот.

Официант. Разрешите тогда получить по счету?

Госпожа Ян (*не слушая его*). Прошу вас, господа, еще немножко терпения. Родственник, наверно, уже в пути. (*Официанту.*) Не мешай!

Официант. Я не имею права отпустить вас, пока не получу по счету.

Госпожа Ян. Но меня же здесь знают!

Официант. Вот именно.

Госпожа Ян. Неслыханно! Нынешняя прислуга! Что ты скажешь, Сун?

Бонза. Мое почтение! (*Уходит с важным видом.*)

Госпожа Ян (*в отчаянии*). Сидите спокойно! Священник сейчас вернется.

Сун. Оставь, мама. Господа, после того как священник ушел, мы не смеем вас дольше задерживать.

Невестка. Пойдем, бабушка!

Бабушка (*осушает стакан, серьезно*). Здоровье невесты!

Племянница (*Шен Де*). Не обижайтесь на него. Он сказал от души. Он вас любит.

Шин. Вот так срам!

Все гости уходят.

Шен Де. Мне тоже уйти, Сун?

Сун. Нет, ты подождешь. (*Дергает ее за подвенечный убор так, что сдвигает его набок.*) Разве это не твоя свадьба? Я подожду, и старуха тоже ждет. Она все еще видит сокола в облаках. Правда, я почти уверен теперь, что это произойдет в день святого Николая: она подойдет к двери, и его самолет прогремит над ее домом. (*Обращаясь к пустым стульям, точно гости все еще здесь.*) Дамы и господа, почему вы не продолжаете вашей приятной беседы? Может быть, вам здесь не нравится?

Свадьбу немного отложили — в ожидании важного гостя и еще потому, что невеста не догадывается, что такое любовь. Чтобы развлечь вас, я, жених, спою вам песню. (Поет.)

ПЕСНЯ О ДНЕ СВЯТОГО НИКОГДА

Каждый, кто качался в бедной колыбели,
Знает, что ему тихонько пели,
И навек запомнил он,
Что бедняк взойдет на трон.
Это будет в день святого Никогда.
В день святого Никогда
Сядет бедный человек на трон.

В этот день берут за глотку зло,
В этот день всем добрым повезло,
А хозяин и батрак
Вместе шествуют в кабак.
В день святого Никогда
Тощий пьет у жирного в гостях.
Речка свои воды катит вспять.
Все добры. Про злобных не слышать.
В этот день все отдыхают
И никто не понукает.
В день святого Никогда
Вся земля как рай благоухает.

В этот день ты будешь генерал,
Ну а я бы в этот день летал.
Ван уладит все с рукой.
Ты же обретешь покой.
В день святого Никогда,
Женщина, ты обретешь покой.
Мы уже не в силах больше ждать,
Потому-то и должны нам дать,
Людям тяжкого труда,
День святого Никогда,
День святого Никогда —
День, когда мы будем отдыхать!

Г о с п о ж а Я н. Он уже не приедет.

Трое сидят, и двое из них смотрят на дверь.

ИНТЕРМЕДИЯ

Ночлег Вана.

Водоносу Вану снова являются во сне боги. Он заснул над большой книгой. Музыка.

Ван. Хорошо, что вы пришли, мудрейшие! Ответьте на вопрос, который мучает меня. В разрушенной хижине священника, который покинул ее и пошел работать на цементный завод, я нашел книгу и обнаружил в ней одно странное место. Я хочу прочесть вам. Вот оно. (*Перелистывает левой рукой воображаемую книгу, держа ее в правой руке и подняв ее над настоящей книгой, которая лежит у него на коленях, начинает читать.*) "В Сунге есть местность, называемая "Терновая роща". Там растут кактусы, кипарисы и тутовые деревья. Деревья, имеющие одну или две пяди в обхвате, срубают люди, которым нужны прутья для собачьих будок. Деревья трех-четырех футов в обхвате срубают знатные и богатые семьи, которым нужны доски для своих гробов. Деревья семи-восьми футов в обхвате срубают те, кто ищет бревна для своих роскошных вилл. Таким образом, все эти деревья не доживают свой век, а погибают на половине жизненного пути от пилы и топора. Кто больше приносит пользы, тот больше и страдает".

Третий бог. Выходит, кто всех бесполезнее, тот всех ценнее.

Ван. Нет, тот всех счастливее. Самый негодный — самый счастливый.

Первый бог. Чего только не пишут!

Второй бог. Почему тебя так волнует эта притча, водонос?

Ван. Из-за Шен Де, мудрейший! Она не нашла счастья в любви, потому что следовала заветам любви к ближнему. Быть может, она слишком добра для этого мира!

Первый бог. Глупости! Слабый, ничтожный ты человек! Вши и неверие, вижу я, наполовину сожрали тебя.

Ван. Конечно, конечно, мудрейший! Прости! Я думал только, может быть, вы вмешаетесь.

Первый бог. Совершенно исключено. Наш друг (*показывает на третьего бога, у которого большой синяк под глазом*) только вчера вмешался в спор, и вот последствия.

Ван. Но снова пришлось вызывать двоюродного брата. Он необычайно ловкий человек, я испытал это на собственной шкуре, однако даже он не в силах помочь. Лавка, очевидно, обречена.

Третий бог (*встревоженно*). Может быть, все же надо ей помочь?

Первый бог. Я того мнения, что она сама должна себе помочь.

Второй бог (*строго*). Чем хуже хорошему человеку, тем полнее он раскрывает себя. Страдание очищает!

Первый бог. Мы возлагаем на нее все свои надежды.

Третий бог. С нашими поисками дело обстоит неважно. Мы встречаем иногда добрые намерения, радующие побуждения, много высоких принципов, но все это слишком мало для того, чтобы считаться добрым человеком. Если попадают более или менее добрые люди, то живут они недостойно людей. (*Доверительно.*) Сночлегом — совсем плохо. По соломинкам, приставшим к нашей одежде, ты можешь вообразить, как мы проводим ночи.

В а н. Не могли бы вы по крайней мере...

Б о г и. Ничего. Мы только наблюдатели. И твердо верим, что наш добрый человек сумеет найти свое место на этой мрачной земле. Чем тяжелее бремя, тем крепче будут силы. Потерпи еще немного, водонос, и ты увидишь, что все идет к благополучному...

Фигуры богов бледнеют, голоса звучат все тише. Теперь они исчезают, и голосов больше не слышно.

VII

Двор позади табачной лавки Шен Де.

На тележке — скудный домашний скарб, Шен Де и Шин снимают с веревки развешенное белье.

Шин. На вашем месте я зубами и ногтями дралась бы за свою лавку.

Шен Де. Что вы! Мне нечем даже уплатить за помещение. Ведь я обязана сегодня еще вернуть старикам двести серебряных долларов, но так как я отдала их одному человеку, то должна продать свой табак госпоже Ми Дзю.

Шин. Выходит, все полетело? Ни мужа, ни табака, ни кровя! Вот что получается, когда хочешь прыгнуть выше носа. Чем же вы будете жить?

Шен Де. Не знаю. Может, подработаю на сортировке табака.

Шин. Каким образом попали сюда штаны господина Шой Да? Он голый, что ли, отсюда ушел?

Шен Де. У него есть другие штаны.

Шин. Мне послышалось, вы сказали, что он уехал навсегда? Почему же он оставил свои штаны?

Шен Де. Должно быть, они ему больше не нужны.

Шин. Так, значит, не укладывать их?

Шен Де. Нет.

Господин Ш у Ф у. Молчите! Мне все известно. Вы пожертвовали своим личным счастьем для спасения двух стариков, которые доверились вам. Нет, не напрасно этот квартал, эти недоверчивые, злобные люди называют вас "ангел предместий". Господин жених не смог подняться до вашей нравственной высоты, и вы расстались с ним. А теперь закрываете свою лавку, этот островок спасения для многих! Я не в силах это видеть. Со своего порога каждое утро я изо дня в день наблюдаю несчастных, толпящихся перед вашей лавкой, и вас, раздающую рис. Неужели это не повторится больше? Неужели доброе дело обречено на гибель? Ах, если бы вы позволили мне помочь вам в этой благородной миссии! Нет, не говорите ничего! Я не требую никаких заверений. Никаких обещаний, что вы соглашаетесь принять мою помощь! Но вот (*достает чековую книжку и заполняет чек, который кладет на тележку*) я выписал вам чек, где вы можете по своему усмотрению проставить любую сумму, а теперь я уйду тихо и скромно, ни на что не претендуя, на цыпочках, преисполненный уважения, самоотверженно! (*Уходит.*)

Ш и н (*рассматривает чек*). Вы спасены! Везет же таким, как вы! Впишите сумму в тысячу серебряных долларов, и я побегу в банк, пока он не опомнился.

Ш е н Д е. Поставьте корзину с бельем на тележку. Счет за белье я могу оплатить и без чека.

Ш и н. Что? Вы отказываетесь? Это преступление! Это вы потому, что в таком случае почтете себя обязанной выйти за него замуж? Это же чистое безумие. Ведь такой человек сам напрашивается, чтобы его водили за нос! Такому это просто доставляет наслаждение. Неужели вы все еще намерены цепляться за своего летчика, когда вся Желтая улица и весь квартал знают, как низко он поступил с вами?

Ш е н Д е. Во всем виновата нужда. (*Публике.*)

Я видела, как ночью

Он щеки раздувал во сне.

Каким он злым тогда казался!

А утром я взяла его рубашку.

На свет она была совсем дырявой.

Мне страшно было слышать хитрый смех,

Но вот его я вижу в рваных туфлях.

И я люблю его.

Ш и н. Вы еще оправдываете его? Подобного безумия я не видела. (*Сердито.*) Я вздохну с облегчением, когда вы уедете отсюда.

Ш е н Д е (*снимая белье, покачнулась*). У меня кружится голова.

Ш и н (*берет у нее белье*). И часто у вас кружится голова,

когда вы тянетесь или нагибаетесь? Уж не ожидается ли кое-что? *(Смеется.)* Здорово он вас подвел. Если это случилось, то дело дрянь, чек не предназначался для таких обстоятельств. *(Уходит с корзиной в глубь сцены.)*

Шен Де *(неподвижно смотрит ей вслед. Потом осматривает себя, проводит рукой по животу, и на лице у нее появляется выражение глубокой радости. Тихо)*. О счастье! Во мне зарождается человек. Пока еще ничего не заметно. Но он уже здесь. Мир ожидает его втайне. В городах уже говорят: теперь явился человек, с которым придется считаться. *(Как бы представляет публике своего маленького сына.)* Летчик!

Приветствуйте нового завоевателя
Недоступных гор и неведомых областей!
Он повезет почту от человека к человеку
Через бездорожье пустынь!

(Начинает ходить взад и вперед, ведя за руку воображаемого сына.) Идем, сынок, взгляни на мир. Вот дерево. Поклонись и приветствуй его. *(Кланяется.)* Теперь вы знакомы. Слушай, вот идет водонос. Он друг, подай ему руку, не бойся. Пожалуйста, кружку свежей воды для моего сына. Сегодня жарко. *(Дает ему кружку воды.)* Ах, полицейский! Лучше обойдем его. Постараемся добыть в саду богача Фей Пуна горсточку вишен. Только чтобы нас не увидели. Идем, сиротка! И тебе хочется вишен! Тихо, тихо, сынок! *(Идут, опасно, осторожно озираясь.)* Нет, лучше сюда, тут нас скроет кустарник. Нет, разве так можно — идти напролом? *(Он, видимо, пытается оттащить ее, она сопротивляется.)* Мы должны быть благоразумны. *(Внезапно уступает.)* Что с тобой поделаешь, если ты хочешь обязательно напролом... *(Поднимает его.)* Сможешь ты достать вишни? Клади их прямо в рот, там они в сохранности! *(Съедает вишню, которую он кладет ей в рот.)* Вкусно. О, полицейский! Бежим! *(Бегут.)* Вот и улица. Теперь спокойно, спокойно, не спеши, чтобы не обратить на себя внимания. Как будто ничего не случилось... *(Поет, словно гуляя с ребенком.)*

На сливу, на беднягу,
Напал один бродяга.
Он очень, очень ловок был —
В затылок сливу укусил.

Входит водонос Ван, ведя за руку ребенка. Удивленно смотрит на Шен Де.

Шен Де *(обернувшись на кашель Вана)*. Ах, Ван! Здравствуй!

Ван. Шен Де, я слышал, что тебе плохо живется и ты даже продаешь свою лавку для расплаты с долгами. Но вот ребенок, лишенный пристанища. Он бегал по двору боен. По-видимому,

это сын столяра Лин То, который несколько недель назад лишился своей мастерской и после этого запил. Дети его бегают голодные по чужим дворам. Что с ними делать?

Шен Де (*берет у него ребенка*). Иди сюда, маленький человек. (*К публике*)

Эй, вы! Человек просит крова.

Завтрашний человек просит помочь ему сегодня!

Его друг, известный вам завоеватель,

Ходатайствует за него.

(*Вану*.) Он сможет жить в бараках господина Шу Фу, куда, возможно, перееду и я. У меня у самой родится ребенок. Только никому не говори, не то об этом узнает Ян Сун, а мы ему не нужны. Разыщи в нижнем городе Лин То и скажи ему, чтобы он пришел сюда.

Ван: Большое спасибо, Шен Де. Я знал — ты что-нибудь придумаешь (*Ребенку*.) Видишь, добрый человек всегда найдет выход. Я побегу за твоим отцом. (*Хочет идти*.)

Шен Де. Ах да, Ван, я только сейчас вспомнила: что с твоей рукой? Ведь я хотела быть твоим свидетелем, но мой двоюродный брат...

Ван. Не беспокойся. Посмотри, я уже научился обходиться без правой руки. Она мне почти не нужна. (*Показывает, как может управляться с кувшином и кружкой без помощи правой руки*.) Посмотри, как ловко я это делаю.

Шен Де. Но нельзя допустить, чтобы она онемела. Возьми мою тележку, все продай и иди к доктору. Мне стыдно, что я не выполнила своего обещания. Кроме того, я согласилась принять у цирюльника его бараки, что ты только подумаешь об этом?

Ван. Там смогут жить бездомные и ты сама, ведь это важнее моей руки. Иду за столяром. (*Уходит*.)

Шен Де (*кричит ему вслед*). Обещай, что пойдешь со мной к доктору.

Шин вернулась и непрерывно делает ей знаки.

Что такое?

Шин. С ума сошли — дарить тележку с последним барахлом? Вам какое дело до его руки? Если об этом узнает цирюльник, он выгонит вас из вашего последнего убежища. И мне вы не заплатили еще за стирку белья!

Шен Де. Почему вы такая злая? (*К публике*.)

Неужели вы не устаете

Попирать ближних? От жадности

Жилы на лбу и те набухают у вас.

Рука, протянутая от души,

Легко дает и легко получает.

Как соблазнительно быть щедрым!

Как хорошо быть приветливым!
Доброе слово
Вырывается, как вздох облегчения.

Рассерженная Шин уходит.

(Ребенку.) Садись и подожди, пока придет отец.

Ребенок садится на землю. Во двор входит пожилая чета, явившаяся к Шен Де в день открытия ее лавки. Муж и жена тащат большие мешки.

Женщина. Ты одна, Шен Де?

Так как Шен Де утвердительно кивает, она зовет своего племянника, который тоже несет мешок.

Где твой двоюродный брат?

Шен Де. Уехал.

Женщина. Он вернется?

Шен Де. Нет. Я продаю лавку.

Женщина. Это нам известно, потому-то мы и пришли. Вот несколько мешков листового табака, которые нам были должны. Перевези их вместе с твоими пожитками на новую квартиру. Нам некуда их поместить, а на улице мы слишком привлекаем к ним внимание. Я думаю, ты не откажешь, почему бы тебе не оказать нам этой маленькой любезности, после того как нас постигло несчастье в твоей лавке.

Шен Де. Я охотно сделаю это.

Мужчина. Если тебя спросят, чьи это мешки, скажи, что они твои.

Шен Де. Кто может спросить?

Женщина (пристально смотрит на нее). Полиция, например. Она настроена против нас и будет рада случаю нас разорить. Куда поставить мешки?

Шен Де. Не знаю. Именно сейчас я остерегаюсь чего-либо такого, что может привести меня в тюрьму.

Женщина. Это похоже на тебя. Ко всему прочему мы должны еще потерять эти жалкие мешки с табаком, все, что удалось спасти из нашего имущества!

Шен Де упрямо молчит.

Мужчина. Пойми, этот табак может стать основой маленького дела. Мы еще могли бы преуспеть.

Шен Де. Хорошо, я спрячу ваши мешки. Мы поставим их пока в задней комнате. (Входит вместе с ними в лавку.)

Ребенок смотрит ей вслед. Потом робко, оглядываясь, подходит к мусорному ведру и достает из него что-то. Начинает есть.

Шен Де и остальные возвращаются.

Женщина. Ты понимаешь, конечно, что мы целиком полагаемся на тебя.

Шен Де. Да. *(Видит ребенка и цепенеет.)*

Мужчина. Послезавтра мы разыщем тебя в домах господина Шу Фу.

Шен Де. Теперь уходите — мне нехорошо. *(Выпроваживает их.)*

Все трое уходят.

Он голоден. Шарит в помойном ведре. *(Поднимает ребенка и, потрясенная участью детей бедняков, обращается к публике, показывая серый ротик ребенка. Она клянется никогда не относиться к своему ребенку с такой бессердечностью.)*

О сын, о летчик!

В какой мир ты приходишь?

Они хотят, чтобы и ты ловил свою рыбу в помойном ведре!

Смотрите на эту серую мордочку!

(Указывает на ребенка.)

Как вы обращаетесь с подобными себе?

Нет у вас жалости

К плоду вашего же тела.

Нет у вас, несчастные, сочувствия к самим себе.

Ну, так я сама буду защищать свое.

Я стану тигрицей. Да, с того часа,

Как я это увидела, я хочу

Отделиться от вас,

Не успокоюсь до тех пор,

Покуда не спасу своего сына,

Хотя бы его одного.

Мой сын, тебе должно послужить все,

Чему меня учили обманом или кулаком

В моей школе, в канаве!

Мой сын, лишь для тебя я буду доброй,

А для других — тигрицей, диким зверем.

Раз так должно быть.

А должно быть так!

(Уходит, чтобы превратиться в двоюродного брата.) Придется еще раз — последний раз, надеюсь. *(Берет с собой штаны Шой Да.)*

Возвратившаяся Шин с любопытством смотрит ей вслед. Входят невестка и дедушка.

Невестка. Лавка заперта, скарб во дворе! Это конец!

Шин. Последствие легкомыслия, чувственности и эгоизма! Куда она катится? Вниз! В бараки господина Шу Фу, к вам!

Невестка. Каково-то ей там покажется? Мы пришли жаловаться! Сырые крысиные норы с прогнившим полом. Цирюльник отдал их только потому, что там заплесневели его запасы мыла. "У меня есть для вас убежище, что вы на это скажете?" — "Стыд и срам!" — отвечаем мы на это.

Входит безработный.

Безработный. Верно, что Шен Де уезжает?

Невестка. Да, она хотела ускользнуть, чтобы об этом не узнали.

Шин. Ей стыдно за свое разорение.

Безработный (*взволнованно*). Нужно вызвать двоюродного брата! Посоветуйте ей вызвать его! Он один может что-нибудь сделать.

Невестка. Верно, верно! Он, правда, скуп, но, во всяком случае, спасет ее лавку, тогда и нам легче станет.

Безработный. Я думал о ней, а не о нас. Но это верно, и ради нас его нужно позвать.

Входит Ван со столяром. Столяр ведет за руки двух детей.

Столяр. Просто не знаю, как благодарить вас. (*Остальным.*) Нам обещали квартиру.

Шин. Где?

Столяр. В домах господина Шу Фу! И это благодаря маленькому Фену. "Эй, вы! Человек просит крова!" — будто бы сказала Шен Де и сразу же раздобыла нам жилье. Поблагодарите вашего брата!

Столяр и его дети весело кланяются ребенку.

Благодарим тебя, просящего крова!

Входит Шой Да.

Шой Да. Можно узнать, что вам всем здесь надо?

Безработный. Господин Шой Да!

Ван. Добрый день, господин Шой Да. Я не знал, что вы вернулись. Вам известен столяр Лин То. Мадемуазель Шен Де обещала ему убежище в домах господина Шу Фу.

Шой Да. Дома господина Шу Фу не свободны.

Столяр. Значит, мы не можем поселиться там?

Шой Да. Нет. Это помещение предназначено для других целей.

Невестка. Значит, и нам надо выселяться оттуда?

Шой Да. Боюсь, что да.

Невестка. Но куда же нам всем деваться?

Шой Да (*пожимая плечами*). Насколько я понял, мадемуазель Шен Де — кстати, она уехала — не собирается оставить вас без помощи. Но в будущем все должно быть устроено несколько разумнее. Раздача пищи без ответных услуг прекращается. Вместо этого каждому будет дана возможность, честно работая, снова стать на ноги. Шен Де решила дать всем вам работу. Кто из вас хочет теперь последовать за мной в дома Шу Фу, тот не останется с пустыми руками.

Невестка. Значит ли это, что мы все должны работать на Шен Де?

Шой Да. Да. Вы будете разделять табак. Там, в задней комнате, лежат три тюка. Принесите их!

Невестка. Не забывайте, что и у нас была своя лавка. И мы предпочитаем работать для самих себя — у нас есть свой собственный табак.

Шой Да (*безработному и столяру*). А вы как? Будете работать на Шен Де? Ведь у вас нет собственного табака?

Столяр и безработный с недовольным видом входят в лавку. Входит домовладелица.

Домовладелица. Ну, господин Шой Да, как насчет продажи? Вот триста серебряных долларов.

Шой Да. Госпожа Ми Дзю, я решил не продавать лавку, а подписать контракт на аренду.

Домовладелица. Что? Вы не нуждаетесь больше в деньгах для летчика?

Шой Да. Нет.

Домовладелица. И у вас есть деньги для платы за помещение?

Шой Да (*берет с тележки чек цирюльника и заполняет его*). Вот чек на десять тысяч серебряных долларов, выданный господином Шу Фу, который интересуется моей кухней. Убедитесь, госпожа Ми Дзю! Двести серебряных долларов за помещение на ближайшие полгода будут в ваших руках еще до шести часов вечера. А теперь, госпожа Ми Дзю, разрешите мне продолжать работу. Я очень занят сегодня и прошу меня извинить.

Домовладелица. Ах, понимаю, господин Шу Фу идет по стопам летчика! Десять тысяч серебряных долларов! Все же я удивляюсь непостоянству и легкомыслию нынешних молодых девушек, господин Шой Да. (*Уходит.*)

Столяр и безработный вносят мешки.

Столяр. Не знаю, почему я должен таскать для вас мешки.

Шой Да. Достаточно, что я это знаю. У вашего сына здоровый аппетит. Он хочет есть, господин Лин То.

Невестка (*видит мешки*). Здесь был мой зять?

Шин. Да.

Невестка. Ну, конечно, я узнаю мешки. Это наш табак!

Шой Да. Не советую говорить об этом так громко. Табак мой, это следует хотя бы из того, что он находится у меня. Если вы сомневаетесь, мы можем отправиться в полицию и развеять ваши сомнения. Пойдем?

Невестка (*сердито*). Нет.

Шой Да. Кажется, у вас все-таки нет собственного табака. Может быть, в этих условиях вы ухватитесь за спасительную руку, протянутую вам мадемуазель Шен Де? А теперь сделайте мне одолжение и покажите дорогу к домам господина Шу Фу.

Взяв самого младшего ребенка столяра за руку, Шой Да уходит. За ним следуют столяр, его остальные дети, невестка, бабушка и безработный. Невестка, столяр и безработный тащат мешки.

Ван. Он не злой человек, но Шен Де — добрая.

Шин. Не знаю. На бельевой веревке не хватает пары штанов. Их носит двоюродный брат. Это что-нибудь да значит. Любопытно бы узнать — что?

Входят старик и старуха.

Старуха. Мадемуазель Шен Де здесь нет?

Шин (*сухо*). Уехала.

Старуха. Странно. Она хотела принести нам кое-что.

Ван (*с горестным видом смотрит на свою руку*). И мне она хотела помочь. Рука все больше немеет. Шен Де, наверно, скоро вернется. Ее двоюродный брат обычно не задерживается здесь надолго.

Шин. Да, не правда ли?

ИНТЕРМЕДИЯ

Ночлег Вана.

Музыка. Во сне водонос сообщает богам свои опасения. Боги все еще продолжают свое путешествие. Они кажутся утомленными. Они останавливаются и поворачивают головы к водоносу.

В а н. Прежде чем меня разбудило ваше появление, мудрейшие, я видел во сне свою милую сестру Шен Де, ей было очень трудно. Она стояла в тростнике у реки, в том месте, где находят самоубийц. Она странно пошатывалась, шея у нее была согнута, словно она тащила что-то мягкое, но тяжелое, что тянуло ее в тину. Когда я окликнул ее, она ответила, что должна перенести на другой берег целый тюк письменных предписаний, чтобы он не промок — иначе сотрутся письма. Вернее сказать, я ничего не видел на ее плечах. Но с испугом я вспомнил, что вы, боги, внушали ей великие добродетели в благодарность за то, что она приютила вас у себя, когда вы — о срам! — не могли найти ночлега. Я уверен, вы понимаете мой страх за нее.

Т р е т и й б о г. Что ты предлагаешь?

В а н. Уменьшить количество предписаний, мудрейшие. Облегчить бремя предписаний, учитывая тяжелые времена, о милосердные!

Т р е т и й б о г. Что же именно, Ван, что же именно?

В а н. Если бы, например, вместо любви достаточно было простой благосклонности или...

Т р е т и й б о г. Но ведь это еще тяжелее, ах ты, несчастный!

В а н. Или снисходительность вместо справедливости.

Т р е т и й б о г. Но сколько это задаст всем работы!

В а н. Тогда просто порядочность вместо чести!

Т р е т и й б о г. Но ведь это еще больше, ты, малонер!

Устало бредут дальше.

VIII

Табачная фабрика Шой Да. В бараках господина Шу Фу Шой Да открыл небольшую табачную фабрику.

Помещение за решеткой битком набито людьми. Особенно много женщин и детей. Среди них — невестка, дедушка, столяр и его дети. Перед решеткой появляется госпожа Ян в сопровождении своего сына С у н а.

Г о с п о ж а Я н (публике). Я должна вам рассказать, как мой сын благодаря мудрости и строгости всеми уважаемого господина Шой Да превратился из опустившегося человека в полезного. Как известно всему кварталу, господин Шой Да открыл недалеко от скотобойни небольшую, но быстро расцветшую табачную фабрику. Три месяца назад я была вынуждена обратиться к нему. Он принял меня вместе с моим сыном после недолгого ожидания.

Вышедший из фабрики Ш о й Д а подходит к госпоже Ян.

Ш о й Д а. Чем могу служить, госпожа Ян?

Г о с п о ж а Я н. Господин Шой Да, я пришла просить вас за сына. Сегодня утром у нас была полиция, и нам сказали, будто вы подали жалобу от имени мадемуазель Шен Де за нарушение обещания жениться и получение обманом двухсот серебряных долларов.

Ш о й Д а. Совершенно верно, госпожа Ян.

Г о с п о ж а Я н. Господин Шой Да, ради всех богов, еще раз окажите милосердие. Деньги истрачены. Он промотал их за два дня, когда провалился план с должностью летчика. Я знаю, он негодяй. Он продал было даже мою мебель и собирался уехать в Пекин без своей старой мамы. *(Плачет.)* Мадемуазель Шен Де была о нем когда-то хорошего мнения.

Ш о й Д а. Что вы можете сказать, господин Ян Сун?

С у н *(мрачно)*. У меня уже нет этих денег.

Ш о й Д а. Госпожа Ян, ради слабости, которую по каким-то мне непонятным причинам моя кузина питала к вашему опустившемуся сыну, я готов еще раз помочь ему. Шен Де надеется, как она мне сказала, что честный труд еще исправит его. Я предоставлю ему место на моей фабрике. Постепенно из его заработной платы будут удержаны двести серебряных долларов.

С у н. Значит, или каталажка, или фабрика.

Ш о й Д а. Выбор за вами.

С у н. А с Шен Де мне нельзя переговорить?

Ш о й Д а. Нет.

С у н. Где мое рабочее место?

Г о с п о ж а Я н. Тысяча благодарностей, господин Шой Да! Вы бесконечно добры, и боги наградят вас. *(Суну.)* Ты сошел с правильного пути. Постарайся теперь честным путем добиться такого положения, чтоб не стыдно было смотреть в глаза своей матери.

С у н следует за Ш о й Д а на фабрику.

(Возвращается к рампе.) Первые недели Суну было трудно. Работа не нравилась ему, а случая показать себя не представлялось. Только на третьей неделе ему посчастливилось. Он и бывший столяр Л и н Т о должны были таскать мешки с табаком.

С у н и бывший столяр Л и н Т о тащат каждый по два мешка табака.

Столяр *(кряхтя и охая, останавливается и садится на мешок)*. Я больше не в силах. Я уже слишком стар для такой работы.

Сун (*тоже садится*). Почему ты не швырнешь им эти мешки в рожу?

Столяр. А дальше что? Для того чтобы хоть как-нибудь прожить, я вынужден даже детей запрягать. Если бы это видела мадемуазель Шен Де! Она добрая.

Сун. Да, не из худших. И если бы жизнь не была так чертовски тяжела, мы с Шен Де хорошо бы поладили. Хотел бы я знать, где она. Ну, давай-ка лучше работать — обычно он является в это время.

Встают.

(*Видит приближающегося Шой Да.*) Дай мне свой мешок, калека! (*Поднимает еще один из мешков Лин То.*)

Столяр. Вот спасибо! Ах, если бы она была здесь и видела, что ты помог старому человеку, она бы тебя похвалила. Да, да...

Входит Шой Да.

Госпожа Ян. Господин Шой Да, конечно, сразу увидел, что такое настоящий работник, который по-настоящему относится к работе. И конечно, вмешался.

Шой Да. Стойте, вы! Что тут происходит? Почему ты несешь только один мешок?

Столяр. Я немного устал сегодня, господин Шой Да, и Ян Сун был так добр...

Шой Да. Ты вернешься назад и возьмишь три мешка, дружок. Что может Ян Сун, можешь и ты. Ян Сун старается, а ты?

Госпожа Ян (*в то время как бывший столяр берет еще два мешка*). Ни одного слова, конечно, не было сказано Суну, но господин Шой Да уже получил представление о нем и в следующую субботу при выплате заработной платы...

Ставят стол, подходит Шой Да с мешочком денег. Стоя рядом с надсмотрщиком — бывшим безработным, — он выплачивает заработную плату. К столу подходит Сун.

Надсмотрщик. Ян Сун — шесть серебряных долларов.

Сун. Простите, здесь может быть только пять. Только пять серебряных долларов. (*Берет ведомость, которую держит надсмотрщик.*) Взгляните, пожалуйста, здесь отмечено шесть рабочих дней, в то время как один из них я провел в суде. (*Лицемерно.*) Я не желаю получать то, что мне не причитается, даже при такой мизерной плате!

Надсмотрщик. Значит, пять серебряных долларов! (*Шой Да.*) Редкий случай, господин Шой Да!

Ш о й Д а. Как могло быть записано шесть дней, раз он работал пять?

Н а д с м о т р щ и к. По всей вероятности, я и вправду ошибся, господин Шой Да. *(Суну, холодно.)* Больше этого не случится.

Ш о й Д а *(отводит Суну в сторону)*. Я недавно заметил, что вы сильный человек и не скрываете этого от фирмы. Сегодня я убедился, что вы еще и честный человек. Часто случается, что надсмотрщик ошибается в ущерб фирме?

С у н. У него знакомые среди рабочих — они считают его своим.

Ш о й Д а. Понимаю. Услуга за услугу. Хотите получить вознаграждение?

С у н. Нет. Но позволю себе обратить ваше внимание на то, что я еще и грамотный человек. Я, видите ли, получил некоторое образование. Надсмотрщик хорошо относится к рабочим, но он, как человек необразованный, не в состоянии понять интересы фирмы. Прошу вас — неделю испытательного срока, господин Шой Да. Постараюсь доказать вам, что мои умственные способности пригодятся фирме больше, чем сила моих мышц.

Г о с п о ж а Я н. Это были смелые слова, но в тот вечер я сказала своему Суну: "Ты летчик. Покажи и там, где ты теперь находишься, что можешь подняться ввысь! Лети, мой сокол!" И в самом деле, чего только не достигнуто образование и ум! Разве без них выбьешься в люди? Мой сын творил настоящие чудеса на табачной фабрике господина Шой Да!

Сун стоит, широко расставив ноги, позади работающих. Они передают друг другу через головы корзину листового табака.

С у н. Эй, вы, что это за работа! Разве корзину так передают? Живее! *(Ребенку.)* А ты почему не сядешь на пол? Место освободится. А ты там можешь заодно и прессовать. Лодыри! За что только мы платим вам деньги? Быстрее, говорю! Ко всем чертям! Деда посадить в сторонку, пускай он теребит вместе с детьми! Разленился он тут! Ну, дружней! *(Хлопает в такт в ладоши, и корзина движется быстрее.)*

Г о с п о ж а Я н. И ни вражда, ни брань необразованных людей — а в этом не было недостатка — не удержали моего сына от исполнения своего долга.

Один из рабочих запевает песню о восьмом слоне. Другие подтягивают припев.

ПЕСНЯ О ВОСЬМОМ СЛОНЕ

Семерых слонов имеет господин.
Сверх того восьмым он обладает.

Семеро дики. Восьмой — ручной.
Он за семерыми наблюдает.
Рысью, побыстрей!
Ни пня не оставлять в лесу!
Вы всё должны раскорчевать,
А ночь уж на носу!

Семеро слонов корчуют лес.
На восьмом — их господин гарцует.
Целый день-деньской наблюдал восьмой,
Как они, усердно ли корчуют.
Тащите побыстрей!
Ни пня не оставлять в лесу!
Вы всё должны раскорчевать,
А ночь уж на носу!

Семеро слонов больше не хотят.
Больше к пням они не подступают.
Господин пришел. Был он очень зол.
Он восьмому рису подсыпает.
Как это понять?
Ни пня не оставлять в лесу!
Вы всё должны раскорчевать,
А ночь уж на носу!

Семеро слонов лишены клыков.
Только у восьмого клык остался.
Он к слонам идет. Смертным боем бьет.
Господин увидел — засмеялся.
Тащите побыстрей!
Ни пня не оставлять в лесу!
Вы всё должны раскорчевать,
А ночь уж на носу!

Спокойно прохаживаясь и куря сигару, Шой Да выходит вперед.
Ян Сун, смеясь, подпевает припев третьей строфы и в последней
строфе, хлопая в ладоши, ускоряет темп.

Г о с п о ж а Я н. Мы просто не знаем, как нам благодарить
господина Шой Да. Почти незаметно, одной лишь строгостью
и мудростью, он извлек из Суна все хорошее, что в нем таилось!
Он не давал никаких фантастических обещаний, подобно его
хваленной кузине, но заставил его честно работать. И сейчас
Суна не узнать. Он совсем не тот, что еще три месяца назад!
Вы, надеюсь, согласитесь со мной! Недаром в старину говорили:
"Благородный человек что колокол, если ударишь в него — звонит,
не ударишь — не звонит".

IX

Табачная лавка Шен Де.

Лавка превратилась в контору с глубокими креслами и красивыми коврами. Идет дождь. Потолстевший Шой Да прощается с супружеской парой, торгующей коврами. Шин, усмехаясь, наблюдает за ними. Бросается в глаза, что она одета во все новое.

Шой Да. Сожалею, но не могу сказать, когда она вернется.

Старуха. Сегодня мы получили письмо. В него были вложены двести серебряных долларов, которые мы когда-то ей одолжили. Отправитель не указан. Но письмо, конечно, от Шен Де. Нам хотелось бы написать ей, какой у нее адрес?

Шой Да. И этого я, к сожалению, не знаю.

Старик. Идем.

Старуха. Когда-нибудь должна же она возвратиться!

Шой Да кланяется. Старик и уходят, неуверенные и обеспокоенные.

Шин. Деньги пришли слишком поздно. Они потеряли свою лавку, потому что не заплатили налогов.

Шой Да. Почему они не обратились ко мне?

Шин. К вам обращаются неохотно. Вначале они ждали, что вернется Шен Де, ведь у них не было никакой расписки. В самое тяжелое для них время у старика началась лихорадка, и жена день и ночь сидела возле него.

Шой Да (*вынужден сесть, ему дурно*). У меня опять кружится голова.

Шин (*хлопочет около него*). Вы на седьмом месяце! Волнения вредны для вас. Радуйтесь, что я здесь. Никто не может обойтись без человеческой помощи. В трудную минуту я буду подле вас. (*Смеется.*)

Шой Да (*слабым голосом*). Могу я рассчитывать на это, госпожа Шин?

Шин. А как же! Это, конечно, будет стоить какую-нибудь там мелочь. Расстегните воротник, вам станет легче.

Шой Да (*жалобно*). Ведь все это только ради ребенка, госпожа Шин.

Шин. Все ради ребенка.

Шой Да. Только я слишком быстро полнею. Боюсь, уже заметно.

Шин. Это объясняют благополучием.

Шой Да. А что будет с маленьким?

Шин. Три раза на день вы об этом спрашиваете. За ним будет хороший уход. Лучший, какой только возможен за золото.

Шой Да. Да. (*Боязливо.*) Он никогда не должен видеть Шой Да.

Шин. Никогда. Одну только Шен Де.

Шой Да. Но слухи в квартале! Водонос со своей болтовней. За лавкой следят!

Шин. Пока не узнал цирюльник, ничего еще не потеряно. Глотните воды.

Входит Сун в элегантном костюме, с портфелем делового человека. Он с удивлением видит Шой Да в объятиях Шин.

Сун. Я, кажется, помешал?

Шой Да (*поднимается с трудом и, шатаясь, идет к двери*). До завтра, госпожа Шин.

Шин, натягивая перчатки, уходит, улыбаясь.

Сун. Перчатки! Откуда, как, зачем? Смотрите, не окручивает ли она вас? (*Так как Шой Да не отвечает.*) Неужели и вы подвержены нежным чувствам? Смешно. (*Достает листок из портфеля.*) Во всяком случае, вы в последнее время не на вашей прежней высоте. Причуды. Неуверенность. Вы больны? Дело страдает от этого. Вот опять бумажка из полиции. Они грозят закрыть фабрику. Говорят, что в крайнем случае разрешат пребывание в одном помещении не больше чем двойному числу людей, сверх дозволенного законом. Пора наконец что-то принять, господин Шой Да!

Шой Да с минуту растерянно смотрит на него. Затем уходит в заднюю комнату и возвращается со свертком. Достает из него новую шляпу-котелок и бросает ее на письменный стол.

Шой Да. Фирма желает, чтобы ее представители прилично одевались.

Сун. Уж не для меня ли вы купили его?

Шой Да (*равнодушно*). Примерьте, впору ли он вам.

Сун удивленно смотрит на Шой Да и надевает шляпу. Шой Да поправляет котелок.

Сун. Благодарю, но не уклоняйтесь от разговора. Сегодня вам предстоит обсудить с цирюльником новый проект.

Шой Да. Цирюльник ставит невыполнимые условия.

Сун. Если бы вы мне наконец сообщили, какие это условия.

Шой Да (*уклончиво*). Бараки вполне удовлетворительны.

Сун. Для сброда, который там работает, но не для табака. Он сыреет. Я поговорю с Ми Дзю о ее помещении еще до засе-

дания. Когда мы его получим, мы сможем выгнать всех наших калек, попрошаек и недотеп. Они не годятся. За чашкой чаю я поглажу Ми Дзю ее жирные колени, и помещение обойдется нам в полцены.

Шой Да (*резко*). Нет. Я требую ради престижа фирмы, чтоб вы вели себя сдержанно и холодно, как подобает дельцу.

Сун. Почему вы так раздражительны? Неужели из-за этих сплетен?

Шой Да. Я не слушаю сплетен.

Сун. Значит, это опять дождь. Каждый раз, когда идет дождь, вы становитесь раздражительны и грустны. Хотелось бы знать почему.

Голос Вана (*с улицы*)

Гром гремит, и дождик льется,

Ну а я — водой торгую,

А вода не продается

И не пьется ни в какую.

Я кричу: "Воды купите!"

Но никто не покупает.

В мой карман за эту воду

Ничего не попадает.

Сун. Опять этот проклятый водонос. Сейчас он снова начнет приставать.

Голос Вана (*с улицы*). Неужели в городе не осталось ни одного доброго человека? Даже здесь, где жила добрая Шен Де? Где она, которая много месяцев назад в дождливый день от радости купила у меня кружку воды? Где она теперь? Неужели никто не видел ее? Не слышал о ней? Однажды вечером она вошла в этот дом и больше уже не выходила из него.

Сун. Не заткнуть ли ему наконец глотку? Ему-то какое дело, где она! Впрочем, если на то пошло, вы не говорите этого только для того, чтобы не узнал я.

Ван (*входит*). Господин Шой Да, я снова спрашиваю вас, когда вернется Шен Де. Полгода прошло с тех пор, как она уехала.

Шой Да молчит.

За это время здесь было многое, чего не было бы в ее присутствии.

Шой Да продолжает молчать.

Господин Шой Да, ходят слухи, что с Шен Де что-то случилось. Мы, ее друзья, сильно встревожены. Будьте любезны дать нам ее адрес.

Шой Да. К сожалению, у меня сейчас нет времени, господин Ван. Приходите на следующей неделе.

В а н (*взволнованно*). От людей не укрылось и то обстоятельство, что рис, который раньше получали нуждающиеся, снова стал появляться у дверей.

Ш о й Д а. И какие выводы делают из этого?

В а н. Что Шен Де вообще не уезжала.

Ш о й Д а. А что же?

Ван молчит.

Тогда я отвечу вам. Ответ окончательный. Если вы друг Шен Де, господин Ван, спрашивайте возможно меньше о ее местопребывании. Вот вам мой совет.

В а н. Недурной совет! Господин Шой Да, Шен Де сообщила мне перед своим исчезновением, что она беременна!

С у н. Что?

Ш о й Д а (*быстро*). Ложь!

В а н (*очень серьезно*). Господин Шой Да, не думайте, что друзья Шен Де когда-либо перестанут справляться о ней. Добро-го человека забыть нелегко — их не так много. (*Уходит.*)

Шой Да, оцепенев, смотрит ему вслед. Потом быстро уходит в заднюю комнату.

С у н (*к публике*). Шен Де беременна! Я вне себя! Я обманут! Она, вероятно, сказала об этом своему двоюродному брату, а этот прохвост, конечно, тотчас же спровадил ее. "Уложи свои вещи и исчезни, пока отец ребенка ничего не знает". Но это противоестественно! Бесчеловечно! У меня сын. В мире должен появиться еще один Ян! И что же происходит? Девушка исчезает, а меня заставляют здесь работать. (*В ярости.*) Нет, шляпой не отделаешься! (*Топчет шляпу ногами.*) Преступник! Разбойник! Похититель детей! А девушка лишена защитника!

Из комнаты доносится всхлипывание.

(*Застывает на месте.*) Кто может там плакать? Кто же это? Перестали. Нет, кто-то плачет. Не рыдает же этот прожженный шут Шой Да! Кто же тогда? И что означает появление риса у дверей? Возможно ли, чтоб девушка была здесь? Неужели он ее прячет? А кто же может там плакать? Вот это был бы сюрприз! Если она беременна, я должен непременно разыскать ее!

Ш о й Д а возвращается из комнаты. Подходит к двери и смотрит на дождь.

Итак, где она?

Ш о й Д а (*поднимает руку и прислушивается*). Одну минут-

ку! Уже девять часов. Но почему-то ничего не слышно. Слишком сильный дождь.

С у н (*иронически*). Что вы хотите услышать?

Ш о й Д а. Почтовый самолет.

С у н. Шутки!

Ш о й Д а. Когда-то, говорят, вы хотели летать? Разве вы потеряли интерес к этому?

С у н. Я не жалею на мое теперешнее положение, если вы это имеете в виду. Признаться, я не люблю ночной службы. А почтовые самолеты летают ночью. Я, так сказать, привязался к фирме. Как-никак это все же фирма моей бывшей невесты, если она даже и уехала. Ведь она уехала?

Ш о й Д а. Почему вы спрашиваете?

С у н. Быть может, потому, что ее дела мне все еще не безразличны.

Ш о й Д а. Это могло бы заинтересовать мою кузину.

С у н. Ее дела занимают меня — во всяком случае, до такой степени, что я не стану закрывать глаза, если ее лишают, например, свободы передвижения.

Ш о й Д а. Кто лишает ее?

С у н. Вы!

Пауза.

Ш о й Д а. Как бы вы поступили в подобном случае?

С у н. Я, пожалуй, прежде всего обсудил бы свое положение в фирме.

Ш о й Д а. Ах, так! И если бы фирма, то есть я, предоставила вам соответствующую должность, можно было бы рассчитывать, что вы прекратите дальнейшие расспросы о вашей бывшей невесте?

С у н. Не исключено.

Ш о й Д а. А как вы себе представляете свое новое положение в фирме?

С у н. Господствующим. Я думаю, например, о том, чтобы выбросить вас.

Ш о й Д а. А если фирма вместо меня выбросит вас?

С у н. Тогда бы я, вероятно, возвратился, но не один.

Ш о й Д а. А с кем?

С у н. С полицией.

Ш о й Д а. С полицией. Допустим, что полиция здесь никого не найдет?

С у н. Она, вероятно, осмотрела бы ту комнату! Господин Шой Да, тоска по даме моего сердца становится неутолимой. Я чувствую, что должен предпринять что-то, чтобы снова обрести возможность заключить ее в свои объятия. (*Спокойно.*) Она беременна и нуждается в том, чтобы возле нее был человек. Пойду поговорю с водоносом. (*Уходит.*)

Шой Да неподвижно смотрит ему вслед. Затем быстро уходит обратно в комнату. Принесит различные вещи Шен Де — белье, платья, туалетные принадлежности. Долго смотрит на шаль, которую Шен Де купила у торговцев коврами. Затем связывает все вместе в узел и, заслышав шаги, прячет под стол. Входят домовладелица и господин Шу Фу. Они приветствуют Шой Да, снимают галоши и кладут зонтики.

Домовладелица. Наступает осень, господин Шой Да. Господин Шу Фу. Грустное время года!

Домовладелица. А где ваш очаровательный доверенный? Ужасный сердцеед! Вы, наверно, не знаете его с этой стороны. Однако он отлично сочетает мужское обаяние со служебным долгом, что для вас только выгодно.

Шой Да (кланяется). Садитесь, пожалуйста.

Садятся и закуривают.

Друзья мои, непредвиденный случай, чреватый известными последствиями, заставляет меня ускорить переговоры, которые я недавно начал вести о будущем моего предприятия. Господин Шу Фу, моя фабрика в затруднительном положении.

Господин Шу Фу. Как всегда.

Шой Да. Но сейчас полиция открыто угрожает закрыть ее, если я не смогу сослаться на переговоры о новом объекте. Господин Шу Фу, речь идет о единственной собственности моей кузины, к которой вы всегда проявляли такой повышенный интерес.

Господин Шу Фу. Господин Шой Да, я крайне неохотно участвую в обсуждении ваших постоянно расширяющихся проектов. Я говорю о скромном ужине с вашей кузиной, а вы намекаете на финансовые затруднения. Я предоставляю в распоряжение вашей кузины жилье для бездомных, а вы открываете там фабрику. Я передаю ей чек, вы предъявляете его. Ваша кузина исчезает, вы желаете получить сто тысяч серебряных долларов, давая понять при этом, что мои дома слишком для вас малы. Господин Шой Да, где ваша кузина?

Шой Да. Господин Шу Фу, успокойтесь. Могу вас обнадежить — она очень скоро вернется.

Господин Шу Фу. Скоро? Когда же? Я слышу от вас "скоро" уже несколько недель.

Шой Да. Я не требовал от вас новых подписей. Единственное, о чем я вас спросил, — заинтересуетесь ли вы моим проектом, если моя кузина возвратится.

Господин Шу Фу. Я вам говорил тысячу раз, что с вами мне больше нечего обсуждать, с вашей кузиной же, напротив, я готов обсуждать все. Но у меня создалось впечатление, что вы намерены препятствовать такой беседе.

Шой Да. Больше не намерен.

Господин Шу Фу. Когда же она состоится?

Шой Да (*неуверенно*). Месяца через три.

Господин Шу Фу (*сердито*). Значит, месяца через три я дам свою подпись.

Шой Да. Однако нужно все подготовить.

Господин Шу Фу. Вы успеете все подготовить, Шой Да, если уверены, что ваша кузина на этот раз действительно придет.

Шой Да. Госпожа Ми Дзю, согласны ли вы заверить полицию, что я получаю ваше фабричное помещение?

Домовладелица. Конечно, если вы уступите мне своего доверенного. Вот уже несколько недель, как вам известно мое условие. (*Господину Шу Фу.*) Это очень дельный молодой человек, а мне нужен управляющий.

Шой Да. Должны же вы понять, что именно сейчас я не могу обойтись без господина Ян Суна, при всех теперешних трудностях и при моем в последнее время столь пошатнувшемся здоровье! Я с самого начала был готов уступить вам его, но...

Домовладелица. Вот именно, но...

Пауза.

Шой Да. Хорошо, завтра он зайдет в вашу контору.

Господин Шу Фу. Приветствую такое решение, Шой Да. Если бы мадемуазель Шен Де действительно возвратилась, присутствие здесь молодого человека оказалось бы в высшей степени неуместным. Всем нам известно, какое пагубное влияние он имел на нее.

Шой Да (*кланяясь*). Несомненно. Простите мое продолжительное, недостойное делового человека колебание в обоих вопросах, касающихся моей кузины Шен Де и господина Ян Суна. Эти люди были близки когда-то.

Домовладелица. Мы вас извиняем.

Шой Да (*глядя на дверь*). Друзья мои, давайте придем теперь к окончательному решению. Вместо этой когда-то маленькой лавки, где бедняки нашего квартала покупали табак доброй Шен Де, мы, ее друзья, решаем открыть двенадцать больших магазинов, в которых будет продаваться хороший табак Шен Де. Я слышал, что народ называет меня табачным королем Сычуани. На самом деле я руководил этим предприятием исключительно в интересах моей кузины. Оно будет принадлежать ей, ее детям и детям ее детей.

С улицы доносится шум толпы. Входят Сун, Ван и Полицейский.

Полицейский. Господин Шой Да, очень сожалею, но возбуждение среди жителей квартала вынуждает меня расследовать заявление, поступившее из вашей собственной фирмы, о том, что вы лишили свободы свою кузину Шен Де.

Шой Да. Это неправда.

Полицейский. Господин Ян Сун утверждает, что слышал рыдания из комнаты позади вашей конторы, которые могли исходить только от особы женского пола.

Домовладелица. Смешно. Я и господин Шу Фу, уважаемые граждане этого города, показания которых полиция едва ли может взять под сомнение, свидетельствуем, что здесь никто не рыдал. Мы спокойно курим свои сигары.

Полицейский. К сожалению, мне поручено осмотреть упомянутую комнату.

Шой Да открывает дверь.

(С поклоном переступает порог комнаты. Заглядывает внутрь, потом поворачивается и улыбается.) Там действительно никого нет.

Сун *(подошедший к нему)*. Да, но я слышал плач! *(Взгляд его падает на стол, под который Шой Да засунул узел. Подбегает к нему.)* Этого раньше здесь не было! *(Развязывает узел, показывает платье Шен Де.)*

Ван. Это вещи Шен Де. *(Бежит к двери и кричит.)* Нашли ее платье!

Полицейский *(берет вещи)*. Вы заявляете, что кузина уехала. У вас под столом обнаружен спрятанный узел с ее вещами. Где девушка, господин Шой Да?

Шой Да. Я не знаю ее адреса.

Полицейский. Очень жаль.

Возгласы толпы. Нашли вещи Шен Де!

— Табачный король убил девушку и упрятал ее!

Полицейский. Господин Шой Да, я вынужден просить вас следовать за мной.

Шой Да *(кланяется домовладелице и господину Шу Фу)*. Прошу прощения за этот скандал, господа. Но в Сычуани есть еще судьи. Я уверен, что все быстро разъяснится. *(Выходит, за ним идет полицейский.)*

Ван. Совершено ужасное преступление!

Сун *(потрясенный)*. Но я же слышал плач!

ИНТЕРМЕДИЯ

Ночлег Вана.

Музыка. В последний раз в одоносу являются во сне боги. Они очень изменились. Ясно видны следы долгих странствий,

глубокой усталости и многих тяжелых испытаний. У одного сбита с головы шляпа, другой попал ногой в капкан для лисиц, все трое босы.

В а н. Наконец-то вы появились! Ужасные вещи происходят в табачной лавке Шен Де, мудрейшие! Вот уже несколько месяцев, как она опять уехала. Все захватил двоюродный брат! Сегодня его арестовали. Говорят, он убил ее, чтобы завладеть лавкой. Но я этому не верю, потому что она явилась мне во сне и рассказала, что двоюродный брат держит ее в плену. О мудрейшие, вы должны тотчас же вернуться и отыскать Шен Де.

Пер в ы й б о г. Это ужасно. Все наши поиски оказались впустую. Мало мы нашли добрых людей, а те, которых нашли, живут жизнью, недостойной человека. Мы решили держаться Шен Де.

В т о р о й б о г. Если она все еще осталась доброй!

В а н. Конечно, Шен Де добрая, но она исчезла!

Пер в ы й б о г. Тогда все пропало.

В т о р о й б о г. Спокойствие.

Пер в ы й б о г. К чему тут еще спокойствие? Если мы ее не найдем, мы должны будем подать в отставку. О, что за мир предстал нашим глазам — повсюду бедствия, низость, измена! Даже природа изменила нам. Прекрасные деревья обезглавлены проволокой, по ту сторону гор виднеются густые облака дыма, слышится гром пушек, и ни одного доброго человека, который способен устоять!

Т р е т ь и й б о г. Ах, водонос, по-видимому, наши заповеди губительны! Боюсь, все правила нравственности, которые мы установили, должны быть вычеркнуты. У людей хватает забот, чтоб хотя бы спасти свою жизнь. Добрые намерения приводят их на край пропасти, а добрые дела сбрасывают их вниз. (*Деум другим богам.*) Мир не приспособлен для жизни, вы должны это признать!

Пер в ы й б о г (*горячо*). Нет, люди ничего не стоят!

Т р е т ь и й б о г. Потому что мир слишком холоден!

В т о р о й б о г. Потому что люди слишком слабы!

Пер в ы й б о г. Побольше достоинства, дорогие, побольше достоинства! Нельзя отчаиваться, братья. Мы все же нашли одного, который был добрым и не стал злым. Он только исчез. Поспешим найти его. Одного достаточно. Разве мы не говорили, что все еще может наладиться, если найдется хотя бы один, который выдержит эту жизнь, хотя бы один?!

Б о г и быстро исчезают.

Х

Зал суда.

Группы: господин Шу Фу и домовладелица. Сун и его мать. Ван, столяр, дедушка, молодая проститутка, старик и его жена. Шин. Полицейский. Невестка.

Старик. Его власть слишком велика.

Ван. Он открывает двенадцать новых лавок.

Столяр. Как может судья вынести справедливый приговор, если друзья подсудимого, цирюльник Шу Фу и домовладелица Ми Дзю, друзья судьи?

Невестка. Люди видели, как вчера вечером Шин по поручению господина Шой Да принесла на кухню судьи жирного гуся. Жир протекал сквозь корзину.

Старуха (Вану). Нашу бедняжку Шен Де никогда больше не найдут.

Ван. Да, только боги могут открыть истину.

Полицейский. Тише! Суд идет.

Входят три бога в судейских тогах. Пока они идут вдоль рампы к своим местам, слышно, как они шепчутся.

Третий бог. Все выйдет наружу. Документы очень плохо подделаны.

Второй бог. И людям покажется подозрительным, что у судьи внезапно расстроился желудок.

Первый бог. Нет, это естественно, ведь он съел полгуся.

Шин. Новые судьи!

Ван. И очень хорошие!

Третий бог, идущий последним, слышит его слова, оборачивается и улыбается ему. Боги садятся. Первый бог ударяет молотком по столу. Полицейский вводит Шой Да. Его встречают свистками, но он держится надменно.

Полицейский. Приготовьтесь к неожиданности. Это не судья Фу И Чен. Однако новые судьи, по-видимому, тоже очень снисходительны.

Увидев богов, Шой Да падает в обморок.

Молодая проститутка. Что такое? Табачный кобель упал в обморок.

Невестка. Да, при виде новых судей!

Ван. Выходит, он знает их! Странно!

Первый бог (*открывает заседание*). Вы крупный торговец табаком Шой Да?

Шой Да (*очень слабым голосом*). Да.

Первый бог. Поступила жалоба, что вы устранили свою кузину, мадемуазель Шен Де, чтобы завладеть ее лавкой. Признаете ли вы себя виновным?

Шой Да. Нет.

Первый бог (*перелистывая дело*). Заслушаем прежде всего показания полицейского того квартала относительно репутации обвиняемого и репутации его кузины.

Полицейский (*выходит вперед*). Мадемуазель Шен Де охотно угождала всем людям. Как говорится, жила и давала жить другим. Господин Шой Да, напротив, человек с принципами. Добросердечие кузины иногда вынуждало его прибегать к суровым мерам. Однако, в противоположность девушке, он всегда придерживался закона, ваша милость. Он разоблачил людей, которым его кузина доверчиво предоставила убежище, как воровскую шайку, а в другом случае в последний момент удержал Шен Де от лжесвидетельства. Господин Шой Да известен мне как почтенный и почитающий законы гражданин.

Первый бог. Есть ли тут и другие люди, которые готовы свидетельствовать, что обвиняемый не мог совершить преступление, которое ему приписывают?

Выходят вперед господин Шу Фу и домовладелица.

Полицейский (*шепчет богам*). Господин Шу Фу, очень влиятельный господин!

Господин Шу Фу. Господин Шой Да считается в городе уважаемым дельцом. Он второй председатель торговой палаты; в квартале, где он живет, его собираются выдвинуть на должность мирового судьи.

Ван (*кричит*). Вы собираетесь! Вы обделываете с ним дела.

Полицейский (*шепотом*). Злонамеренный субъект!

Домовладелица. Как председательница попечительского общества, я хотела бы довести до сведения суда, что господин Шой Да не только намеревается подарить множеству рабочих своей табачной фабрики самые лучшие помещения, светлые и просторные, но постоянно делал пожертвования приюту для инвалидов.

Полицейский (*шепчет*). Госпожа Ми Дзю, близкая приятельница судьи Фу И Чена!

Первый бог. Да, да, но теперь мы должны также заслушать, не скажет ли кто-нибудь что-либо менее похвальное об обвиняемом.

Выходят вперед Ван, столяр, пожилая чета, безработный, невестка, молодая проститутка.

Полицейский. Подонки квартала.

Первый бог. Что вам известно о поведении Шой Да?

Возгласы. Он разорил нас!

— Он вымогал у меня деньги!

— Сманивал на дурные дела!

— Эксплуатировал беспомощных!

— Лгал!

— Обманывал!

— Убивал!

Первый бог. Обвиняемый, что вы можете на это ответить?

Шой Да. Я ничего не сделал, кроме того, что спас от разорения мою кузину, ваша милость. Я приезжал только тогда, когда появлялась опасность, что она может потерять свою маленькую лавку. Мне пришлось приезжать трижды. И ни разу я не собирался оставаться здесь. Обстоятельства сложились так, что в последний раз я задержался. Все это время я был погружен в заботы. Моя кузина была любима здесь, а мне пришлось выполнять черную работу. Поэтому меня ненавидят.

Невестка. И поделом! Возьмите хотя бы нашего мальчика, ваша милость. (Шой Да.) Я не стану уж говорить о мешках.

Шой Да. Почему бы нет? Почему бы нет?

Невестка (богам). Шен Де дала нам пристанище, а он велел арестовать нас.

Шой Да. Вы воровали пироги!

Невестка. Можно подумать, что он заботился о булочнике! Он хотел захватить лавку.

Шой Да. Лавка не ночлежка. Вы думали только о себе!

Невестка. Нам некуда было деваться!

Шой Да. Вас было слишком много!

Ван. А эти? (Указывает на обоих стариков.) Они тоже думали только о себе?

Старик. Мы вложили наши сбережения в лавку Шен Де. Почему ты лишил нас нашей лавки?

Шой Да. Потому что моя кузина хотела помочь летать одному летчику. Я должен был раздобыть деньги!

Ван. Этого, может быть, хотела она, ты же искал выгоды! Одной лавки тебе было мало.

Шой Да. Плата за помещение оказалась слишком высокой!

Шин. Это я могу подтвердить.

Шой Да. А моя кузина ничего не смыслила в делах.

Шин. И это я могу подтвердить! Не говоря уже о том, что она была влюблена в летчика.

Ш о й Д а. Разве она не имела права любить?

В а н. Конечно! Но ты заставлял ее выйти замуж за нелюбимого человека, за этого цирюльника!

Ш о й Д а. Человек, которого она любила, оказался подлецом.

В а н. Этот? (*Показывает на Суна.*)

С у н (*вскакивает*). И потому, что он подлец, ты взял его за свою контору!

Ш о й Д а. Чтоб исправить тебя! Чтоб исправить тебя!

Н е в е с т к а. Чтоб сделать его понукальщиком!

В а н. А когда он исправился, разве ты не продал его вот этой? (*Указывает на домовладелицу.*) Она повсюду раструблила об этом!

Ш о й Д а. Она только тогда соглашалась дать мне помещение, когда он гладил ее колени!

Д о м о в л а д е л и ц а (*оскорбленная*). Ложь! Не смейте говорить мне о помещении! Никаких дел с вами, убийца!

С у н (*решительно*). Ваша милость, я должен сказать кое-что в его пользу.

Н е в е с т к а. Разумеется, должен. Ведь ты служишь у него.

Б е з р а б о т н ы й. Такого свирепого понукальщика я еще не видывал. Он совсем осатанел.

С у н. Ваша милость, что бы там обвиняемый ни сделал из меня, он не убийца. За несколько минут до его ареста я слышал голос Шен Де из комнаты позади лавки.

П е р в ы й б о г (*быстро*). Значит, она жива? Скажи нам точно, что ты слышал!

С у н (*торжествующе*). Плач, ваша милость, плач!

Т р е т ь и й б о г. И ты ее узнал?

С у н. Безусловно. Разве я мог не узнать ее голоса?

Г о с п о д и н Ш у Ф у. Да, ты достаточно часто заставлял ее плакать.

С у н. И все-таки я сделал ее счастливой. Но потом он (*указывая на Шой Да*) решил продать ее тебе.

Ш о й Д а (*Суну*). Потому что ты ее не любил!

В а н. Нет, не потому. Ради денег!

Ш о й Д а. Но для чего были нужны деньги? (*Суну.*) Ты требовал, чтобы она пожертвовала всеми своими друзьями, а цирюльник предложил свои дома и деньги, чтобы помочь беднякам. И, для того чтобы она могла делать добро, я должен был устроить ее помолвку с цирюльником.

В а н. Почему же ты не допустил ее делать добро, когда был подписан крупный чек? Почему ты послал друзей Шен Де в грязные парильни твоей фабрики, табачный король?

Ш о й Д а. Это было сделано ради ребенка!

С т о л я р. А мои дети? Что ты сделал с моими детьми?

Шой Да молчит.

В а н. Теперь ты молчишь. Боги дали Шен Де лавку как маленький источник добра. И она всегда старалась делать добро, а затем приходил ты и все уничтожал.

Ш о й Д а (*вне себя*). Потому что иначе источник иссяк бы, дурак.

Ш и н. Это верно, ваша милость!

В а н. Что пользы в источнике, если из него нельзя черпать?

Ш о й Д а. Добрые дела приносят разорение!

В а н (*яростно*). А злые дела приносят благополучие, да? Что ты сделал с доброй Шен Де, злой ты человек? Много ли добрых людей можно еще найти, мудрейшие? А она была добрая. Когда вон тот сломал мне руку, она обещала быть моим свидетелем. А сейчас я свидетельствую в ее пользу. Она была добрая, клянусь в этом. (*Поднимает руку для присяги.*)

Т р е т и й б о г. Что у тебя с рукой, водонос? Она не сгибается.

В а н (*показывает на Шой Да*). И в этом виноват он, только он. Она хотела дать мне денег на лечение, но пришел он. (*К Шой Да.*) Ты был ее смертельным врагом!

Ш о й Д а. Я был ее единственным другом!

В с е. Где она?

Ш о й Д а. Уехала.

В а н. Куда?

Ш о й Д а. Не скажу!

В с е. Но почему она должна была уехать?

Ш о й Д а (*кричит*). Потому что иначе вы бы ее растерзали!

Внезапно наступает тишина.

(*Падает на стул.*) Я больше не могу. Я хочу все открыть. Пусть очистят зал и останутся одни судьи, и я скажу.

В с е. Он сознается! Он уличен!

П е р в ы й б о г (*ударяет молоточком по столу*). Очистить зал!

Полицейский очищает зал.

Ш и н (*смеется, уходя*). Вот удивятся!

Ш о й Д а. Ушли? Все? Я не могу больше молчать. Я узнал вас, мудрейшие!

Т о р о й б о г. Что ты сделал с нашим добрым человеком из Сычуани?

Ш о й Д а. Позвольте же мне сознаться в ужасающей правде, ваш добрый человек — я! (*Снимает маску и срывает одежду. Перед судом стоит Шен Де.*)

Второй бог. Шен Де!

Шен Де. Да, это я. Шой Да и Шен Де, они оба — это я.

Ваш единодушный приказ —

Быть хорошей и, однако, жить, —

Как молния, рассек меня на две половины.

Не знаю почему, но я не могла

Быть одновременно доброй к себе и другим.

Помогать и себе, и другим было слишком трудно.

Ах, ваш мир жесток! Слишком много нужды.

Слишком много отчаяния!

Протягиваешь руку бедняку, а он вырывает ее!

Помогаешь прощающему человеку — и пропадаешь сам!

Кто не ест мяса — умирает. Как же я могла не стать злой?

Откуда мне было взять все, что надо?

Только из самой себя.

А это значило — погибнуть.

Груз добрых намерений вгонял меня в землю,

Зато, когда я совершала несправедливость,

Я ела хорошее мясо и становилась сильной.

Наверно, есть какая-то фальшь в вашем мире.

Почему Зло в цене, а Добро в опале?

Ах, мне так хотелось счастья!

И к тому же было во мне тайное знание,

Так как моя приемная мать купала меня в канаве.

От этого у меня зрение стало острее,

Но состраданье терзало меня.

Я видела нищету, и волчий гнев охватывал меня,

И я чувствовала, что преображаюсь,

Рот мой превращался в пасть,

А слова во рту были как зола.

А все же я охотно стала бы ангелом предместий.

Дарить — было моим наслаждением.

Я видела счастливое лицо — и чувствовала себя на седьмом небе.

Проклинайте меня,

Но должна сказать вам —

Все преступления я совершила,

Помогая своим соседям,

Любя своего любимого

И спасая от нужды своего сыночка.

Я — маленький человек и была слишком мала

Для ваших великих планов, боги.

Первый бог (*видно, что он охвачен ужасом*). Замолчи, несчастная! Каково нам это слушать, ведь мы так рады, что нашли тебя!

Шен Де. Но должна же я сказать вам, что я и есть тот злой человек, о преступлениях которого вам здесь стало известно.

Первый бог. Тот добрый человек, о котором все говорили только доброе!

Шен Де. Нет, также и злой!

Первый бог. Это недоразумение! Несколько несчастных случаев. Какие-то соседи, лишённые сердца! Просто перестарались!

Второй бог. Но как же ей жить дальше?

Первый бог. Она будет жить! Она сильная и крепкая и может вынести многое.

Второй бог. Но разве ты не слышал, что она сказала?

Первый бог (*горячо*). Путано, все очень путано! Невероятно, очень невероятно! Неужели нам признать, что наши заповеди убийственны? Неужели нам отказаться от них? (*Упрямо.*) Нет, никогда! Признать, что мир должен быть изменен? Как? Кем? Нет, все в порядке. (*Быстро ударяет молоточком по столу.*)

По его знаку раздаётся музыка. Вспыхивает розовый свет.

Пора нам возвратиться. Мы очень привязались
К этому миру. Его радости и печали

То ободряли, то огорчали нас.

И все же там, над звездами, с радостью

Мы вспомним о тебе, Шен Де!

О добром человеке, не забывшем наши заветы

Здесь, внизу.

Несущем светильник сквозь холодную тьму.

Прощай, будь счастлива!

По его знаку раскрывается потолок. Опускается розовое облако. Боги очень медленно поднимаются на нем вверх.

Шен Де. О, не уходите, мудрейшие! Не покидайте меня! Как мне смотреть в глаза добрым старикам, потерявшим свою лавку, и водоносу с искалеченной рукой? Как защитить себя от ширюльника, которого я не люблю, и от Суна, которого люблю? И чрево мое благословенно, скоро появится на свет мой маленький сын и захочет есть. Я не могу остаться здесь! (*Как затравленная, смотрит на дверь, в которую войдут ее мучители.*)

Первый бог. Сможешь. Старайся быть доброй, и все будет хорошо!

Входят свидетели. Они с удивлением видят плывущих на розовом облаке судей.

Ван. Боги явились нам! Окажите им почет! Три высших бога пришли в Сычуань, чтобы найти доброго человека. Они нашли его, но...

Первый бог. Никаких "но"! Вот он!

Все. Шен Де!

Первый бог. Она не погибла, она была только спрятана.
Среди нас остается добрый человек!

Шен Де. Но мне нужен двоюродный брат!

Первый бог. Только не слишком часто!

Шен Де. Хотя бы раз в неделю!

Первый бог. Достаточно раз в месяц!

Шен Де. О, не удаляйтесь, мудрейшие! Я еще не все сказала! Вы мне так нужны!

Боги (*поют*)

ТЕРЦЕТ ИСЧЕЗАЮЩИХ НА ОБЛАКЕ БОГОВ

Мы не можем, к сожалению,
Остаться больше здесь —
Быстролетное мгновенье —
Вот и срок земной наш весь.
Чтобы женщины чудесной
Как виденья не вспугнуть,
Мы бесплотны, вы — телесны,
И у нас особый путь.
На земле вас покидаем,
В никуда мы улетаем.

Шен Де. Помогите!

Боги (*поют*)

Мы поиски свои на этом завершаем
И в небеса немедля улетаем.
Да славься отныне и вовек
Из Сычуани добрый человек!

Между тем как Шен Де в отчаянии простирает к ним руки,
они, улыбаясь и кивая, исчезают вверх.

ЭПИЛОГ

Перед занавесом появляется актер и, обращаясь к публике,
произносит заключительный монолог.

Актер

О публика почтенная моя!
Конец неважный. Это знаю я.
В руках у нас прекраснейшая сказка
Вдруг получила горькую развязку.
Опущен занавес, а мы стоим в смущеньи —
Не обрели вопросы разрешенья.
От вас вполне зависим мы притом:

За развлечением вы пришли в наш дом.
Провал нас ждет без вашей похвалы!
Так в чем же дело? Что мы – не смелы?
Трусливы? Иль в искусстве ищем выгод?
Ведь должен быть какой-то верный выход?
За деньги не придумаешь – какой!
Другой герой? А если мир – другой?
А может, здесь нужны другие боги?
Иль вовсе без богов?

Молчу в тревоге.

Так помогите нам! Беду поправьте
И мысль и разум свой сюда направьте,
Попробуйте для доброго найти
К хорошему – хорошие пути.
Плохой конец заранее отброшен.
Он должен,
должен,
должен быть хорошим!

ТУРАНАТ,
ИЛИ
КОМФЕРС
ОБЕЛИТЕЛЕР

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Китайский император.	Ван, писец школы туалов.
Турандот, его дочь.	Ме Не, молодой туал.
Яу Ель, его брат.	Официант.
Императрица - мать.	Учитель.
Уборщица.	Четыре туалас рынка.
Две служанки	А Ша Сен, крестьянин.
Турандот.	Э Фе, его внук.
Врач.	Делегат Союза
Придворный туал.	портных.
Министр - президент.	Его туал.
Хи Вей, ректор школы	Делегат Союза
туалов и председатель	беспорточных.
Союза туалов.	Его туал.
Мунка Ду.	Кьюн, Су, Яо, прачки.
Его мать.	Оружейник.
Его секретарь.	Уличный торговец.
Художник.	Гогер Гог, гангстер.
Ки Ле, ректор император-	Ма Гог, его мать.
ского университета.	Два его телохранителя.
Паудер Миль, географ.	Палач.
Генерал, военный министр.	Капитан.
Мо Си.	Офицер.
Ка Мю.	Туалы, молодые
Ши Ка.	туалы, ученики
Ну Шан, секретарь Хи Вея.	школы туалов.
Вен.	Беспорточные.
Гу.	Полицейские.
Си Фу, ученик школы туалов.	Вооруженные.
Ши Ме, выпускник школы	Солдаты. Гангстеры.
туалов.	Мужчины. Женщины.

I

В ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЦЕ

Уборщица моет пол. В зал вбегает Император. Следом за ним Придворный туал и Министр-президент, также в головном уборе туал.

Император. Я возмущен. Мне говорят, что из-за беспхозяйственности и коррупции мое государство полностью разорено. Пожалуйста, ради бога! Но чтобы из-за этого вычеркивать из моего бюджета вторую утреннюю трубку! Это уже, знаете, слишком! Я вам не кто-нибудь, а китайский император. И такого не потерплю.

Министр-президент. Но ваше сердце, ваше величество! Трубку вычеркнули исключительно из-за вашего сердца!

Император. Мое сердце! Если у меня и болит сердце, так только потому, что мне не выказывают должного уважения. На прошлой неделе вычеркнули двести верховых лошадей. Выходит, мне нельзя больше верхом ездить. Я тогда промолчал...

Министр-президент. Промолчали?!

Император. Ну, пожалуй, можно сказать, почти что промолчал. А сегодня я узнаю, что вычеркнули и вторую трубку. То говорят: сердце! То говорят: доходы падают! В свое

время мне предлагали на выбор: монополию на шелк или монополию на ситец. Я, конечно, обеими руками ухватился за шелк. А мне советуют: ситец. Да я в жизни не видел, чтобы кто-нибудь носил этот ситец. Все ходят в шелку. Ну, допустим, думаю я, может, это народ носит ситец. Ладно, делаю ставку на народ. И что же, выходит, я прогорел!

В зал входит Я у Е л ь.

(*Брату.*) Я у Е л ь, я отрекаюсь от престола.

Я у Е л ь. А на сей раз почему?

П р и д в о р н ы й т у а л. О боже, что станется с Китаем без императора!

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Это невозможно. Ведь тогда будет ревизия казны!

И м п е р а т о р. Если я вам так нужен, нечего было вычеркивать из моего бюджета утреннюю трубку.

У б о р щ и ц а (*Придворный туалет что-то прошептал ей на ухо*). Господин император, не оставляйте нас! (*По знаку Придворного туалета падает на колени*.) Я, простая женщина из народа, на коленях молю вас нести и дальше бремя короны!

И м п е р а т о р. Я тронут, сударыня, но не могу ничего сделать, я не могу оставаться императором. (*Я у Е лю.*) Это ты во всем виноват, и не возражай. Не согласишься я тогда передать монополию тебе...

М и н и с т р - п р е з и д е н т (*бросив взгляд на уборщицу*). Ваше величество торжественно отказались от монополии, дабы никто не дерзнул утверждать...

П р и д в о р н ы й т у а л. ...будто ваше величество имеет какое-то отношение к коммерческим делам.

И м п е р а т о р. Вот именно. Иначе говоря, чтобы деньги поступали бесперебойно. Ну и где же деньги? И вообще — я требую отчета.

Я у Е л ь (*раздраженно*). Хватит! (*Берет за руку уборщицу, подтаскивает ее к Императору.*) Сколько вы заплатили за ваш головной платок?

У б о р щ и ц а. Десять иен.

Я у Е л ь. Когда? Когда вы его купили?

У б о р щ и ц а. Три года назад.

Я у Е л ь (*Императору*). А ты знаешь, сколько он сейчас стоит? Четыре иены.

И м п е р а т о р (*с интересом ощупывая платок*). Это и есть ситец?

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Ситец, ваше величество.

И м п е р а т о р (*мрачно*). А почему на него сейчас такая низкая цена?

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Осмелюсь открыть вам истину,

ваше величество. Мы пережили один из ужаснейших годов в истории Китая. Урожай...

И м п е р а т о р. Ну, что там с урожаем? Погода, что ли, была плохая?

М и н и с т р - п р е з и д е н т (*горько усмехнувшись*). Погода была превосходная.

И м п е р а т о р. Стало быть, крестьяне ленились?

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Нет, они трудились прилежно.

И м п е р а т о р. Так что же произошло с урожаем?

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Урожай колоссален! В этом-то несчастье. Когда всего вдоволь, все идет за бесценно.

И м п е р а т о р. Это что же выходит — ситцу у меня так много, что за него и приличную цену взять нельзя? Ну так сделайте, чтоб его стало мало!

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Ваше величество, а общественное мнение?!

И м п е р а т о р. Что? На вас шляпа туалала, и вы еще смеете меня уверять, что боитесь общественного мнения? Извольте тогда подготовить манифест о моем отречении от престола. (*Уходит.*)

М и н и с т р - п р е з и д е н т. О боже!

И м п е р а т о р (*возвращается*). И я раз и навсегда запрещаю любые действия, подрывающие мой авторитет! (*Окончательно уходит.*)

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Одним словом: умой меня, но при этом не замочи! Друзья мои, я окончил лучшую в стране школу туалетов, я досконально изучил всю туалетную литературу, вот уже тридцать лет я обсуждаю с выдающимися туалалами, какими путями можно спасти Китай. Друзья мои, таких путей нет.

И м п е р а т р и ц а - м а т ь (*несет чайный сервиз на подносе*). Не хотите ли освежиться чашечкой ароматного чая? Где мой сын?

Я у Е л ь. Ушел. Опять тебя...

Она выбегает в дверь.

Это ужасно, что врачи не могут за ней уследить. Опять она со своим отравленным чаем.

П р и д в о р н ы й т у а л. Врачей ей легко удается обмануть, ведь в общем-то она вполне разумна.

Я у Е л ь (*со вздохом*). Иногда я ее вполне понимаю.

И м п е р а т р и ц а - м а т ь (*возвращается, Яу Елю*). Ну выпей хотя бы ты.

Я у Е л ь. Мама, вы несносны...

Разочарованная Императрица-мать направляется к двери. В зал врывается В р а ч.

В р а ч. Отдайте мне, пожалуйста, чашечку, ваше величество.
(Отнимает у нее чашку.)

Оба уходят.

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Больше двух лет Китай не протянет.

II ЧАЙНЫЙ ДОМИК ТУАЛОВ

За маленькими столиками сидят т у а л ы, читают, играют в шашки. На столиках таблички: "Две малые формулировки за три иены", "Перелицовывая старые мнения, получаете новые", "Мо Си, король отговорщиков", "Вы действуете — я снабжаю вас аргументами", "Почему вы невинны — вам скажет Ну Шан", "Делайте все что угодно, только формулируйте прилично". К л и е н т ы, главным образом деревенские, читают эти таблички.

М о С и. Я должен поторапливаться, мне еще нужно сегодня составить сложную формулировку для распорядителя кредитов городского банка. Они хотят повысить ссудный процент.

К а М ю. А я сегодня не формулирую. Вчера я удачно продал торговцу требухой мнение об атональной музыке.

М о С и. За или против?

К а М ю. Против. Я не торгую мнениями массового пошива, на любую фигуру. Я продаю только модельные мнения. Мои клиенты не желают высказывать мнения, которые еще кто-то высказывает. Впрочем, Ши Ка, ваши мнения для маленького человека, кажется, тоже расходятся очень бойко?

Ш и К а. Да, я ввел продажу в рассрочку. Знаете, как я напал на эту идею? Жена одного клиента непременно хотела иметь квашню. Он хотел проконсультироваться насчет отговорки. Жена ему сказала, что ей предлагают квашню в кредит, и он спросил меня, не может ли он заплатить за отговорку в рассрочку. А иначе уж лучше взять квашню, она ему обойдется дешевле, чем отговорка. Что делать — мы живем в трудное время. Что там за новости?

О ф и ц и а н т приносит плакат: "Посетители в рваной одежде, согласно полицейскому предписанию, не обслуживаются". Один о б о р в а н е ц с гордой осанкой демонстративно уходит. Его провожают вздохами сожаления.

Ш и К а. При нынешних ценах на одежду разве это возможно?

Другой туалет. Маленькому человеку скоро будет не по карману иметь мнение.

Спокойный голос. Да здравствует Кай Е!

Смех.

Туалет. Прошу только без политики.

Другой туалет. Но тогда я попрошу только без платы за чай.

Туалет. Неужели вы верите, что мятежнику Кай Е удастся то, что не удалось величайшим туалам, — сделать Китай страной, в которой можно жить?

Другой туалет. Да.

Громкий смех.

Клиентка с пышными формами. Сколько вы возьмете за малую формулировку по поводу нарушения супружеской верности?

Мо Ся. До четырех иен, если...

Она подсаживается к нему. Входит Турандот с Придворным туалетом. Ее не узнают.

Турандот. Это и есть один из тех знаменитых чайных домиков туалам?

Придворный туалет. Да, но это домик низшей категории, ваше высочество. Знаменитые туалы, которые вершат правосудие, пишут книги, воспитывают молодое поколение, словом, те, которые, вдохновленные высокими идеалами, руководят человечеством с кафедр, трибун и амвонов, здесь не бывают. Впрочем, и эти менее значительные туалы прилагают искренние усилия к тому, чтобы посредством интеллекта действовать населению в его многообразных делах.

Турандот. Чем содействовать — тем, что они говорят людям, что те должны делать?

Придворный туалет. Вернее, тем, что они говорят, что те должны говорить. Попробуйте сами.

Турандот садится к Ну Шану.

Турандот (томно). Почему я невинна?

Ну Шан. В чем? Ах, в этом смысле! (Оглушительно хохочет.) Десять иен. (Берет деньги.) Вы не потребуете обратно ваши десять иен, если я признаюсь, что не знаю, почему вы невинны? Но вы с полным правом можете утверждать, что вашей вины нет в том, что вы невинны.

Турандот (*томно*). Я очень чувствена. Фи, объясни ему, что меня привлекает.

Придворный туалет. Здесь объяснить?

Турандот. Да, непременно.

Придворный туалет. Особа, о которой идет речь, не в силах противиться духовным чарам. Некоторые изящные формулировки возбуждают ее.

Турандот. Физически.

Придворный туалет. Новые, оригинальные положения...

Турандот. ...философские...

Придворный туалет. ...делают ее безотчетно покорной мужчине.

Турандот. Сексуально. Скажи ему еще про кровь.

Придворный туалет. Высокий лоб, красноречивый жест, безукоризненный по форме, длинный...

Турандот. ...афоризм...

Придворный туалет. ...вызывают у нее прилив крови к голове.

Официант (*проходит через зал, выкликая*). Требуется обелители для торгового дома Ла Мэ!

Три туалета поспешно пробираются к выходу.

Туалет за соседним столиком. Но есть одна проблема, которую здесь трудно разрешить: кто заплатит за чай?

Входит Гогер Гог в сопровождении телохранителя, телохранитель встает у двери.

Турандот. Кто этот красавчик?

Придворный туалет. Пресловутый гангстер по имени Гогер Гог.

Ну Шан. Потихе, сударь. Он предпочитает называть себя туалетом. Правда, он уже дважды провалился на вступительных экзаменах... Но, по слухам, он продолжает зубрить.

Гогер Гог (*подсаживается к туалету с табличкой "Две малые формулировки за три иены"*). Вот тебе твои три иены и выслушай меня. Мне нужны были деньги на учебу.

Вен. Ты все равно никогда не выдержишь экзаменов.

Гогер Гог. Прикуси язык. Впрочем, школу я оставил, она никуда не годится. Но, как я уже сказал, деньги мне были нужны.

Турандот. Зачем ему, если он гангстер, быть еще и туалетом?

Ну Шан. Он и гангстером стал только для того, чтобы стать туалетом.

Турандот. Я его сразу заметила.

Гогер Гог. Деньги на первый экзамен я взял из кассы моей фирмы.

Вен (*скучающим голосом*). Одолжил.

Гогер Гог. Одолжил. А чтобы раздобыть денег на второй экзамен, мне уже пришлось явиться в ломбард с заряженными пистолетами.

Вен. Чтобы сдать их в заклад. Если тебе нужны новые формулировки, плати еще.

Гогер Гог шарит в кармане.

Турандот. А что, туалу живетса легче, чем гангстеру?

Ну Шан. Ненамного. К тому же в основном он живет вовсе не грабежами и налетами. Во всяком случае, с тех пор, как началась дороговизна. Он со своей бандой живет тем, что охраняет прачечные в предместьях.

Турандот. От чего?

Ну Шан. От налетов.

Турандот. От чьих?

Ну Шан. Его банды. Понимаете? Если владельцы платят исправно, налетов не бывает.

Придворный туал (*с циничной усмешкой*). Он поступает так же, как государство. Если налоги выплачиваются исправно, налетов со стороны полиции не бывает.

Турандот (*влюбленно*). Фи! Только не в общественном месте! Нас же все видят!

Гогер Гог. Вот три иены. Еще одна формулировка. Что мне сказать моим людям?

Вен (*указывая на телохранителя*). Таким, как этот? Сразу не могу — надо подумать.

Входит седобородый крестьянин Сен с мальчиком. Туал Гу ведет его к столику Ну Шана.

Гу (*ко всем*). Неслыханное происшествие! Этот человек пришел из провинции Сычуань. Два месяца он шел сюда, волоча за собой тележку с хлопчатобумажной пряжей. Сегодня утром он хотел продать эту пряжу на рынке, но ее конфисковали.

Возгласы протеста.

Вен. А между тем ситец совсем исчез, и за головной платок приходится платить пятьдесят иен!

Другой туал. Вчера закрылись прядильные фабрики. Нет хлопка. Союз портных грозит беспорядками, если правительство не выступит с сообщением, куда делся хлопок.

Вен. Пекин постепенно становится городом оборванцев.

Г у. Разрешите. (*Садится вместе с седебородым за столик, мальчик по-прежнему стоит позади.*) Что же привело вас в Пекин?

С е н. Меня зовут Сен. А это Э Фе. Я пришел учиться.

Г у. Молодой человек хочет учиться?

С е н. Я хочу учиться. Он еще успеет. Сначала пусть станет сапожником. Но я, господа, уже для этого созрел. Пятьдесят лет я мечтал принадлежать к великому братству тех, кто называет себя туалами — по окончанию слова "интеллектуал". Ибо все в государстве происходит в соответствии с их великими идеями, они — вожди человечества.

Г у. Разумеется. И вы хотели продать пряжу...

С е н. ...и оплатить обучение в школе туаллов.

Г у (*встает*). Господа! Я только что выяснил, что этот почтенный человек, чей хлопок был конфискован государственными органами, хотел на средства, полученные от продажи хлопка, поступить в школу туаллов. Он жаждет знаний, а государство его обкрадывает! Я предлагаю, чтобы все здесь присутствующие отнесли к делу своего будущего коллеги как к своему кровному.

Н у Ш а н. Бесполезно! Все, что касается ситца, подвластно лишь императору.

По знаку Придворного туалла Турандот поднимается и уходит вместе с ним.

Т у а л. Не императору! Брату императора!

Смех.

Н у Ш а н. Увы, старина, ничего с учением не получится.

Придворный туал у выхода что-то тихо говорит Официанту, тот подходит к столику Сена и шепчет ему на ухо.

Г у. Господа, произошло нечто беспрецедентное. Одна доброжелательница, не пожелавшая открыть свое имя, только что распорядилась передать господину Сену ту сумму, которую он мог бы выручить за свой хлопок. Поздравим же господина Сена с этой нежданной-негаданной возможностью вступить в наше великое братство!

Кое-кто из туаллов обступает Сена и поздравляет его.

Г о г е р Г о г. Ты уже долго думаешь. Так что же я скажу моей фирме?

В е н (*возвращает ему три иены*). Не знаю.

III

а) В ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЦЕ

И м п е р а т о р набивает свою вторую утреннюю трубку.

Входит Турандот с Придворным туалетом.

Турандот (*задирает юбку и показывает отцу ситцевые панталоны*). Что ты скажешь о моих панталонах? Ситец. Фи говорит, что он раздражает кожу. Это верно, но зато он теперь редкость, такой дорогой и все же народный. Что же ты молчишь? Когда тебе приходит в голову неожиданная идея, а я на это никак не реагирую — помнишь, так было, когда ты придумал соляной налог, — ты потом три дня ходишь с кислой миной.

И м п е р а т о р. Да, цены на ситец как будто изрядно подскочили. Возьми кисточку и напиши список всего, что ты хочешь иметь. Мое финансовое положение в настоящее время позволяет мне, кроме того, сообщить тебе, что при выборе супруга ты вольна теперь следовать зову своего сердца. Монгола мы можем окончательно сбросить со счетов. Я бы все равно никогда не решился навязать тебе мужа против твоего желания, никогда! Разве лишь в крайнем случае.

Вдали маршевая музыка.

Турандот. Если я выйду замуж, то только за туалы.

И м п е р а т о р. В тебе есть какая-то извращенность.

Турандот (*обрадованная*). Ты так думаешь? Стоит мужчине сказать что-нибудь остроумное, как меня прямо насквозь пронзает.

И м п е р а т о р. Пожалуйста, без непристойностей. Да еще с самого утра. Я не допущу, чтобы ты унизилась до какого-нибудь туалы. Никогда!

Турандот. Выходит, и бабушка тоже непристойная? Когда мы с ней разговариваем, она иной раз такое рассказывает о...

И м п е р а т о р. Я не потерплю, чтобы ты так говорила о своей бабушке. Императрица-мать — великая патриотка, так написано во всех школьных хрестоматиях. И вообще ты слишком молода, чтобы думать о таких вещах.

Турандот. Фи, разве я слишком молода? Он раздражает кожу!

И м п е р а т о р. Что там за музыка?

Придворный туалет. Демонстрация Союза портных, ваше величество.

Турандот. Хорошо жить в великом государстве. Я пойду с Фи посмотреть на демонстрацию. Но спешить незачем, она ведь продлится часов восемь-десять.

И м п е р а т о р. Как это так — восемь-десять часов?
Т у р а н д о т. Пока все не пройдут.

Входит М и н и с т р - п р е з и д е н т с листовкой в руках.

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Соблаговолите, ваше величество, обратить внимание на эту листовку, которая была найдена перед зданием торгового дома Ла Мэ. Содержание ее очень неприятно. *(Читает.)* "Куда делся китайский ситец? Неужели сыны Китая должны нагишом хоронить своих умирающих от голода родителей? У первого императора Маньчжурской династии хватило хлопка только на его солдатскую шинель. А сколько хлопка у последнего?" По стилю этого пасквиля видно, что его написал Кай Е.

И м п е р а т о р. Проклятый туалет!

П р и д в о р н ы й т у а л. О нет, ваше величество! Прикажите нас всех плетьюми полосовать, но не называйте этого гнусного типа туалетом. Бешеный подстрекатель! Он якшается только с самыми последними подонками! Прошу не смотреть на меня, мне нужно... *(Вытирает платком холодный пот.)*

И м п е р а т о р *(во время последующего диалога он прислушивается к отдаленной музыке)*. Этого человека не стоит принимать всерьез.

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Этот человек сумел взбунтовать двадцать миллионов в провинции Хо. Соблаговолите, ваше величество, принимать его всерьез.

Т у р а н д о т. Что это за шинель там?

П р и д в о р н ы й т у а л. Это хлопчатобумажная солдатская шинель первого императора Маньчжурской династии — того, который был крестьянином. Она висит в старой маньчжурской часовне. В народе распространено поверье, что до тех пор, пока шинель привязана к потолку, народ привязан к своему императору. Глупое суеверие, конечно, но господин Кай Е, который учился в Кантоне, не стыдится использовать и его.

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Это суеверие разделяют миллионы.

Т у р а н д о т *(поет)*

Трос, отягощенный грузом,
Рвется, груз роняя наземь,
Но, как подсказывает разум,
Тросы все не рвутся разом.

И м п е р а т о р. Оставь эти базарные повадки! А чем нам грозят эти разоблачения?

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Новым скандалом! Союз портных, насчитывающий два миллиона членов, объединится с Союзом беспорточных, в котором четырнадцать миллионов членов. Потому что у портных нет больше ситца, чтоб шить портки,

и более того — у них у самих уже нет портков, им ходить не в чем. Все станут кричать: "Император припрятал ситец!" И весь народ сплотится вокруг Кай Е.

Входит Я у Е ль.

Я у Е ль (*ничего не подозревая*). Доброе утро. Как курится утренняя трубка?

И м п е р а т о р (*орет*). Плохо. Где ситец?

Я у Е ль. Ситец?

И м п е р а т о р (*сует ему листовку под нос*). Меня обвиняют, меня поносят в этом листке, а что я могу сделать? Я отрекусь от престола. Если все сейчас же не утрясется, если тотчас же не будут сделаны необходимые заявления, я отрекусь от престола — раз и навсегда.

Министр-президент. Этот Кай Е все разноухал.

И м п е р а т о р. Расхлябанность! Безответственность! Ту-пость!

Я у Е ль. Господа, я прошу оставить нас с братом наедине.

И м п е р а т о р (*пока все, кроме Турандот, выходят*). Я требую, чтобы виновные были наказаны со всей строгостью. Я подчеркиваю: со всей строгостью.

Т у р а н д о т. Правильно, папа.

Я у Е ль. Перестань орать, они уже вышли.

Т у р а н д о т (*усердно записывая*). Правильно, папа. Теперь сократись.

И м п е р а т о р. Где ситец?

Я у Е ль. Я понимал, когда ты орал при чужих, но теперь прекрати воли.

И м п е р а т о р (*еще громче*). Где ситец?

Т у р а н д о т. Да, а где он, в самом деле?

Я у Е ль. Сам знаешь где. На твоих складах.

И м п е р а т о р. Что? И ты смеешь мне такое говорить? Да я прикажу тебя арестовать!

Т у р а н д о т. Вот именно, давно пора!

Я у Е ль. Ты же сам был на это согласен, разве не так?

И м п е р а т о р. Хочешь, чтобы я вызвал стражу?

Я у Е ль. Ну что ж, раз так, выбросим ситец на рынок.

Пауза.

И м п е р а т о р. Тогда я отрекусь от престола.

Я у Е ль (*орет*). Отрекайся, и пусть тебя повесят! (*Пауза*.) Созови конференцию туаллов. Пусть они тебя обелят. Пообещай им за это что-нибудь ничего не стоящее. Иначе для чего тебе эти двести тысяч обелителей? Зачем ты содержишь пятнадцать тысяч школ?

Турандот. Конференция туалетов! Вот было бы забавно!
Император. Никто так не ценит туалетов, как я. Они делают все, что в их силах, но не все же в их силах. Да и что они могут, если Союзу портных все уже известно?

Министр-президент (входя). Ваше величество, делегаты Союза портных и, к сожалению, также делегаты Союза беспорточных.

Император. Что, они уже приходят вместе? Нет, тут не поможет никакая конференция!

Турандот. И поделом тебе.

Яу Ель. Отдай им ситец.

Турандот (все еще записывая). И поделом тебе — ты неинтеллигентный человек.

Входят делегат портных и делегат беспорточных. Их сопровождают два туалала.

Император (брюзливо). Ну чего там у вас?

Туал первого Союза (опережая начавшего было говорить делегата другого Союза). Ваше величество! По свидетельству классика Ка Ме, нет такой силы, которая могла бы противостоять народу, если народ един. Ваше величество, вопрос о местонахождении ситца — это как раз такой вопрос, по которому Союз портных, представляемый мною, и Союз беспорточных, представителем коего является мой distinguished коллега, вполне могли бы прийти к единству.

Туал второго Союза. Но не к единству сверху, как ты думаешь, а к единству снизу!

Туал первого Союза. Хорошо, пусть будет по-моему: к единству снизу. У нас ведь руководство выбирается снизу...

Туал второго Союза смеется.

Только при полной свободе может быть достигнута свобода.
(Достает из портфеля книгу.)

Турандот хлопает в ладоши.

Ка Ме!

Туал второго Союза. Хватит цитат! Да слыханное ли дело, чтобы армия при полной свободе могла выиграть сражение!

Турандот аплодирует.

И с каких это пор дисциплину приравнивают к отсутствию

свободы? (Также извлекает книгу.) Что об этом говорит Ка Ме?

Туал первого Союза. Сражение? Значит, опять насилие! Твоими устами говорит ваш Кай Е!

Туал второго Союза. А твоими – гонорар, который бонзы из твоего Союза...

Туал первого Союза. Ты что, хочешь сказать, что я подкуплен?

Туал второго Союза. Да, и притом предателями!

Делегат портных, пришедший с туалетом первого Союза, отвечает туалу второго Союза оплеуху. Последний несколько озадачен, но затем дает туалу первого Союза затрепину своим томом Ка Ме. Тот отвечает ему тем же. Делегат беспорточных, разозлившись, дает пощечину делегату портных, завязывается общая потасовка.

Турандот (тяжело дыша). Бей ногой! За яблочко его! Цель в челюсть!

И м п е р а т о р. Прекратить!

Драка прекращается, туалет первого Союза остается лежать на полу.

Я благодарю вас за столь ясные высказывания и присоединяюсь к вашим аргументам, особенно к последнему. К тому же меня глубоко растрогала музыка, которая исполняется перед моим дворцом. Дело, по-видимому, в нехватке ситца. Поскольку вы, очевидно, не пришли ни к какому соглашению, я предлагаю...

Входит И м п е р а т р и ц а - м а т ь с тарелкой оладий, предлагает их сыну.

(Не переставая говорить, отводит ее руку.) ...чтобы вопрос: "Где ситец?" – изучили умнейшие и ученейшие в государстве люди. Я созываю чрезвычайный конгресс туалетов, с тем чтобы он мог убедительно объяснить народу, куда делся китайский ситец. Ах, мама, да оставь ты свои штучки! Мое почтение.

Д е л е г а т ы, за исключением туалата, лежащего без сознания, в растерянности кланяются и уходят, унося его с собой.

И м п е р а т о р. Не зашел ли я слишком далеко?

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Вы были неподражаемы, ваше величество.

И м п е р а т о р. Я думаю, конгресса туалетов будет вполне достаточно для этих простофиль. Они ведь даже между собой не могут договориться.

Турандот. Не понимаю, чего хотят от тебя эти люди. На мне, во всяком случае, ситцу почти нет. (*Хочет продемонстрировать, но Император вовремя удерживает ее.*)

Министр-президент. А ваше величество уже подумали, как наградить того туалала, который сумеет объяснить народу, куда делся ситец?

Император. Нет, мое финансовое положение все еще не вполне прочно. Оставь, мама, я не ем сладкого, когда курю.

Министр-президент. Ваше величество, ответить на этот вопрос, не задев при этом вашего величества, под силу лишь самому умному человеку в Китае. Что вы ему обещаете?

Турандот (*с радостным воплем*). Ую-юй! Меня!

Император. Как бы не так — тебя! Вот еще, стану я собственную плоть и кровь по дешевке продавать.

Турандот. А почему бы и нет? Вы найдете самого умного человека, и я выйду за него замуж.

Император. Ни за что! (*Прислушивается.*) А демонстрация-то, похоже, большая...

б) В СТАРОЙ МАНЬЧЖУРСКОЙ ЧАСОВНЕ

Полуразвалившаяся ротонда. С потолка на толстом тросе свисает старая, латаная шинель. Перед ней стоят императорская семья, Министр-президент, Военный министр, высокопоставленные туалы.

Император. Моя любимая Турандот, вот эта достойная почитания шинель. Твой предок носил ее в походах. И так как был беден, то, как видишь, собственноручно латал дыры от пуль. Каждый император надевает эту шинель при коронации, потому что с ней связано известное поверье. Император, как мы полагаем, нуждается в расположении народа. Возьмите, к примеру, солдат, которые, как нам доложили, связаны родственными узами со всеми другими верноподданными. Посему мы решили: тому из милых нашему сердцу туалалов, кто сумеет сохранить веру народа в отеческую заботу своего императора, мы даруем руку нашей единственной дочери.

Возгласы удивления и восторга. Турандот приседает.

И поскольку почитание старых обычаев — и связанных с ними реликвий, подчеркиваю это, — имеет для нас решающее значение, то мы повелеваем, чтобы наш будущий зять на свадебной церемонии был облачен в эту старую шинель. Объявляю торжественную церемонию закрытой.

IV

а) ШКОЛА ТУАЛОВ

Пока на сцене происходит перестановка, слышится голос глашатая: "Важное сообщение: Император обещает руку своей дочери Турандот тому туалу, который объяснит народу, куда делся ситец". В школе деловая суета. Все суматошно бегает. П и с ц ы вешают плакат: "Зятем Императора будет туалет". У ч и т е л ь в головном уборе туалала ведет урок в классе.

У ч и т е л ь. Си Фу, назови нам основные вопросы философии.

Си Фу. Существуют ли вещи вне нас, сами по себе и независимо от нас, или же вещи существуют в нас, для нас и лишь в зависимости от нас.

У ч и т е л ь. Какое мнение правильное?

Си Фу. Окончательное решение не принято.

У ч и т е л ь. К какому мнению склоняются в последнее время большинство наших философов?

Си Фу. Что вещи существуют вне нас, сами по себе и независимо от нас.

У ч и т е л ь. Почему вопрос остался нерешенным?

Си Фу. Конгресс, который должен был принять решение, состоялся двести лет назад в монастыре Ми Санг, расположенном на берегу Желтой реки. Был поставлен вопрос: существует ли Желтая река действительно, или же она существует лишь в головах людей? Во время конгресса в горах началось сильное снеготаяние. Желтая река вышла из берегов и затопила монастырь Ми Санг вместе со всеми участниками конгресса. Поэтому доказательства, что вещи существуют вне нас, сами по себе и независимо от нас, так и не были приведены.

У ч и т е л ь. Хорошо. Урок окончен. Каково важнейшее событие дня?

К л а с с. Конгресс туалалов.

У ч и т е л ь с классом уходит. Входят туалет Гу и седобородый Сен в сопровождении внука.

Сен. Но ведь Желтая река действительно существует!

Гу. Так-то оно так, но это надо доказать!

Сен. И здесь меня будут учить доказывать такие вещи?

Гу. Все зависит от тебя. Кстати, я ведь тебя еще не спросил, почему ты хочешь учиться.

Сен. Мыслить – это такое удовольствие. А удовольствиям нужно учиться. Но, может быть, мне следовало бы сказать: мыслить – это так полезно.

Гу. М-да... В общем, прежде чем записаться и внести деньги,

сначала осмотришь. А вот здесь, видишь, учат ораторскому искусству.

Входят молодой человек Ш и М е с Н у Ш а н о м, здешним преподавателем. Ши Ме поднимается на небольшую трибуну. Ну Шан становится у стены и управляет устройством, которое опускает и поднимает хлебницу, подвешенную на веревке перед глазами оратора.

Н у Ш а н. Тебе дана тема: "Почему Кай Е не прав?" Каждый раз, когда я поднимаю хлебницу вверх, знай, что ты допустил ошибочное высказывание. Начали!

Ш и М е. Кай Е не прав потому, что он делит людей не на умных и менее умных, а на богатых и бедных. Он был исключен из Союза туаллов потому, что призывал бурлаков, испошников и ткачей противиться насилию, которому они (*хлебница начинает подниматься*) якобы (*хлебница останавливается и дергается на месте*) подвергаются. Тем самым он явно подстрекал их к насилию. (*Хлебница опускается.*) Кай Е говорит о свободе. (*Хлебница дергается на месте.*) В действительности же он хочет бурлаков, испошников, ткачей превратить в своих рабов. (*Хлебница опускается.*) Говорят, что бурлаки, испошники, ткачи зарабатывают недостаточно (*хлебница взлетает*), чтобы свои семьи... чтобы со своими семьями жить в роскоши и изобилии (*хлебница останавливается*), а также что им приходится непосильно работать (*хлебница снова поднимается*), а они только о том и мечтают, как бы жить, не зная труда и забот (*хлебница останавливается*), что вполне естественно. (*Хлебница дергается на месте.*) Это недовольство многих людей (*хлебница взмывает вверх*), отдельных людей (*хлебница останавливается*) Кай Е эксплуатирует, а следовательно, он эксплуататор! (*Хлебница быстро опускается.*) Господин Кай Е в Хо-Нанге делит землю между бедняками. Но для этого он сначала крадет эту землю, и, следовательно, он вор. Согласно философии этого Кай Е (*хлебница снова дергается на месте*), смысл жизни состоит в том, чтобы быть счастливым, есть и пить не хуже императора (*хлебница резко поднимается*), из чего следует, что Кай Е вовсе не философ, а болтун (*хлебница опускается*), подстрекатель, властолюбивый прохвост, шулер, пачкун, растлитель родной матери, безбожник, разбойник — короче говоря, преступник. (*Хлебница опускается и повисает прямо перед пастью оратора.*) Тиран!

Н у Ш а н. Видишь, ты еще допускаешь ошибки, но у тебя есть отличные задатки. А теперь прими душ, и пусть тебе сделают массаж.

Ш и М е. Господин Ну Шан, как вы считаете, могу ли я на что-нибудь рассчитывать? У меня не очень хорошо получалось

наведение тени на плетень, а по вылизыванию плевков я в классе был лишь на семнадцатом месте. (Уходит.)

Г у. Ну Шан! Наш новый ученик!

Ну Шан подбегает.

Кстати, а что вы скажете о Кай Е?

С е н. У нас на хлопковых плантациях о нем знают лишь то, что говорят помещики. Что он плохой человек, враг свободы.

Ну Ш а н. Нравится вам, как мы здесь учим?

С е н. Речь была хорошая. Я из нее узнал кое-что новое. Правда, что Кай Е хочет устроить передел земельных угодий?

Ну Ш а н. Да, сначала он их отнимет, а потом якобы разделит. Могу я записать вас в школу?

С е н. Я думаю, в скором времени. Я хотел бы еще немного послушать. Это ведь пока бесплатно.

Входят Г о г е р Г о г с матерью, туалетом В е н о м и тр е м я гангстерами из своей банды.

М а Г о г. Мой сын хотел бы сдать экзамен.

П и с е ц. А, ты опять здесь? Уже в третий раз приходишь, верно? Я не думаю, чтобы мы сегодня нашли для тебя время. Зятем императора будет туалет, поэтому к нам поступили сотни новых заявлений. А почему ты хочешь непременно стать туалетом?

Г о г е р Г о г. В силу моих особых способностей и полученного мною образования я чувствую в себе призвание к государственной службе.

П и с е ц смотрит на него с состраданием, отвечает низкий поклон Ма Г о г и поспешно удаляется.

Первый гангстер. Да ты пойми — нужно выдать патроны. Дороговизна сейчас пойдет на убыль, и в коммерции начнется оживление. И вот тут мы сразу же устраиваем налет на каждую новую лавку, чтобы они с самого начала привыкали платить нам откупные за охрану от налетчиков.

Г о г е р Г о г. Я не хочу стрельбы. У меня другие планы. Второй гангстер. Отлично, но какие?

Г о г е р Г о г упорно молчит.

М а Г о г. Моему сыну можно доверять, вы же знаете. Первый гангстер (неуверенно). Это конечно.

М а Г о г (указывая на плакат "Знание — сила!"). Поймите, перед ученым человеком сейчас открыты такие возможности, как никогда. Я верю в моего Гогера.

Входит видный туалет Х и В е й с п и с ц а м и. Садится.

С е н. Кто это?

Г у. Хи Вей, ректор школы. Он будет принимать экзамен.

В е н (*подойдя к экзаменационному столу, говорит вполголоса*). Мой соискатель предстает перед вами в третий раз. На первых двух экзаменах его спрашивали, сколько будет трижды пять. К несчастью, он упорно отвечал: "Двадцать пять". Причиной тому его железный характер. Но, поскольку он известен как солидный деловой человек и хороший гражданин, к тому же одержимый неутолимой жадностью знания, я прошу господина ректора еще раз спросить у него: "Сколько будет трижды пять?" За это время мой соискатель, усердно занимаясь, усвоил, что правильный ответ будет: "Пятнадцать". (*Передает Хи Вей кошелек с деньгами.*)

Хи Вей (*смеясь*). Я поговорю с моими ассистентами.

Первый гангстер. Что же ты им такое отвечал, почему они тебя каждый раз проваливали?

Г о г е р Г о г. Я отвечал: "Двадцать пять". А это неверно. Как мне сказали, на вопрос: "Сколько будет трижды пять?" — надо ответить: "Пятнадцать".

Первый гангстер. Но зато "двадцать пять" будет в самую точку, если тебя спросят: "Сколько будет пятью пять?" Пусть уж они поднатужатся и правильно поставят вопрос. (*Вытаскивает пистолет из-за пазухи, подходит к экзаменационному столу, показывает пистолет Хи Вейу и, обменявшись с ним несколькими словами, возвращается на свое место.*) Вопрос утрясен, стой на своих "двадцати пяти".

В е н (*тем временем Ну Шану*). Я уплатил в пять раз больше тарифа.

П и с е ц (*выкликает*). Господин Гогер Гог!

Тот подходит.

Хи Вей (*с кривой усмешкой, косясь в сторону первого гангстера*). Сколько будет пятью пять, господин соискатель? Г о г е р Г о г. Пятнадцать.

Хи Вей, пожимая плечами, простирает руки вверх и поспешно удаляется.

Первый гангстер. А ведь все было так хорошо подготовлено.

Г о г е р Г о г. Конечно, если каждый раз задавать другие вопросы... Нет, это неслыханная наглость, они просто обирают людей, отнимают тяжелым трудом заработанные деньги. (*Громко.*) Я требую, чтобы меня на основании моего прекрасно продуманного ответа немедленно внесли в список членов Союза туаллов. Экзаменаторы явно не сумели правильно спросить на мой ответ. И стало быть, они сами невежественны. И вообще, я еще

подумаю, стоит ли мне вступать в ваш хваленый Союз. Здесь окопались, как всем известно, гнусные торговцы убеждениями. Если что не по ним — они и родную мать не пощадят! Вы все меня еще попомните!

М а Г о г. Идем, Гогер, тебя просто обкрадывают.

Уходит с Гогер Гогом, Веном и обоими гангстерами.

С е н. Идем, Э Фе, я должен его кое о чем спросить.

Г у. Разве вы не хотите записаться в школу?

С е н. Самое важное для себя я, наверно, уже узнал! Я говорю про Кай Е, этого подстрекателя, прохвоста, растлителя родной матери, который хочет устроить передел земельных угодий. (Уходит с мальчиком.)

б) УЛИЦА

Т у а л вышел марьяжить. Мимо проходят С е н и Э Ф е. Выгнанный из чайного домика т у а л-о б о р в а н е ц заговаривает с Сеном.

Т у а л. Не угодно ли мнение о политическом положении, а, папаша?

С е н. Благодарю вас, не нужно.

Т у а л. Это можно сделать стоя, папаша, и всего за три иены.

С е н. Как ты смеешь ко мне приставать, да еще в присутствии ребенка!

Т у а л. Подумаешь, какой недотрога! Иметь мнение — естественная потребность.

С е н. Отвяжись, не то позову полицию. Ты что, совсем стыд потерял? Во что ты превратил мысль человеческую? Мыслить — это самая благородная способность человека, а ты сделал из нее грязный промысел! (Отталкивает туал.)

Т у а л (уходя). Мещанин поганый!

Э Ф е. Оставь его, дедушка, может, его нужда заставляет.

С е н. Бедняку можно многое простить, но только не это!

V

а) ДОМ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННОГО ТУАЛА

На сцене М у н к а Д у и его мать. Над лицом Мунки Ду трудится косметолог.

М а т ь. Поверят ли вам? Ведь все знают, где на самом деле ситец. Мои четыре служанки болтают об этом без зазрения совести.

Мунка Ду. Если захотят, то поверят. Как плавательный бассейн существует для тех, кто хочет плавать, так и объяснение — для тех, кто хочет верить. Нужно лишь сделать так, чтобы была возможность плавать; мы должны сделать так, чтобы была возможность верить.

Мать. Так ты думаешь, что при выработке формулировок не будет трудностей?

Мунка Ду. Будут, и огромные. Для такого дела требуется мастер. Нужно быть мастером, чтоб доказать, что дважды два — пять.

Мать. Мы уверены, что ты не посрамишь честь нашей семьи.

Мунка Ду. Мне обидно это замечание. Вы ведь знаете, что у тех, кто не сможет предложить удовлетворительных формулировок, слетят головы с плеч.

Мать. Слетят только плохие головы.

Мунка Ду. Которые будут оплакиваться только плохими семьями. *(Резко встает.)*

Мать дергает шнурок звонка. Входят две сестры Мунки Ду.
Занимается секретарь.

Ты получил цитату?

Секретарь. Вот две, на выбор. *(Протягивает ему два листка.)*

Мунка Ду *(берет один из них с закрытыми глазами)*.

Цена?

Секретарь. Две тысячи.

Мунка Ду. Это бесстыдство.

Секретарь. Цитаты малоизвестные.

Мунка Ду. Еще большой вопрос, хорошо ли это. *(Поворачивается спиной к семье.)* Как спина теперь — не морщит?

Мать. Все в порядке. Попрощайся со своей семьей.

Мунка Ду. Дорогие! В агонии и отчаянии... Стоп, где художник, который должен запечатлеть для истории величественный момент моего отбытия на конгресс?

Мать звонит. Входит художник. Он начинает быстро делать набросок.

В агонии и отчаянии обращает страна взор к своим духовным вождям. Какую весть услышит она от них? Ибо судьбы племен и народов определяет дух, дух, а не власть. О, я сознаю ответственность, которая лежит на моих плечах. Властям претерпящим придется услышать из моих уст грозное слово правды. И пусть меня ждут хула и поношение...

Художник. Пожалуйста, сохраните эту позу.

Мунка Ду (*стоит некоторое время неподвижно*). ..но никакая сила не заставит меня отступить от моих убеждений. Мне, может быть, не суждено вернуться к вам. Но в анналах истории навеки останется мое непоколебимое стремление помочь родине в годину ее бедствий ясным и не допускающим ложных толкований словом! (*Уходит гордо и торжественно.*)

б) ДВОРЕЦ СОЮЗА ТУАЛОВ

Конференц-зал. Первый день конгресса туаллов. Председательствующий, ректор Хи Вей, представляет императорской семье и участникам конгресса седобородого Сена.

Хи Вей. Я имею честь и удовольствие представить августейшим особам императорской семьи и высокому конгрессу гостя, коего присутствие здесь представляется нам символическим. Этот скромный человек...

Аплодисменты.

...этот простой крестьянин...

Аплодисменты.

...из местности, где разводят хлопок, пришел со своей тележкой, груженной хлопком, в столицу, где бумажные ткани дефицитны. Выручку от своего хлопка — и в этом я вижу нечто возвышенное, прекрасное, вдохновляющее, — выручку эту Сен, человек с севера, хотел употребить на изучение туаллизма!

Аплодисменты.

Его самое горячее желание состояло в том, чтобы увидеть тех прославленных туаллов, которые освещают путь человечеству!

Аплодисменты.

Вестибюль. Высокопоставленные туаллы Ки Ле и Мунка Ду ссорятся в присутствии Министра-президента. Из огромного деревянного рупора разносится сообщение: "Внимание! Конгресс начинается".

Ки Ле. Мне сказали, что сначала выступаю я. Я знаю, что самое трудное — дать первый толчок, но я все же согласился говорить первым.

Мунка Ду. Могу лишь ответить, что и я готов.

Ки Ле. Я вовсе не рвусь.

Мунка Ду. Я, разумеется, не хочу быть выскочкой.

Ки Ле. Но если от меня требуют, я это сделаю.

Мунка Ду. Я в любой момент откликнусь на предложение.

Ки Ле. Вам никто ничего не предлагает.

Мунка Ду. От вас разве что-либо требуют?

Ки Ле. Ваши приемы хорошо известны.

Мунка Ду. О ваших трюках весь город наслышан.

Ки Ле. Ввязываться в спор с вами ниже моего достоинства. Я выступаю не ради собственного удовольствия, я... *(Вырывается из рук Мунки Ду, который пытается задержать его, и уходит.)*

Министр-президент. Идемте, я вас зато представлю императору.

Оба уходят. У входных дверей небольшая потасовка. Гогер Гогс двумя телохранителями пытается прорваться в зал.

Гогер Гог. Я требую, чтобы и мне дали эту возможность. Здесь затирают простого человека из народа!

Его оттесняют.

Конференц-зал.

Хи Вей. Ваше величество, господа! Мне доставляет искреннюю радость представить вам в качестве первого оратора горячо любимого всем нашим братством ректора императорского университета господина Ки Ле.

Туалы *(поют гимн туалев)*

Смело вперед!

Дух — наш оплот.

К честным и мыслящим,

Истину ищущим,

Опусы пишущим

Слава грядет!

Ки Ле. Августейшая семья, высокий конгресс! Хлопок, носящий научное обозначение *lana arboris*, собирается со ствола и ветвей растения из семейства баобабовых, низкорослого кустарника с пальцеобразными листьями и семенными коробочками. Хлопок представляет собой пушисто-волокнистую массу, из которой вырабатывают ткани, служащие для пошива одежды преимущественно бедных слоев населения. Достопочтенное собрание, отсутствие этой массы — *lana arboris* — на наших рынках, а вследствие этого и отсутствие хлопчатобумажных тканей

заставило нас собраться здесь, под этими сводами. Вот так-то. Рассмотрим прежде всего народ, рассмотрим его смело, без страха и предубеждений. Некоторых ученых подчас упрекали в том, что они устанавливали известные различия, иначе говоря, полагали необходимым утверждать, что в народе существует известное неравенство — да, назовем это именно так: неравенство, несовпадение интересов и т. д. и т. п. Вот так-то. Разрешите мне признаться, что я, совершенно независимо от того, ждет ли меня за это хула или хвала, это мнение разделяю! Посудите сами, лес — это не просто лес, он состоит из различных деревьев. Точно так же и народ — это не просто народ. Из кого состоит он? Вот так-то. К нему относятся чиновники, судомойки, помещики, литейщики, торговцы ситцем, врачи и пекари. Есть также офицеры, музыканты, плотники, виноградари, адвокаты, пастухи, поэты и кузнецы. Не следует упускать из виду и рыбаков, горничных, математиков, художников, мясников, бакалейщиков, химиков, ночных сторожей, перчаточников, преподавателей иностранных языков, полицейских, садовников, репортеров, гончаров, официантов, астрономов, скорняков, сопляков, слизняков, сорняков, сквозняков, пианистов, флейтистов, барабанщиков, скрипачей, баянистов, трубачей, виолончелистов, альтистов, контрабасистов, лесорубов, лесоторговцев, лесосплавщиков, лесников, мастеров по тушению лесных пожаров. А найдется ли человек, который бы никогда не слышал о табачниках, строителях, архитекторах, металлистах, деревообделочниках, сельхозработчих, текстильщиках и матросах? И есть еще другие профессии — ткачи, кровельщики, актеры, футболисты, исследователи подводных глубин, каменотесы, точильщики, тигроловы, трактирщики, палачи, писцы, почтальоны, банкиры, извозчики, акушерки, портные, шахтеры, слуги, спортсмены, налоговые инспекторы, страховые агенты и генерал-суперинтенданты.

Беспокойство в зале.

Может быть, я анализирую проблему с излишней обстоятельностью, входя в рассмотрение деталей, слишком научно, я бы сказал? Почему я это делаю? Дабы показать, что все эти столь различные люди или, сформулируем это осторожнее, преобладающее большинство их, неимущее большинство, — все они сходятся в одном, а именно в том...

Г о л о с. ...что они неимущие.

К и Л е. Нет, в том, что им нужен дешевый ситец. Они требуют ситца! Вот так-то. Все мы знаем, друзья мои, что ситцем распоряжается император...

По залу проходит шум.

Нет-нет, не в том смысле, что он им владеет, а в том, что он решает, приказывает — одним словом, распоряжается им. А уж кто на свете способен проявить больше щедрости, бескорыстия, отеческой заботы, нежели наш император! Но ситца-то, оказывается, нет! Вот так-то. Если ситец столь многим людям нужен, разве он не должен иметься в наличии? Достопочтенное собрание! Вопреки опасности вызвать моим ответом неудовольствие многих, я должен заявить: нет, не должен! Природа, друзья мои, неподвластная нам богиня. Мы, люди высокого интеллекта, обычно боимся прямых утверждений — они нам кажутся примитивными, кажутся плоскими. Вот так-то. А я не боюсь. Так где же, спрашивается, ситец? Даю на это мой неподкупный ответ. Все дело в неурожае. Слишком ли много было солнца или слишком мало, слишком ли много дождей или слишком мало — это можно дополнительно выяснить, это особый вопрос. Короче говоря, хлопка нет, он не вырос. *(Спускается с кафедры, исполненный достоинства.)*

Тишина. Императорская семья покидает зал.

Хи Вей. Я благодарю господина Ки Ле. Жюри объявит свое решение позднее.

Кулуары. Император, Императрица-мать, Турандот и Министр-президент. Мунка Ду стоит в ожидании.

Император. Вы говорили с представителями союзов? Министр-президент. Обменялся несколькими словами, ваше величество.

Император смотрит на него вопросительно. Министр-президент качает головой в знак отрицания.

Император. Этот человек представляет себе все слишком просто. Такими глупыми баснями ничего не добьешься. Наоборот, люди заподозрят, что якобы тут дело нечистое. Ведь всего за пять минут до его речи мы приветствовали крестьянина, который привез в столицу хлопок! У него нет никакого чувства реальности!

У входа возникает словесная перепалка. Гогер Гог с двумя телохранителями пытается войти.

Гогер Гог. Я запомню ваши лица. У меня сообщение чрезвычайной важности.

Его выталкивают.

Турандот. Я всегда клюю на интеллект, но с этим... Ни за что.

Император. И к тому же что за строптивость! "Совершенно независимо от того, ждет ли меня хула или хвала..." И потом еще: "Преобладающее большинство, неимущее большинство!" Вон, чтобы духу его здесь больше не было!

Министр-президент. Он больше не будет нам докучать.

Турандот. Я не хочу, бабушка. *(Бросается в объятия Императрицы-матери.)* Я не хочу, чтобы меня, не спросивши моего согласия, клали в постель к первому встречному. Да еще к такому! *(Пиная ногой Министра-президента.)* Это он его вытащил на трибуну. Теперь все туалы из чайного домика потешаются надо мной. Голову с плеч! И твою тоже! *(Всхлипывает.)* Обо мне никто и не думает! Голову долой-долой-долой! *(Прячет лицо на груди у Императрицы-матери.)*

Министр-президент *(выждав некоторое время)*. Разрешите представить вашему императорскому величеству оратора пятого дня господина Мунку Ду.

Турандот бросает взгляд на Мунку Ду.

Вестибюль. Сен, мальчик Э Фе и туал Гу.

Сен. Этот человек заблуждается, в нынешнем году урожай хлопка был больше, чем в прошлом. Как бы мне с ним встретиться? Я хочу ему об этом сказать.

Мимо проводят Ки Ле под стражей.

Что с ним? Почему он идет с полицейскими? Можно мне с ним поговорить?

Гу *(удерживая его)*. Лучше, чтоб тебя не видели с ним вместе, не то тебе будет худо!

Сен. Ты думаешь, что он арестован? Только за то, что не знает правды?

Гу. Он знает правду.

Сен. Так его арестовали за то, что он лгал?

Гу. Не за то, что лгал, а за то, что неумело лгал. Тебе, старина, предстоит здесь еще многому научиться.

Кулуары. Министр-президент представляет Турандот ректора Хи Вея, которого сопровождает его секретарь Ну Шан. Рядом с Турандот — Мунка Ду. Из зала доносится гимн туалов.

Х и В е й. Разрешите поднести вашему императорскому высочеству этот костюм, изготовленный по моему эскизу.

Ну Шан вынимает из картонки бумажный костюм с напечатанными на нем стихами.

Министр-президент. В связи с неудовлетворительным ходом конгресса и чтобы предупредить чрезмерный наплыв соискателей, господин Хи Вей, председатель Союза туалетов, решил выступить сам уже сегодня, на третий день конгресса.

Турандот. Это так остроумно — из бумаги!

Хи Вей. Бумага — самый благородный материал!

Турандот (*читает*). "Под благородным скрывается еще более благородное". (*Зовет служанок.*) Я хочу сегодня же надеть этот костюм.

Приносят ширму, она начинает переодеваться.

Министр-президент (*Хи Вей*). Идемте!

Из рупора доносится сообщение: "Сообщаем: из монастыря Таши Лумпо, что в Жигардзе, выехал географ Паудер Миль, чтобы принять участие в конгрессе".

Аплодисменты.

Конференц-зал.

Яу Ель. Как было вчера?

Император. Довольно вяло. Выступал теолог. Все, что он мог сказать, сводилось к одному: чем меньше одежды, тем полезней для здоровья. Больше солнечных лучей. А ты где был?

Яу Ель. За городом. Я пытался сжечь несколько тюков.

Император. Зачем? Я запрещаю. Почему меня не спросил?

Яу Ель. А ты что, знаешь другой способ поднять цену?

Император. Но огонь — это не способ. К чему мне высокая цена, если у меня не будет товара, который я мог бы продать за эту цену?

Яу Ель. Прежде научись разбираться в экономике, а потом уж разговаривай со мной. У нас, допустим, есть пять миллионов тюков... (*Тихо продолжает втолковывать Императору свои соображения.*)

В это время поднявшийся на трибуну Хи Вей начинает свою речь.

Х и В е й. Ваше императорское величество, господа! В начале нашего конгресса один недостойный утверждал здесь, с этой трибуны, что в настоящем году труженики Китая не сумели вырастить хлопок. Это оскорбление китайского народа. Я должен вам сообщить, что было произведено не менее полутора миллионов тюков хлопка. И как, в каких условиях наш народ, самый трудолюбивый народ в мире, растил хлопок! Мы все знаем, сколько пота проливают в непосильно тяжелом труде батраки на монастырских полях и в помещичьих угодьях. Прибавьте еще к ним миллионы крестьян и арендаторов, которые, надрываясь на своих карликовых участках, изувеченными, кровоточащими пальцами собирают хлопок. Слава им, воздадим должное этим труженикам! Низкий поклон героическим производителям одежды для простонародья!

Аплодисменты.

Я у Е л ь. Не ровен час со мной что случится, а у тебя деловой смекалки ни на грош. Так запомни: прежде чем приступить к продаже, нужно уничтожить половину запасов. Но сжечь я его не могу, он смердит.

И м п е р а т о р. Он не воняет, это шерсть воняет.

Я у Е л ь. Но он зато дымит так, что за десять миль видно.

Х и В е й. Так вот, вы и вместе с вами весь наш народ может меня спросить: где же он, где этот хлопок? На это я скажу: он исчезает.

Сильное возбуждение.

Я у Е л ь. Спятил он, что ли? Сейчас же закрой заседание!

Х и В е й. Но когда же он исчезает? Во имя всех святых — когда? И на это я вам отвечу: он исчезает при перевозке.

Волнение усиливается.

Достопочтенное собрание! У вас возникают страшные подозрения. Вы негодуете — и с полным правом. Но истина вам еще неизвестна. Так разрешите же мне снова воздать хвалу величию и добродетелям китайского народа. Я имею в виду замечательный прогресс, достигнутый при августейшем покровительстве нашего обожаемого монарха и его семьи. Господа, в не столь еще отдаленные времена сельское население являло собой печальное зрелище. Существа в лохмотьях, полуголые, скотоподобные в своей наготе бродили по деревьям. Приличная одежда, красивые ткани были им неведомы, да и вряд ли они испытывали в них потребность. А что мы видим сегодня? Господа, с того момента, как производство и распределение хлопка

перешло в руки члена правящей династии, все изменилось. В наши деревни и села пришла культура. Культура!

В зал летят листовки, разбрасываемые с галерки.

Исчезновение хлопка при транспортировке с полей в города объясняется культурным подъемом в нашей стране: хлопчатобумажные ткани раскупаются сельским населением! Я не знаю, что написано в этих листовках...

В ы к р и к и. Это листовки Кай Е!

— Полицию!

Х и В е й. ...но я знаю, что там сплошная ложь. Правда же такова: весь хлопок раскуплен.

М о л о д о й М е Н е (в окружении группы молодых туалов). Кем раскуплен — нищими крестьянами, которые могут свои крохотные наделы вспахать кухонными ножами, а хлопок сеять лишь в ушах своих бабушек?

Его хватают и волокут п о л и ц е й с к и е.

Им хлопчатобумажные ткани не по карману!

И м п е р а т о р. Осел этот ваш Хи Вей!

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Представители Союзов покинули зал с листовками в руках.

Х и В е й (в отчаянии). Я призываю к тишине. Китай стоит на краю пропасти. (Его прерывают аплодисменты. В ложе появляется Турандот, сопровождаемая Мункой Ду. На ней бумажный костюм Хи Вей.) Ваше императорское величество, высокое собрание! Чтобы преодолеть нехватку тканей, вызванную — я подчеркиваю это! — возросшими культурными потребностями нашего народа, я предлагаю тотчас же, незамедлительно, без малейшей бюрократической проволочки, в обход всех прежних положений начать применять в столице для пошива одежды самый благородный, самый возвышенный материал, который благодаря нашим поэтам и мыслителям стал священным, — бумагу!

В ы к р и к. И одновременно запретить дождь!

Смех. Полицейские сначала бросаются искать того, кто выкрикнул, а затем — смеющихся. Но тут снова раздаются аплодисменты. Турандот демонстративно раскрывает свой солнечный зонтик.

С н о в а в ы к р и к. Наши дорожные рабочие будут работать с солнечными зонтиками!

Д р у г о й в ы к р и к. Вы лучше сшейте себе одежду из листовок Кай Е!

И м п е р а т о р с к а я с е м ь я п о к и д а е т з а л .

Кулуары.

Я у Е л ь . Хлопок исчезает при перевозке! Сейчас не хватает еще, чтоб кто-нибудь ляпнул, куда он исчезает, и тогда нам останется только чемоданы паковать!

Т у р а н д о т . Меня снова выставили на посмешище! Ах он подлец! (*Рвет в клочки свой бумажный костюм.*) Вот, и вот, и вот!

И м п е р а т о р . Не устраивай скандала. С меня достаточно и того, что уже есть. (*Уходит с Яу Елем.*)

М и н и с т р - п р е з и д е н т . Отныне вы председатель Союза туалетов.

Н у Ш а н . Но как это можно, ведь я его ученик!

М и н и с т р - п р е з и д е н т . Разбирайтесь сами со своей совестью.

Оба уходят.

И м п е р а т р и ц а - м а т ь . Голову с плеч, голову с плеч, голову с плеч! (*Хихикая, уходит.*)

С л у ж а н к и в н о с я т ш и р м у и с т а в я т е е п е р е д Т у р а н д о т . Остаются лишь Придворный туалет и Мунка Ду. Из рупоров раздается сообщение: "Соискателей четвертого дня просят зайти в большой зал".

Т у р а н д о т (*за ширмой*). Мунка Ду! Ты меня ждешь?

М у н к а Д у . Я должен зарегистрироваться в большом зале, ваше высочество!

Т у р а н д о т . Это ты всегда успеешь. Там толпятся десятки желающих. Я хочу, чтоб ты выступил последним.

М у н к а Д у . Как угодно вашему высочеству.

Т у р а н д о т . Мунка Ду, ты пойдешь сегодня со мной во дворец, и там я тебе кое-что покажу.

М у н к а Д у . Ваше высочество, это предел моих мечтаний, но мне еще нужно готовить мою великую речь.

Т у р а н д о т . Я уверена, что Фи еще здесь.

П р и д в о р н ы й т у а л . Конечно, ваше высочество.

Т у р а н д о т . Оставайся. Мунка Ду, сегодня вечером я тебе покажу кое-что из ситца.

Служанки громко прыскают.

Рупоры повторяют объявление.

М у н к а Д у . Ваше высочество, прошу меня уволить. Мне нужно готовиться к моей великой речи.

Турандот. Фи, походи в большой зал и посмотри, много ли там еще соискателей.

Придворный туалет отправляется в большой зал.

Мунка Ду!

Конференц-зал. Министр-президент и Ну Шан смотрят на входящего Придворного туалала.

Министр-президент. Весьма неприятная ситуация. Конец третьего дня, а никто больше не просит слова! Конечно, еще объявятся ораторы из провинции. Сообщите господину Мунке Ду, что он выступает завтра утром. (Ну Шану.) А вы разделайтесь с этим болваном.

Придворный туалет стоит в нерешительности перед дверью, ведущей в кулуары.

Вестибюль. Ну Шан находит своего шефа, ректора Хи Вея, в полном одиночестве. У двери Ме Не и другие молодые туалалы под охраной полицейских. Старик Сен и туалет Гу направляются к выходу.

Гу. Что вы думаете обо всем этом, дорогой Сен?

Сен. Красноречие этих господ огромно, но земельные наделы крестьян слишком малы.

Хи Вей. Немедленно доведите до сведения высших инстанций, что я требую для этих молодчиков, открытых сторонников Кай Е, строжайшего наказания, самого строгого — смертной казни!

По знаку Ну Шана полицейские уводят молодых людей.

Благодарю вас. Что слышно? Как отзываются о моей речи? Листовки несколько снизили впечатление от нее, вы не согласны? Правда, демонстративное появление принцессы в бумажном костюме во многом поправило дело — так я считаю. Довольны ли там? (Внезапно охрипшим голосом.) Вы пришли с каким-нибудь сообщением? Мне ничего не сказали: вероятно, еще неизвестна реакция двора. Тщательно проверьте стенограмму моей речи перед публикацией. Жара в зале несколько сказалась на настроении, не так ли? Послушайте, почему вы молчите? Одиннадцать лет вы были моим учеником, я возлагаю на вас ответственность за делопроизводство... Я понимаю. Передайте моим сыновьям...

Вестибюль. Четвертый день. Министр-президент, Ну Шан и писец школы туалов. Из рупоров доносится: "Соискатели пятого дня собираются в вестибюле перед кабинетом Министра-президента".

Министр-президент. Он заставляет себя ждать. Выставлены ли посты у входов? Простуканы ли стены? Проверены и обысканы ли подвалы?

Ну Шан. Контроль над всеми мероприятиями по безопасности взял на себя лично военный министр.

Министр-президент (*обеспокоенно*). Это еще ни о чем не говорит. Всего лишь тридцать лет назад этот человек был членом Общества умеренного прогресса в рамках законности. Записался на выступление еще географ из монастыря Таши Лумпо. Но он сможет прибыть только послезавтра. Что, вчерашние смутьяны исключены из Союза туалов?

Ну Шан. Они казнены.

Министр-президент. Это никому не интересно. Я вас спросил, исключены ли они из Союза туалов.

Торопливо входят Мунка Ду и Турандот со своими служанками. Вид Мунки Ду свидетельствует о крайней усталости после бессонной ночи. Поклоны.

Турандот. Поздравьте его, господа, и пожелайте ему триумфа. Сегодня ночью он мне рассказал, о чем он будет говорить.

Министр-президент. Господин Мунка Ду, я уверен, что вы меня правильно поймете: после вчерашних инцидентов принято решение проверять любого соискателя, кто бы он ни был, нет ли у него антикитайского образа мыслей.

Турандот. Этого у него нет.

Министр-президент (*низко поклонившись*). Несомненно, нет. (*Мунке Ду*.) Необходимо подвергнуть вас этой формальной процедуре.

Оба садятся.

Министр-президент. Мочитесь ли вы в постели? Мунка Ду (*беспомощно*). Нет.

Министр-президент (*служанкам*). Пожалуйста, не хихикайте. Такой вопрос предписан. Принадлежали ли вы когда бы то ни было к Обществу сторонников вооруженного восстания?

Мунка Ду отрицательно машет головой.

А к лгунам, проповедующим права человека?

Мунка Ду машет головой.

Стоите ли вы за мир в какой бы то ни было форме?

Мунка Ду машет головой.

Имеете ли вы родственников?

Мунка Ду машет головой, затем спохватывается и кивает утвердительно.

В северных провинциях?

Мунка Ду машет головой.

Произнесите имя Кай Е!

М у н к а Д у. Кай Е.

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Вы дрожите.

М у н к а Д у. Я не выпался.

Турандот (*отталкивает служанок, которые ее причесывали*). Готово. (*Она поднимается, делает знак Мунке Ду и выходит с ним и служанками.*)

Слышится гимн туалов — слабо и фальшиво.

Конференц-зал. Повсюду вооруженная стража. Входят Мунка Ду и Турандот. Он шаркающей походкой направляется к трибуне, она легко взбегаєт по ступенькам в императорскую ложу. Турандот сбрасывает с себя накидку, она полуобнажена.

И м п е р а т о р. Как ты смеешь публично появляться в таком виде!

Турандот. Не ругайся, это тебе же пойдет на пользу.

Н у Ш а н. Как председатель Союза туалов, я имею честь представить вам соискателя четвертого дня, руководителя философского семинара господина Мунку Ду.

Турандот аплодирует.

М у н к а Д у. Ваше императорское величество, ваши высочества, господа! В этот исторический час, когда...

После небольшой схватки у входа четверо полуголых людей врываются в зал. Они с песней пробиваются в середину зала.

Ч е т в е р о

Солнца свет и нагота —
Вот народа красота!

Но зимою в снегопад
Нагоде народ не рад.

Вооруженные охранники избивают их и теснят к
выходу.

(Размахивают вымпелом из ситца, укрепленным на шесте.)

Нету ситца на штаны —
Мы пляшем и поем.
Зато знамена нам нужны:
Да здравствует Кай Е!

Мунка Ду (в то время как четверых с побоями выдворяют из зала). Ваше императорское величество, ваши высочества, господа!..

Молодой Ши Ме (швырнув свой лишь недавно полученный головной убор туалала на пол и топча его ногами). Отпустите их! Или возьмите и меня тоже!

Его тоже забирают.

Мунка Ду. В этот исторический час, когда...

Ши Ме (уже у выхода). Какого черта ты здесь выступаешь, ты, идол философского семинара! Все равно своей речью ты не прикроешь наготу беспорточных!

Его выволакивают за дверь.

Ну Шан (в ярости). Я тебя вычеркиваю, Ши Ме!

Выкрики. Дайте наконец говорить Мунке Ду!

— Что это, дворец Союза туалетов или толкучка?

— Здесь хуже, чем на толкучке!

Мунка Ду (с серым лицом). Я выступаю здесь, Ши Ме, я выступаю здесь потому, что не позволю отнять у меня священное право свободного человека говорить везде, где я хочу, и все, что я хочу. Я стою на этой трибуне, чтоб защищать свободу — мою, вашу, свободу всех людей.

Выкрик. И волков тоже?

Мунка Ду (в то время как полиция ищет крикуна). Да, и волков.

Выкрик. И овец тоже?

Мунка Ду (в то время как полиция ищет крикуна). Да, и овец тоже! Я не придерживаюсь того мнения, я не придерживаюсь того мнения (вытирает пот со лба), что голых нужно лишать ситца, но если бы я разделял такое мнение, разделял такое мнение, то я бы хотел иметь возможность его высказать, его, это мнение, которое я не разделяю. Речь идет не о ситце,

речь идет о свободе мнения о ситце, то есть о ситце, который нам неинтересен, а не о котором идет речь. Предметом нашего интереса является не торговля предметами, а свободное высказывание мнений!

Волнение в зале.

Без сомнения, речь идет о мнении, а не о сомнительной торговле ситцем.

В зал силой врывается Гогер Гог с двумя телохранителями.

Гогер Гог. Если так, то, может быть, будет дозволено высказать свое мнение человеку, не имеющему головного убора туалета, но зато делами своими доказавшего, что он...

Его вышвыривают за дверь.

В к р и к. Здесь угнетают гангстеров!

М у н к а Д у. Ваше императорское величество, ваши высочества, господа! Я призываю говорить не о хлопке, а о добродетелях, которые должны помочь народу обходиться без хлопка. Вопрос вовсе не в том, где хлопок, а в том, где добродетели! Куда делись та героическая самоотверженность, то легендарное долготерпение, с которыми китайский народ умел выносить свои бесчисленные страдания? Вечный голод, изнурительный труд, суровость законов?

И м п е р а т о р. Начал он так замечательно и вдруг стал спотыкаться!

М у н к а Д у. Народ тогда *(заглядывает в свою рукопись)* обладал внутренней свободой. Но она исчезла.

В к р и к. Вместе с внешней.

М у н к а Д у. Я высоко чту память простых людей нашего прошлого, которые, будучи облачены в лохмотья — ведь не всегда же был ситец, — имея горстку риса в день на пропитание, умели, однако, жить с достоинством, без попрошайничества и насилия. Говорят, что ты находишься среди нас, Кай Е.

Волнение в зале.

Я не знаю, так ли это. Но если ты здесь, то я тебя спрашиваю: что ты сделал со свободой? Ты всех превращаешь в рабов. Ты всех заставляешь кричать о ситце, словно нет ничего более возвышенного!

В к р и к. К примеру, шелка.

М у н к а Д у. Я требую свободы высказывать свое мнение,

ты слышишь? Меня не интересует ситец на складах императора, меня интересует свобода!

Сильное возбуждение в зале.

Я у Е л ь. Теперь крышка — все всплыло наружу! Эти идиоты проболтались!

И м п е р а т о р с к а я с е м ь я покидает зал.

М у н к а Д у. Свобода! Свобода! Свобо...

Из рупоров раздается пение: "Солнца свет и нагота — вот народа красота! Но зимою в снегопад нагоде народ не рад". Полицейские бросаются на Мунку Ду.

Вестибюль. Т у а л ы теснятся к выходу.

В ы к р и к и. Он загубил Союз туалетов!

— Сегодня он был явно не в своей тарелке!

— Вот чем объясняется эта нервозность!

— И эта страшная обмолвка насчет складов императора!

— Ничего себе обмолвка, это как удар молнии!

Г у (старому Сену). Не расстраивайся, старина.

С е н. Напротив, я сегодня настроился по-боевому. Как говорится, собака почуяла зайца.

Э Ф е. Дедушка, а мне песня очень понравилась.

С е н. Тише, шши! Он имел в виду только мелодию, благозвучие. (С хитрой усмешкой.) Видишь, я уже кое-чему научился у туалетов. Имея дело с полицией, нужно быть туалетом.

Г у (внезапно швыряет на пол свой головной убор туалета). Я начинаю презирать мою профессию. (Испуганно оглядывается вокруг, осторожно поднимает шляпу и стряхивает с нее пыль.) И все же здесь ты смог бы научиться мудрости.

С е н. Мудрость бывает разного сорта. Я за ту мудрость, которая производит передел земельных угодий.

VI

У ГОРОДСКОЙ СТЕНЫ

П а л а ч и его подручный надевают на шест на городской стене отрубленную голову Мунки Ду рядом с другими головами.

П а л а ч. Нет ничего страшней на свете, чем переменчивость людского счастья. Вчера еще Ен Фай и его помощник насадили

очередную голову на шест с западной стороны. Они выбрали западную сторону потому, что там как раз вчера проходил караван тибетских паломников. Успех был сногсшибательный. Паломники высказали свое полное удовлетворение зрелищем, и счастье Ен Фая казалось обеспеченным. Но сегодня ночью подул западный ветер, пошел дождь, и к утру вся выставка имела плачевный вид. Лучшие в Китае головы — где мы теперь еще такие достанем? — превратились в какое-то жалкое подобие голов. Видимо, Ен Фаю не следовало ради, в общем-то, чисто внешнего эффекта выбирать западную сторону. Говорят, принцесса Турандот плакала два часа подряд.

Кончают работу.

(Уходя). Да, в нашей профессии счастье и горе сменяют друг друга.

Палачи его подручный уходят.

Мужской голос (поет)

Скажи тому, кто тянет повозку,
Что смерть его близка.
А долгая жизнь зато суждена
Тому, кто в повозке сидит.
Темнеет. Приходит вечер.
Съесть бы горсть риса на ужин,
И это было б хорошим концом
Хорошего дня.

Появляется писец школы туалетов с мальчиком Си Фу. Они рассматривают головы и останавливаются у одной, незнакомой.

Писец. Это мой учитель, величайшее светило китайской грамматики. Он нес несусветный вздор на конгрессе, и вот вам результат — теперь некому комментировать стихи Бо Цзюй-и. Ох, и зачем только выходят они за рамки своей специальности! Сюда кто-то идет.

Оба уходят. Появляется Турандот, вышедшая на прогулку со своими служанками. Их сопровождает вооруженная охрана.

Турандот (видит голову Мунки Ду). Дудочка! А вот и Хи Вей, бумажный портной. Мне бы по-настоящему следовало носить вдовий наряд, но это подействовало бы слишком устрашающе на соискателей. И вообще на стене выставлено слишком

много голов — можно подумать, что нашу политику уже никак невозможно обелить. Кто это там?

Первая служанка. Это гангстер Гогер Гог, помните, вы видели эту жалкую личность в чайном домике туаллов?

Вторая служанка. Ничего подобного. Он такой мужественный, все дамы Пекина у его ног.

Турандот. Стало быть, он красивый дурак.

Первая служанка. Его, кажется, преследуют два каких-то типа. Не уйти ли нам?

Турандот. Нет, мы останемся.

Входит Гогер Гог, испуганно оглядываясь назад. Увидев женщин, останавливается. Турандот улыбается ему.

Гогер Гог. Вы вышли прогуляться?

Турандот (*смеется*). Купить курицу.

Гогер Гог. Вот как, это очень мило. Вы мне позволите к вам присоединиться?

Первая служанка смотрит в направлении, откуда он пришел, и смеется.

Турандот. Пожалуйста.

Приближаются телохранители Гогера Гога, бросая на него угрожающие взгляды.

Гогер Гог (*с кавалерской хваткой предлагает Турандот руку и ведет ее мимо телохранителей*). Вам, барышня, нужна более сильная охрана. А то тут шляются всякие темные личности.

Турандот. Этим господам что-то нужно от вас?

Гогер Гог. Ко мне обращается множество всяких людей, не сумевших ничего в жизни добиться.

Турандот. Может быть, они просто хотят вас о чем-то спросить?

Гогер Гог. Вопросами я сыт по горло. Я принципиально не отвечаю на вопросы.

Турандот. А что, это какие-то неприятные вопросы?

Гогер Гог. Этого я не знаю. Я их просто не слушаю.

Турандот. Вы политик! А какого вы мнения о конгрессе?

Гогер Гог. Невысокого. Его результаты вы видите здесь. Я пытался все это предотвратить, но тщетно — меня не допустили на конгресс, потому что я не так образован, как эти господа. И вот — в результате скандал. Если государство будет отвечать на любой вопрос, который ему зададут, оно долго

не продержится. Потому что скандал неминуем. Надолго ли хватит вашего терпения содержать собаку, если она каждое утро будет спрашивать: а где моя котлета? Скоро этот пес покажется вам несимпатичным.

Турандот. Пожалуй, в этом что-то есть. А что вы думаете о женщинах?

Гогер Гог. Китайская женщина верна, прилежна и послушна. Но ею надо править, как и народом, с железной твердостью. Иначе распустятся.

Телохранители снова проходят мимо с угрожающим видом.

Со строптивыми у меня разговор короткий.

Турандот. А что вы думаете обо мне?

Гогер Гог. Вы загадочная натура, да позволено мне будет заметить. Впрочем, мне кажется, я уже однажды имел честь вас видеть.

Турандот. Я могу подсказать где: в литературном окружении.

Гогер Гог. Нация без литературы не может быть культурной нацией. Но литература должна быть здоровой. Я происхожу из простой, но порядочной семьи. В школе я успевал по гимнастике и закону божьему, но уже в раннем возрасте во мне обнаружили качества вождя. С семью товарищами по убеждениям я основал дело и благодаря железной дисциплине довел его до того уровня, на котором оно сегодня находится. От моих последователей я требую фанатической веры в меня. Лишь при этом условии я могу достичь моих целей. *(Вооруженной охране.)* Арестуйте этих типов.

Телохранители поспешно удаляются.

Куда прикажете вас доставить?

Турандот *(которую все это забавляет)*. Если вы ничем не заняты, в район императорского дворца. *(Второй служанке.)* То, что я раньше о нем сказала, оказывается, неверно.

Все уходят в том направлении, откуда пришла Турандот со своей свитой.

Голова Хи Вея. Боюсь, что сегодня ночью снова будет дождь.

Незнакомая голова. Мой главный тезис был несокрушим, но детали, пожалуй, я мог бы сформулировать красочней.

Голова Ки Ле. Хлопок не вырос.

Голова Хи Вея. Должен же быть какой-то убедительный ответ. Вчера ночью я уже был близок к нему.

Голова Мунки Ду. Мне нужно было хорошо выспаться, и тогда...

Голова Ки Ле. Я в самом деле не должен был говорить, что он им распоряжается... "Распоряжается" — и надо же было мне употребить это злосчастное слово.

Голова Хи Вея. Истинная наука никогда не сдаётся! На всякий вопрос, безусловно, есть ответ. Требуется только время, чтобы его найти.

Незнакомая голова. Времени у нас теперь хоть отбавляй.

Голова Ки Ле. Здесь по крайней мере нам предоставлена своего рода свобода.

Два молодых туалала везут в тележке географа Паудера Милья.

Молодой туалал (*выкрикивает*). Разойдись, дорогу великому географу Паудеру Милью!

Паудер Милья. Не отговаривайтесь усталостью! Меня больше всего беспокоит, что я опоздаю, конгресс уже будет закончен. В любой момент кто-то другой может найти ответ. И что тогда?

Молодые туалалы останавливаются и в испуге показывают на головы.

Подумаешь, несколько преступников! Вперед, мои юные друзья, вперед!

VII

а) В ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЦЕ

Министр-президент принимает делегата Союза портных и туалала этого Союза.

Туалал Союза. Ваше превосходительство! Анализ сложившегося положения показывает, что...

Делегат (*останавливает его движением руки*). Я скажу. Наши портных сдерживать больше невозможно, вот и все.

Министр-президент. Я с полной ответственностью могу вам сообщить, что император сделает необходимые выводы из провала конгресса.

Делегат (*обрадованный*). Слава богу, это именно то,

что нужно! Как я уже сказал, я больше не в силах сдерживать моих людей.

Министр-президент (*выводя их из кабинета*). Вы можете подождать решения в прихожей. Кстати, я констатирую, что делегат Союза беспорочных не пришел с вами.

Делегат. Они делают свою собственную политику.

Министр-президент. Вы с ними не ладите?

Делегат. Только вам скажу: с этим типом я за один стол никогда не сяду. (*Уходит со своим туалетом.*)

Входят Император и Яу Ель.

Император. Во всем виноваты эти проклятые туалеты. Лично я хотел только хорошего.

Яу Ель. Что и получил.

Входят Придворный туалет, Генерал, военный министр, Ну Шан.

Придворный туалет. Ваше величество, никаких оснований для беспокойства нет.

Ну Шан. Население не проявляет никаких признаков возбуждения, ваше величество.

Военный министр. Государь, городские ворота в наших руках.

Император. Благодарю... Пойдите. А разве что-нибудь случилось?

Военный министр. Ваше величество, Кай Е начал поход из северных районов в направлении столицы.

Яу Ель. Нужно немедленно уничтожить некоторые запасы.

Император. В таком случае я отрекись от престола.

Министр-президент. Как?

Император. Я отрекись от престола.

Министр-президент. Нет, как могут быть уничтожены запасы?

Яу Ель. Жечь их нельзя. Хлопок страшно воняет.

Император. Отлично, я отрекаюсь от престола.

Военный министр. Воинским частям это сделать не прикажешь. Они взбунтуются.

Император. Я отрекаюсь от престола.

Тишина.

(*Не веря себе, Император обводит взглядом присутствующих.*) Вы можете возражать, но я... (*Не дождавшись ответа, медленно выходит.*)

Военный министр. Его величество несносен.

Яу Ель. Уж не ждете ли вы от меня, что я... Да я бы никогда против моего брата... Нет-нет, бессмысленно меня об этом просить... Не хочу, чтобы потом говорили, что я взошел на престол, когда... Не надо на меня оказывать давление, я не честолюбив... Может быть, лишь в случае крайней необходимости — скажем, из династических соображений... Могу я на вас рассчитывать? Генерал, арестуйте моего брата. *(Уходит.)*

Император *(входит в другую дверь)*. Я этот вопрос обдумал... *(Видит, что никого нет.)* Нет, это просто неслыханно. Как они обращаются со своим императором!

Со двора доносится барабанная дробь.

(Бежит к окну.) Зачем там выстроили стражу с винтовками? Яу Ель! Это он... Видно, впредь мне придется и в собственном доме взвешивать каждое слово! Я должен сейчас же...

Входят Турандот со своими служанками и Гогер Гог.

Турандот. Отец, я привела к тебе одного из умнейших людей, каких я когда-либо встречала.

Император. Есть у вас при себе мелочь?

Гогер Гог. В данный момент нет.

Турандот. Зачем тебе мелочь?

Император. Мне нужно уехать. Тут был момент, когда я не только растерялся и необдуманно отрекся от престола. Яу Ель тотчас же объявил себя императором. Это, конечно, не имеет законной силы. Народ должен иметь возможность сам выбирать себе политический режим.

Гогер Гог *(который время от времени выглядывал в окно)*. Что это значит: народ должен иметь возможность сам выбирать себе режим? Разве режим имеет возможность сам выбирать себе народ? Нет, никогда. Вы, например, будь у вас возможность выбирать, разве вы выбрали бы себе именно этот народ?

Император. Конечно, нет. Этот народ только и думает что о своем благополучии. Он явно хочет жить лучше, чем это позволяют мои доходы.

Гогер Гог. Народ — это социально опасное скопление людей. Он всегда норовит разрушить государство.

Турандот. Умница! *(Гогер Гог.)* Скажите ему, что он, по вашему мнению, должен делать.

Гогер Гог. Все очень просто. Только меня, к сожалению, занимают мои собственные проблемы, которые не так легко разрешить. Впрочем, они связаны с вашими. Короче говоря, поскольку нам некогда долго рассусоливать, вы не должны от-

вечать на вопрос о хлопке, вы должны запретить задавать этот вопрос! Это еще что такое, караул покидает свои посты!

И м п е р а т о р. Понимаю. К тому же это куда проще.

Г о г е р Г о г. Если караул уйдет, я погиб.

Т у р а н д о т. Отец, сейчас же прикажи караулу оставаться на посту.

И м п е р а т о р (в волнении шагая взад-вперед). Да, молодой человек, в том, что вы говорите, что-то есть. Это первая разумная речь, которую я слышу, а у вас даже нет шляпы туалы. Но караулу я уже не могу ничего ни приказать, ни запретить.

Т у р а н д о т. Я бы хотела подчеркнуть, отец, — ведь я тебя знаю, — что эти идеи являются духовной собственностью господина Гогер Гога. Высказав их, он тем самым участвует в конкурсе Союза туалы и сохраняет за собой вытекающие отсюда права. Я надеюсь, ты меня понял?

Входят Я у Е л ь, Военный министр и Придворный туал.

Я у Е л ь. Полюбуйтесь! Почему мой брат все еще не арестован? Сейчас же расстрелять!

Во е н н ы й м и н и с т р (Императору). К дворцу движется какая-то толпа. Вы что, вступили в тайный сговор с населением?

И м п е р а т о р. Кто вам разрешил задавать мне вопросы, да еще без надлежащей формы обращения?

Г о г е р Г о г. Все, я пропал! Это Крукер и прочие.

Т у р а н д о т. А откуда вы вообще знаете, чего хочет этот народ!

Я у Е л ь. Повесить он нас хочет, глупая курица. Чего еще может хотеть народ?

И м п е р а т о р. Вот именно.

Г о г е р Г о г (внезапно). Господа, прошу вашего внимания. Толпа находится в возбужденном состоянии, в нее проникли злонамеренные подстрекатели. Но в тот момент, когда эти люди узнают, что здесь нахожусь я...

Я у Е л ь. Вы что, хотите сказать, что вас знают?!

Г о г е р Г о г. Безусловно.

И м п е р а т о р. Так поговорите с ними сами.

Г о г е р Г о г. Это невозможно. Если я попаду к ним в руки, то есть, я хочу сказать, если я появлюсь перед ними, не имея ничего в руках...

И м п е р а т о р. За чем же дело стало? Обещайте им, что хотите.

Во е н н ы й м и н и с т р. Обещайте им все.

Я у Е л ь. Все что угодно!

Г о г е р Г о г. Вам хорошо говорить. Но я-то кто такой?

И м п е р а т о р. Вот что, любезный, я основательно изучил ваши предложения и предоставляю вам полномочия немедленно

действовать в соответствии с ними. Я облакаю вас моим полным доверием. Сам же я удаляюсь на некоторое время во внутренние покои слегка закусь.

Гогер Гог. Ваше величество, я вам буду вечно признателен.

Император уходит с Яу Елем, Турандот и Придворным туалем. Снаружи шум.

(Военному министру.) Ваше превосходительство, я вынужден попросить у вас вашу кавалерию.

Тот его не понимает.

Ваше превосходительство, это вопрос жизни или смерти, постарайтесь понять меня. Я прошу вашу кавалерию. Избавьте меня от необходимости смиренно стать на колени перед вами. Несчастный взывает к вам и просит вашу кавалерскую ленту. (Срывает с плеча опешившего генерала широкую кавалерскую ленту и разрывает ее на полосы. Вбегают два телохранителя и три других гангстера.)

Первый телохранитель. Вот мы до тебя и добрались.

Гогер Гог. Долго искали? (Военному министру.) Они искали именно меня. Товарищи, Китай взирает на нас с надеждой!

Первый телохранитель. Кончай свои шутки.

Второй телохранитель. Хватит голову морочить.

Гогер Гог. Совершенно верно, хватит голову морочить. И шутками мы уже сыты по горло. Ваше превосходительство, темные элементы, которые открыто посягают на собственность своих сограждан и дерзко расшатывают священные устои государства, разгуливают на свободе, в то время как пусть несколько грубые, но преданные императору парни, не имея оружия, смотрят на все это в бессильном гневе. На основании предоставленных мне государем полномочий я требую для этих граждан оружия из императорских арсеналов. (Подходит к телохранителям и торжественно повязывает им на рукава полосы из кавалерской ленты.) Как блюстители порядка вы должны с фанатической одержимостью пинать в брюхо всех и каждого, кто дерзнет поднимать смуту. Вознаграждение — жалованье полицейского в двойном размере.

Второй телохранитель. Так точно, шеф.

Возвращаются Император и все прочие. Император прилебывает из маленькой чашечки.

Император. Ну как?

Гогер Гог. Ваше императорское величество, в этот исто-

рический час я представляю вам моих старых боевых соратников братьев Крукер Кру. Я установил, что толпа, замеченная вблизи дворца, состояла из моих же верных и испытанных собратьев по оружию, которые ныне готовы целиком и полностью отдать себя в распоряжение вашего величества.

Император. Дорогой господин Гог, вы видите — я растроган. Обратите прежде всего внимание на императорские склады, к ним нужно срочно приставить охрану.

Гогер Гог. Ваше величество, дайте мне сутки сроку — и вы не узнаете свою столицу.

Яу Ель. А что будет со складами?

Император. Я запрещаю задавать мне вопросы! (*Военному министру.*) Арестуйте моего брата, генерал!

Яу Ель. Ты ведь отрекся!

Император. Не совсем. (*Злобно.*) Не ты ли отдал приказ меня расстрелять?

Яу Ель. Мало ли что! Чего не скажешь сгоряча.

Гогер Гог (*ревностно*). Ваше величество, мой долг безоговорочно выполнять ваши приказы.

Военный министр (*опережая его*). Ваше высочество...

Яу Ель. Запомни: без меня ты в коммерческих вопросах сядешь в лужу.

Разозленный Яу Ель уходит с Военным министром, в сопровождении первого телохранителя и двух гангстеров. В дверях встречается с входящими Министром-президентом и Ну Шаном. Те отвечивают ему низкий поклон, но затем замечают Императора и испуганно кланяются ему.

Император. А-а, любезный, я снова прибрал бразды правления к рукам, так что с вами я еще посчитаюсь. Только пока мне не до этого.

За Министром-президентом появляются делегат Союза портных и его туал.

Делегат. Его превосходительство господин министр-президент во время утренней аудиенции дали понять, что ваше величество сделает из провала конгресса туалетов необходимые выводы.

Император. Именно. Ты арестован.

Гогер Гог. Следуйте за мной. (*Замечает Ну Шана.*) Кто этот господин?

Министр-президент. Господин Ну Шан, председатель Союза туалетов.

Гогер Гог. Туал. (*Орет.*) Вы арестованы. В Союзе засели, как всем известно, опасные торговцы мнениями... Точнее

говоря, торговцы опасными мнениями. Я не против того, чтобы за мнение брали деньги. Под моим руководством государство будет очень даже щедро платить за мнения. Но только за мнения, которые мне подходят. А все эти самостоятельные и критические умствования мне во как обрыдли. Стойте смирно, соблюдайте приличия и уважайте тех, кто лучше вас все понимает, больше ничего от вас не требуется. (*Орет.*) Увести!

Т у р а н д о т (*сияя*). Гогочка!

Вбегают Императрица-мать, в руках у нее кувшин с пивом.

б) ВО ДВОРЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРЦА

Г о г е р Г о г держит речь перед своими людьми.

Г о г е р Г о г. Как только что выяснилось, императорские склады забиты хлопком по самую крышу. Несколько дней назад на недавно закончившемся конгрессе туалетов темные элементы высказывали лживые утверждения, будто бы в стране нет хлопка. Эти мерзавцы понесли заслуженную кару. Одновременно брат императора Яу Ель, который втайне от своего августейшего брата спрятал хлопок, арестован и расстрелян. Он намеревался часть хлопка сжечь, чтобы скрыть свое преступление. Но не успел выполнить этот чудовищный план. Товарищи! Бесчестная военная клика пытается в настоящее время внушить императору, что вы и ваша верная служба ему больше не нужны. Поэтому я — разумеется, в полном согласии с императором — считаю необходимым, как вы это уже делали на заре нашего движения, преподать наглядный урок, из коего даже дурак уразумет, что без энергичной защиты никакая собственность ныне не может быть гарантирована. С этой целью сегодня ночью вы предадите огню часть императорских складов, а точнее — ровно половину. Выполняйте свой долг!

VIII

а) РЫНОК ТУАЛОВ

На длинных стеллажах т у а л ы расставляют огромные раскрытые книги. За плату в одну иену прохожим разрешается прочесть страницу.

Т у а л о б щ е о б р а з о в а т е л ь н ы й
Дурак ишачит днем, ишачит ночью,
Но проку мало от его труда,

Пока не убедится он воочью:
Невежество — вот вся его беда.
Нет лошади — так падай под копыта,
А лошадь есть — считай, что ты в броне.
В любой профессии без знаний карта бита,
Кто знанья получил, тот на коне.

Престарелая женщина платит ему одну иену и смотрит в книгу.
Входит Сен с мальчиком Э Фе.

Э Фе. Мне, дедушка, тоже придется стать таким туаллом?

Сен. Деньги у нас, во всяком случае, еще есть.

Э Фе. А не лучше ли купить лягушку?

Сен. Э Фе, что ты имеешь против туаллов?

Э Фе. По-моему, они плохие люди.

Сен. Взгляни-ка на тот мост. Как ты думаешь, кто его построил?

Э Фе. Император.

Сен. Нет. Подумай-ка еще.

Э Фе. Каменщики.

Сен. Да, но подумай еще.

Пауза.

Каменщики его построили, но какой-то туалет сказал им, как нужно строить. Мы слышали лишь, как они говорят. Но до их знаний мы так и не добрались. А вот здесь как раз выставлены их знания. Правда, я несколько удивлен, что это так дорого стоит. Э Фе, если и на этот раз все это окажется пустышкой, да будут они уничтожены огнем и мечом! *(Переходит нерешительно от одного стеллажа к другому.)*

Входят четыре прачки, среди них Ма Гог.

Кьюн. А я взяла да и купила его, и баста. *(Показывает новый головной платок.)* Ситец!

Су. Ты, видно, миллионерша.

Кьюн. Четыре недельных получки. Но он стоит того. *(К Яо.)* Все считают, что он мне очень идет. Ты согласна, Яо?

Яо. Нет. Ты для него слишком костлявая.

Кьюн. Вот это наглость! Да ты, навозная лепешка, небось думаешь, что только ты красивая? Ты что, действительно считаешь себя красивой?

Яо. Нет, я тоже некрасивая.

Ма Гог. И зачем ты ее спрашиваешь? Ты же знаешь, что она всегда говорит правду.

Кьюн громко смеется.

Туал экономический. Что именно угодно дамам? Кьюн. Мы из прачечной "Цвет миндаля", пришли за покупками.

Туал экономический. Сударыни, хотите знать, как достичь успеха в деловой жизни? Загляните в мою книгу — и за одну иену вы узнаете, что об этом говорит экономическая наука:

Я, мелкая рыбешка, часто слышал:
Будь скромн, ты акуле не ровня.
Но каждый хочет больше быть и выше.
Акулой стать — отныне цель моя.
Лишения несчастной мелкой твари
Я испытал на собственной спине.
Теперь мой котелок отменно варит:
Я знанья приобрел, я на коне.

Кьюн. Это как раз для тебя, Ма. У нее есть прачечная, и она хочет купить своему сыну еще одну, большую. Здесь ты можешь научиться, как загребать деньжата.

Ма Гог. Не раскроете ли вы мне книгу на том месте, где говорится о займах и ссудах?

Туал медицинский. Не болит ли у вас где-нибудь? Может быть, вы больны и сами того не знаете? Не хотите ли вы узнать то, что известно врачу? Всего одна иена:

Представьте: заболела ваша мама,
К врачу шлетется из последних сил.
Тот смотрит в рот и в зад. Хоть пользы мало,
Но врач за знанья в лапу получил.
Он знает все названия болезней,
Размеры гонораров, толк в вине,
И знания его ему полезней,
Чем пациенту. Доктор на коне!

Ма Гог. Я бы и сюда хотела заглянуть. А то у меня от стирки плечо сводит. Но лучше я, пожалуй, посмотрю туда, где говорится, как накопить на прачечную для сына. Хотя, надо сказать, плечо последнее время у меня крепко побаливает.

Кьюн. Шерстяной платок, пожалуй, лучше всего помог бы от ломоты в плече.

Ма Гог. Да, но он стоит пятнадцать иен.

Входит второй телохранитель Гогер Гога с двумя гангстерами и обеими служанками Турандот.

Второй телохранитель. Вот где вы, матушка Ма. В таком подозрительном месте. А знаете ли вы, кто мы теперь такие? (Указывает на свою нарукавную повязку.) Полиция! Не пугайтесь, матушка Ма. С сегодняшнего дня все будет на-

оборот — ваш сын высоко взлетел. Он ожидает вас в императорском дворце. Вам будет чему там подивиться.

Ма Гог. Да ну тебя! Ты, свиное рыло, не заговаривай со мной в общественном месте. Мои подруги тебя стесняются.

Второй телохранитель. Матушка Ма, эти барышни своим детям и внукам станут рассказывать, что были с вами знакомы. А теперь идите с нами. *(Берет ее под руку.)*

Первая служанка. Милостивая сударыня, особа настолько высокопоставленная, что ее даже запрещено называть по имени, ожидает вас там же, где сейчас находится ваш великий сын.

Ма Гог. Видно, с моим Гогером что-то стряслось. Я думаю, нужно пойти посмотреть. *(Собирается идти.)*

Первая служанка. Разрешите, милостивая сударыня, проводить вас за угол, до паланкина. Носильщики не захотели вносить его на этот грязный рынок.

Входят Первый телохранитель с пятью другими гангстерами. Все они несут факелы.

Первый телохранитель. А, так вы ее все-таки нашли! Наступило великое время, матушка Ма!

Ма Гог делает пренебрежительный жест и уходит со вторым телохранителем.

Эй, вы там, скажите, где тут императорские склады?
Кьюн. Сразу за мостом Красильщиков.

Гангстеры уходят.

Ну, что вы на это скажете? У меня какое-то тревожное чувство. Идемте-ка лучше домой. Су!

Су *(приблизившись к стеллажу любовно-психологического туалета)*. Я сейчас приду.

Туал любовно-психологический. Тайны любви! Блаженство или разбитые сердца? Как вести себя с возлюбленным?

В любви уделы разные бывают:

Любим или влюблен ты, дорогой?

Один блаженствует, другой страдает,

Один берет, зато дает другой.

Скрывай свою любовь, свое смятение,

Тоску и слезы, вздохи при луне.

Твоя влюбленность — вестник поражения,

В любви лишь кто любим, тот на коне.

Подойдите поближе, барышня. Узнайте все заранее, пока не поздно. Одна иена!

Су (*платит*). Броситься ли мне ему на шею или сделать вид, что он мне безразличен?

Туаллюбовно-психологический. Второе, барышня, второе! (*Читает ей вполголоса из книги.*)

Кьюн. Зачем ты его слушаешь, Су? Если он так хорошо в этом разбирается, сам бы заарканил девушку. И тогда не надо было б тратить время на такую толстенную книгу.

Сен (*в нерешительности стоит перед стеллажом туалэкономического*). Сударыни, не надо смеяться над знанием. Если бы меня не привлекала эта книга, я бы обязательно учился по вашей. Я считаю: никому не надо отказывать в радости, в том числе и себе. Почему барышня смеется? (*Он улыбается Яо, которая смеялась.*)

Кьюн (*предостерегающе*). Яо, не отвечай.

Сен. Почему? Нужно всегда отвечать.

Яо. Я думаю, что ты уже не можешь, потому и смеюсь.

Сен (*тоже смеется*). Ты права, только никому об этом не говори. Кто не в силах поймать тигра, может быть, поймает ежа. Кто не учится для себя, может учиться для других. (*Указывая на мальчика.*) Он растет быстро.

Волнение среди туаллов, все оглядываются назад.

Кьюн. Смотрите, пожар! Это за мостом Красильщиков.

Сен. Пахнет горелым хлопком.

Туалы. Давайте уберем наши стеллажи.

— Когда едут пожарники, они все крушат не глядя.

— Но пожарников почему-то нет!

— Что бы это могло значить?

Входят Гогер Гог и Министр-президент в сопровождении вооруженной стражи.

Гогер Гог. Поджог, безусловно, совершили портные и беспорточные в союзе с туаллами. Он должен послужить сигналом для мятежника Кай Е. Принять строжайшие меры. В первую очередь уничтожить духовных поджигателей. Проверить все книги, не содержат ли они чего антигосударственного. (*Уходит с Министром-президентом.*)

Первый вооруженный (*туалу медицинскому*). Что написано в этой книге?

Туалмедицинский (*дрожа*). Что нужно знать о чатотке или о костных переломах.

Первый вооруженный. Что? О костных переломах? Мы пресечем всякую болтовню о костных переломах. Это

направлено против полиции. Арестовать! *(Швыряет книгу на землю и топчет.)*

С е н *(пытается его остановить)*. Не топчи книгу ногами, она полезная.

Пер в ы й в о о р у ж е н н ы й *(бьет его и сшибает с ног)*. Ах ты, пес! Да как ты посмел оказать сопротивление государственной власти? *(Туалу общеобразовательному.)* А что это за дерьмо? Признавайся!

Ту а л о б щ е о б р а з о в а т е л ь н ы й. Это знания, господин капитан.

Пер в ы й в о о р у ж е н н ы й. Какие знания? Может быть, о хлопке?

Ту а л о б щ е о б р а з о в а т е л ь н ы й *(отрицательно мотает головой)*. Хлопок не относится к общему образованию, господин капитан.

Пер в ы й в о о р у ж е н н ы й. Все вы, сволочи, заодно с поджигателями. Вы вели интриги против императора.

Ту а л о б щ е о б р а з о в а т е л ь н ы й. Может, только самые высокопоставленные среди нас, да и то вряд ли.

Пер в ы й в о о р у ж е н н ы й. Тут с факелами никто не проходил, вы не видели?

Ту а л о б щ е о б р а з о в а т е л ь н ы й. Проходили какие-то с нарукавными повязками.

Со стороны моста появляется г а н г с т е р с нарукавной повязкой и факелом.

Г а н г с т е р. Капитан, в чайном домике туалетов были замечены два сторонника Кай Е.

Пер в ы й в о о р у ж е н н ы й. Уж не были ли они похожи на этого?

Ту а л о б щ е о б р а з о в а т е л ь н ы й в ужасе мотает головой.

Вы не видели людей с факелами?

К ь ю н *(становится перед Яо, заслонив ее)*. Мы не видели.

Я о. Как же, Кьун, а вот у этого же есть...

К ь ю н. Это дубинка вроде тех, какие у полицейских. Пошли, Яо, Су, нам пора.

Пер в ы й в о о р у ж е н н ы й. Куда это вдруг? А ты, может, видела еще нескольких таких, как этот?

Я о. Да, пятерых. А потом, это вовсе не дубинка.

Пер в ы й в о о р у ж е н н ы й. Зато это дубинка.

Бьет ее дубинкой, сбивает с ног; в о о р у ж е н н ы е уволакивают ее.

Туал любовно-психологический (*помогая Се-ну подняться*). Не плачь, мальчик, он жив. Они сами подожгли склады и теперь арестовывают всех, кто это видел.

Туал общеобразовательный. Они хотят запретить эту книгу, а ведь она меня кормит, хотя и довольно скудно. Постыдная писанина, в которой нет ни одной правдивой строчки и ничего не сказано против них! Хороши поэты, которые лижут им задницу, хороши мыслители, все мысли которых заняты собственными доходами! Макулатура, хлам!

Се н. К чему такая страсть? Ты ведь этим жил.

Туал общеобразовательный. Жил тем, что обманывал.

Писец школы туалов (*вбегает, на голове у него кровоточащая рана*). Су, родная, я тебя ищу, прямо с ног сбился.

Су (*бросается в его объятия*). Ван! Я знаю, я не должна тебя обнимать. Это тот самый, про кого я спрашивала. Извините, но я не могу вести себя с ним так, как сказано в вашей книге.

Писец. Я писец из школы туалов. Вернее, был писцом. Банды Гогер Гога разгромили и школу, и дворец Союза туалов. Их приняли в полицию и выдали им нарукавные повязки с печатью. Союз туалов обвиняют в оскорблении его императорского величества — дескать, туалы на конгрессе разгласили государственную тайну. Сейчас там сжигают на костре три тысячи формулировок по истории Китая, потому что в них упоминаются поражения в седьмом веке, а это антипатриотично. Ну Шана повесили. Он якобы утверждал, что Гогер Гог, тот, которого сегодня утром назначили канцлером, не знает, сколько трижды пять. Я тоже в опасности, потому что был тому свидетелем. А причина всёму то, что Кай Е вошел уже в провинцию Сычуань.

Кьюн (*туалам*). Вам бы надо как-нибудь избавиться от ваших шляп.

Туал любовно-психологический. А куда их денешь? Я живу на другом конце города.

Туал экономический (*к Кьюн*). Возьмите вы мою шляпу. Я живу еще дальше.

Туал любовно-психологический. Я ведь ее первым попросил.

Туал экономический. Заступитесь за разум, барышня.

Кьюн. А ну, давайте сюда, бедолаги. (*Прячет шляпы под юбку*.) Если мой Сун увидит меня с таким животом, он решит, что я скурвилась, и не захочет со мной дело иметь.

Туал общеобразовательный. Но Союзы такого не потерпят. Теперь-то уж они объединятся.

Вооруженные тащат делегата портных и его туал а, оба связаны.

Вооруженный. Мы тебя отучим задавать вопросы императору!

Делегат портных. Вам придется многих отучивать.

Его бьют. Гангстеры втаскивают делегата беспорточных и его туал, оба связаны.

Гангстер (делегату беспорточных). Ты еще будешь подозревать нашего фюрера в том, что он поджег склады?

Бьют его.

Делегат беспорточных. Мы этого не знали!

Вооруженный. Эй, вы, пошли с нами на скотный двор, что ваш, что наш, два сапога — пара!

Гангстеры присоединяются к вооруженным, и обоих делегатов уводят.

Писец. Куда же нам теперь податься?

Кьюн. В прачечную. Может, Ма к нам кого-нибудь пришлет. Ее позвали во дворец. Ее Гогер стал министром, так она, глядишь, сможет спасти беднягу Яо. Яо снова сказала правду, и я не сумела ее остановить. Нужно будет взять с собой и старика. А то они как увидят шишку — сразу поймут, что его били, и, того и гляди, схватят как государственного преступника.

Сен (туалу экономическому, который старательно вырывает страницы из своей книги). Что ты там вырываешь?

Туал экономический. Страницы, где речь идет о малоимущих.

Сен. А можно их у тебя купить?

Туал общеобразовательный (поманив Сена к себе, шепотом). Я тебя понимаю, старик. Но у меня есть для тебя кое-что получше. (Вытаскивает из кармана книжку.) Никому больше не показывай, это сочинил Кай Е.

Сен. Да, это я хочу купить.

Кьюн. Пойдем с нами в пригород, старина. Ты ведь не сумеешь это прочесть.

Сен. Другие прочтут. Вот деньги, которые я получил за мой хлопок. Я считаю, что оправдал свою поездку.

Отдает кошелек с деньгами туалу общеобразовательному и уходит с девушками и писцом. Туал любовно-психологический идет следом, таща свою книгу. Остаются в нерешительности туал общеобразовательный и туал медицинский. Последний, всхлипывая, сидит на своей растоптанной книге.

б) ВО ДВОРЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРЦА

Д в е с л у ж а н к и Турандот вносят медную ванну.

Первая служанка (*опуская ванну*). В таком виде я через двор не пойду. (*Снимает нагрудник.*)

Вторая служанка. Если эта сука заметит твое франтовство, она прикажет тебя высечь.

Первая служанка. А все из-за ревности. Она ревнует своего дурака ко всем.

Вторая служанка. Знаешь, я нарочно встала у конференц-зала, там, где узкий коридор, чтобы он, проходя, задел меня. И знаешь, что он сказал? "Извините". Такой высококомаральный.

Первая служанка. Она говорит, что любит его, потому что он очень умен.

Вторая служанка. Она говорит, что он умен, потому что втюрилась в него.

Первая служанка. О чем говорить, все ясно. Умных — как собак нерезаных, а пойдй найди видных собой.

Они снова поднимают ванну и уносят ее.

IX

ПЕРЕД ПРАЧЕЧНОЙ "ЦВЕТ МИНДАЛЯ"

На деревянном ведре перед прачечной сидит старик С е н, м а л ь ч и к меняет ему повязку на голове. Рядом с ними К ь ю н перекраивает для себя шляпу туалала. На другой стороне дороги перед высоким узким домом стоит о р у ж е й н и к и руководит чем-то, что делается на первом этаже. С улицы этого не видно. Рядом с ним стоит туалет К а М ю с нотными папками. Район очень бедный.

К а М ю. Сударь, тут творения великих мастеров! Вы должны их беречь, мне необходимо уехать. Это старая музыка. Ей грозит опасность, потому что она не китайского происхождения, а нынешнее правительство...

О р у ж е й н и к. У меня больше ничего не помещается. Мне уже навязали статую богини правосудия высотой в два этажа. Придется ломать потолок. Эй, поворачивайте ее помедленней!

К а М ю. А вот это новая музыка. Ее преследуют за то, что она недостаточно простонародна.

С е н. А это еще зачем? Сам народ давно уже не так-то прост.

О р у ж е й н и к (*со вздохом*). Хорошо, я ее спрячу в каморке, где сплю. Раз уж ее преследуют... (*Впускает Ка Мю в дом.*)

Ж е н щ и н а (*кричит с верхнего этажа*). Извините, господин Лю Шан, что статую приходится ставить вниз головой, но мои дети пугаются ее лица.

Ка М ю (*входит без папок*). Спасибо! Спасибо! (*Обнимает оружейника.*) Вы делаете доброе дело для Китая. (*Быстро уходит.*)

С е н. Когда я был так молод, как ты, мне хотелось всегда слушать одну-единственную мелодию — наш деревенский плотник высвистывал ее на флейте. А сейчас мне хочется слушать разную музыку, всякий раз новую.

О р у ж е й н и к. Ну как же можно уничтожать вещи, которые наверняка стоили больших трудов? Столько нотных знаков нарисовать!

Ж е н щ и н а (*из окна*). Слыхали, тот, чье имя под запретом, уже в ста милях от столицы?

С е н. Не кричите об этом так громко!

Входит Ма Г о г с Я о.

Ма Г о г (*кричит еще издали*). Кьун! Су! Добрый вечер, Лю Шан! Вот мы и снова здесь.

К ь ю н и С у выходят из дому, обнимаются.

У нее все же хватило ума сказать бандитам, что она работает в моей прачечной. Ее рассказ был последней каплей. Но я бы все равно там не выдержала. Гогер совсем спятил от власти. При его прежней профессии я гордилась им, а сейчас стыжусь его. Они все хотели, чтоб мне хорошо жилось во дворце. Сегодня утром принесли ко мне в комнату — а там и для пятидесяти ослов было бы слишком просторно — медный чан из музея, поставили на синий ковер, и министр-президент сказал: "Достопочтенная госпожа, ваш сиятельный сын сказал, что вы себя хорошо чувствуете лишь за стиркой. Пожалуйста, стирайте сколько душе угодно". Я ему дала пинок в зад и сразу же об этом пожалела. Едва он вылетел, появляется слуга и подставляет мне задницу, чтобы я ее пинала сколько душе угодно. Во всем дворце один разумный человек — императрица-мать; она мне сказала, что она думает о своем сыне, и дала рецепт одного особого пирожного. А ее еще считают сумасшедшей! Рецепт этот я запомнила — пригодится для Гогера. Дайте мне чаю. Кто это?

К ь ю н. Это господин А Ша Сен, он из тех мест, где разводят хлопок. Он приехал в столицу учиться.

С е н (*извиняясь*). Мне сказали: куда тебе учиться — у тебя

нет головы на плечах. Но если судить по шишке, голова-то у меня как раз и есть.

С у. Какая страшная шишка!

Я о. Не такая уж большая, и она скоро пройдет.

К ь ю н (*обнимая ее*). Какая ты невежливая, Яо.

Бумажное окно на первом этаже распаивается, и из него высвобождается бронзовая рука, в руке большие весы, они перевернуты.

О р у ж е й н и к. Поосторожней, остолопы!

Г о л о с (*из дома*). Рука не помещается!

С е н. Они прячут культурные ценности, так их, что ли, называют. Я встретил одного туалы у восточных ворот перед храмом, в котором обитает невидимый бог. Сейчас он, чего доброго, еще приведет этого бога на цепочке сюда и сдаст на хранение.

Из узкого дома выходят т р о е б е с п о р т о ч н ы х с большими узлами. Внезапно они кидаются бежать.

Э Ф е (*дергая Сена за руку*). Дедушка, солдаты!

Все быстро скрываются в домах. Оружейник едва успевает с окна верхнего этажа набросить ковер на руку Правосудия, как появляются д в о е в о о р у ж е н н ы х, патрулирующих улицу. Едва они проходят, раздаются выкрики уличного торговца: "Хлопок, хлопок! Покупайте хлопок! Хлопок со складов государственного преступника Яу Еля!" Из окна верхнего этажа выглядывает ж е н щ и н а. У л и ч н ы й торговец под охраной в о о р у ж е н н о г о везет тележку с хлопчатобумажными тканями.

У л и ч н ы й торговец, Хлопок! Хлопок! Этот хлопок найден во время пожара на складах казенного Яу Еля! Половина урожая этого года уничтожена огнем! Цены идут вверх! Прикройте свою наготу, прежде чем ситец станет недоступным!

Никто не желает покупать, и он идет дальше. Еще слышны его выкрики: "Хлопок! Хлопок!"

Ж е н щ и н а. Вы можете свой хлопок оставить себе. Нам сейчас жрать нечего. И школ у нас нету. Ничего, вот придет тот, чье имя под запретом, и всех нас обеспечит. (*Захлопывает окно.*)

Выходят С у и е е п и с е ц.

П и с е ц. Много не плачь. Ну, полплачь немножко сегодня вечером, а завтра уже не надо. Обещай мне.

С у. Нет, завтра еще полплачу.

П и с е ц. Хорошо, и если я через три недели не вернусь, это лишь значит, что мне пришлось идти в обход.

С у. А как же ты к ним дорогу найдешь? И еще в этих старых башмаках!

П и с е ц. Я знаю одного ткача, он сегодня отправляется туда с тремя товарищами. А тех уже так много, что их нельзя не найти.

С у. Но башмаки у тебя такие ветхие, Ван. Что же нам делать?

С е н (*выходит с мальчиком и Кьюн*). Если б вы нас чуточку подождали, мы могли бы, пожалуй, отправиться вместе.

С у. Но ведь вы идете на север, а ему надо тут недалеко, по соседству. Только вот башмаки у него плохие, того и гляди развалятся, что тут делать?

С е н. Вот как, башмаки, выходит, слишком ветхие, чтобы дойти до соседа.

Кьюн. Зато он получит теплый платок на плечи. (*Дает ему новый головной платок.*)

С е н. Если встретишься по дороге с несправедливостью, не останавливайся, это опасно. Река затошпает долину, но дамба строится в горах.

П и с е ц. А может, все-таки нам пойти вместе? Правда, мне нужно выйти сейчас же — меня ждут.

С е н. Я так сразу не могу, мне еще нужно подумать.

П и с е ц. Я иду через Тибетские ворота. Прощайте. (*Уходит.*)

С у. До завтра, Ван. (*Возвращается в дом.*)

Появляются двое беспорточных, стучат в дверь оружейной мастерской. О р у ж е й н и к впускает их.

О р у ж е й н и к. Из-за этой проклятой культуры мне буквально нельзя к горну подойти. На верхнем этаже такая дыра в полу — сквозняки свистят. А там опять идут какие-то деятели без головных уборов. (*Скрывается.*)

Входят четыре туалала из чайного домика: В е н, Г у, Ш и К а и М о С и.

Г у. Вы все еще здесь, господин А Ша Сен. Не тут ли находится оружейная мастерская, где можно спрятать художественные ценности?

Кьюн. Дом оружейника уже набит до отказа. Но как это вы решаетесь расхаживать без головных уборов? Ведь любая собака знает, что у вас не было никаких шляп, кроме туалальных,

и поэтому теперь хватают всех, кто ходит с непокрытой головой.

В е н. Какой ужас! Чайный домик закрыли. И дух стал бездомным бродягой.

Г у. Все же надо попытаться. Если Китай утратит свои художественные сокровища, он совсем одичает. (*Стучит в узкий дом.*) Он не открывает. (*Показывает картину, свернутую в рулон.*) Это Пи Ён. Двенадцатый век. Холмы под Хоан-Хо. Посмотрите на эту линию. Посмотрите на эту синеву. И все это подлежит уничтожению.

К ь ю н. А почему?

Г у. Они говорят, что настоящие холмы выглядят не так. (*Показывает картину Сену.*)

С е н. Это верно, холмы выглядят не так. Не совсем так. Но если бы они всем казались одинаковыми, не нужны были бы картины. Когда я был маленьким, дедушка нарисовал мне, как выглядит колбаса. Этот, как его зовут, ну, словом, художник, показывает мне, как выглядят холмы. Я, конечно, не сразу понимаю его картину. Зато я думаю: если я когда-нибудь снова поднимусь на холм, он мне больше понравится и я лучше его разгляжу. А может быть, увижу и эту линию, и эту синеву.

Г у. Может быть. Но у нас сейчас нет времени для размышлений. Позовите оружейника! Послушайте, это Пи Ён из императорского музея!

С е н. Вы бы его лучше нам дали! Это было бы надежнее.

М а Г о г (*появившись в дверях*). Я его спрячу. Только бы он не попал Гогеру в лапы. Тот его разорвет. Лучше бы мне вовремя выжгли утробу.

К ь ю н. Дело в том, что это мать канцлера...

М а Г о г. Да вы не бойтесь. Я его лишу наследства. Можете спокойно оставить картину у меня. Он думает, что он все понимает, и к тому же у него теперь такая власть. Картинам придется плохо, он ведь художник.

Ш и К а. Архитекторы тоже побаиваются.

М а Г о г. Еще бы, мой сын ведь и архитектор.

В е н. Всего спокойней было бы стать ученым.

М а Г о г. Не скажите. Он и величайший ученый.

М о С и (*показывает ей глобус*). Вы не откажетесь спрятать глобус? Может, когда-нибудь захотят знать, что земля круглая.

Э Ф е (*дергая Сена за рукав*). Дедушка, солдат!

Т у а л ы. Только бы не попасться ему на глаза с непокрытыми головами!

М а Г о г. Давайте ваш глобус. (*Берет глобус и картину, уходит в дом.*)

Все т у а л ы разбегаются, один Мо Си замешкался.

Второй телохранитель (*идет, что-то разыскивая*). Ба! Что я вижу, так сказать, невооруженным глазом? Туал! Где же твоя шляпа? Ну ладно, на этот раз не бойся. Поди-ка сюда. А ты, Кьун, дрянь паршивая, мигом испарись. (*Кивая на Сена.*) У вас в прачечной, я вижу, странные гости.

Сен. Я мирный крестьянин и сел здесь, чтобы немного поразмыслить. Мне на это требуется время.

Кьун. Не смей входить. А то матушка Гогогреет тебя по харе раскаленным утюгом. (*Кокетливо надевает новую шляпу и уходит в дом.*)

Второй телохранитель (*доверительно, к Мо Си*). Как тебя звать?

Мо Си. Я Мо Си, король отговорщиков.

Второй телохранитель. Отлично. Нам как раз это и нужно, не так чтобы очень, но все-таки... Как там у вас называется то, что вы делаете?

Мо Си. Формулировка?

Второй телохранитель. Во-во, шеф, что? Да, он женится, ну и что? Чего ты на меня уставился, а почему шефу с ней не поспать? Да, но этого он как раз не может, не получается. Что? Посмей только усмехнуться, сука, и сам останешься без причиндалов. Что? Ну, в общем, как бы ему отговориться, что ей сказать? Идем со мной, ты сам ему выложишь. Что?

Уводит Мо Си с собой. Беспорочные выходят из оружейной мастерской с большими узлами. У одного узел развязывается, из него вываливаются винтовки и сабли. Они испуганно оглядываются на Сена, но тот улыбается и кивает им. Они подхватывают выпавшее и быстро уходят.

Сен. ЭФе, я подумал и решил. Подвяжи мне башмаки. Мысли, которые здесь можно купить, смердят. В стране царит бесправие, а в школе туалетов объясняют, что так и должно быть. Правда, здесь умеют строить каменные мосты через самые широкие реки. Но по этим мостам богачи едут в сытую, ленивую жизнь, а бедняки бредут в рабство. Правда, здесь знают искусство врачевания. Но одних исцеляют, чтобы они могли и дальше творить несправедливость, а других — для того, чтобы заставлять их и дальше надрываться. Мнениями торгуют, словно рыбой, и мыслить стало считаться постыдным делом. Он думает, говорят о человеке; интересно, какую пакость он придумает? И все же мышление — это самое полезное и приятное занятие. Но во что его превратили? Правда, существует Кай Е, у меня есть его книжка. О нем мне пока известно лишь то, что дураки называют его дураком, а обманщики обманщиком. Но в тех местах, где он живет и мыслит, расстилаются широкие рисовые и хлопковые поля. И люди там не знают нужды. А если люди

довольны — значит, тот, кто о них подумал, думал хорошо. И мы, Э Фе, пойдем сейчас не домой, домой нам пока рано. Я хочу сначала сам кое-что изучить, даже если это и будет стоить мне жизни. Впрочем, хорошие вещи всегда стоят дорого.

Э Фе. Так как же, бабушка, нужно истребить туалы огнем и мечом?

Се н. Нет, с ними дело обстоит так же, как с землей. От нас зависит, что мы с нее получим — просо или сорняки. Но прежде всего нужно ее иметь.

Э Фе (*недовольно*). Так что же, значит, туалы будут всегда? Даже после того, как Кай Е устроит раздел полей?

Се н (*смеется*). Будут, но не всегда. Мы все получим большие поля, и тогда мы сами сможем учиться. А о том, как получить эти поля, написано здесь. (*Вынимает книжку и помахивает ею.*)

Оба уходят в глубь сцены. Из прачной выходит Кью н.

Кью н (*окликает их*). Стой, старик, вон где твоя родина! Ты идешь не туда.

Се н. Нет, Кьюн, я иду правильно...

Х

В СТАРОЙ МАНЬЧЖУРСКОЙ ЧАСОВНЕ

Взад-вперед, туда-сюда снуют небольшие отряды до зубов вооруженных солдат и гангстеров с наруканными повязками. Входит Министр-президент.

Министр-президент (*солдатам*). У вас есть новые донесения о дислокации повстанцев?

Капитан. Никак нет, ваше превосходительство.

Министр-президент. Разведчикам были приданы проверенные унтер-офицеры?

Капитан. Так точно, ваше превосходительство.

Министр-президент. А были ли к унтер-офицерам представлены надежные люди из тайной полиции?

Капитан. Так точно, ваше превосходительство.

Министр-президент. И все-таки донесений нет?

Капитан. Никак нет, ваше превосходительство.

Министр-президент. Я абсолютно уверен в надежности наших позиций, господин капитан.

Капитан. Так точно, ваше превосходительство.

Министр-президент уходит, вслед за ним уходят солдаты. Появляются Военный министр и Придворный туалет без шляпы.

Военный министр. Вы слышали о последнем скандале? Говорят, наш канцлер собственноручно застрелил туалета, которого он послал что-то объяснить принцессе. Туалет находился у нее два часа, и говорят, что, когда он вышел, он знал, где сидит. Ха-ха-ха!

Возвращается отряд солдат.

Повторите полученные вами инструкции.

Капитан. Названный человек должен быть арестован непосредственно перед началом церемонии.

Оба уходят, вслед за ними солдаты. Входит в пышном одеянии Гогер Гог во главе отряда гангстеров.

Гогер Гог (*первому телохранителю*). Повтори полученный тобой приказ.

Первый телохранитель. После церемонии всех арестовать.

Гогер Гог. Твой брат сегодня утром нес караул при мне. Ты с ним после этого разговаривал?

Первый телохранитель отрицательно мотает головой.

Это хорошо. Он кого-то пристрелил. Так ты распорядись, чтобы его немедленно четвертовали, понял? И пусть во время казни бьют в барабаны, чтобы не было слышно, что он говорит.

Первый телохранитель. Так точно, шеф.

Гогер Гог (*берет кинжал у своего приспешника и прячет в рукав*). Он мне понадобится. В этом дворце на каждом шагу коварство и предательство. И вот еще что: сразу после венчания возьми маньчжурскую шинель и накинь мне на плечи. Тогда никто не осмелится меня и пальцем тронуть. А этого прохвоста императора я проучу, чтоб знал, шкура, как мною при опасности амбразуры затыкать, а сам — собрал манатки, и след простыл.

Входит Император с Военным министром, Министром-президентом, в сопровождении капитана и его солдат.

Император. Любезный Гог, я немного задержался. Мне нужно было срочно скрепить своей подписью несколько чрезвычайных рескриптов, как того требует сложившаяся обстановка.

Гогер Гог. Прошу эти рескрипты представить мне на визу.

Император. Как?.. Ах, на визу, да-да, конечно... А вот и юная невеста.

Входит Турандот в сопровождении Придворного туалала и своих служанок. Поклоны.

Турандот. Папа, я познакомилась с очень милым человеком и хочу выйти за него замуж. Я имею в виду не того вчерашнего туалала из чайного домика. Тот тоже был умен, и я очень-очень обижена на тебя, Гогер, за то, что ты с ним сделал. Правда, у тебя были свои причины для такого нелюбезного поведения. Но я говорю не о нем, а об офицере, который мне объяснил план обороны дворца. Я считаю, что положение очень серьезное и действовать надо безотлагательно. Так можно мне выйти за него замуж?

Император. Нет.

Турандот. Что значит "нет"? Речь идет не о мимолетной влюбленности, а о серьезном чувстве. Нам сейчас требуется жесткая оборона — ни шагу назад. Он будет тебе очень подходящим зятем, он отлично разбирается в лошадях.

Входит Офицер, хочет что-то сообщить Военному министру, тот отмахивается от него, так как слушает Турандот.

А войско без конницы, папа...

Император. Я не могу оборонять дворец верхом. Мы переходим к венчальной церемонии.

Офицер уходит.

Турандот. Папа, это безжалостно с твоей стороны. И ты, Гогер, должен меня понять. В первый момент, может, тебе будет больно, но жизнь идет, и ты со временем излечишься от своего фронтowego увечья. Сделай мне одолжение, не упрямысь. Так можно, папа?

Император (*грубо*). Я же тебе сказал — нет. (*Гогер Гогу.*) Конечно, если вы пожелаете отказаться...

Гогер Гог. Ваше императорское величество, ваше высочество! В этот исторический час мы, глубоко взволнованные, стоим перед склепом первого маньчжурского императора. Я — простой человек. Высокопарные выражения мне чужды. Но ваше величество почтило меня, сына народа, поручением защищать трон. Ее императорское высочество подарило мне свое сердце. Мне было бы не к лицу не оправдать столь высокого доверия в такое тяжелое время, когда нет ничего более святого, чем до-

верие. Когда вашего величества блаженной памяти брат в злощастном ослеплении поставил на карту честь августейшей семьи, я тотчас же железной рукой обеспечил порядок на соответствующих складах и единственным в своем роде способом вернул государю доверие его народа.

О ф и ц е р с повязкой на голове ищет Военного министра.

О ф и ц е р. Кай Е... у Тибетских ворот...

Г о г е р Г о г (*нервно продолжает*). Я перехожу непосредственно к событиям последней недели. Дело было не только в хлопке, как думали некоторые. Известные личности, которые с утра до вечера болтали о хлопке, стремясь тем самым подорвать доверие народа, подверглись заслуженной каре.

По знаку Военного министра с о л д а т ы уходят.

Лишь благодаря моему энергичному вмешательству император и народ, единые как никогда...

Т у р а н д о т. Папа, я не согласна. Ни за что...

И м п е р а т о р. Спокойствие! Господин Гог, донесение чрезвычайного характера заставляет нас признать уместным ускорить церемонию или перенести ее на более позднее время.

Г о г е р Г о г. Это исключается. Я беру на себя охрану вашей августейшей особы, равно как и вашего императорского высочества.

И м п е р а т о р. Господин военный министр...

В о е н н ы й м и н и с т р. Господа, обстановка резко ухудшилась. (*Императору.*) Я отдал приказ дворцовой страже занять позиции у ворот.

И м п е р а т о р (*в то время как гангстеры Гогер Гога становятся у дверей*). Что? Вы отослали солдат? Вы отдали приказ....

Г о г е р Г о г. Ключи на бочку! Где привратник часовни?

П е р в ы й т е л о х р а н и т е л ь. Он, стало быть, дал деру. (*Дергает дверь часовни. Она открывается.*) Не заперто!

Снаружи крики. Видно помещение часовни. Шинель маньчжурского императора пропала.

Измена! Где шинель?

И м п е р а т о р. Ее отрезали!

М и н и с т р - п р е з и д е н т. Привратник исчез. Он ее украл.

Г о г е р Г о г. Господа, приступаем к венчанию. К счастью, это маленькое происшествие не может иметь никакого значения.

Т у р а н д о т. Ему, видимо, было холодно, папа.

И м п е р а т о р. Но шинель же была никудышная, латаная-перелатаная.

Г о г е р Г о г. Теперь, когда вы припрятали хлопок, и никудышных днем с огнем не найдешь. Приступаем к венчанию, господа.

Слышится барабанная дробь. Турандот пронзительно вскрикивает.

И м п е р а т о р. Я ни в чем не виноват! Это все Яу Ель.

Ликование огромной толпы.

С о л д а т. Это сделали вы все, и всем вам конец!

Конец

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Сцена должна быстро преобразаться, причем эпизоды на улице и во дворе императорского дворца могут исполняться перед маленьким занавесом. Декорации должны быть легкими и заключать в себе лишь поэтические и реалистические намеки.

"Конгресс обелителей" лучше всего играть без занавеса, на вращающейся сцене, так, чтобы она была обращена к залу то вестибюлем, то кулуарами.

Туалы носят маленькие шляпы, напоминающие тибетские или шляпы европейского духовенства. Шляпы различаются, в зависимости от ранга туалы, степенью роскоши и цветом.

Костюмы могут быть смешанными на условно китайской основе.

Играть нужно в быстром темпе.

РАСКРЫШ

АУГСБУРГСКИЙ МЕЛОВОЙ КРУГ

Во время Тридцатилетней войны некий швейцарский протестант по имени Цингли владел в вольном имперском городе Аугсбурге на Лехе большой кожемятней и кожевенной лавкой. Он был женат на уроженке этого города, и у них родился ребенок. Когда к Аугсбургу подошли католики, друзья посоветовали ему немедленно бежать, но то ли он не хотел разлучаться со своей маленькой семьей, то ли боялся бросить на произвол судьбы свою кожемятню, только он своевременно не уехал. И вот случилось, что он был еще в городе, когда нагрянули католические войска. Вечером, как только начались грабежи, Цингли спрятался у себя во дворе, в яме, где хранились краски. Его жена с ребенком должна была перебраться к родственникам в предместье, но она до тех пор собирала свои вещи — платья, украшения и постели, — пока не увидела вдруг в окно второго этажа императорских солдат, ворвавшихся во двор. Вне себя от страха, она бросила все как было и убежала из дому черным ходом.

А ребенок остался в доме. Он лежал в колыбели, стоявшей в большой комнате, и играл деревянным шаром, который свисал на шнуре с потолка.

В доме оставалась только молодая служанка. Она возилась в кухне с медной посудой и вдруг услышала шум на улице. Кинувшись к окну, она увидела, как солдаты, забравшиеся в дом напротив, выбрасывали на улицу из окон второго этажа награбленное добро. Она побежала в комнату и только хотела взять ребенка из колыбели, как услышала тяжелые удары в дубовую входную дверь. В великом страхе бросилась она вверх по лестнице.

Комната наполнилась пьяными солдатами. Они знали, что это дом протестанта, и перерыли и разграбили все до основания; Анне только чудом удалось спрятаться от них.

Но вот вся эта орава ушла, и Анна, выйдя из шкафа, где она простояла все время, спустилась к ребенку, который тоже остался невредим. Она схватила его и прокралась во двор. Между тем настала ночь, но багровое зарево горевшего поблизости дома освещало двор, и она с ужасом увидела изувеченный труп своего хозяина. Солдаты вытащили его из ямы и убили.

Лишь теперь стало ясно служанке, какая опасность ей грозит, если ее схватят на улице с ребенком протестанта. С тяжелым сердцем положила она его обратно в колыбель, напоила молоком, укачала и отправилась в ту часть города, где жила ее замужняя сестра.

Было уже около десяти часов вечера, когда она в сопровождении зятя пробиралась сквозь толпы пирующих победителей, чтобы разыскать в предместье фрау Цингли — мать ребенка.

Анна постучала в дверь большого дома. После долгого ожидания дверь слегка приоткрылась, и маленький старичок, дядя фрау Цингли, высунул голову наружу. Анна, задыхаясь, сообщила ему, что господин Цингли убит, но ребенок невредим и остался в доме. Старик посмотрел на нее холодными рыбьими глазами и сказал, что племянницы его здесь нет, а сам он не желает связываться с протестантским отродьем. Сказав это, он снова захлопнул дверь. Когда они уходили, зять Анны заметил, как на одном окне шевельнулась занавеска, и догадался, что фрау Цингли там. Видно, она не постыдилась отречься от своего ребенка.

Некоторое время Анна и ее зять шли молча. Наконец Анна сказала, что хочет вернуться в кожемятню и забрать ребенка. Зять, спокойный, степенный человек, пришел в ужас и пытался отговорить ее от опасной затеи. Какое ей дело до этих людей? Ведь они даже не обращались с ней по-человечески.

Анна молча выслушала его и обещала быть благоразумной. Но все же ей хотелось бы на минуточку заглянуть в кожемятню, посмотреть, не нужно ли чего ребенку. Она предпочла бы пойти одна.

И она сумела настоять на своем.

Посреди разоренной горницы ребенок спокойно спал в колыбели. Анна устало опустилась рядом и долго смотрела на него. Она не посмела зажечь свет, но дом поблизости все еще горел, и при этом свете она хорошо видела ребенка. На шейке у него было небольшое родимое пятнышко.

После того как служанка некоторое время, может быть час, смотрела, как дитя дышит, как сосет свой крошечный кулачок, она поняла, что слишком долго сидела и слишком много видела, чтобы уйти без ребенка. Она тяжело поднялась, медленно завернула его в льняное покрывало, взяла на руки и,

робко оглядываясь, будто у нее совесть нечиста, как воровка, покинула с ним дом.

Спустя две недели, после долгих обсуждений с сестрой и зятем, она увезла ребенка в деревню Гроссайтинген, где крестьянствовал ее старший брат. Все хозяйство принадлежало его жене, он был взят в дом. Было решено, что Анна только брату откроет, откуда этот ребенок; никто в семье еще в глаза не видел молодую хозяйку, кто знает, как она примет такого опасного маленького гостя.

Анна пришла в деревню около полудня. Брат, его жена и работники как раз обедали. Приняли Анну неплохо, но достаточно было ей взглянуть на новую невестку, как она сразу же решила выдать ребенка за своего. И только когда она рассказала, что ее муж работает на мельнице в одной дальней деревне и ждет ее с малышом через неделю-другую, крестьянка оттаяла и стала, как и подобает, восхищаться ребенком.

После обеда Анна пошла с братом в рощу за хворостом. Они присели на пенек, и она рассказала брату всю правду. Она заметила, что это пришлось ему не очень-то по душе. Его положение в доме не было еще достаточно прочным, и он похвалил Анну за то, что она ничего не сказала невестке. Видно было, что он не ждет от своей молодой жены особого великодушия по отношению к ребенку протестанта. Он дал сестре совет и впредь от нее таиться.

Однако долго держать такое в секрете было непросто.

Анна работала в поле, но каждую свободную минуту, пока остальные отдыхали, убегала к "своему" ребенку. Малыш рос и поправлялся. Он радовался, завидев Анну, и подымал головку на крепенькой шейке. Но потом пришла зима, и невестка снова начала осведомляться о муже Анны.

В сущности, Анна могла бы остаться в усадьбе, где для нее всегда нашлось бы дело. Но плохо было то, что соседи не переставали дивиться отцу, который так ни разу и не приехал проведать сынишку. Если она не покажет людям отца ребенка, обо всей семье пойдут пересуды.

В одно воскресное утро крестьянин запряг лошадей и, громко кликнув Анну, позвал ее съездить с ним в соседнюю деревню — купить теленка. Покуда они тряслись в телеге, он сообщил ей, что искал и нашел для нее мужа. Это был тяжелобольной крестьянин, бедняк, такой изможденный, что он едва мог поднять голову с засаленной подушки, когда гости вошли в его низкую хижину.

Он сожалелся взять Анну в жены. У изголовья постели стояла желтолицая старуха — его мать. Она должна была получить деньги за услугу.

Дело было слажено в десять минут, и Анне с братом можно было ехать дальше — за теленком.

В конце недели их обвенчали. Пока священник бормотал слова обряда, больной ни разу не повернул к Анне остекленелых глаз. Ее брат ждал, что со дня на день должно прийти свидетельство о смерти. Тогда можно будет объявить, что муж Анны и отец ребенка умер в пути, в деревушке под Аутсбургом, и никто не удивится, если вдова останется в доме у брата.

Счастливая возвратилась Анна со своей странной свадьбы, на которой не было ни колокольного звона, ни духового оркестра, ни подружек, ни гостей. Вместо свадебного угощения она подкрепилась в кладовке куском хлеба с салом и подошла вместе с братом к корзине, где лежал ребенок, у которого теперь было имя. Она поправила его простынку и улыбнулась брату.

Однако свидетельство о смерти заставляло себя ждать.

Ни на следующей неделе, ни неделю спустя известие от старухи не пришло. Анна уже рассказала всем, что ждет на днях мужа. Теперь, если ее спрашивали, где же он, она отвечала, что, видно, глубокий снег задержал его в пути. Так прошло три недели, и наконец встревоженный брат поехал в деревушку под Аутсбургом.

Он вернулся поздно ночью. Анна еще не спала и, услышав скрип телеги во дворе, бросилась к двери. Она смотрела, как брат, не торопясь, распрягает лошадей, и сердце у нее сжалось.

Он привез плохие вести. Войдя в хижину боббля, он увидел, что приговоренный к смерти сидит за столом в одной рубахе и уписывает за обе щеки ужин. Он был совершенно здоров.

Рассказывая дальше, крестьянин избегал смотреть Анне в глаза. Боббль — кстати, его звали Оттерер — и его мать были, казалось, не меньше его изумлены оборотом дела и еще не решились, что делать дальше. Оттерер произвел на гостя довольно приятное впечатление. Он говорил мало, но, когда его мать начала было жаловаться, что теперь у него на шее нежеланная жена и чужой ребенок, он велел ей замолчать. Во время беседы он продолжал задумчиво есть свой сыр, и, когда крестьянин уходил, он все еще ел.

В последующие дни Анна места себе не находила от огорчения. Отрываясь от домашней работы, она учила мальчика ходить. Когда он выпускал прялку и с вытянутыми вперед ручонками ковылял к ней, она, подавляя беззвучное рыданье, подхватывала его и крепко прижимала к себе.

Как-то раз она спросила брата: "А что он за человек?" Она видела его только на смертном одре, да и то вечером, при слабом свете свечи. Теперь она узнала, что ее муж — вымотанный работой пятидесятилетний человек, словом, боббль бобблем.

Скоро она его увидела.

Какой-то разносчик весьма таинственно сообщил ей, что "один известный ей человек" просит ее в такой-то день и час прийти в такую-то деревню, туда, где пешеходная дорога сво-

рочивает на Ландсберг. Так встретились супруги между своими селениями, подобно древним полководцам, которые сходятся между своими полками, на открытой равнине, занесенной снегом.

Муж Анне не понравился. У него были мелкие темные зубы, он окинул Анну взглядом с головы до ног, хотя она была закутана в овчинную шубу и не очень-то много можно было увидеть, и заговорил о "таинстве брака". Она коротко ответила ему, что должна подумать, а он тем временем пусть передаст ей через какого-нибудь торговца или мясника, кто ни пойдет через Гроссайтинген, и по возможности в присутствии ее невестки, что теперь он скоро приедет и только прихворнул по дороге.

Оттерер вяло, как и все, что он делал, кивнул ей. Он был выше ее на голову и, разговаривая, смотрел в одну точку на ее шее, и это сильно раздражало Анну.

Но известие не приходило, и Анна уже подумывала о том, чтобы просто уйти с ребенком со двора и поискать места где-нибудь дальше к югу, в Кемптене или Зонтхофене. Если бы не то, что на дорогах пошаливали, о чем тогда много говорили, да не середина зимы, она непременно ушла бы.

Жить в усадьбе становилось все труднее. Невестка за обедом в присутствии всех работников задавала ей испытующие вопросы о ее муже. Когда она однажды, глядя на ребенка с притворным сочувствием, громко сказала "бедный крошка", Анна решила уйти.

Но тут ребенок заболел.

Беспокойно лежал он в колыбели, весь горячий как огонь, с печальными глазками, и Анна бодрствовала над ним все ночи, переходя от отчаяния к надежде. Когда же дело наконец пошло на поправку и он снова стал улыбаться, как-то среди дня в дверь постучали — и вошел Оттерер.

Хорошо еще, что в горнице никого не было, кроме Анны и ребенка, не то ей нужно было бы притворяться, а при ее состоянии это вряд ли бы ей удалось. Они долго стояли молча, затем Оттерер сообщил, что он со своей стороны все обдумал и приехал за ней. Он снова упомянул о таинстве брака.

Анна рассердилась. Твердым, хотя и приглушенным голосом сказала она мужу, что и не думает жить с ним; она вступила в этот брак только ради сына, и ничего ей не надо, только чтобы он дал имя ей и ребенку.

Когда она заговорила о ребенке, Оттерер взглянул в ту сторону, где он лежал в своей корзине и лепетал, но не подошел к нему. Это еще больше настроило Анну против Оттерера.

Он промышал что-то невразумительное: пусть она снова все обдумает, а ему-де приходится не сладко. Мать его может спать на кухне... Тут вошла хозяйка, она с любопытством поздоровалась с Оттерером и позвала его обедать. Уже сев за стол, он небрежно кивнул хозяину, не делая вида, будто не знаком, но и

не выдавая, что знает его. На вопросы хозяйки он отвечал односложно, не поднимая глаз от тарелки. Он нашел место в Меринге, и Анна может переехать к нему. Однако он не сказал, что это должно быть сейчас же.

Пообедав, Оттерер уклонился от разговора с хозяином и пошел колоть дрова за домом, чего никто от него не требовал. После ужина, за которым он опять молчал, хозяйка сама принесла в каморку Анны перину, чтобы он мог переночевать, но он неуклюже поднялся и пробормотал, что сегодня же вечером должен отправиться обратно. Прежде чем уйти, он рассеянно взглянул на корзину с ребенком, но ничего не сказал и не дотронулся до него.

Ночью Анна заболела, у нее началась лихорадка, которая продолжалась несколько недель. Она лежала, безучастная, в постели и только иногда по утрам, когда жар немного отпускал ее, ползком добиралась до корзины и подтыкала ребенку одеяльце.

На четвертой неделе ее болезни во двор въехал Оттерер на телеге и увез ее и ребенка. Анна покорно приняла все это.

Очень медленно к ней стали возвращаться силы; да при жиденьких похлебках, какие варили в хижине бобыля, это было и неудивительно. Но как-то утром она увидела, в какой грязи содержится ребенок, и решительно встала.

Малыш встретил ее своей милой улыбкой, которую, по словам ее брата, унаследовал от нее. Он очень вырос и с невероятным проворством ползал по каморке, хлопал в ладоши и, падая носом, только слегка вскрикивал. Она выкупала его в деревянном корыте и вновь обрела привычную уверенность.

Прошло несколько дней, и ей стало невозможно быть с Оттерером в его убогой хижине. Она завернула малыша в одеяло, взяла немного хлеба с сыром и убежала.

Она хотела добраться до Зонтхофена, но не далеко ушла. Ноги у нее подкашивались от слабости, а на дороге лежал талый снег. К тому же война озлобила народ в деревнях, люди стали скупыми и недоверчивыми. На третий день своих странствий она провалилась в канаву и вывихнула себе ногу. Много часов пролежала так Анна, трепеща за ребенка, пока наконец ее не отнесли в какой-то двор, где ей пришлось валяться в хлеву. Малыш ползал под ногами у коров и только смеялся, когда она то и дело вскрикивала от страха за него. В конце концов ей пришлось назвать людям в усадьбе имя своего мужа, и он снова отвез ее в Меринг.

С тех пор Анна не делала больше попыток бежать и покорила судьбе. Она упорно работала. Трудно было выколотить что-нибудь из этого крохотного поля и кое-как сводить концы с концами. Однако муж не обижал ее, и ребенок был сыт. И брат нет-нет да и навещал их и привозил какие-нибудь гостин-

цы, а однажды она даже решила отдать покрасить платьице малыша в красный цвет. Красный цвет пристанет сыну красильщика, подумала она.

Со временем Анна примирилась со своим положением, тем более что воспитание ребенка доставляло ей немало радости. Так прошло несколько лет.

Как-то раз она пошла в деревню за патокой и, вернувшись, не нашла ребенка в хижине; муж рассказал ей, что какая-то разодетая женщина приехала в карете и увезла его. В ужасе Анна прислонилась к стене и в тот же вечер отправилась в Аугсбург, захватив в дорогу лишь узелок с едой.

В вольном городе она первым делом бросилась в кожемятню. Ее не пустили, ребенка она не увидела. Напрасно сестра и зять утешали ее. Анна побежала к властям, крича вне себя, что у нее украли сына. Она не постеснялась намекнуть, что мальчишка украли протестанты. В ответ она услышала, что сейчас другие времена, между католиками и протестантами заключен мир. Ничего бы ей не добиться, если бы не одно счастливое обстоятельство. Ее дело попало к знаменитому судье, поистине необыкновенному человеку.

Судья Игнац Доллингер славился на всю Швабию своим грубым обхождением и своей ученостью; курфюрст баварский, чья тяжба о правах с вольным имперским городом попала на решение к Доллингеру, прозвал его "ученый золотарь", но зато простой народ воспел его в длинной балладе.

Анна предстала перед ним в сопровождении сестры и зятя. В тесной голый каморке, окруженный кипами пергаментов, сидел коротенький, но очень толстый старик. Он не стал ее долго слушать. Записав что-то на листке, он проворчал: "Стань-ка воң там, да только поживее!" — и указал своей пухлой ручкой на то место комнаты, куда сквозь узкое окно падал свет. Несколько минут он вглядывался в ее лицо, затем вздохнул и кивком отослал ее прочь.

На следующий день он прислал за ней судебного служителя и, только она показалась на пороге, накинулся на нее:

— Ты почему не сказала, что дело идет о кожемятне и богатой усадьбе?

Запинаясь, Анна ответила, что для нее дело только в ребенке.

— Не воображай, что можешь зацапать кожемятню, — прокричал судья. — Если этот ублюдок и впрямь твой, все владение отойдет родственникам Цингли.

Анна, не глядя на судью, кивнула. Потом она сказала:

— Ему не нужна кожемятня!

— Он твой или не твой? — заорал судья.

— Мой, — ответила она тихо. — Хоть бы он побыл со мной, пока не выучит все слова! А он знает только семь.

Судья сердито крикнул и стал приводить в порядок документы на столе. Затем сказал спокойнее, но все еще сердито:

— Ты держишься за этого сопляка, но и та коза в пяти шелковых юбках держится за него. А ребенку нужна настоящая мать.

— Да, — сказала Анна и взглянула на судью.

— Убирайся, — проворчал он. — Суд в субботу.

В ту субботу на главной улице и на площади перед ратушей у Перлахской башни было черным-черно от народа: всем хотелось присутствовать на процессе. Удивительный случай вызвал много шума, в домах и харчевнях люди спорили о том, кто настоящая мать, а кто самозванка.

К тому же старый Доллингер был широко известен своими процессами, которые он проводил в народном духе, пересыпая свою речь солеными шутками и мудрыми притчами. Его разбирательства привлекали народ больше, чем ярмарочные гулянья и престольные праздники. Неудивительно, что перед ратушей толпились не только местные жители, но и немало крестьян из окрестностей. Пятница была базарным днем, и в ожидании суда они заночевали в городе.

Зал, где Доллингер творил суд, назывался Золотым залом. Это был единственный на всю Германию зал такой величины без колонн: потолок был подвешен на цепях к коньку крыши.

Перед высокой кованой дверью в одной из длинных стен сидел судья Доллингер — маленькая круглая гора. Простой канат отделял его от публики, он сидел на ровном полу, и даже стола перед ним не было. Уже много лет, как судья распорядился об этом: он придавал большое значение внешней стороне дела.

В огороженном канатом пространстве разместились фрау Цингли со своим дядей и двое приехавших из Швейцарии родственников покойного Цингли — степенные, хорошо одетые люди, судя по всему, преуспевающие купцы, и Анна Оттерер с сестрой. Рядом с фрау Цингли стояла нянька с ребенком.

Все — и стороны, и свидетели — стояли. Судья Доллингер имел обыкновение говорить, что слушание дела проходит быстрее, когда все на ногах. Возможно, однако, он заставлял их стоять, чтобы прятаться за ними от публики, так что его можно было увидеть, лишь поднявшись на цыпочки и вытянув шею.

Не успели еще приступить к делу, как произошло легкое замешательство. Когда Анна увидела ребенка, она вскрикнула и выбежала вперед, а он потянулся к ней, забился на руках у няньки и заорал благим матом. Судья велел вынести его из зала.

Затем он вызвал фрау Цингли.

Шелестя юбками, она вышла вперед и начала рассказывать, поминутно прикладывая платочек к глазам, как императорские солдаты отняли у нее ребенка. Той же ночью эта ее служанка явилась в дом к ее дяде и, рассчитывая, видимо, что ей запла-

тят, сообщила, будто ребенок еще в доме. Однако посланная в кожемятню кухарка не нашла ребенка; надо думать, что эта особа (тут фрау Цингли указала на Анну) завладела им, чтобы потом вымогать у них деньги. И она, конечно, рано или поздно занялась бы этим, если бы у нее не отобрали ребенка.

Судья Доллингер вызвал обоих родственников умершего и спросил, справлялись ли они в свое время о Цингли и что сообщила им его жена. Оба показали, что фрау Цингли уведомила их, что муж ее убит, а ребенок в надежных руках у ее доверенной служанки. Они говорили о фрау Цингли с большой неприязнью, что, впрочем, было неудивительно: проиграй она дело, имущество покойного должно было перейти к ним.

Выслушав свидетелей, судья снова обратился к вдове и пожелал узнать, не потеряла ли она голову тогда, при появлении солдат, и не бросила ли ребенка на произвол судьбы.

Фрау Цингли изумленно вскинула на него свои блекло-голубые глаза и сказала обиженно, что нет, она не бросила ребенка на произвол судьбы.

Судья Доллингер сердито крикнул, а затем поинтересовался, считает ли она, что ни одна мать не способна бросить своего ребенка на произвол судьбы.

Да, она так считает, сказала фрау Цингли твердо.

Не считает ли она в таком случае, продолжал судья, что мать, которая это все же сделает, заслуживает, чтобы ее отстегали по заднице, независимо от того, сколько придется задрать юбок.

Фрау Цингли ничего не ответила, и судья вызвал бывшую служанку Анну. Та быстро вышла вперед и тихим голосом повторила все, что уже показывала на предварительном следствии. При этом она все время прислушивалась к чему-то и то и дело поглядывала на большую дверь, в которую унесли ребенка, словно боялась, что он еще кричит. Она сказала, что хотя и приходила той ночью к дяде фрау Цингли, но потом не вернулась в кожемятню из страха перед солдатами, а также потому, что тревожилась о своем внебрачном ребенке, который воспитывался у добрых людей в соседнем местечке Лехгаузене.

Тут старый Доллингер бесцеремонно прервал ее. Он очень рад слышать, прорычал он, что хотя бы одно существо в городе чувствовало в тот день нечто вроде страха, ибо не боится лишь тот, кто окончательно потерял рассудок. Конечно, нехорошо со стороны свидетельницы, что она позаботилась только о своем ребенке, но, с другой стороны, как говорится, родная кровь не водица и плоха та мать, которая не украдет для своего дитяти; однако красть строго запрещено законом, ибо как ни верти, а собственность есть собственность, и кто вор, тот и обманщик, а обманывать тоже запрещено законом. А затем он пустился в одно из своих мудрых и забористых рассуждений, порицая бесстыдство людей, которые позволяют себе водить судью за нос,

и, после небольшого отступления насчет крестьян, которые разбавляют молоко ни в чем не повинных коров, и городского магистрата, который взимает на рынке слишком большой налог с крестьян, что уж и вовсе не имело отношения к процессу, он довел до общего сведения, что допрос свидетелей окончен, а суду по-прежнему ничего не ясно.

Затем он выдержал большую паузу, проявляя все признаки нерешительности и оглядываясь по сторонам, словно в надежде, что кто-нибудь скажет ему, как довести дело до конца.

Люди ошеломленно переглядывались, некоторые вытягивали шею, чтобы взглянуть на растерявшегося судью. Но в зале было очень тихо, и только с улицы доносился шум толпы.

Наконец судья со вздохом начал снова:

— Так мы и не установили, кто настоящая мать. Поистине, жаль мальчишку. Как часто приходится слышать, что иной отец прячется в кусты и не хочет быть папашей, негодяй этакий, а тут сразу объявились две матери. Суд слушал их больше, чем они заслуживают, а именно битых пять минут каждую, и суд пришел к заключению, что обе врут как по писаному. Однако, как уже сказано, не мешает подумать о ребенке, который должен иметь мать. А посему, не довольствуясь пустой болтовней, надо твердо установить, кто настоящая мать ребенка.

И он сердито позвал судебного служителя и велел принести кусок мела.

Служитель пошел и принес кусок мела.

— Нарисуй мелом на полу круг, в котором могут стать трое, — велел судья.

Судебный пристав стал на колени и начертил мелом такой круг.

— А теперь принеси ребенка, — приказал судья.

Ребенка внесли в зал. Он снова заплакал и стал тянуться к Анне. Старый Доллингер, не обращая внимания на рев, продолжал свою речь, лишь несколько повысив голос.

— О подобном испытании, — сказал он, — я прочел в одной старой книге, и оно как раз подходит. В основе его лежит мысль, что настоящая мать узнается по ее любви к ребенку. Значит, надо подвергнуть испытанию силу этой любви. Судебный служитель, поставь ребенка в начертанный круг.

Судебный служитель взял орущего ребенка из рук няньки и поставил в круг. Обращаясь к фрау Цингли и к Анне, судья продолжал:

— Станьте и вы туда же и возьмите каждая мальчишку за руку, а когда я скажу "пора", постарайтесь вырвать его за руку из круга. Та, что больше любит, будет тянуть с большей силой и перетянет ребенка к себе...

В зале началось волнение. Зрители становились на цыпочки, задние ругали передних.

Как только обе женщины вошли в круг и каждая взяла ребенка за руку, сделалась мертвая тишина. Ребенок тоже умолк, как будто чувствовал, что решается его судьба. Его заплаканное личико было все время обращено к Анне. Судья скомандовал: "Пора!"

Одним сильным движением фрау Цингли вырвала малыша из мелового круга. Растерянно и словно глазам своим не веря, смотрела Анна ему вслед. Боясь, как бы не сделать ребенку больно, когда его станут тянуть в разные стороны, она тотчас же выпустила ручку.

Старый Доллингер поднялся.

— Итак, теперь мы знаем, — объявил он, — кто настоящая мать. Заберите ребенка у этой бесстыжей. Она с легким сердцем разорвала бы его на части.

И он кивнул Анне и, быстро выйдя из зала, отправился завтракать.

И потом еще не одну неделю окрестные крестьяне — а это был все народ бывалый — рассказывали друг другу, что судья, присудив ребенка женщине из Меринга, подмигнуул залу.

ОПЫТ

Конец официальной карьеры великого Фрэнсиса Бэкона напоминает наглядную иллюстрацию к лживому изречению: "Злом добра не наживешь". Верховный судья государства, он был уличен во взяточничестве и заключен в тюрьму. Годы его лорд-канцлерства, ознаменованные казнями, раздачей пагубных монополий, противозаконными арестами, вынесением лицеpriятных приговоров, относятся к самым темным и позорным страницам английской истории. Когда же он был изобличен в этих злодеяниях и во всем сознался, его всемирная известность гуманиста и философа способствовала тому, что молва об этом распространилась далеко за пределы государства.

Немощным стариком вернулся Бэкон из тюрьмы в свое имение. Здоровье его было расшатано постоянным напряжением, в котором он жил, вечно занятый интригами против других и страдая от интриг, которые вели против него эти другие... Но, едва приехав домой, он энергично занялся изучением естественных наук. Восторжествовать над людьми ему не удалось. И теперь он посвятил оставшиеся силы исследованию того, как человечеству наилучшим образом восторжествовать над силами природы.

Его занятия, обычно посвященные предметам насущно полезным, снова и снова уводили его из кабинета в поля, сады и конюшни имения. Часами беседовал он с садовниками о том,

как облагородить фруктовые деревья, или давал указания работницам, как измерять удои каждой коровы. Как-то раз он обратил внимание на мальчика, состоявшего при лошадях. Занемогла дорогая лошадь, паренек дважды в день являлся к философу с докладом о ее здоровье. Его рвение и наблюдательность приводили старика в восторг.

Однажды вечером, заглянув в конюшню, он увидел подле мальчика старую женщину и услышал, как она говорила:

— Он дурной человек, не верь ему. Хоть он и важный барин, и денег у него куры не клюют, а все-таки он дурной человек. Он дает тебе работу и хлеб, делай свое дело добросовестно, но помни: человек он нехороший.

Философ не слышал ответа: он быстро повернулся и ушел. Но на следующее утро он не обнаружил в мальчике никакой перемены.

Когда лошадь поправилась, он стал брать его с собой на прогулку и давал ему небольшие поручения. Постепенно он все больше привыкал обсуждать с ним свои опыты. При этом отнюдь не выбирал слов, которые, как думают взрослые, доступны пониманию ребенка, а говорил с ним, словно с образованным человеком. Всю жизнь Бэкон общался с величайшими умами, но его редко понимали — и не потому, что он говорил неясно, а потому, что говорил слишком ясно. И теперь он не старался снизить до понимания ребенка и только терпеливо поправлял его, когда тот в свою очередь пытался употребить слова, ему чуждые.

Мальчик должен был упражняться в описании предметов, какие он видел, и опытов, в которых он принимал участие. Философ разъяснял ему, как много есть всяких слов и сколько их нужно для описания свойств предмета, чтобы его можно было хотя бы отчасти узнать, а главное, понять, как с ним обращаться. Были и такие слова, к которым прибегать не стоило, потому что они ничего не означают по существу. Это слова вроде "хороший", "дурной", "красивый" и так далее.

Мальчик скоро усвоил, что нет смысла называть жука "уродливым" и даже сказать о нем "быстрый" — тоже недостаточно. Нужно еще установить, как быстро жук передвигается по сравнению с другими подобными тварями и за счет чего. Нужно было, посадив жука на наклонную плоскость, а потом на горизонтальную и производя шум, заставить его побежать — или положить перед ним кусочки приманки, чтобы он устремился за ними. Стоило заняться жуком подольше, и он "быстро" терял свою уродливость. Однажды мальчику пришлось описывать кусок хлеба — он держал его в руке при встрече с философом.

— Вот где ты спокойно можешь употребить слово "хороший", — сказал старик. — Хлеб делается человеком для еды и, следовательно, может быть для него хорош или плох. Другое дело — более сложные вещи, созданные природой не на по-

требу человека, о назначении которых ему трудно судить, — тут было бы глупо довольствоваться подобными словами.

Мальчик вспомнил суждение своей бабушки о милорде.

Он быстро все схватывал, потому что схватывать приходилось всегда то, что было вполне ощутимо, что можно было схватить рукой. Лошадь выздоровела благодаря примененным средствам, а дерево из-за примененных средств погибло. Он понял также, что всегда следует оставлять место разумному сомнению — действительно ли причиной изменений послужили средства, которые были применены. Мальчик едва ли понимал, какое значение для науки имеет образ мышления великого Бэкона, но явная полезность всех этих начинаний воодушевляла его.

Он понимал философа так: в мире наступило новое время. Человечество с каждым днем увеличивает свои познания. Эти познания необходимы для счастья и благополучия людей на земле. Во главе всего стоит наука. Наука исследует вселенную и все, что есть на земле: растения, животных, почву, воду, воздух, — чтобы все служило человеку. Важно не во что мы верим, а что мы знаем. Люди слишком многому верят и слишком мало знают. Поэтому должно все испробовать самому, ощупать собственными руками и говорить только о том, что сам видел и что может принести какую-то пользу.

Это было новое учение. И все больше людей обращались к нему и, воодушевленные им, готовы были предпринять новые изыскания.

Книги играли тут большую роль, хотя немало было и плохих книг. Мальчику стало ясно, что он должен найти путь к книгам, если он хочет стать одним из тех, кто причастен к этим новым изысканиям.

Разумеется, он никогда не бывал в библиотеке замка. Ему приходилось дожидаться милорда у конюшни. Самое большее, на что он осмеливался, если старый господин не приходил несколько дней кряду, — это попасться ему на глаза, когда тот гулял в парке. Тем не менее его любопытство к кабинету ученого, где по ночам так долго горел свет, все росло. Взобравшись на изгородь, он мог видеть за его окнами книжные полки.

Он решил научиться читать.

Это было, однако, совсем не просто. Священник, к которому он пришел со своей просьбой, поглядел на него, как глядят на заблуждающегося на скатерть паука.

— Уж не хочешь ли ты читать евангелие господина нашего короля? — недовольно спросил он мальчика. Хорошо еще, что дело обошлось без затрещин.

Значит, надо было искать других путей.

В ризнице деревенской церкви лежал требник. Проникнуть туда можно было, вызвавшись звонить в колокол. Хорошо бы узнать, какое место в книге поет священник, может, тогда

ему откроется связь между словами и буквами? На всякий случай мальчик старался выучить наизусть латинские слова, которые курат пел во время мессы, — хотя бы некоторые из них. Но священник выговаривал слова очень неясно, да и не часто служил мессу.

И все же спустя некоторое время мальчик был уже в состоянии спеть несколько вступительных фраз мессы. Старший конюх, накрыв его позади сарая за этим занятием и решив, что мальчик передразнивает священника, отколотил его. Так что без затрещин не обошлось.

Мальчику все еще не удалось найти в требнике слова, которые пел священник, когда разразилась беда, сразу же положившая конец его попыткам научиться грамоте. Милорд заболел и лежал при смерти.

Он прихварывал всю осень, а зимой, еще не совсем оправившись, поехал в открытых санях за несколько миль в соседнее имение. Мальчику было разрешено сопровождать его. Он стоял на полозе, рядом с козлами.

Визит был окончен; старик, провожаемый хозяином, тяжело ступая, пошел к саням и вдруг увидел на дороге замерзшего воровья. Остановившись, он перевернул его тростью.

— Давно он здесь лежит, как вы полагаете? — услышал мальчик, следовавший за ним с грелкой, вопрос его, обращенный к хозяину.

Тот ответил:

— Может, час, а может, и неделю, если не больше.

Тщедушный старик рассеянно простился с хозяином и задумчиво пошел дальше.

— Мясо совсем еще свежее, Дик, — сказал он, повернувшись к мальчику, когда сани тронулись.

Назад они ехали довольно быстро; на заснеженные поля спускался вечер, мороз крепчал. И вот на повороте при въезде в имение они задавили курицу — по-видимому, выбежавшую из курятника. Старик следил за тем, как кучер пытается объехать растерянно мечущуюся курицу, и, когда это ему не удалось, дал знак остановиться.

Выбравшись из-под своих одеял и мехов и опираясь на мальчика, он вылез из саней и, невзирая на то, что толковал ему кучер о холоде, пошел туда, где лежала курица.

Она была мертва.

Старик велел мальчику поднять курицу.

— Выпотроши ее, — приказал он.

— Не лучше ли сделать это на кухне? — спросил кучер, боясь, как бы его ослабшего господина не прохватило на холодном ветру.

— Нет, лучше здесь, — ответил тот. — У Дика, наверно, есть при себе нож, и нам нужен снег.

Мальчик сделал, как ему было приказано, и старик, видимо позабыв и свою болезнь, и мороз, нагнулся и, крихтя, набрал горсть снега. Заботливо принялся он набивать снегом тушку птицы.

Мальчик понял. Он стал собирать снег и подавать его своему учителю, чтобы набить тушку до отказа.

— Вот таким образом она должна многие недели сохраниться свежей, — сказал старик с увлечением. — Отнеси ее в погреб и положи на каменный пол.

Короткое расстояние до дверей дома он прошел пешком, уже немного устав и тяжело опираясь на мальчика, который нес под мышкой набитую снегом курицу.

Едва он вошел в дом, как его охватил озноб.

На следующий день он слег и метался в сильном жару.

Встревоженный мальчик бродил вокруг дома в надежде услышать что-нибудь о здоровье своего учителя. Но он мало что узнал. Жизнь большого имения шла своим чередом. И лишь на третий день что-то произошло. Его позвали в кабинет.

Старик лежал на узкой деревянной кровати под множеством одеял, но при открытых окнах, так что в комнате было холодно. И все же казалось, что больной пылает от жара. Слабым голосом осведомился он о состоянии набитой снегом тушки.

Мальчик сказал, что у нее совершенно свежий вид.

— Это хорошо, — сказал старик с удовлетворением. — Через два дня снова доложишь мне.

Уходя, мальчик пожалел, что не взял с собой тушку. Старик показался ему не таким больным, как говорили в людской.

Дважды на дню он менял снег, и, когда снова направился в комнату больного, курица была такая же свежая.

Но тут он наткнулся на неожиданное препятствие.

Из столицы приехали доктора. По всему коридору неслось жужжание приглушенных голосов — то властных, то заискивающих, — повсюду мелькали чужие лица. Слуга, который спешил в спальню больного с подносом, накрытым большим полотенцем, грубо прогнал мальчика прочь.

Много раз утром и вечером пытался Дик проникнуть в комнату больного, и все напрасно. Похоже, чужие доктора решили обосноваться в замке. Они казались мальчику большими черными птицами, которые кружат над беззащитным больным. Под вечер он спрятался в комнатушке, выходящей в коридор, где было очень холодно. Его трясло от мороза, но он считал это большой удачей, ибо опыт требовал, чтобы курица постоянно была на холоде.

Во время ужина, когда черный поток немного схлынул, мальчик проскользнул в комнату милорда.

Больной лежал один, все уши ужинать. Подле узкой кровати стояла лампа под зеленым абажуром. Лицо больного, странно высохшее, поражало восковой бледностью. Глаза были

закрыты, но руки беспокойно шарили по жесткому одеялу. В комнате было жарко натоплено, окна закрыты.

Мальчик сделал несколько шагов к кровати, судорожно сжимая в вытянутых вперед руках курицу, и несколько раз чуть слышно позвал: "Милорд". Никакого ответа. Однако больной, казалось, не спал. Его губы порой шевелились, как будто он что-то говорит.

Мальчик, убежденный в важности для опыта дальнейших указаний учителя, решил привлечь к себе его внимание. Но едва он, поставив на кресло ящик с курицей, коснулся одеяла, как кто-то схватил его сзади за шиворот и оттащил прочь. Толстяк с серым лицом глядел на него как на убийцу. Сохраняя присутствие духа, мальчик вырвался, схватил ящик и выскочил за дверь.

В коридоре ему показалось, что его заметил младший дворецкий, поднимающийся по лестнице. Плохо дело! Как он докажет, что явился по приказанию милорда, чтобы сообщить ему о важном опыте? Старый ученый был полностью во власти своих докторов. Закрытые окна в спальне свидетельствовали об этом.

И действительно, Дик увидел, как один из слуг идет через двор в конюшню. Он махнул рукой на ужин, отнес курицу в погреб и забрался на сеновал.

Спал он тревожно, всю ночь ему мерещился предстоящий розыск. Робко вылез он поутру из своего убежища.

Но никто о нем и не вспомнил. Во дворе была страшная суматоха, все сновали взад и вперед. Милорд скончался на рассвете.

Весь день мальчик кружил по двору, словно его оглушили обухом. Он чувствовал, что смерть учителя всегда будет для него невозможной потерей. Когда же в сумерках он спустился в погреб с миской снега, горе охватило его с новой силой при мысли о незавершенном опыте, и он безутешно заплакал над ящиком. Что же станет с великим открытием?

Возвращаясь во двор — причем собственные ноги казались ему такими тяжелыми, что он невольно оглянулся на свои следы в снегу, не глубже ли они, чем обычно, — мальчик увидел, что лондонские врачи еще не уехали. Их кареты были еще здесь.

Несмотря на свою неприязнь, мальчик решил доверить им открытие. Люди ученые, они должны были понять всю важность опыта. Он принес ящичек с замороженной курицей и спрятался позади колодца, пока мимо него не прошел один из этих господ — коренастый человек, не внушающий особого страха. Выйдя из своего укрытия, мальчик протянул ему ящик. Слова застряли у него в горле, но все же ему удалось несвязно, запинаясь, изложить свою просьбу.

— Милорд нашел ее мертвой шесть дней назад, ваша светлость. Мы набили ее снегом. Милорд считал, что мясо останется свежим. Посмотрите сами. Оно совершенно свежее.

Коренастый с удивлением уставился на ящик.

— Ну и что? — спросил он.

— Оно не испортилось, — ответил мальчик.

— Так, — сказал коренастый.

— Посмотрите сами, — настойчиво повторил мальчик.

— Вижу, — сказал коренастый и покачал головой. Так, качая головой, он пошел дальше.

Мальчик, обескураженный, глядел ему вслед. Он не мог понять этого коротышку. Не оттого ли умер милорд, что вышел из саней на мороз, чтобы провести свой опыт? Ведь он руками брал снег с земли. Это же факт.

Мальчик медленно побрел обратно, к двери в погреб, но, не дойдя до нее, остановился, повернул и побежал на кухню.

Повар был очень занят, так как к ужину ждали со всей округи гостей с соболезнованиями.

— Куда ты с этой птицей? — заворчал на него повар. — Она же совершенно мерзлая!

— Это ничего, — сказал мальчик. — Милорд сказал, что это ничего не значит.

Повар рассеянно поглядел на него, а потом вперевалку направился к двери с большой сковородкой в руках — очевидно, выбросить что-то.

Мальчик неотступно следовал за ним со своим ящиком.

— Давайте попробуем, — сказал он умоляющим голосом. У повара лопнуло терпение. Он схватил курицу своими сильными ручищами и с размаху швырнул во двор.

— Видно, у тебя нет другой заботы, — закричал он вне себя. — Разве ты не знаешь, что его милость скончался?

Мальчик поднял птицу с земли и ушел. Два следующих дня были заняты траурными церемониями. Ему все время приходилось то запрыгать, то распрягать лошадей, и ночью, меняя в ящике снег, он, можно сказать, спал на ходу. Им овладела глупая безнадежность. Новая эпоха кончилась.

Но на третий день, в день погребения, мальчик тщательно умылся, надел свою лучшую одежду, и настроение у него изменилось. Стояла чудесная, бодрящая зимняя погода. Из деревни доносился колокол.

Исполненный новых надежд, он пошел в погреб и долго и внимательно смотрел на мертвую птицу. На ней не было заметно никаких следов гниения. Заботливо уложил он ее в ящик, наполнил его свежим белым снегом и, взяв под мышку, направился в деревню.

Весело насвистывая, вошел он в низенькую кухню своей бабушки. Родители мальчика рано умерли, его воспитала бабушка, которой он во всем доверялся. Не показывая, что у него в ящике, он сообщил старушке, которая в это время переодевалась для похорон, об опыте милорда. Она терпеливо выслушала его.

— Так кто же этого не знает? — сказала она чуть погодя. —

Птица застывает на холоде и так некоторое время сохраняется. Что же тут особенного?

— Я думаю, ее можно есть, — сказал мальчик как можно равнодушнее.

— Есть куру, которая уже неделю как издохла? Так от нее же отравишься!

— Почему же? Ведь ей ничего не сделалось. И она не была больна, ее задавило саями милорда.

— Но внутри, внутри-то она порченная, — возразила старушка, теряя терпение.

— По-моему, нет, — сказал мальчик твердо, не сводя с курицы ясных глаз. — Внутри у нее все время был снег. Пожалуй, я сварю ее.

Старуха рассердилась.

— Ты пойдешь со мной на похороны, — сказала она, прекращая этот разговор. — По-моему, его милость достаточно для тебя сделал, чтобы ты, как полагается, проводил его гроб.

Мальчик ничего ей не ответил. Пока она повязывала черный шерстяной платок, он достал курицу, сдул с нее остатки снега и положил на два полешка перед печкой, чтобы она оттаяла.

Старушка больше не смотрела на него. Одевшись, она взяла его за руку и решительно направилась к двери.

Некоторое время мальчик послушно шел следом. На дороге было много народу, мужчин и женщин, все шли на похороны. Внезапно мальчик вскрикнул от боли. Он угодил в сугроб. С перекошенным лицом он вытащил ногу, вприпрыжку доковылял до придорожного камня и, опустившись на него, стал растирать ступню.

— Я вывихнул ногу, — сказал он.

Старуха недоверчиво на него посмотрела.

— Ты вполне можешь идти, — сказала она.

— Нет, — огрызнулся он. — А если не веришь, посиди со мной и подожди, куда пройдет.

Старуха молча села подле него.

Прошло четверть часа. Мимо все еще тянулись деревенские жители; правда, их становилось все меньше. Мальчик и старуха упрямо сидели на обочине дороги.

Наконец старуха сказала с укором:

— Разве он не учил тебя, что не следует лгать?

Мальчик ничего не ответил. Старуха поднялась со вздохом. Она совсем замерзла.

— Если ты через десять минут не нагонишь меня, я скажу твоему брату, пусть настагает тебя по заднице.

И она торжественно заковыляла дальше, чтобы не пропустить надгробную речь.

Мальчик подождал, пока она отойдет достаточно далеко, и медленно поднялся. Он пошел обратно, часто оборачиваясь и

не переставая прихрамывать. И только когда изгородь скрыла его от глаз старушки, он пошел как обычно.

В хижине он уселся около курицы и стал смотреть на нее. Он сварит ее в котелке с водой и съест крылышко. Тогда будет видно, отравится он или нет.

Он все сидел, когда издалека донеслись три пушечных выстрела. Они прозвучали в честь Фрэнсиса Бэкона, барона Веруламского, виконта Сент-Альбанского, бывшего лорда-канцлера Англии, который одним своим современникам внушал отвращение, другим же — страсть к полезным знаниям.

ПЛАЩ ЕРЕТИКА

Джордано Бруно, родом из Нолы, которого римская инквизиция в 1600 году приговорила к сожжению на костре как еретика, почитается всеми великим человеком не только за его смелые, впоследствии подтвердившиеся гипотезы о движении небесных тел, но и за его мужественный отпор судьям инквизиции, которым он сказал: "Вы с большим страхом выносите мне приговор, чем я его выслушиваю". Достаточно прочесть книги Бруно и познакомиться с рассказами о его выступлениях на ученых диспутах, чтобы понять, сколь заслуженно его называют великим; но сохранилось одно предание, которое, быть может, заставит нас уважать его еще больше.

Это история о его плаще.

Расскажем о том, как Бруно попал в руки инквизиции.

Некий Мочениго, венецианский патриций, пригласил ученого к себе в дом, чтобы тот посвятил его в тайны физики и мнемоники. Несколько месяцев Бруно жил и кормился у него, давая взамен условленные уроки, но вместо искусства черной магии, которым Мочениго надеялся овладеть, он преподавал ему только физику. Мочениго был весьма недоволен, так как не видел в этих занятиях никакого проку. Ему досаждала мысль о том, что он зря потратился на своего гостя. Неоднократно призывал он его поделиться наконец теми знаниями, тайными и прибыльными, коими должен был, несомненно, обладать человек столь знаменитый. Когда же это не помогло, он написал на Бруно донос инквизиции. Он сообщал, что этот недостойный, неблагодарный человек хулил в его присутствии Христа, называл монахов ослами, говорил, что они дурачат народ, а кроме того, утверждал, будто есть не одно солнце, как сказано в Библии, а бесконечное множество солнц, и так далее и так далее. А посему он, Мочениго, запер этого человека у себя на чердаке и просит как можно скорее прислать за ним служителей, чтобы увести его.

И действительно, в ночь с воскресенья на понедельник явились служители и отвели ученого в тюрьму инквизиции.

Это случилось в понедельник 25 мая 1592 года в три часа утра. И с того дня и до 17 февраля 1600 года, когда он взошел на костер, ноланец оставался в заточении.

Восемь лет тянулся ужасный процесс, и Бруно мужественно боролся за свою жизнь, однако самой отчаянной была борьба, которую он вел первый год в Венеции против выдачи его Риму.

На это время и приходится история с его плащом.

Зимой 1592 года, еще живя в гостинице, он сшил себе у портного Габриэле Цунто теплый плащ. Когда Бруно арестовали, он не успел еще расплатиться за него.

При известии об аресте своего заказчика портной бросился к дому господина Мочениго в приходе св. Самуила, чтобы предъявить свой счет. Но было уже поздно. Слуга Мочениго указал ему на дверь.

— Мы достаточно потратились на этого обманщика, — орал он, стоя на пороге, да так громко, что прохожие начали оборачиваться. — Ступайте-ка в священный трибунал и расскажите там, что у вас были дела с этим еретиком.

Портной стоял ни жив ни мертв. Привлеченная криком толпа уличных мальчишек окружила его, и какой-то изукрашенный болячками оборвыш запустил в него камнем. И хотя из соседнего дома выбежала бедно одетая женщина и наградила мальчишку оплеухой, однако старик сразу же понял, как опасно оказаться тем, у кого "были дела с этим еретиком". Пугливо оглядываясь, он свернул за угол и окольным путем побежал к себе домой. Жене он ничего не сказал о своей неудаче, и она всю неделю дивилась его подавленному виду.

Однако первого июня, выписывая счета, она обнаружила, что один плащ не оплачен — и как раз тем человеком, чье имя было у всех на устах, ибо о ноланце говорил весь город. Повсюду передавались самые ужасающие слухи. Он-де в своих книгах и в речах поносил таинство брака, да и самого Христа обзывал шарлатаном и невесть что говорил о солнце. Неудивительно, что такой человек не заплатил за плащ. Однако добрая женщина не желала терпеть убыток. Поскандалив с мужем, семидесятилетняя старуха оделась как на праздник и отправилась в священный трибунал, где сердито потребовала, чтобы ей вернули тридцать два скудо, которые задолжал им арестованный еретик.

Чиновник, с которым она говорила, записал ее жалобу и обещал разобраться.

Вскоре Цунто получил вызов и, трясаясь от страха, отправился в это ужасное место. К его изумлению, его не стали допрашивать, а лишь уведомили, что, когда займутся денежными делами заключенного, будет принято во внимание и его требова-

ние. Впрочем, чиновник дал ему понять, что вряд ли можно рассчитывать на значительную сумму.

Старик был рад, что так легко отделался, и только униженно благодарил. Однако жена его не унималась. Чтобы покрыть убыток, ее мужу недостаточно отказывать себе в вечернем стаканчике вина и просиживать за работой до глубокой ночи. Они задолжали за сукно, а торговец не станет ждать. Старуха кричала в кухне и на дворе, что просто стыд и срам сажать преступника в тюрьму прежде, чем он расплатился с долгами. Чтобы получить свои тридцать два скудо, она, если потребуется, и до святейшего отца в Риме дойдет. "На костре еретика плащ не понадобится", — кричала она.

Она рассказала про их беду своему духовнику. Духовник посоветовал ей попросить, чтобы им хотя бы возвратили плащ. Обрадовавшись, что даже церковь вынуждена признать справедливость ее притязаний, старуха заявила, что не удовольствуется плащом: он, верно, уже надеван, а кроме того, сшит по мерке. Она хочет получить наличными. Но так как в своем рвении она повысила голос, священник попросту прогнал ее.

Это немного вразумило старуху, и на несколько недель она утомилась. Между тем из стен инквизиции никаких новых слухов о деле арестованного еретика больше не просачивалось. Однако повсюду шептались о том, что на допросах открылись ужасающие преступления. Старуха жадно прислушивалась к этим сплетням. Для нее было пыткой узнавать, что дела еретика обходят так плохо. Никогда он не выйдет на свободу и не расплатится с долгом. Она потеряла сон, и в августе, когда жара окончательно доконала ее нервы, весьма красноречиво стала изливать свои горести в лавках, где делала покупки, а также заказчикам на примерке. Старуха намекала, что святые отцы совершают грех, столь равнодушно отклоняя справедливые требования мелкого ремесленника. И это при нынешних налогах и когда хлеб опять подорожал.

Однажды в полдень страж инквизиции отвел ее в священный трибунал. Здесь ей настоятельно посоветовали прекратить вредную болтовню. Не стыдно ли, сказали ей, из-за каких-то несчастных скудо вести безответственные речи о таком важном процессе. Вместе с тем ей дали понять, что она рискует нажить себе немало неприятностей. На некоторое время предостережение помогло, хотя при мысли о "несчастных скудо", которыми прекнул ее этот раскормленный монах, вся кровь бросалась ей в голову. Но в сентябре заговорили о том, что Великий инквизитор в Риме требует выдачи ноланца и что с Синьорией ведутся переговоры.

Горожане оживленно обсуждали требование о выдаче, и все в общем склонялись к тому, чтобы не выдавать. Цехи не желали покориться римскому суду.

Старуха была вне себя. Неужто еретика отпустят в Рим прежде, чем он уплатит свои долги? Этого еще не хватало! Едва она услышала эту невероятную весть, как тотчас же, не дав себе даже времени надеть платье получше, помчалась в здание священного трибунала.

На этот раз она была принята чиновником поважнее и, как ни странно, более предупредительным, чем все, с кем она имела дело раньше. Он был ей почти ровесник и выслушал ее жалобу спокойно и внимательно. Когда она кончила, он после небольшой паузы спросил, не хочет ли она поговорить с Бруно.

Она тотчас же согласилась. Свидание было назначено на следующий день.

Назавтра в маленькой комнатке с решетками на окнах к ней вышел невысокий худой человек с реденькой темной бородкой и вежливо спросил, что ей угодно.

Она видела его раньше на примерке и вроде бы помнила его лицо, но сейчас узнала не сразу. Очевидно, это допросы так изменили его.

Она сказала торопливо:

— Плащ. Вы же не заплатили за него.

Несколько секунд он смотрел на нее с удивлением. Потом вспомнил и спросил тихим голосом:

— Сколько я вам должен?

— Тридцать два скудо, — сказала она. — Вы же получили счет.

Он повернулся к высокому толстому чиновнику, присутствовавшему при свидании, и спросил, известно ли ему, какие деньги были сданы в священное судилище вместе с его вещами. Тот не знал, но обещал выяснить.

— Как поживает ваш муж? — спросил узник, снова обращаясь к старухе, как будто дело уже улажено и теперь вступают в силу нормальные отношения хозяина с гостьей.

Старуха, смущенная приветливостью этого тщедушного человека, пробормотала, что у мужа все в порядке, и даже добавила что-то про его ревматизм.

Считая, что учтивость требует дать заказчику время для выяснения вопроса, она только два дня спустя снова отправилась в священный трибунал.

И действительно, ей еще раз было разрешено поговорить с Бруно. Она прождала его в маленькой комнатке с зарешеченными окнами более часу, потому что он был на допросе.

Он пришел и казался очень измученным. Так как в комнате не было стула, он слегка прислонился к стене. Тем не менее он сейчас же заговорил о деле.

Он сказал ей очень слабым голосом, что, к сожалению, не может заплатить за плащ. Среди его вещей денег не оказалось. Но не все еще потеряно: подумав, он вспомнил, что с одного человека, который издавал его книги в городе Франкфурте,

ему еще причитаются деньги. Он напишет во Франкфурт, если только ему разрешат. Он будет завтра же просить об этом. Сегодня во время допроса атмосфера показалась ему не слишком благоприятной, и он не хотел просить, чтобы не испортить дело.

Пока он говорил, старуха смотрела на него острыми, пронизывающими глазами. Ей были знакомы уловки и отговорки неаккуратных должников. Они ни в грош не ставят свои обязательства, а когда их прижмешь, делают вид, будто готовы перевернуть небо и землю.

— Зачем же вы заказывали плащ, если вам нечем было за него заплатить? — спросила она резко.

Узник кивнул в знак того, что понял ее мысль. Он ответил:

— Я всегда зарабатывал достаточно писанием книг и преподаванием и думал, что буду зарабатывать и дальше. А плащ был мне нужен — я ведь не собирался садиться в тюрьму.

Он сказал это без капли горечи, просто чтобы ответить ей.

Старуха смерила его с ног до головы разгневанным взглядом, но что-то удержало ее от новых выпадов. Не говоря ни слова, она выбежала вон.

— Кто же станет посылать деньги человеку, которого преследует инквизиция? — сердито сказала она мужу вечером, лежа в постели. А он, не опасаясь больше неприятностей со стороны духовных властей, все же не одобрял настойчивых попыток жены получить деньги.

— У него сейчас другие заботы, — заметил он.

Она ничего не сказала.

Следующие месяцы не внесли ничего нового в это неприятное дело. В начале января стало известно, что Синьория склоняется к тому, чтобы исполнить желание папы и выдать еретика. И тогда чета Цунто получила новое приглашение в здание священного судилища.

Так как точное время не было указано, старуха Цунто направилась туда однажды на склоне дня. Она пришла не вовремя. Узник ожидал прокурора республики, которому Синьория поручила подготовить заключение по вопросу о его выдаче Риму.

Ее принял тот самый высокопоставленный чиновник, который разрешил ей первое свидание с ноланцем. Старик сказал, что заключенный выразил желание поговорить с ней, но не лучше ли отложить свидание? Заключенному сейчас предстоит в высшей степени важная беседа.

Она ответила коротко, что об этом лучше спросить его самого.

Один из служителей ушел и вернулся с заключенным. Разговор состоялся в присутствии важного чиновника. Прежде чем ноланец, который уже в дверях улыбнулся ей, успел что-либо сказать, старуха воскликнула:

— Если вы не собирались садиться в тюрьму, зачем же вы себя так вели?

Одно мгновение маленький человек казался озадаченным. За эти три месяца он отвечал на столько вопросов, что конец его последнего разговора с женой портного едва ли сохранился в его памяти.

— Я не получил денег, — сказал он наконец, — я дважды писал, но не получил денег. Я подумал, может быть, вы возьмете свой плащ обратно?

— Так я и знала, что этим кончится, — сказала старуха презрительно. — Плащ сделан по вашей мерке и для всякого другого будет слишком мал.

Ноланец посмотрел на нее страдальческим взглядом.

— Об этом я не подумал, — сказал он и повернулся к монаху. — Нельзя ли продать мое имущество и отдать деньги этим людям?

— Это невозможно, — вмешался в разговор чиновник, который его привел, высокий толстяк. — На ваше имущество притязает синьор Мочениго. Вы долго жили на его средства.

— Я жил у него по его приглашению, — ответил ноланец устало.

Старик поднял руку.

— Это к делу не относится. Я думаю, что нужно вернуть плащ.

— А на что он нам сдался? — упрямо сказала старуха.

Лицо старика слегка покраснело. Он медленно сказал:

— Милая женщина, немного христианского милосердия вам, право, не помешало бы. Обвиняемому предстоит разговор, который означает для него жизнь или смерть. Едва ли вы вправе требовать, чтобы он особенно интересовался вашим плащом.

Старуха неуверенно посмотрела на него. Она вдруг вспомнила, где находится. Она уже подумала, не лучше ли ей уйти, как вдруг услышала позади тихий голос заключенного:

— Я считаю, что она вправе этого требовать. — И когда она обернулась к нему, он добавил: — Я прошу вас извинить меня за все, что случилось. Не думайте, что мне безразличен ваш убыток. Я заявлю об этом в ходе процесса.

Высокий толстяк по знаку старика покинул комнату. Теперь он вернулся и, разводя руками, сказал:

— Плащ вообще не был нам доставлен. Мочениго, должно быть, задержал его.

Было заметно, что ноланец испугался, затем он сказал решительно:

— Это несправедливо. Я буду жаловаться.

Старик покачал головой.

— Подумайте лучше о разговоре, который вам предстоит через несколько минут. Я не могу больше допускать, чтобы

здесь препирались из-за каких-то несчастных скудо.

Кровь бросилась старухе в голову.

Пока говорил ноланец, она молчала и, жуя губами, смотрела в угол комнаты. Но теперь она снова потеряла терпение.

— Несчастных скудо! — крикнула она. — Это наш месячный заработок! Легко вам быть милосердными. Вы-то ничего не теряете!

В эту минуту на пороге показался монах высокого роста.

— Прокуратор приехал, — сказал он вполголоса, с удивлением глядя на кричащую старуху.

Толстяк взял ноланца за рукав и увел его из комнаты. Пока заключенный шел к порогу, он все время оглядывался через узкое плечо на женщину. Худое лицо его было очень бледно.

Растерянно спускалась старуха по каменной лестнице. Она не знала, что и думать. В конце концов, этот человек сделал все, что мог.

Она не вошла в мастерскую, когда неделю спустя толстый монах принес им плащ. Но она стояла у двери и слышала, как он сказал:

— Заключенный и в самом деле все последнее время волновался из-за плаща. Дважды между допросами и переговорами, которые вели с ним городские власти, он делал заявление и все добивался беседы с нунцием. И он настоял на своем. Мочениго пришлось отдать плащ. Хотя, по правде сказать, плащ очень бы пригодился теперь ему самому: вопрос о выдаче решен и еще на этой неделе его повезут в Рим.

И в самом деле, был конец января.

ЦЕЗАРЬ И ЕГО ЛЕГИОНЕР

1. Цезарь

Уже с начала марта диктатор знал, что дни диктатуры сочтены.

Приезжий, прибывший в эти дни из какой-нибудь римской провинции, нашел бы, пожалуй, столицу внушительнее, чем когда-либо. Город необычайно разросся; во многих кварталах царило пестрое смешение племен и народов. Строительство громадных правительственных зданий близилось к завершению. Сити бурлило от проектов; деловая жизнь шла как обычно; рабы были дешевы.

Режим, казалось, был прочнее, чем когда-либо. Диктатор, только что провозглашенный пожизненным диктатором, готовился к величайшему из своих начинаний — завоеванию Востока.

ка, к давно ожидаемому персидскому походу, поистине второму походу Александра.

Цезарь знал, что не доживет до конца месяца. Он находился на вершине своего могущества. Это означало, что перед ним разверзлась пропасть.

На расширенном заседании сената 13 марта, на котором диктатор выступил с речью, направленной против "вызывающей позиции персидского правительства", а также с сообщением, что в Александрии, столице Египта, собрано войско, выявилось странно-безразличное, более того, холодное отношение сената. Во время речи по рукам ходил злобешный список сумм, которые диктатор под вымышленным именем переправил в испанские банки. *Диктатор втихомолку переводит свое личное состояние (110 миллионов) за границу!* Что же, он не верит в свою войну? Или он вообще готовит войну не против Персии, а против Рима?

Сенат утвердил военные ассигнования. Единогласно, как всегда.

Во дворце Клеопатры, центре всех интриг, касающихся Востока, собралась военная верхушка. Египетская царица — истинная вдохновительница войны с Персией. Брут, Кассий и другие молодые офицеры поздравляют ее с победой политики войны в сенате. Ее затея — пустить по рукам злополучный список — вызывает заслуженное одобрение и смех. Диктатора ожидает сюрприз, когда он попытается получить в Сити утвержденные ассигнования...

И действительно, Цезарю, от которого не ускользнула холодность сената — при всей его покорности, — вскоре предстоит убедиться, что в Сити господствуют в высшей степени странные настроения... В торговой палате он собирает всех финансовых деятелей перед огромной картой на стене и разъясняет им свои военные планы касательно Персии и Индии. Господа кивают, но потом начинают говорить о Галлии, присоединенной много лет назад; недавно там опять начались кровопролитные восстания. "Новый порядок" не оправдал себя. Вносится предложение: не отложить ли войну до осени? Цезарь ничего не отвечает и стремительно выходит. Господа поднимают руку в римском приветствии. Кто-то бормочет: "Видно, нервы пошаливают!"

Что же, они не хотят больше войны?

Запросы дали ошеломляющие результаты: военные предприятия лихорадочно готовятся к войне; их акции сильно поднялись; цены на рабов тоже растут...

Что это значит? Они хотят войны, задуманной диктатором, но не дают ему денег?

К вечеру Цезарь узнает, что это значит: *они хотят войны, но без него.*

Цезарь отдает приказ арестовать пятерых банкиров, но

он глубоко потрясен и, к удивлению своего адъютанта, который видел его хладнокровным среди кровавых битв, близок к нервному припадку. Он немного успокаивается, когда приходит его любимец Брут. Однако он не в силах заставить себя просмотреть досье, присланное ему доверенным лицом из Сити. Досье содержит имена заговорщиков. И среди них имя Брута. Они готовят на него покушение. Боясь найти в толстой папке ("Она такая толстая, ужасно толстая") имена тех, кому он доверяет, диктатор не решается открыть ее. Когда Цезарь, так и не раскрыв папки, он прочтет это позже, возвращает ее секретарю, Брут просит стакан воды.

Величайший переполох поднимается во дворце Клеопатры, когда Брут, бледный и расстроенный, сообщает, что видел досье о заговоре. Цезарь может прочесть его в любой момент. Клеопатра с трудом успокаивает присутствующих, взывая к их солдатской чести, а сама отдает приказ паковать чемоданы.

К Цезарю тем временем является с докладом полицейский эдил — третий в этой году, а год начался всего два месяца назад; двое его предшественников были отстранены от должности как замешанные в заговорах. Эдил ручается за личную безопасность диктатора, несмотря на волнение, вызванное в Сити арестом пяти банкиров, за которых, впрочем, ходатайствуют весьма влиятельные круги... Недалекая, как, по-видимому, считает эдил, война с Персией, по его словам, заставит оппозицию замолчать. Пока эдил докладывает о необходимых, с его точки зрения, мерах предосторожности и охраны, Цезарь, глядя сквозь него, видит, точно грезя наяву, как он умрет; ибо он умрет.

Он прикажет отнести себя к портику Помпея, выйдет из носилок, отпустит просителей, войдет в храм, отыщет взглядом кого-нибудь из сенаторов, поздоровается. Сядет на стул. Будут проведены обычные церемонии, он мысленно видит их. Потом заговорщики — в видении Цезаря у них белые пятна вместо лиц — под каким-нибудь предлогом подойдут к нему. Кто-нибудь протянет ему свиток для прочтения. Он возьмет. Они бросятся на него. *Он умрет.*

Нет, для него не будет больше войны на Востоке. Его величайшее предприятие не осуществится: *а оно состояло в том, чтобы живым вступить на корабль, который, может, увез бы его в Александрию, к его войскам, в единственное место, где он, пожалуй, был бы в безопасности.*

Когда поздно вечером часовые видят господ, направляющихся в покои диктатора, они все еще думают, что это генералы и военные чиновники, которые хотят обсудить с ним планы войны с Персией. Но это всего лишь врачи. Диктатору необходимо снотворное.

Следующий день — это 14 марта — проходит тягостно и сумбурно. Во время утренней езды в манеже Цезаря осеняет блес-

тящая мысль. Сенат и Сити против него, ну так что ж! *Он обратиться к народу!*

Разве не был он когда-то великим народным трибуном, мудрой надеждой демократии? Тогда была у него грандиозная программа, которая до смерти перепугала сенат: раздел имений, строительство поселков для бедных.

Диктатура? Долой диктатуру! Великий Цезарь выйдет в отставку, удалится в частную жизнь, уедет куда-нибудь, например в Испанию...

На лошадь сел усталый человек, равнодушно позволявший ей нести себя по кругу манежа; и вдруг он выпрямился (при мысли о народе), натянул поводья, подчинил лошадь своей воле, взмылил ее скачкой; освеженный, новый человек покидает манеж.

Не многие из участников этой большой игры чувствуют себя в это утро так уверенно, как Цезарь...

Заговорщики ожидают ареста. Брут выставил в своих садах охрану, у застав стоят лошади. Во многих домах жгут документы. В своем дворце на Тибре Клеопатра готовится встретить день смерти. Цезарь, разумеется, давно прочитал досье. Она заботливо совершает свой туалет, отпускает рабов на свободу, раздает подарки. Вот-вот придут преторианцы.

Вчера оппозиция нанесла удар, сегодня должен последовать ответный удар режима.

При утреннем выходе диктатора становится ясно, что будет представлять собой ответный удар.

В присутствии многих сенаторов Цезарь заговорил о своем новом плане. Он назначит выборы и уйдет. Его девиз: *"Долой войну!"* Пусть римский гражданин завоевывает итальянскую землю, а не персидскую. Ибо как живет римский гражданин, властитель мира? Цезарь описывает это.

Присутствующие выслушивают с каменными лицами ужасающее описание нужды простого римского гражданина. Диктатор сбросил маску; он хочет взбунтовать чернь. Через полчаса эта весть облетит Сити. Исчезнет вражда между Сити и сенатом, между банкирами и офицерами, все объединится в одном: долой Цезаря!

Еще не закончив речи, Цезарь понимает, что совершил ошибку. Напрасно он так много им сказал. Внезапно он меняет тему и пробует пустить в ход свое испытанное обаяние. Его друзьям нечего бояться. Их имения в безопасности. Арендаторы будут обеспечены землей за счет государства. Все берет на себя государство. Лето обещает быть прекрасным, он ждет их к себе в гости в Байи.

Как только сенаторы, поблагодарив за приглашение, удаляются, Цезарь приказывает сместить с должности и арестовать полицейского эдила, который еще накануне вечером освободил

арестованных банкиров. Затем он посылает своего секретаря позондировать, каково настроение демократических кругов. Теперь все зависит от народа.

Демократические круги — это политики из давно распущенных ремесленных клубов, которые в пору расцвета республики играли главную роль во время выборов. Диктатура Цезаря разбила этот некогда мощный аппарат, и часть клубов была преобразована в гражданскую гвардию, так называемые уличные клубы. Затем и они были распущены. Но теперь секретарь Цезаря Тит Рар разыскал политических деятелей плебса, чтобы прощупать их настроение.

Он встретился с бывшим старшиной гильдии красильщиков, потом с бывшим парламентским погонялой, ныне хозяином харчевни. Оба показали себя в высшей степени осторожными людьми, не склонными говорить о политике. Они указали на старого Карпо, бывшего вожака строительных рабочих, человека, который должен пользоваться наибольшим влиянием, *ибо он сидит в тюрьме.*

Между тем к Цезарю явилась знатная гостья: Клеопатра. Царица не в силах больше выдержать напряжения. Она должна знать, как обстоят ее дела. Она подготовилась к смерти, все искусства Египта были пущены в ход, чтобы мобилизовать ее красоту, прославленную на трех континентах. Диктатор как будто располагает временем. Он с ней неизменно такой же, как всегда в последние годы: изысканно-любезный, готовый дать совет. Намекает, что в любую минуту рад снова стать ее любовником, он, непревзойденный знаток женской красоты. Но ни слова о политике. Они сидят в атриуме, кормят золотых рыбок, говорят о погоде. Он приглашает ее на лето в Байи...

Она не верит ему. Он, вероятно, еще не закончил приготовлений к решающему удару, все дело, видимо, в этом. С застывшим лицом она уходит. Цезарь провожает ее до носилок, затем идет в канцелярии, где юристы и секретари лихорадочно работают над проектом нового избирательного закона. Проект должен быть сохранен в тайне: отдано распоряжение никого не выпускать из дворца. *Эта конституция будет самой свободной из всех, какие знал Рим.*

Правда, теперь все зависит от народа...

Рар как сквозь землю провалился — о чем, скажите, можно так долго вести переговоры; эти плебеи должны схватиться обеими руками за тот исключительный шанс, который дает им диктатор. Цезарь решает пойти на собачьи бега. Он чувствует потребность самому вступить в общение с народом, а народ надо искать на собачьих бегах. Цирк еще наполовину пуст. Цезарь не идет в большую ложу, а садится повыше, среди толпы. Ему нечего бояться, что его узнают: эти люди видели его только издали.

Цезарь смотрит некоторое время, а потом ставит на одну из собак. Рядом садится какой-то человек, и Цезарь объясняет ему, почему он поставил именно на эту собаку. Человек кивает. Впереди разгорается небольшой спор. Какие-то люди, оказывается, заняли чужие места, и вновь прибывшие прогоняют их. Цезарь пытается завязать со своими соседями разговор — и даже о политике. Они отвечают односложно, и тогда он замечает, что им известно, кто он: он сидит среди чинов своей тайной полиции.

Он сердито встает и уходит. Впрочем, собака, на которую он поставил, выиграла...

У выхода из цирка он встречается своего секретаря, который его разыскивает. У того плохие новости. Никто не хочет вести переговоры. Везде царит страх или ненависть, преимущественно ненависть. Человек, которому люди доверяют, — это некий Карпо, строительный рабочий. Цезарь мрачно слушает. Он садится в носилки и приказывает нести себя в Мамертинскую тюрьму. Он поговорит с Карпо.

Карпо надо еще найти. В этих казематах так много заключенных плебеев, они гниют здесь десятками. Но после некоторой беготни Карпо, строительного рабочего, вытаскивают на длинных веревках из ямы, и теперь диктатор может поговорить с человеком, которому доверяет народ Рима.

Они сидят лицом к лицу и наблюдают друг за другом. Карпо — старик, может быть, он и не старше Цезаря, но на вид ему можно дать все восемьдесят. Он дряхл, он измучен, но не сломлен. Цезарь, перейдя прямо к делу, развивает перед ним свой неслыханный план — снова ввести демократию, назначить выборы, самому удалиться в частную жизнь и т.д. и т.п.

Старик молчит. Он не говорит ни да, ни нет, он молчит. Неподвижно смотрит он на Цезаря и не произносит ни слова. Когда же Цезарь уходит, Карпо снова спускают на длинных веревках в яму. Мечта о демократии кончилась. Все ясно: если переворот, то, во всяком случае, без Цезаря. Народ его слишком хорошо знает.

Когда диктатор возвращается домой, секретарю стоит некоторого труда объяснить часовым, кто это. Стражу сменили. Новый эдил убрал римских часовых и прислал во дворец когорту негров. Негры надежнее, они не знают по-латыни, их труднее сбить с толку, заразить настроениями города. Это говорит Цезарю о том, каково настроение в городе...

Ночь во дворце проходит беспокойно. Несколько раз Цезарь встает и бродит по обширному дворцу. Негры пьют и поют. И только он никому не нужен, никто его не узнает. Он прислушивается к какой-то грустной песне и идет в конюшню навестить любимую лошадь. Лошадь — та узнает его... Вечный Рим объят тревожной дремотой. У ворот ночлежки разоренные

ремесленники все еще стоят в очереди ради трех часов сна и читают огромные оборванные плакаты, призывающие вербоваться для войны на Востоке, войны, которая не состоится. В садах jeunesse dorée¹ не видно часовых, которые еще стояли здесь прошлой ночью. Из дворцов слышатся пьяные голоса. Через южные ворота города выезжает небольшая кавалькада: царица Египта под густой вуалью покидает столицу... В два часа ночи Цезарь вспоминает что-то, встает и в ночной одежде идет в дворцовый флигель, где юристы все еще работают над проектом новой конституции. Он отсылает их спать.

Под утро Цезарю сообщают, что его секретарь Пар убит ночью. По-видимому, за ним проследили, когда он вел переговоры с политиками плебса, и чья-то могущественная рука нанесла удар из темноты. Чья это рука? Списки с именами заговорщиков, которые были у секретаря, исчезли.

Он убит во дворце. Значит, дворец больше не надежен для приближенных диктатора. А для самого диктатора?

Цезарь долго стоит перед походной кроватью, на которой распростерт его мертвый секретарь, последний, кому он доверял и кому это доверие стоило жизни.

При выходе из комнаты его задевает пьяный караульный и не извиняется. Идя по коридору, Цезарь несколько раз нервно оглядывается.

В атриуме, странно опустелом — никто не пришел к утреннему выходу, — он натывается на посланца от Антония. Консул и его оруженосец просят его сегодня ни в коем случае не показываться в сенате. Под угрозой его личной безопасности. Цезарь велит передать Антонию, что он не пойдет в сенат. Вместо этого слуги мимо длинной очереди просителей, выстроившихся перед дворцом, несут его к дому Клеопатры. Быть может, Клеопатра захочет финансировать его поход? Тогда ему не нужны ни народ, ни Сити.

Клеопатры нет дома. Все двери заперты. Судя по всему, она уехала надолго... Обрато во дворец. Ворота почему-то открыты. Выясняется, что стража ушла. Властелин мира высвобождается из носилок и смотрит на свой дом, куда он не решается больше войти.

Он мог бы вызвать охрану от Антония. Но он не доверяет больше никакой охране. Лучше он обойдется без всякой охраны, по крайней мере не нужно будет ее бояться. Куда же ему идти?

Он отдает приказ. Он отправляется в сенат.

Он лежит, откинувшись, в своих носилках, не глядя ни направо, ни налево. Он велит нести себя к портику Помпея. Выходит. Отпускает просителей. Идет в храм. Находит взглядом одного, другого сенатора, приветствует их. Садится на свой

¹Золотой молодежи (франц.).

стул. Проводятся обычные церемонии. Заговорщики под каким-то предлогом подходят к нему. Но теперь перед ним не белые пятна, как в его позавчерашнем видении; у них у всех есть лица, и это лица его лучших друзей. Кто-то протягивает ему свиток и просит прочитать, он берет его. И тогда они бросаются на него.

2. Легионер Цезаря

В предрассветных сумерках по весенней зеленеющей земле Кампаньи едет повозка, запряженная быками. Это пятидесятидвухлетний арендатор, ветеран цезаревских войн Теренций Скапер, направляется в Рим с семьей и домашним скарбом. У всех у них озабоченные лица. Они задолжали арендную плату, и их согнали с их маленького участка. Только восемнадцатилетняя Луцилия с радостью всматривается в большой холодный город. Там живет ее нареченный.

Приближаясь к городу, они замечают, что здесь предстоят какие-то важные события. На заставах усилен контроль, то и дело их останавливают военные патрули. Ходят слухи, что в Азии предстоит большая война. Старый солдат видит знакомые палатки вербовочных пунктов, они еще пусты по случаю раннего часа. Он оживляется. Значит, Цезарь строит планы новых победных походов. Теренций Скапер приехал вовремя. Это происходит 13 марта сорок четвертого года.

Около девяти часов утра повозка проезжает через портик Помпея. Толпы народа ожидают здесь прибытия Цезаря и сенаторов на заседание в храме, где сенату предстоит выслушать "важное заявление диктатора". Повсюду толкуют о войне, а между тем, к удивлению Скапера, военные патрули принуждают народ расходиться. При появлении солдат все споры прекращаются. У ветерана одна забота: как пробиться вперед со своей повозкой. Едва выбравшись из давки, он становится в своей повозке и, обернувшись назад, кричит: "Аве, Цезарь!" С изумлением убеждается он, что никто не поддерживает его возгласа.

Порядком сбитый с толку, он устраивает свое маленькое семейство в дешевой гостинице на окраине, а сам отправляется на поиски своего будущего зятя — секретаря Цезаря — Тита Рара. Луцилию он отказывается взять с собой. Ему прежде всего надо самому поговорить с молодым человеком начистоту.

Однако проникнуть во дворец Цезаря на Форуме не так-то просто. Повсюду невероятные строгости, особенно насчет оружия. Словом, гляди в оба!

Попав во дворец, он узнает, что у диктатора свыше двухсот

секретарей. Имя Рара никому не известно.

И действительно, молодому человеку за последние три года ни разу не довелось приветствовать своего шефа в том крыле дворца, где находится библиотека. У Цезаря он состоит в должности литературного секретаря и принимает участие в его работе над грамматикой. Труд этот давно уже лежит без движения: у диктатора больше нет времени этим заниматься. Рар с восторгом встречает старого солдата, который бесцеремонно вваливается к нему. Неужели Луцилия в Риме? Да, она здесь, но это еще совсем не повод для того, чтобы радоваться. Всю семью выбросили на улицу. И главным образом — по вине Луцилии. Могла бы быть поласковой с хозяином их участка — кожевным фабрикантом Помпилием. Тем более что Рар все это время глаз к ним не казал. Молодой человек стал энергично оправдываться. Ему не давали отпуска. Он сделает все, чтобы помочь семье. Он попросит у начальства жалование вперед. Пустит в ход все свои связи для Теренция Скапера. Почему бы ветерану не стать, например, капитаном? Ведь готовится большая война!

В коридоре раздается топот шагов и звон мечей, дверь распахивается, на пороге появляется Цезарь.

Маленький секретарь стоит ни жив ни мертв под испытующим оком великого человека. Впервые за три года Цезарь снова появился в его кабинете! Рар не подозревает, что *на пороге появилась его судьба*.

Цезарь пришел не с тем, чтобы поработать над грамматикой. Он пришел сюда в поисках человека, которому можно было бы довериться, — следовательно, человека, какого нелегко найти в этом дворце. Проходя мимо библиотеки, он вспомнил своего литературного секретаря, юношу, далекого от политики. Может быть, его еще не подкупили...

Два телохранителя обыскивают Скапера и, не найдя оружия, выбрасывают его вон. Горделиво выходит он: видно, его будущий зять не последний человек во дворце, если сам великий Цезарь его посещает. Это благой знак.

Рара тоже обыскивают, проверяя, нет ли при нем оружия. Затем диктатор дает ему поручение. Он должен, по возможности обходными путями, пробраться к некоему испанскому банкиру и расспросить его, чем вызвано загадочное сопротивление Сити задуманной Цезарем войне на Востоке.

Тем временем ветеран поджидает молодого человека перед дворцом. Так и не дождавшись — ибо тот прошел черным ходом, — Скапер идет в гостиницу, чтобы сообщить семье о благоприятном повороте дел. По дороге ему попадается вербовочный пункт. Только молодые парни изъявляют желание поступить на военную службу. Нешлохо будет заручиться протекцией и стать капитаном. Для солдата он, пожалуй, уже староват.

По дороге он заворачивает в несколько кабачков и появляет-

ся наконец в маленькой гостинице на окраине слегка навеселе. Он ощущает себя уже вполне капитаном Теренцием Скапером, и весь его гнев обращен против жениха Луцилии, которого все нет как нет. Выходит, у этого зазнайки — господина секретаря — нет времени навестить свою невесту? А на что прикажете жить целой семьей? По меньшей мере триста сестерциев — вот сколько ему нужно на первых порах. Луцилии придется сменить гнев на милость, пусть сейчас же пойдет к кожевенному фабриканту и займет у него денег. Луцилия плачет. Она не понимает, почему Рар так медлит. Господин Помпилий охотно даст ей триста сестерциев, но он не сделает этого даром. Ее отец рвет и мечет. Молодой человек, конечно, передумал. Надо подпалить ему задницу. Пусть знает, что свет не клином сошелся. Пусть увидит, что есть и другие люди, способные оценить Луцилию. Луцилия уходит в слезах, все время оглядываясь, не идет ли Рар.

Тем временем Рар вернулся во дворец. Он получил от испанского банкира досье и передал Цезарю. Теперь он попытается получить аванс от администрации. И тут на него обрушивается удар. Вместо того чтобы выдать ему деньги, его подвергают допросу. Где был? Что ему поручал диктатор? Он отказывается отвечать и узнает, что уволен.

Луцилии повезло больше. Правда, в конторе кожевенной фабрики ей сначала сказали, что господин Помпилий арестован. Но пока взволнованные рабы обсуждают это невероятное происшествие, которое можно объяснить лишь тем, что их хозяин в последнее время не раз открыто выражал свою ненависть к Цезарю, входит улыбающийся господин Помпилий. "Самой собой разумеется", его и других господ из Сити не могли держать в тюрьме! По счастью, есть еще способы воздействовать на полицию. Да и кто теперь считается с Цезарем...

Когда Рар наконец появляется в гостинице, Луцилия еще не вернулась. Ветерана он застает в дурном настроении, да и никто в семействе не хочет открыть ему, где Луцилия. Да и Рар не принес обещанных трехсот сестерциев. Он не решается признаться, что его уволили, и сыпается на то, что ему просто не удалось попасть к начальству. Между тем появляется заплаканная Луцилия и бросается к нему в объятия. Но Теренций Скапер отнюдь не склонен считаться с чувствами молодых людей. Без всякого стеснения спрашивает он Луцилию, удалось ли ей разжиться деньгами. Избегая смотреть Рару в глаза, она отдает отцу триста сестерциев. Рару нетрудно догадаться, откуда эти деньги: Луцилия была у кожевенного фабриканта!

В ярости молодой человек вырывает у старика деньги. Завтра же он отнесет их господину Помпилию. Самое позднее к восьми часам утра он пришлет Луцилии достаточную сумму в гостиницу. А тогда он пойдет с ее отцом к начальнику дворцовой охраны и поговорит с ним насчет должности капитана.

Ветеран ворчливо изъясняет свое согласие. Надо думать, что доверенному лицу владыки мира будет не слишком трудно помочь семье старого легионера снова стать на ноги...

На следующее утро семейство Скапера тщетно ожидает Рара.

Ранним утром секретаря вызвали к Цезарю. Вместе с ним диктатор разыскал в библиотеке старую речь, в которой он много лет назад развивал свою демократическую программу. Затем секретарь направился в предместье, чтобы повидаться с политиками из шлебса и позондировать, каково их мнение по поводу восстановления демократии. Между прочим, диктатор отдал приказ сменить дворцовую охрану и арестовать ее начальника, который накануне допрашивал Рара.

Теренция Скапера охватывают мрачные предчувствия. Он не верит больше жениху дочери. Луцилия, проплакав всю ночь, в порыве отчаяния прокричала в лицо ему и матери, чего от нее потребовал кожевненный фабрикант. Мать стала на ее сторону. Ветеран решает отправиться на вербовочный пункт и завербоваться солдатом. Не сразу признается он домашним, что он, пожалуй, слишком стар, чтобы пройти освидетельствование. Вся семья с готовностью помогает ему омолодиться. Луцилия ссужает его своей губной помадой, а маленький сын идет его провожать.

Но когда старый легионер во всей своей красе появляется на вербовочном пункте, там висит замок. Молодые люди перед входом взволнованно обсуждают слух о том, что война на Востоке отменяется. Сраженный этой вестью, ветеран десяти войн Цезаря возвращается в лоно семьи и застает здесь письмо от Рара к Луцилии, где написано, что предстоят большие события. Подготавливается закон, согласно которому ветераны Цезаря получают в аренду земельные наделы и ссуду от государства. Семья вне себя от радости.

Когда Теренций Скапер читает письмо Рара, написанное этим утром, оно уже устарело. Переговоры секретаря показали, что бывшие политические деятели шлебса, которых Цезарь преследовал из года в год, не доверяют больше его шахматным ходам в политике.

Рар между тем все время чувствует, что за ним следят. Тщетно разыскивает он диктатора во дворце и находит его только ближе к вечеру в цирке, на собачьих бегах. По дороге во дворец он сообщает Цезарю, каково истинное положение дел. После долгого молчания Рар, вдруг ясно представив себе, какая грозная опасность нависла над головой диктатора, отваживается на отчаянное предложение: Цезарь должен еще сегодня ночью тайно покинуть город и попытаться попасть в Брундизий, чтобы оттуда на попутном корабле добраться до

Александрии, к своим войскам. Рар обещает приготовить для этого упряжку быков.

Диктатор, утомленно откинувшись на подушки носилок, ничего не отвечает. Но Рар уже решил действовать.

Сумерки спускаются на огромный, беспокойный, взбудораженный слухами Рим, когда он начинает переговоры со стражей у ворот южного портика. Повозка, запряженная быками, проедет здесь после полуночи без пропуска. Он отдает страже все имеющиеся у него деньги. Как раз триста сестерций.

Около девяти он появляется в гостинице, у Скаперов. Он обвиняет Луцилию. Он просит семейство оставить его наедине с Теренцием Скапером. Затем он подходит к ветерану и спрашивает:

— На что бы ты решился ради Цезаря?

— А что слышно насчет земельного надела? — спрашивает Скапер.

— Из этого ничего не вышло, — говорит Рар.

— А с должностью капитана тоже ничего? — спрашивает Скапер.

— И с должностью капитана тоже, — говорит Рар.

— Но ты еще его секретарь?

— Да.

— И встречаешься с ним?

— Да.

— И ты можешь попросить его сделать что-нибудь для меня?

— Он ни для кого ничего не может больше сделать. Все погибло. Завтра его прикончат, как крысу. Итак, на что бы ты для него решился? — спрашивает секретарь.

Старый ветеран недоверчиво смотрит на него. С великим Цезарем покончено? Настолько покончено, что он, Теренций Скапер, должен ему помочь?

— Чем же я могу ему помочь? — хрипло спрашивает он.

— Я обещал ему твою упряжку, — спокойно говорит секретарь. — В полночь ты должен ждать его у южного портика.

— Кто это пропустит меня с повозкой?

— Пропустят. Я заплатил за это триста сестерций.

— Триста сестерций? Уж не наши ли?

— Да.

Одно мгновение старик готов броситься на него. Затем в его взгляде появляется сердитая растерянность человека, которого добрую половину жизни муштровали в строю, и он, ворча, отворачивается. Он говорит:

— Что ж, пожалуй, это такое же дело, как всякое другое.

Когда Цезарь выкарабкается, он им всем покажет.

Он уже снова впал в свое привычное состояние: у него появилась надежда.

Труднее оказалось Рару уладить дело с Луцилией. С тех

пор как они снова свиделись в Риме, она ни разу не оставалась с ним наедине. Ни он, ни отец не говорили ей, что его удерживало вдали все эти дни. Теперь она узнает это. Ее нареченный близок к Цезарю. Он единственное доверенное лицо владыки мира.

Но не может ли он хоть на четверть часика пойти с ней в кабачок на улицу Медников? Неужели Цезарь и четверть часика не обойдется без него? Рар ведет ее на улицу Медников. Но они не заходят в кабачок. Рар вдруг замечает, что за ним снова следят. Два подозрительных типа с самого утра ходят за ним тенью. Перед гостиницей влюбленные расстаются. Луцилия возвращается обратно к матери и, сияя, рассказывает ей, как близок к Цезарю ее нареченный.

Ее нареченный между тем напрасно старается отвязаться от своих преследователей.

Еще до наступления полуночи он узнает, что означает близость к сильным мира.

Около одиннадцати Рар снова во дворце на Форуме. Негритянский полк охраняет дворец. Большая часть солдат вдрызг пьяны.

В своей маленькой каморке за библиотекой он судорожно проглядывает то досье, которое накануне передал ему для Цезаря испанский банкир. Цезарь так и не прочел его. В досье перечислены имена заговорщиков. Он видит их все. Здесь Брут, Кассий, вся *jeunesse dorée* Рима, среди них многие, кого Цезарь считает своими друзьями. Цезарь должен прочесть досье сейчас же, этой же ночью. Тогда он непременно воспользуется повозкой Теренция Скапера.

Рар берет с собой папку и отправляется в путь. В коридорах полутемно, с другой половины дворца доносится пьяное пение. У входа в атриум стоят на страже два огромных негра. Они не пропускают его. Того, что он говорит, они не понимают.

Он пытается пройти с другой стороны, дворец невероятно велик. Но и здесь негритянская стража и нет прохода. Он пробует пройти коридорами и садом, куда можно попасть через окно, но и там все закрыто. Измученный, он возвращается к себе и вдруг видит далеко впереди в коридоре спину удаляющегося человека. Ему кажется, что это один из его преследователей.

Охваченный страхом, он бросается к себе в каморку и баррикадирует дверь. Он не зажигает света и, подойдя к окну, глядит во двор. Там сторожит второй его преследователь. Пот холодными каплями выстужает у него на лбу.

Долго сидит он в потемках и прислушивается. Кто-то стучит в дверь. Рар не открывает. Таким образом, он не видит человека, который после недолгого ожидания уходит. Это Цезарь.

В полночь Теренций Скапер останавливает свою повозку у

южного портика. Жене и детям ветеран сказал только, что ему надо денька на два отлучиться из Рима. Пусть Луцилия и ее мать пойдут к Рару, он о них позаботится.

Но никто не приходит в ту ночь к южному портику, чтобы сесть в повозку, запряженную быками.

Рано утром 15 марта диктатору докладывают, что его секретарь убит ночью во дворце. Досье с именами заговорщиков исчезло. Цезарю предстоит сегодня в сенате встретить носителей этих имен и пасть под ударами их кинжалов.

А повозке, запряженной быками, которой правит старый солдат и разоренный арендатор, предстоит покать обратно к гостинице на окраине, где ждет небольшая семья, которой великий Цезарь остался должен триста сестерций...

РАНЕНый СОКРАТ

Сын повивальной бабки Сократ, который умел исподволь, пересыпая разговор меткими шутками, подводить друзей к рождению вполне законченных мыслей и таким образом незаметно помогал им обзаводиться кровным потомством вместо тех бастардов, каких навязывают своим ученикам другие учителя, славился не только как мудрейший, но и как храбрейший из греков. И действительно, когда мы читаем у Платона, как легко и беззлобно он осушил чашу цикугы, которою был награжден властями за все свои заслуги перед соотечественниками, мужество Сократа не вызывает у нас никаких сомнений. Однако многие почитатели превозносили его и за храбрость на поле брани.

В самом деле, известно, что Сократ участвовал в битве при Делионе в рядах легкой пехоты, поскольку ни по своему ремеслу сапожника, ни по своим доходам философа он не мог быть зачислен в привилегированный и дорогой род войск. Однако храбрость его, как легко представить, была особого рода.

Все утро перед боем Сократ, готовясь к кровавой сече, усердно жевал лук — любой солдат скажет вам, что это незаменимое средство для поддержания мужества. Будучи скептиком в одних вопросах, Сократ тем большее легкоеверие проявлял в других. Он был за практический опыт, против умозрения и поэтому не верил в богов, а в лук, скажем, верил.

К сожалению, на сей раз лекарство не оказало действия — во всяком случае, моментального действия, — и Сократ, мрачно настроенный, шагал в растянувшемся цепочкой отряде мечников, который должен был занять позицию на каком-то сжатом поле. Впереди и позади шагали, спотыкаясь, какие-то юноши из афинских предместий. Между прочим, они обратили внимание

Сократа на то, что щиты, поставляемые афинскими щейггаузами, явно не рассчитаны на таких толстяков, как он. Нечто подобное приходило уже в голову и самому Сократу, но он называл это солидарностью: дурацкие щиты и наполовину не прикрывали мало-мальски солидного человека.

Обмен мыслями между теми, кто ковылял впереди и позади него, только что перешел от карликовых щитов к крупным прибылям поставщиков оружия, как раздалась команда:

— Расположиться лагерем!

Люди валялись прямо на жнивье. Сократ хотел было присесть на щит, но нарвался на замечание. Однако его встревожил не столько начальственный окрик, сколько то, что он был сделан вполголоса: очевидно, неприятель находился где-то недалеко.

Белесый утренний туман скрывал местность. Но топот и бряцанье оружия указывали на то, что долина занята.

С раздражением вспомнил Сократ свой вчерашний разговор с молодым аристократом, которого он когда-то встречал за кулисами. Теперь этот оболтус командовал конницей.

— Замечательный план! — объяснял он Сократу. — Пехота строится и мужественно и стойко, как полагается пехоте, принимает на себя удар противника. А тем временем конница устремляется в низину и заходит ему в тыл.

Низина, вероятно, где-то правее и дальше, в тумане. Там сейчас разворачивается конница.

Тогда Сократу показалось, что план хорош, во всяком случае, не так уж плох. Впрочем, самое простое — это строить планы, особенно если противник тебя сильнее. А потом все неизбежно сводится к драке, вернее, к резне, и продвигаешься вперед не там, где намечалось планом, а там, где враг отступает.

Теперь, в тусклом свете занимавшегося дня, вчерашний план представлялся Сократу совершеннейшей бестолковщиной, чепухой. Как понять, что пехота принимает на себя удар противника? Ведь обычно каждый рад избежать удара, а тут вся премудрость в том, чтобы принять его на себя. Хуже нет, когда полководцем назначают всадника!

Этак на базарах скоро не хватит луку, столько его требуется простому человеку.

А разве не противно человеческой природе в такой ранний час, когда бы еще нежиться в постели, сидеть где-то в поле, на голой земле, по меньшей мере с десятью фунтами железа на плечах и с ножом мясника в руке? Бесспорно, город нужно защищать, раз на него напали, иначе потом не оберешься неприятностей. Но спрашивается, почему напали?

Судовладельцы, виноградари и рабовладельцы Малой Азии, видите ли, стали поперек дороги персидским судовладельцам, виноградарям и работорговцам.

Хорошенькая причина!

Вдруг все насторожились. Слева из тумана донесся глухой гул голосов вперемешку со звоном металла. Рев быстро нарастал и становился все явственнее. Атака персов началась.

Весь отряд вскопчил на ноги. Каждый воин, напрягая зрение, всматривался в туман. Кто-то шагах в десяти от Сократа упал на колени и коснеющим языком взывал к богам. "Не поздно ли?" — подумал Сократ.

И словно в ответ, где-то дальше вправо раздался отчаянный вопль. Крики о помощи захлебнулись в предсмертных столах. В мглистом воздухе промелькнуло что-то маленькое, блестящее. Дротик!

Вслед за дротиком, еще неясные в тумане, обозначились фигуры воинов: неприятель.

Сократ, потрясенный мыслью, что он, пожалуй, упустил время, неуклюже повернулся и побежал. Тяжелый панцирь и ножные латы сильно мешали ему. Они были куда опасней, чем щит: их не бросишь сразу.

Задыхаясь, бежал философ по жнивью. Все зависело от того, удастся ли ему удержать преимущество. Может быть, храбрые юноши там, за его спиной, примут на себя удар и на время остановят противника?

Внезапно он вскрикнул от адской боли. Левая нога горела, это было нестерпимо. Со стоном повалился он на землю и тут же подскочил от новой боли. Сократ повел вокруг мутным взглядом и понял все: он попал в заросли терновника! Крутом, куда ни глянь, тянулись кусты, усаженные острыми шипами. В ноге торчала, должно быть, такая же колючка.

Сократ, сдерживая слезы боли, искал местечко, чтобы сесть. Он запрыгал на одной ноге и, сделав полный круг, осторожно опустился на землю. Необходимо было немедленно вытащить занозу.

Весь насторожившись, прислушался он к шуму боя, который значительно расширился на обоих флангах; в центре до него все еще было около сотни шагов, однако он приближался, медленно, но верно.

Сандалию никак не удавалось снять. Заноза, проткнув тонкую подошву, глубоко вошла в пятку. Можно ли снабжать солдат, защищающих родину от врага, такой тонкой обувью! Малейшее прикосновение к сандалие вызывало невыносимую боль. У бедного философа опустелись могучие руки.

Что делать?

Затуманенный взор его упал на меч, валявшийся рядом. Мысль, более счастливая, чем когда-либо в споре, обожгла философа. Меч вполне заменит нож! Он схватил его.

В эту минуту раздалось глухие шаги. Через чащу кустарника пробирался небольшой отряд. Слава богам, это были свои!

Заметив Сократа, они на миг остановились, и он слышал, как кто-то сказал: "Это сапожник". А затем отряд двинулся дальше.

Но вот донесся шум слева. Оттуда слышались слова команды на чужом языке. Персы!

Опираясь на меч, который был для этого коротковат, Сократ старался встать на ноги, то есть на здоровую ногу. В просвете между кустов он видел теперь клубок сражающихся, слышал стоны и удары тупого железа о железо или о кожу.

В отчаянии он запрыгал прочь, но тут же, ступив на раненую ногу, со стоном повалился на землю. И даже когда кучку сражавшихся, всего двадцать-тридцать человек, отделяло от него только несколько шагов, философ все еще сидел между двумя кустами терновника, беспомощно глядя на врага.

Двигаться было невозможно. Что угодно, лишь бы не испытать еще раз эту ужасную боль в ноге. Не зная, на что решиться, он вдруг завопил что есть мочи.

В сущности, он не чувствовал, что кричит, а только слышал собственные крики. Его могучая грудь издавала трубные звуки:

— Третий отряд, сюда! Задайте им перцу, ребята!

Словно со стороны, он увидел, как схватил меч и стал размахивать им вокруг: перед ним, вынырнув из кустов с копьём в руке, появился вражеский солдат. От удара меча копьё полетело в сторону, увлекая за собой перса.

И Сократ снова услышал свой рев:

— Ни шагу назад, ребята! Наконец-то они у нас в руках! Кропул, с шестым — вперед! Нулос, заходи справа! В порошок сотру, кто вздумает бежать!

К своему удивлению, Сократ увидел рядом двух своих, они испуганно уставились на него.

— Кричите, черт вас дери, кричите! — сказал он им тихо.

У одного от страха дрожала челюсть, другой принялся кричать что-то бессвязное. Перс между тем с трудом поднялся и исчез в кустах.

От прогалины подошло еще с десятков обессиленных греков. Персы, очевидно, бежали, заслышав крики, — они опасались засады.

— Что здесь такое? — спросил Сократа, все еще сидевшего на земле, один из его земляков.

— Ничего, — ответил тот. — Только не сбивайтесь все в кучу и не пяльтесь на меня. Лучше бегайте взад-вперед и командуйте, чтобы там не заметили, как нас мало.

— А не убежать ли нам? — колебался солдат.

— Ни шагу назад! — заорал философ. — Что вы, гусы, что ли?

Но ведь солдату мало одного страха, а нужна еще и удача: откуда-то издалека, но вполне отчетливо донесся конский топот

и яростные возгласы на греческом языке. Всем известно, сколь полным было поражение персов в этот день. Оно-то и решило исход войны.

Когда Алкивиад во главе своих всадников подскочил к зарослям терновника, он увидел, что кучка пехотинцев несет на плечах какого-то толстяка. Узнав в нем Сократа, Алкивиад задержал коня, и воины рассказали ему, что этот человек своим несокрушимым мужеством остановил дрогнувшие ряды бойцов.

Сократа с триумфом отнесли в обоз и, несмотря на его протесты, усадили в повозку. Окруженный потными, возбужденно орущими солдатами, философ возвратился в столицу и был доставлен на руках в свой маленький домик.

Жена Сократа Ксантиппа поставила варить для него бобовую похлебку. Стоя на коленях перед очагом, она раздувала огонь, не жалея щек, и время от времени поглядывала на мужа. Он все еще сидел на стуле, на который его посадили товарищи.

— Что это с тобой? — подозрительно спросила она.

— Со мной? — пробормотал он. — Ничего.

— Почему же все кричат о каких-то твоих подвигах, хотелось бы мне знать?

— Преувеличивают, — сказал он. — А вкусно пахнет!

— Как может пахнуть, да еще вкусно, когда я и огня-то не развела! Ты, верно, опять дурачком прикидывался? — сказала она зло. — Представляю, как меня засмеют завтра, когда я пойду за хлебом.

— Я вовсе не прикидывался дурачком. Я сражался.

— Спьяну, что ли?

— Да нет! Я остановил солдат, когда они начали отступать.

— Где тебе! Ты сам себя не можешь остановить, — сказала жена, поднимаясь с колен: огонь уже горел. — Подай-ка мне солонку со стола.

— Пожалуй... — медленно, словно раздумывая, произнес Сократ. — Пожалуй, не стоит мне сегодня есть. У меня что-то желудок не в порядке.

— Я же говорю, что ты пьян. Ну-ка встань, пройдишь по комнате, тогда увидим.

Хотя ее несправедливые попреки и раздражали его, он ни при каких обстоятельствах не встал бы, ибо не хотел показать ей, что не может ступить на ногу. Ксантиппа была чрезвычайно догадлива, когда нужно было разузнать о нем что-нибудь нелестное. А ведь не больно лестно, если обнаружится истинная причина его храбрости.

Ксантиппа продолжала хлопотать у очага и между делом выкладывала все, что было у нее на душе:

— Уверена, что твои знатные друзья устроили тебя в безопасное местечко, где-нибудь поближе к полевой кухне. Все это одно надувательство.

Сократ хмуро смотрел в окно. По переулку проходили люди с фонарями в руках. Афины праздновали победу.

Его влиятельные друзья и не пытались что-нибудь для него сделать. Да он и не согласился бы — во всяком случае, так прямо.

— А может быть, они решили, что, раз ты сапожник, так и топай со всеми. Они и пальцем для тебя не шевельнут! Сапожник, говорят они, сапожником и останется. Стали бы мы иначе ходить к нему в его вонючую дыру и часами спорить, слыша со всех сторон: посмотрите, сапожник или не сапожник, а только эти знатные господа не брезгают садиться с ним рядом и разговаривать с ним о философии? Сволочи!

— Это называется мизантропией, — равнодушно сказал философ.

Жена бросила на него сердитый взгляд.

— Можешь не учить меня! Сама знаю, что необразованная. Но если бы не я, некому было бы тебе воды подать вымыть ноги.

Он вздрогнул: нет, сегодня ему ни в коем случае нельзя мыть ноги; но она, кажется, не заметила и, хвала богам, продолжала строить свои догадки.

— Стало быть, ты не был пьян и тебе не удалось попасть в обоз: ты держался как настоящий рубака! У тебя, может быть, и руки в крови, что? А стоит мне раздавить паука, как ты из себя выходишь! Я, конечно, не верю в твою храбрость, но, чтобы так похлопывали по плечу, ты все же должен был что-то сделать. Тут что-то не так, и я доберусь до правды, будь покоен.

Похлебка сварилась. Теперь от нее действительно шел чудесный запах. Ксанטיפпа взяла горшок, поставила на стол, подерживая подолом, и принялась хлебать.

Сократ раздумывал — может быть, и ему поужинать? Но мысль, что придется сесть за стол, вовремя остановила его.

На душе у него было скверно. Он чувствовал, что дело этим не кончится. Скоро начнутся всякие неприятности. Нельзя выиграть у персов сражение и остаться в стороне. В первые минуты ликования, естественно, не думают о тех, кому обязаны победой: все превозносят до небес свои подвиги. Но завтра или послезавтра, когда люди увидят, что каждый норовит всю заслугу приписать себе, вспомнят, пожалуй, и о Сократе. Многие будут рады случаю побить кое у кого спеси, объявив сапожника героем. Алкивиада и без того недолюбливают. С каким удовольствием ему будет кричать: "Алкивиад, ты выиграл сражение, а врага побил сапожник!"

Боль от занозы усилилась. Если не удастся скоро снять сандалию, может быть заражение крови.

— Не чавкай так! — рассеянно сказал он, думая о своем.

Жена так и застыла с ложкой во рту.

— Что такое?

— Ничего, — испуганно поправился он. — Я задумался. Вне себя от обиды, жена отставила горшок на очаг и выбежала из комнаты.

Он тяжело перевел дух и, быстро поднявшись со стула, запрыгал к своему ложу, пугливо оглядываясь на дверь. Вернувшись, чтобы взять праздничную шаль, Ксантиппа подозрительно посмотрела на мужа, неподвижно лежавшего в своем кожаном гамаке. На мгновение она подумала, не заболел ли он, и даже чуть не спросила его — она ведь была преданной женой, — но одумалась и, ворча что-то, вышла: вместе с соседкой они отправились смотреть на торжества.

Сократ спал плохо и проснулся озабоченным. Сандалию он снял, но занозу так и не выгасил. Нога сильно распухла.

Утром он нашел жену несколько сговорчивее. Накануне она сама слышала — весь город говорил о ее муже. Раз все в таком восторге — значит, действительно что-то было. Но что он задержал боевой отряд персов, никак не умещалось у нее в голове. "Куда ему, — думала она. — Задержать своими вопросами целое собрание — да, это он может, но только не боевой отряд. Что же все-таки произошло?"

Она была в таком замешательстве, что подала ему козье молоко в постель.

Он, видимо, не собирался вставать.

— Ты не хочешь пройтись? — спросила она.

— Не желаю, — буркнул он.

Заботливой жене так не отвечают. Но Ксантиппа намеренно не заметила его грубости; он, верно, не хочет, чтобы люди на него глазели.

С раннего утра пришли гости — несколько молодых людей, сынки богатых родителей, обычное его общество. Они обращались к нему как к своему учителю и даже записывали, что он им говорил, словно это было невесть что.

Они тотчас же доложили Сократу, что слава его гремит в Афинах. Для философии это историческая дата. (Значит, это и вправду зовется философией, а не как-нибудь иначе.) Сократ доказал миру, что великий мыслитель может стать и великим деятелем.

Сократ слушал их без обычных насмешек. В звуках их речей ему чудился, словно раскаты далекой грозы, неистовый хохот, хохот всего города, всей страны — он еще далеко, но неудержимо приближается, нарастает, увлекая каждого: прохожих на улицах, купцов и политиков на площадях, ремесленников в их лавчонках.

— Все, о чем вы тут толкуете, — чепуха, — заявил он с внезапной решимостью. — Ничего я не сделал.

Они, улыбаясь, переглянулись. Один из них сказал:

— Мы говорили то же самое! Мы знали, что ты будешь

рассуждать именно так. "С чего это вы подняли такой крик? — спросили мы Эвзопула, повстречав его у гимнасия. — Десять лет Сократ совершал подвиги духа, а никто его и знать не хотел. Но стоило ему выиграть сражение, как все Афины заговорили о нем. Неужели вы не видите, — сказали мы, — как это недостойно?"

Сократ застонал.

— Да я же и не выигрывал его! Я защищался, потому что на меня напали. Меня это сражение не интересовало. Я не торговец оружием, и за стенами города у меня нет виноградников. Я даже не знал, за что воюю. Да и вокруг меня были достаточно умные люди, жители предместий, у них тоже не было интереса сражаться. И я сделал то же, что и они, разве только на мгновение раньше!

Друзья его были озадачены.

— Не правда ли! — вскричали они. — То же самое и мы говорили: он ничего не делал, только защищался. Это его способ выигрывать битвы. Извини, мы поспешим в гимнасий. Мы как раз спорили на эту тему и только заглянули к тебе поздороваться. — И они ушли, увлеченные горячим спором.

Сократ лежал, закинув за голову руки, и молча смотрел в закопченный потолок. Мрачные предчувствия не обманули его.

Жена наблюдала за ним из угла комнаты, рассеянно ковыряя иглой старую юбку.

Вдруг она тихо сказала:

— В чем же тут дело?

Он вздрогнул и неуверенно посмотрел на нее.

Изнуренное работой существо с плоской как доска грудью и печальными глазами — его жена. Он знал, что может положитьсь на нее. Она бы заступилась за него, даже если бы его ученики начали говорить: "Сократ? Это не тот ли презренный сапожник, что не признает богов?" На горе себе она встретила с ним, но не жаловалась никому, кроме него. И не было еще случая, чтобы его не ждал дома кусок хлеба и сала, когда он, голодный, возвращался поздно вечером от своих состоятельных учеников.

Он спрашивал себя, не сказать ли ей все. А потом подумал, что ведь придется без конца изворачиваться и лицемерить в ее присутствии, если люди будут приходить, как сейчас, и толковать о его подвигах. И он не сможет этого делать, если ей будет известна правда, так как слишком ее уважает.

Поэтому он ограничился тем, что сказал:

— От вчерашнего супа опять хоть из дому беги!

Она смерила его недоверчивым взглядом: ведь он прекрасно знает, что они не могут себе позволить выбрасывать остатки. Он просто ищет, чем бы ее отвлечь.

В ней росло убеждение, что с ним что-то случилось. Почему он не встает? Он всегда вставал поздно, но потому, что поздно

ложился. Вчера же он лег очень рано. А сегодня весь город с утра на ногах по случаю празднования победы. В переулке закрылись все лавки. Часов в пять утра вернулась часть конницы, преследовавшей неприятеля, и всех переполошил конский топот. Шумные сборища — его страсть. В такие дни он бегаёт с утра до вечера и со всеми заводит разговоры. Почему же он не встает?

Дверь скрипнула, и вошли четверо должностных лиц. Посреди комнаты они остановились, и один из них официальным, но очень вежливым тоном сказал, что ему поручено сопровождать Сократа в ареопаг. Сам полководец Алкивиад предложил воздать ему почести за его ратные успехи.

Сдержанный говор за окном показывал, что в переулке собрались соседи.

Сократ почувствовал, как по всему его телу выступил пот. Он знал, что должен теперь встать и, если даже откажется пойти с ними, стоя сказать несколько учтивых слов и проводить их до дверей. И он знал, что не сделает и двух шагов. А тогда они посмотрят на ногу и всё поймут, и поднимется страшный хохот — здесь, сейчас, на этом самом месте.

И он не встал, а, наоборот, опустился на свою жесткую подушку и недовольно сказал:

— Мне не нужны почести. Передайте ареопагу, что мы условились с несколькими друзьями встретиться в одиннадцать часов и обсудить один интересный философский вопрос. К великому моему сожалению, я не могу прийти... Да и вообще я не гожусь для публичных церемоний и крайне устал.

Последнее Сократ добавил, потому что тут же пожалел, зачем он припутал сюда философию, а первое сказал, потому что надеялся избавиться от них грубостью.

Городские власти поняли его и, повернувшись на каблуках, вышли, наступая на ноги толпившимся снаружи любопытным.

— погоди, тебя еще научат уважать власть, — в сердцах сказала жена и ушла на кухню.

Он подождал, пока она скроется за дверью. Тогда, быстро повернув свое тяжелое тело и косясь на дверь, он сел на край постели и с бесконечными предосторожностями попробовал наступить на больную ногу. Нет, это безнадежно. Обливаясь потом, он снова лег.

Прошло полчаса. Сократ взял книгу и стал читать. Когда он держал ногу спокойно, то почти не замечал боли.

Вскоре явился его друг Антисфен. Не снимая верхней одежды, он стал в ногах ложа и некоторое время глядел на Сократа, судорожно покашливая и почесывая заросшую лохматой бородой шею.

— Ты еще лежишь? А я думал, что застану одну Ксантиппу. Я только для того и вышел, чтобы справиться о тебе. Угоразди-

ло же меня простудиться, вот я и не мог участвовать вчера в деле.

— Садись, — односложно ответил Сократ.

Антисфен принес из угла стул и подсел к другу.

— Нынче вечером я снова начинаю занятия. Нет оснований откладывать дальше.

— Да, конечно.

— Я, разумеется, сомневался, придут ли мои ученики: ведь сегодня повсюду пируют. Но по дороге сюда я встретил юного Фестона, и, когда я сказал ему, что вечером даю урок алгебры, он возликовал. Я сказал, что он может прийти и в шлеме. Протагор и другие от злости подпрыгнут до потолка, когда станет известно, что у Антисфена в первый вечер после сражения изучали алгебру.

Отталкивая ладонью от слегка покосившейся стены, Сократ тихо покачивался в гамаке. Он испытующе смотрел на друга своими большими, слегка навывкате глазами.

— А больше ты никого не встречал?

— О, множество людей!

Мрачно задумавшись, Сократ разглядывал потолок. Не открыться ли Антисфену? Он был достаточно уверен в нем. Сам он никогда не брал денег за обучение и не был, следовательно, для него конкурентом. Может быть, стоит посоветоваться с ним в этом трудном деле?

Искрящиеся, как у стрекозы, глаза Антисфена с любопытством смотрели на друга. Он рассказывал:

— Горгий ходит по городу и говорит каждому встречному, что ты, вероятно, пустился наутек, да с перепугу ошибся направлением, побежал вперед. Кое-кто из нашей избранной молодежи собирается его поколотить.

Сократ, неприятно пораженный, повернулся к нему.

— Вздор! — сказал он с досадой.

Ему вдруг стало ясно, какое оружие он даст своим врагам, если раскроет карты.

Ночью, под утро, ему пришло в голову, что, пожалуй, все это можно представить как опыт: ему, мол, захотелось узнать, насколько легкомысленны люди. "Двадцать лет я на всех перекрестках учил пацифизму, и вот достаточно пустого слуха, чтобы мои собственные ученики объявили меня каким-то берсеркером", и т.п. Но тогда не надо было выигрывать сражение! Очевидно, сейчас и впрямь плохие времена для пацифизма. После поражения даже верхи становятся на некоторое время пацифистами. После победы даже низы — сторонники войны, по крайней мере пока не обнаружится, что для них победа не слишком отличается от поражения. Нет, пацифизмом сейчас трудно щеголять.

В переулке послышалось цоканье копыт и смолкло перед домом. В комнату своей стремительной походкой вошел Алкивиад.

— Здравствуй, Антисфен. Как философские делишки? Наши старейшины вне себя, Сократ! — вскричал он, сияя от удовольствия. — В ареопаге из-за твоего ответа форменная буря. Шутки ради я изменил свое предложение наградить тебя лавровым венком и предложил наградить пятьюдесятью палочными ударами. Это их явно задело, потому что я выдал их тайные мысли. Но ты все же должен пойти. Мы отправимся вместе, пешком.

Сократ вздохнул. Они были друзья с Алкивиадом и частенько выпивали вдвоем. Похвально, что друг навестил его, и, конечно, он сделал это не из одного желания позлить ареопаг, хотя и это заслуживает одобрения и всяческого содействия.

Продолжая раскачиваться в своем гамаке, Сократ рассудительно сказал:

— Спешка — это такой ветер, который может сорвать паруса. Садись-ка!

Алкивиад засмеялся и придвинул стул. Прежде чем сесть, он дружески поклонился Ксантиппе, которая стояла в дверях кухни и вытирала о юбку мокрые руки.

— Вы, философы, странный народ, — сказал он нетерпеливо. — Возможно, ты даже раскаиваешься, что помог нам разбить персов. Антисфен, разумеется, доказал тебе, что для этого не было достаточных оснований.

— Мы говорили об алгебре, — поспешил откликнуться Антисфен и закашлялся.

• Алкивиад усмехнулся:

— Так я и думал. Тебе противен весь этот шум? Но как-никак ты проявил мужество. По-моему, в этом нет ничего особенного; ну разве горсть листьев лавра — это что-то особенное? Стисни зубы, старина, и снеси это с должным терпением. Все кончится быстро и безболезненно. А затем мы выпьем по стаканчику.

Он с интересом смотрел на коренастое, крепкое тело Сократа, которое теперь раскачивалось довольно сильно.

А тот ломал голову, перебирая, что он может сказать. Он мог бы сказать, что этой ночью или этим утром вывихнул ногу. Например, когда солдаты ссаживали его с плеч. В этом есть даже свой резон. Подобные случаи показывают, как легко человек может пострадать от восторгов своих соотечественников.

Не переставая качаться, Сократ приподнялся и сел; потер голую левую руку правой и медленно сказал:

— Дело в том, что у меня с ногой...

Но тут взгляд философа, не слишком твердый, ибо он готовился соврать — до сих пор он только отмалчивался, — упал на Ксантиппу, по-прежнему стоявшую в дверях.

И он сразу осекся. У него мгновенно пропала всякая охота сочинять какие-то истории: ведь он не вывихнул ногу!

Гамак остановился.

— Послушай, Алкивиад, — начал Сократ решительным и бодрым тоном, — ни о какой храбрости и речи быть не может. Как только началось сражение, вернее, как только я увидел персов, я бросился бежать, да-да, и туда, куда следует, назад. Но там рос терновник! Я сразу же засадил себе огромную колючку в пятку и не мог сделать ни шагу. Тут я стал как бешеный рубить мечом, чуть ли не по своим. В отчаянии закричал и что-то насчет других отрядов, чтобы обмануть персов. Сдуру, конечно, они ведь не понимают по-гречески. А персы, видно, тоже не знали, на каком они свете. Им и так досталось при наступлении, и они просто не выдержали моих криков. На какую-то минуту они растерялись, а тут подоспела наша конница. Вот и все.

Несколько секунд в комнате было очень тихо. Алкивиад пристально смотрел на Сократа. Антисфен кашлял, закрыв рот рукою, — на этот раз непритворно. В дверях кухни громко смеялась Ксантиппа.

Алкивиад холодно сказал:

— И ты не мог, конечно, пойти в ареопаг и там ковылять по лестницам, чтобы получить лавровый венок. Я понимаю...

Алкивиад откинулся на спинку стула. Прищурился глазами, он смотрел на философа, распростертого на своем ложе. Ни Сократ, ни Антисфен не глядели в его сторону.

Он нагнулся и обхватил руками колено. Его еще по-детски узкое ушко чуть подергивалось, но не выдавало ни чувств его, ни мыслей.

— Почему ты не сказал, что у тебя какая-нибудь другая рана? — спросил он.

— Потому что я занозил себе пятку, — сердито отозвался Сократ.

— А, поэтому?.. Понимаю.

Алкивиад вскочил и подошел к постели.

— Жаль, что я не захватил свой венок — я отдал его подержать одному человеку. А то я оставил бы его тебе. Поверь мне, ты больше, чем я, заслужил его своей храбростью. Я не знаю никого, кто при подобных обстоятельствах рассказал бы то, что рассказал ты.

И он поспешно вышел.

Обмыв ногу и вытащив занозу, Ксантиппа утрово сказала:

— Могло быть заражение крови.

— По меньшей мере, — подтвердил философ.

БЕСПУТНАЯ СТАРУХА

Бабушке моей было семьдесят два года, когда умер дед. Он владел маленькой литографией в одном баденском городке и

проработал в ней с двумя-тремя подмастерьями до самой смерти. Бабушка вела хозяйство одна, без прислуги; она следила за старым, обветшавшим домом и стряпала для мужа, работников и детей.

Бабушка была маленькая худенькая женщина, с живыми, как у ящерицы, глазами и тихой неторопливой речью. В очень скромных условиях она вырастила пятерых детей — а всего она родила семерых, — и оттого она сама с годами как-то усохла.

Две ее дочери переселились в Америку, сыновья тоже разъехались кто куда. Только младший, послабее здоровьем, остался в городке. Он стал печатником и завел большую, не по средствам, семью.

Так и вышло, что после смерти мужа бабка осталась одна в доме.

Ее дети писали друг другу письма, обсуждая, как с ней быть. Один из сыновей предлагал ей переехать к нему, а печатник мечтал перевезти свое семейство в отцовский дом. Но старуха отклонила эти предложения и сказала, что предпочитает получать от детей, кому позволяют средства, небольшую денежную помощь. Устаревшую литографию пришлось продать за бесценок, а кроме того, после мужа оставались долги.

Дети писали матери, что не годится ей жить совсем одной, но, так как она оставляла их советы без внимания, уступили и стали каждый месяц посылать ей понемногу денег. В конце концов, рассудили они, в городке остается их брат, печатник.

Печатник и в самом деле взялся сообщать о матери братьям и сестрам. По письмам, которые он писал моему отцу, и по рассказам отца, который спустя два года навестил бабушку, я и знаю, что у них там произошло.

По-видимому, печатник был в обиде на бабушку оттого, что она отказалась поселить его в своем довольно просторном, пустующем теперь доме. Сам он ютился с четырьмя детьми в трех комнатках. Но старуха и вообще почти не поддерживала с ним отношений. Каждое воскресенье она приглашала детей на чашку кофе после обеда — вот и все.

За три месяца она, бывало, разок-другой навестит сына да, когда поспевали ягоды, поможет невестке сварить варенье. Невестка из кое-каких замечаний свекрови заключила, что ей в квартире сына тесно, и сын не удержался и в очередном послании поставил против этого места в своем отчете восклицательный знак.

Когда отец спросил в письме, чем же, собственно, занимается теперь мать, печатник ответил кратко, что она ходит в кино...

Надо вам сказать, что такое времяпрепровождение было в те времена весьма необычным, а особенно в глазах ее детей. Тридцать лет назад кино сильно отличалось от нынешнего. Филь-

мы показывали в жалких, плохо проветриваемых помещениях, обычно в бывших кегельбанах; кричащие плакаты у входа рекламировали убийства и трагедии на почве ревности. По правде говоря, туда заглядывали только подростки да еще влюбленные парочки в поисках местечка потемнее. Присутствие там одинокой старой женщины, конечно, не могло не броситься в глаза.

У этих посещений была и другая сторона. Сходить в кино стоило дешево, но само это развлечение принадлежало к тому же сорту, что и дешевые лакомства, — это был пустой перевод денег. А переводить деньги попусту не слишком-то похвально.

К тому же бабушка пренебрегала не только сыном, она забросила и всех своих знакомых. Ее никогда нельзя было увидеть среди почтенных женщин, собирающихся за чашкой кофе. Зато она часто посещала мастерскую холостого сапожника в бедном переулке, о котором в городе шла дурная слава. В этой мастерской, особенно поближе к вечеру, сидели всякие малопочтенные личности, безработные кельнерши и подмастерья. Сапожник был человек средних лет, его много носило по свету, но он так ничего и не добился. Поговаривали даже, что он пьет. Словом, это была неподходящая компания для моей бабушки!

Печатник вскользь намекнул в одном из писем, что он сделал матери замечание в этом духе, но та весьма холодно объяснила ему, что этот человек много чего повидал в жизни. Так она ответила, и на этом разговор был закончен. С бабушкой было нелегко говорить о вещах, о которых она говорить не желала.

Примерно полгода спустя после смерти дедушки печатник написал отцу, что их мать через день обедает в гостинице.

Этого еще не хватало! Бабушка, которая всю свою жизнь стряпала для десятка людей, а сама довольствовалась остатками, обедает в гостинице? Что это на нее нашло?

Вскоре отцу пришлось совершить деловую поездку в те края, где жила бабушка, и это позволило ему навестить ее.

Он застал ее, когда она собиралась уходить. Бабушка сняла шляпу и предложила ему стакан красного вина с печеньем. Отец не заметил в ней ничего необычного: она была не то чтобы слишком весела, но и не чересчур молчалива. Спросила она и о нас — впрочем, очень бегло. Ее главным образом интересовало, едят ли дети вишни. В этом она осталась верна себе. В комнате все, конечно, сверкало чистотой, и выглядела бабушка вполне здоровой.

Единственное, что говорило о ее новой жизни, — она отказалась сходить с отцом на кладбище, на могилу мужа.

— Ступай сам, — сказала она небрежно, — она в одиннадцатом ряду, третья слева. Мне еще нужно в одно место.

Печатник утверждал потом, что ей, конечно, нужно было к ее сапожнику. Он очень сетовал на мать.

— Мне приходится со всей моей оравой ютиться в этой ды-

ре, — говорил он, — да и работаю я всего пять часов, и плата нищенская, и меня опять замучила астма, — а наш дом на главной улице стоит пустой.

Отец остановился в гостинице, но он ожидал, что мать хотя бы для виду предложит ему переехать к ней, да не тут-то было. А ведь когда-то, когда дома положительно ступить негде было, она огорчалась, если он не останавливался у них да еще трагился на гостиницу!

Видно было, что бабушка покончила счеты со старой жизнью в семье и на склоне лет решила зажечь по-новому. Мой отец, охотник пошутить, нашел тогда, что "матушка у нас в полной форме", и советовал дяде не мешать старухе жить по-своему.

Но как по-своему?

Вскоре нам сообщили очередную новость: бабушка в обычный будний день — это был четверг — заказала "брэгг" и поехала за город. Брэгг — вместительный экипаж на высоких колесах, в нем достаточно места для целой семьи. Изредка, когда мы, внуки, приезжали к старикам, дедушка нанимал брэгг. Бабушка в таких случаях всегда оставалась дома. Сколько ее ни просили, она с пренебрежительным жестом отказывалась ехать с нами.

За прогулкой в брэгге последовала поездка в К. Это сравнительно большой город, в двух часах езды по железной дороге. Там устраивались бега, и моя бабушка поехала на бега.

Печатник совсем в панику ударился. Он хотел уже обратиться к врачу. Отец, читая его письмо, качал головой, но к врачу обратиться не позволил.

В город К. бабушка поехала не одна. Она взяла с собой молодую девушку, служанку на кухне из той гостиницы, где она обедала через день, — по мнению печатника, совершенно слабое создание.

Отныне эта "дурочка" стала играть в жизни бабушки не последнюю роль.

Бабушка, видимо, не на шутку к ней привязалась. Она брала ее с собой в кино и к сапожнику, который, кстати, оказался социал-демократом, и вскоре распространился слух, что обе женщины часами просиживают у него на кухне за бутылкой красного вина и играют в карты.

"Недавно она купила дурочке шляпу с розами, — в отчаянии писал печатник. — А нашей Анне не в чем идти к первому причастию".

Письма дяди становились все более истеричными, в них только и говорилось что о "беспутном поведении нашей дорогой матушки". Больше ничего нельзя было понять.

Остальное я узнал от отца.

Хозяин гостиницы, подмигнув, шепнул ему:

— Как слышно, госпожа Б. теперь развлекается.

На самом деле моя бабушка эти последние годы жила далеко не роскошно. Когда она не обедала в гостинице, она делала себе яичницу, выпивала чуточку кофе и съедала несколько своих любимых печений. Зато она позволяла себе покупать дешевое красное вино и каждый раз, садясь за стол, выпивала маленький стаканчик. Квартиру она содержала в чистоте, и не только спальню и кухню, которыми пользовалась. Зато, не спросившись детей, она взяла под дом небольшую ссуду. Что она сделала с деньгами, никто так и не узнал. Возможно, она отдала эти деньги сапожнику. После ее смерти он переехал в другой город и, как поговаривали, открыл там мастерскую для пошивки обуви на заказ.

Если разобраться, бабушка прожила две жизни. Первую жизнь она прожила как дочь, жена и мать, а вторую — просто как госпожа Б., одинокий человек без каких-либо обязанностей, со скромными, но достаточными средствами. Первая ее жизнь продолжалась без малого шесть десятков лет, вторая — года два.

Потом отцу рассказывали, что за последние полгода своей жизни она позволяла себе такие чудачества, о каких нормальные люди понятия не имеют. Она могла, например, встать летом в три часа утра и пойти бродить по пустынным улицам, радуясь тому, что город в эти часы принадлежит ей одной. И все кругом утверждали, что, когда к ней однажды пришел священник, чтобы утешить старую женщину в ее одиночестве, она пригласила его в кино!

Бабушка отнюдь не была одинокой. У сапожника собирались, по-видимому, очень веселые люди, и чего они только не рассказывали! Там всегда стояла ее дежурная бутылка красного вина, и, покуда остальные что-нибудь рассказывали или посмеивались над почтенными и влиятельными лицами города, она выпивала свой стаканчик. Красное вино было только для нее, но она частенько угощала общество и более крепкими напитками.

Умерла она неожиданно, осенним вечером, в своей спальне, и не в постели, а в кресле у окна. В этот вечер она пригласила "дурочку" с собой в кино. Так что в час ее смерти девушка была при ней. Бабушке было семьдесят четыре года.

Я видел ее фотографию на смертном одре, снимок был сделан для ее детей.

На нем видно крохотное личико со множеством морщинок и тонкогубым, но широким ртом. Много мелкого, но ничего мелочного. Она познала долгие годы рабства и короткие годы свободы и вкусила хлеб жизни до последней крошки.

ТРОФЕИ ЛУКУЛЛА

В начале шестьдесят третьего года в Риме царило великое волнение. В многолетних походах Помпей завоевал для римлян Азию, и теперь они, исполненные страха, ждали возвращения победителя. После его военного успеха не только Азия, но, понятно, и Рим сдался на милость победителя.

В один из таких тревожных дней из утопавшего в густых садах дворца вышел невысокий худощавый патриций и спустился до самых мраморных ступеней навстречу гостю. То был опальный полководец Лукулл, а его гостем, пришедшим, кстати сказать, пешком, был поэт Лукреций.

Азиатскую кампанию в свое время начал этот старый полководец, но Помпей благодаря хитроумным интригам сумел отстранить его от командования. Помпей знал, что многие римляне подлинным завоевателем Азии считали Лукулла, и потому последний имел все основания с опаской ожидать прибытия триумфатора. В последние дни у него было не слишком много посетителей.

Полководец сердечно приветствовал поэта и повел его в небольшой зал, где бы тот мог подкрепиться. Но поэт съел всего две-три фиги. Он чувствовал себя скверно: у него были слабые легкие, и он плохо переносил весенние туманы.

О политических событиях в начале беседы не было сказано ни слова. Разговор шел лишь о философских проблемах.

Лукулл сказал поэту, что тот, пожалуй, слишком легко расправляется с богами в своей дидактической поэме "О природе вещей". Он думает, что опасно просто отмахиваться от веры, сводя ее к одному лишь суеверию. Религиозность — то же, что мораль. Отказываясь от одного, невольно отказываешься и от другого. Суеверные представления, которые можно без труда опровергнуть, связаны с другими представлениями, истинную ценность каких-либо доказать невозможно, но которые тем не менее необходимы, и т.д. и т.п.

Лукреций, разумеется, с ним не согласился, и старый полководец, чтобы подкрепить свои доводы, рассказал сон, который ему приснился во время одного из азиатских походов — как оказалось, последнего:

"Это случилось после битвы при Гациуре. Положение было почти безнадежным. Нас могли спасти только немедленные победы. Триарий, мой тогдашний помощник, вместе со своими войсками попал в засаду. Нужно было как можно быстрее призвать их из беды, иначе мы погибли бы. Как раз в это время из-за длительной задержки с выплатой жалованья недовольство среди войск приняло угрожающие размеры.

Я очень устал и как-то после обеда заснул прямо над картой. И тогда мне приснился сон, который я и хочу вам рассказать, мой Лукреций.

Наш лагерь лежал у большой реки, у реки Галис, которая вздулась и грозила наводнением. Мне снилось, будто я ночью сижу в палатке и разрабатываю план битвы, в которой наконец уничтожу своего врага Митридата. В какой-то миг река стала непреодолимой, и одна часть войска Митридата оказалась отрезанной от другой. Если я сейчас нападу на ту часть вражеского войска, которая находится на нашем берегу, то оказать ему помощь с другого берега Митридат не сможет.

Наступило утро. Я приказал построить войска и совершить обряд жертвоприношения. Я побеседовал со жрецами, и они рекли, что предзнаменования на редкость благоприятны. Я произнес длинную речь, говорил об уникальной возможности окончательно разгромить врага, о том, что боги приняли нашу сторону, вспучив реку, об удивительно благоприятных знаменьях, доказывающих, что битва эта угодна небу, и т.п. и т.п. Пока я говорил, произошло нечто странное.

Я стоял на возвышении и хорошо видел равнину, расстилавшуюся позади боевых порядков. В некотором удалении от них ввысь поднимался дым бивачных костров войска Митридата. От вражеского войска нас отделяли поля с почти созревшими хлебами. В стороне, у самой реки, был крестьянский двор, и ему угрожало затопление. Семья крестьянина выносила свои пожитки из маленького, низенького домика.

Вдруг я заметил, что крестьяне подают нам знаки. Несколько моих легионеров, видно, услышали крики и повернулись лицом к крестьянам. Четыре или пять легионеров направились к ним, сначала медленно и неуверенно, а затем перешли на бег.

Но крестьяне показывали в другую сторону. Я понял, что они имели в виду. Справа от нашего лагеря был возведен земляной вал. Вода размывала его, и он мог вот-вот рухнуть.

Я продолжал свою речь, ни на миг не выпуская из поля зрения происходящее у реки. Внезапно у меня родилась идея.

Вытянув руку, я показал на вал и, когда взоры всех воинов обратились туда, произнес торжественным голосом: "То воля богов, солдаты! Это они повелели реке размывать вал. Вперед, во славу богов!"

Сон мой, естественно, был не совсем отчетливым, но я отлично помню тот миг, когда все войско, в центре которого я стоял, на секунду затаив дыхание, вдруг обратило взоры на вал, готовый вот-вот рухнуть.

Это продолжалось очень недолго. Внезапно сотни воинов без всякой команды бегом бросились к земляному валу.

Несколько воинов, еще раньше поспешивших на помощь крестьянам, уже выводили вместе с ними из хлева скот. Они тоже принялись орать во всю глотку: "Вал! Вал!"

Теперь бегущих было уже несколько тысяч. Все устремились к валу. Мимо меня пробежали и те, что стояли позади меня.

В конце концов не устоял и я. Неудержимый людской поток катился навстречу потоку воды.

Я крикнул стоящим, вернее, бегущим рядом солдатам: "На врага!" — "Да, к реке!" — завопили они в ответ, словно не поняв меня. "А как же битва?!" — кричал я. "Потом", — точно желая подбодрить меня, кричали солдаты в ответ.

Тогда я преградил путь сбившейся в кучу когорте и повелительно крикнул: "Приказываю вам остановиться!"

Двое или трое солдат все-таки остановились. Среди них был долговязый малый со скошенным подбородком, которого я помню по сей день, хотя видел его лишь во сне. Он обернулся к своим товарищам и спросил: "Это кто?" И в его вопросе отнюдь не звучала наглость. Он был совершенно искренен. И так же искренне, это было видно по их лицам, остальные ответили: "Не знаем". И все побежали дальше, к валу.

Вскоре я остался совершенно один. Рядом на полевых алтарях еще горели жертвоприношения. Но я видел, что даже жрецы последовали за воинами к реке — разумеется, помедленнее, ибо они были потолще.

Повинуясь невероятно сильному порыву, и я решил посмотреть, что делается у вала. Я смутно чувствовал, что там необходимо навести порядок. Раздираемый противоречивыми чувствами, я неторопливо направился туда, но вскоре тоже перешел на бег. Меня вдруг охватила тревога, что работы могут быть организованы неверно и что вал все-таки рухнет. У меня промелькнула мысль, что тогда не только крестьянский двор, но и поля с почти созревшим урожаем погибнут. Как видите, и я заразился чувствами толпы.

Но когда я добрался до реки, то увидел, что работы на валу ведутся с толком. Большой удачей было то, что наши легионеры имели при себе лопаты для возведения оборонительных сооружений. Воткнуть меч в фашину никто не додумался, хотя он мешал при работе. Землю таскали щитами.

Вначале я стоял без дела, но какой-то солдат схватил меня за рукав и сунул в руки лопату. Я принялся копать, повинуясь командам центуриона. Рядом со мной кто-то сказал: "У нас дома, в Пичене, в восемьдесят втором году тоже плотина рухнула. И весь урожай погиб". Конечно, подумал я, ведь большинство из них — крестьянские дети.

Помню я, что мысль об опасной близости врага все же на секунду промелькнула у меня. "Будем надеяться, что враг не воспользуется удобным случаем", — сказал я своему соседу. "Ерунда, — ответил он, обливаясь потом, — сейчас не время воевать".

Подняв глаза, я в самом деле увидел внизу, у реки, солдат Митридата, также занятых укреплением земляного вала. Они трудились вместе с моими воинами и объяснялись с помощью

знаков и жестов, потому что не понимали нашего языка. Вот до чего явственным, до мельчайших подробностей, был этот сон”.

Старый полководец прервал свой рассказ. На его маленьком, пожелтевшем, сморщенном лице отражались озабоченность и недоумение.

— Прекрасный сон, — спокойно произнес поэт.

— Да. То есть как это? Нет! — Полководец бросил неуверенный взгляд на поэта. Потом засмеялся. — Счастливым я себя не почувствовал, — поспешно добавил он, — когда я проснулся, на душе у меня было довольно скверно. Этот сон показался мне доказательством большой слабости духа.

— Неужели? — удивился поэт.

На мгновение воцарилась тишина. Затем Лукреций заговорил снова:

— И как же вы истолковали этот сон тогда?

— Что авторитет есть нечто весьма непрочное, разумеется.

— Во сне?

— Да, но тем не менее это так...

Лукулл хлопнул в ладоши, и тотчас появились слуги и унесли чаши. Они по-прежнему были полны яств. Лукулл тоже не дотронулся до еды. В эти дни он совсем потерял аппетит.

Он предложил гостю осмотреть голубой зал, где хранились недавно приобретенные им произведения искусств, и они отправились туда по открытым галереям бокового крыла его огромного дворца.

Резко постукивая тростью о каменные плиты, полководец продолжал:

— Поражение я потерпел не из-за испорченности простого люда, а из-за растленности наших вельмож. Их любовь к родине — это любовь к своим дворцам и рыбным садкам. Римские налоговые чиновники объединились против меня с тамошними землевладельцами. Они пообещали парализовать действия мои и моего войска, а за это землевладельцы передали в их полное распоряжение малоазиатских крестьян. С моим преемником эти господа уживались куда лучше. ”Вот это настоящий полководец, — говорили они, — он берет”. И подразумевали не крепости. Одного малоазиатского правителя мой преемник обложил данью в пятьдесят миллионов. Но, поскольку деньги эти следовало сдать в государственную казну, он ”ссудил” эту сумму местному царьку и теперь ежегодно получает сорок процентов дохода. Воистину великие завоевания!

Лукреций не очень-то прислушивался к болтовне старого полководца, который и сам немало пограбил в Азии — к примеру, сокровища этого дворца. Он все еще был под впечатлением рассказанного сна, который показался ему удивительно похожим на подлинное событие, происшедшее при взятии Амизы войсками Лукулла.

Амиз, дочерний город великолепных Афин, полный бесценных произведений искусства, был разграблен и спален солдатами Лукулла несмотря на то, что полководец, по слухам, со слезами на глазах умолял мародеров пощадить сокровища. И на этот раз власть его оказалась недостаточной преградой.

Одно событие произошло во сне, другое — наяву. Не означает ли это, что, если человек своей властью приказывает убивать, он уже не может воспрепятствовать грабежу? Лукулла и самого мучили схожие мысли, хотя он и не отдавал себе в том отчета.

Самым прекрасным из вновь приобретенных им произведений искусства была небольшая глиняная статуэтка Ники. Лукреций взял ее в свои исхудавшие руки и с улыбкой на лице стал разглядывать.

— Превосходный мастер! — тихо произнес он. — Сколько в ней доверчивости, сколько нежности в ее улыбке! Изобразить богиню победы богиней мира — вот каков его замысел! Статуэтка относится, очевидно, к тем временам, когда народы эти еще были свободны.

Лукулл бросил на него недоверчивый взгляд и в свою очередь взял в руки статуэтку.

— Человечество, — неожиданно произнес он, — как правило, зло помнит дольше, чем благо. Что остается от блага? А вот от ран остаются шрамы.

Поэт по-прежнему хранил молчание, но при этих словах удивленно взглянул на него.

— Вижу, мои слова удивили вас? — спросил полководец.

— Да, по правде говоря, я немного удивлен. Вы и в самом деле боитесь, что историки обесславят вас в веках?

— Пожалуй, да, но больше всего я боюсь забвения. Сам не знаю, чего я боюсь. Это месяц страха, не так ли? Страх особенно свиреп именно сейчас. Впрочем, как всегда после победы.

— Да, если я верно осведомлен, вы в эти дни должны бояться славы больше, чем забвения.

— Это так. Слава для меня опасна. Пожалуй, опаснее всего. Но, между нами говоря, вот что примечательно. Я солдат, и смерть меня, собственно, никогда не страшила. А вот теперь во мне произошла удивительная перемена. Чудесное зрелище цветущих садов, отменно приготовленная еда, восхитительные произведения искусства породили в моей душе непонятную слабость. И хоть я и сейчас не боюсь смерти, но самого страха перед смертью боюсь. Можете вы это объяснить?

Поэт молчал.

— Я понимаю, — продолжал полководец несколько поспешно. — У меня еще свежи в памяти ваши стихи, мне кажется, я даже помню их наизусть. Кстати, тоже плохой знак.

И он начал декламировать уже ставшие знаменитыми стихи

Лукреция о страхе смерти — впрочем, спокойно, без всякого выражения:

Значит, нам смерть — ничто и ничуть не имеет значения...
А потому, если кто при тебе сокрушается горько
И негодует на то, что сгниет его тело в могиле
Или же пламя его иль звериная пасть уничтожит,
Ясно, что он говорит неискренне, что уязвляет
Сердце его затаенная мысль вопреки увереньям
Собственным, что никаких ощущений со смертью не будет;
Не соблюдает, по мне, он своих убеждений заветных,
С корнем из жизни себя извлечь не желая и вырвать,
Но бессознательно мнит, что не весь он по смерти погибнет...
Жалко себя самого: он себя отделить не способен
И отрешиться вполне от простертого трупа: себя он
Видит лежащим пред ним и свои придает ему чувства.
В негодовании он на то, что смертным родился,
Не сознавая того, что при истинной смерти не может
Быть никого, кто бы мог, как живой, свою гибель оплакать,
Видя себя самого терзаемым или сожженным¹.

Борясь с кашлем (ох уж эта ночная сырость!), поэт внимательно слушал, как Лукулл декламирует его стихи. Он поддался искушению и сам прочитал хозяину дома несколько строф, вычеркнутых им из поэмы, чтобы не испортить вконец настроение читателей. В этих строфах Лукреций развивал мысль о причинах, позволяющих объяснить, почему человек упорно пытается удержать ускользающие мгновения.

Он произносил свои стихи хриплым голосом, отчетливо, медленно, потому что помнил их не очень хорошо:

Те, что рыдают в унынье, мол, жизнь у них похищают,
вспомнят пускай, как их грабили и как они грабили сами.
Ах, ведь из рук рыбака ту рыбину, что из пучины
вырвал он, яростно рвут алчные рыботорговцы!
Ну а хозяйка, что жарит ту рыбину на сковородке,
скупо расходует масло, взирая с печалью и грустью,
как умалился запас этого масла! О, ужас
вовсе без масла остаться! О, страх оказаться вдруг нищим!
Предки отнюдь не чурались насилья. Потомки ж,
лишь преступая законы, с трудом сберегают наследье.
Свой драгоценный рецепт красильщик не выдает клиенту:
вдруг все прознают, в чем дело?! И в пьяном застолье артистов
бедный поэт прикусил свой язык: идею он походя выдал!

¹Перевод Ф. А. Петровского.

Льстивый нахал совращает невинную деву,
жертву жрец вымогает в издольщика бедном семействе,
лекарь в ручей золотой превращает любое увечье.
Можно ли в мире подобном снести мысль, что смерть неизбежна?
Между "отдай!" — "не отдам!" идет нашей жизни движенье —
и у того, кто насмерть вцепился, и у того, кто стремится
вырвать добычу из рук, вдруг когти на них вырастают!¹

— Вам, поэтам, все ведомо, — задумчиво произнес полководец. — Но можете ли вы объяснить мне, почему именно сейчас, как раз в эти дни, мне вдруг, как никогда, вновь захотелось, чтобы не все из того, что я совершил, было забыто, хотя слава для меня опасна и смерть мне не безразлична?

— Возможно, ваша жажда славы и есть страх смерти?

Казалось, полководец не слышит. Он боязливо оглянулся и дал знак ламповщику удалиться. Когда тот отошел на несколько шагов, он не без смущения шепотом спросил:

— Как вы думаете, что из моих деяний переживет меня?

Они повернули назад. Вечерний покой, окутавший сады, был нарушен легким дуновением ветерка. Кашляя, поэт сказал:

— Быть может, завоевание Азии? — Он почувствовал, что полководец схватил его за рукав, и поспешно добавил: — Быть может, слава о блистательных пиршествах в честь ваших побед? Не знаю.

Все это он произнес довольно равнодушно, но теперь вдруг остановился. Пальцем показал на вишню, которая росла на холме. Ее ветви в белом цветении раскачивались на ветру.

— Не вы ли привезли из Азии эту вишню?

В ответ Лукулл кивнул головой.

— Быть может, это и есть ваша слава? — с жаром воскликнул поэт. — Вот эта самая вишня! Правда, вряд ли кто, глядя на дерево, вспомнит ваше имя. Но не в этом суть. Азия снова будет потеряна для Рима, а ваши изысканные блюда едва ли кто-нибудь сможет приготовить, потому что край этот впадет в нищету. Но вишня останется, и кто-нибудь все еще будет помнить, что привезли ее из Азии вы. Но если даже все трофеи всех завоевателей превратятся в прах и если даже все забудут о вашем деянии, самый прекрасный из ваших трофеев, Лукулл, трофей неизвестного завоевателя, каждой весной на том же холме будет цвести, а ветер все так же будет раскачивать его ветви.

¹Перевод А. Голембы.

КУЛЬТУРА ЕДЫ

Мы сидели на плетеных соломенных стульях в столовой старинного изысканного загородного дома неподалеку от Парижа. Через высоченное, доходившее до самого каменного пола, узкое окно в комнату врвался то шум проходящего поезда, то надоедливые гудки автомобилей, а на зеленоватых, в мелких цветочках обоях трепетал отсвет от каминного огня. В этом камине хозяин дома, художник, из-за своей полноты прозванный Горой, на треноге жарил нанизанный на железный вертел здоровенный кусок говядины. Его жена, стоя у полированного столика, в миске необъятных размеров готовила салат теми прелестными движениями рук, которыми она каждый вечер предваряла свои пикантные песенки в Буль-Миш, приводя зрителей в неопишуемый восторг. Худой низкорослый антиквар со своего стула следил за каждым ее движением. Протягивая руку к графину с уксусом или маслом, она всякий раз ждала его кивка. Для такой крохотной особы ответственность была слишком велика.

В предвкушении огромного, сочащегося жиром куска говядины все говорили о материализме в немецкой философии. Гора был им весьма недоволен.

— Они над ним немало потрудились, эти немцы, — сказал он с негодованием, — так его одухотворили, что теперь в их системах сохранился лишь призрак материи. Естественно было ждать, что в материализме, однажды попавшем в их руки, не останется ничего от реального образа жизни. Они попросту не умеют жить, в сущности, их философия существует лишь для того, чтобы научить немцев вообще не жить. Первым делом они исключили из своего поля зрения "низменный" материализм и обратились к высшему, который не имеет ничего общего с радостью, получаемой от еды, потому что по сути своей не имеет ничего общего ни с чем.

Я слабо возражал, но Гора вошел в раж.

— Материализм из шести вегетарианских дней в неделю! Возьмите, к примеру, любовь! У немцев это называется движением чувств. Какое-либо иное движение присутствует тут едва ли. Влюбленные прежде всего пекутся об уюте! Любовь должна быть "безрукой"¹.

Я был несколько удивлен, но потом понял, что он хотел сказать "невинной"². Мы говорили по-немецки. Во французском языке таких слов, как "уютно", просто нет.

Антиквар встревожился.

— Ради всего святого! — вскричал он. — Не возбуждайся, Жан, ты слишком быстро поворачиваешь вертел. Возможно,

¹ Armlos — безрукий.

² Harmlos — невинный, безвредный.

ты и уничтожишь немецкий материализм, но и нашу материю — говядину — тоже. Конечно, кое-что разумное в твоих словах есть. Я немцев люблю. Кто может утверждать, что у них нет культуры? Ну хотя бы их удивительная музыка! Они даже могут позволить себе этого ужасного Вагнера — ведь не он делает погоду. Возможно, их культура где-то чуть слишком духовна, не так ли? Безусловно, дух иметь надо, но и без тела не обойтись. Ибо для чего тогда дух? В самом деле, не слишком много остается из того, что они утончают. Их литература — наглядное свидетельство того, как, изображая любовь чересчур утонченной, можно сделать ее почти бесполой. Даже природой они наслаждаются сквозь призму всякого рода предчувствий смерти. Они, по-видимому, переживают прекрасные чувства, но где-то глубоко внутри. Шестое чувство есть, но где же остальные пять? Хлеб, вино, кресло, твои руки, Иветта, — словом, все материальное — улечучивается у них с легкостью необычайной. Они не культивируют элементарное. Они, видимо, слишком уповают на различие между животным и человеком. В человеке они культивируют лишь человеческое, не принимая во внимание животного начала в нем. И из-за этого слишком многое упускают. Жаркое из говядины мало занимает их дух. Их эстетический вкус и вкус гастрономический слишком разнятся, а при физиологических процессах чувство прекрасного их подводит.

— Каждое слово — оскорбление, — сказал я смеясь.

— Да-а-а, — удовлетворенно протянул он, — прожорливая мырса. Когда речь идет о еде, нас следует принимать всерьез.

Наконец салат- был готов. Половником на длинной ручке Гора выгребал из гусятницы жир и поливал им говядину, которая быстро подрумянивалась.

— Я тоже люблю немцев, — мечтательно произнесла Иветта, — они ко всему относятся серьезно.

— Это самое плохое, что было сказано о нас до сих пор, — защищался я. — Радуйтесь, что я реагирую лишь духовно и никому не швырнул в голову этот стул. Недурные у вас тут кулинарные нравы! Жаркое зажарено, салат готов, гость предупрежден. Теперь его подвергают проверке, дорос ли он до подобных наслаждений. Горе ему, если он не чавкает!

Иветта стояла, сбита с толку.

— О, теперь вы его напугали! У нашего гостя кусок в горле застрянет!

Гора ловко поставил говядину на стол и взялся за нож.

— Я скажу ему, что думаю о нас, и все будет в порядке. О нашей политике, например, *hein, mon ami?*¹

— Об этом я вам сам кое-что скажу, — ответил я и действительно высказал все, что думал.

¹ А, дружок? (франц.)

Жаркое было превосходное, прямо-таки поэма в стихах. Я все еще воздерживался высказать это вслух, опасаясь, как бы меня сразу же не спросили, в состоянии ли я назвать хотя бы одно немецкое стихотворение, которое можно было бы сравнить с этим блюдом. Уж лучше говорить о политике!

Антиквар мог порассказать тьму всяких ужасов, особенно если речь заходила о колониальной политике.

Иветта обратилась ко мне:

— А вы знаете, что Жан был офицером колониальной армии? Вот пусть в наказание расскажет вам историю о кабилах и поваре в казематах Танжера.

— Я уже наказан, — сказал я, — даже если мне и дадут сейчас поесть, я все равно получу завтрак висельника *после* казни.

— Нет, это ему в наказание, — сказала Иветта, — потому что он был шовинистом.

Гора улыбался. Он разломил булочку, куски бросил в тарелку и, обмакивая их в жир, послушно начал свой рассказ:

— Тогда шла Рифская война. Отвратительная штука. Сначала мы напали на чужой народ, а потом стали обходиться с ними как с бунтовщиками. Вы же знаете, с варварами и обращаться можно по-варварски. Вот это самое желание поступать по-варварски и заставляет правительства называть врагов варварами. Я не всегда так расценивал эти действия. Иветта права, требуя, чтобы я в наказание снова рассказал эту историю, потому что раньше я рассказывал ее по-иному. Однажды я даже привел ее как пример шовинизма наших врагов. Но события, происшедшие с тех пор, кое-чему меня научили. Итак, я был тогда офицером. О ходе войны говорить не стану. Об этом лучше не вспоминать. Мы сжигали все дотла, все вокруг расстреливали картечью. А газеты писали о стратегии. Мы, разумеется, были лучше вооружены, так что наши генералы могли превозносить наше геройство. Я был легко ранен и обедал в офицерском клубе при казематах вместе с комендантом. Поэтому мне довелось быть при расследовании дела об убийстве повара пленными кабилами. Забегая вперед, сразу скажу, что оно ничего не дало.

Очень скоро стало ясно, что повар пал жертвой собственного мягкосердия. Пленных кабилов, что-то около семидесяти человек, привезли в крепость после обеда. Они были далеко не в лучшем виде и настроении. Два предыдущих дня они провели в дороге, но что это была за дорога! Все они страшно изголодались. А в крепости продукты на весь день распределили еще с утра, и до следующего дня им нечего было дать поесть. Они стояли либо лежали, стиснутые со всех сторон, и кричали, что хотят есть. Более крепкие подползали к решетке, умоляли и осыпали проклятиями караульных.

Повар, до войны мелкий торговец рыбой в Марселе, принял муки кабилов близко к сердцу и стал думать, как бы обой-

ти инструкцию. Честь ему и хвала, он один представлял Францию времен Конвента.

Поздно вечером он взял корзину сухарей, которые где-то насобирал, и горсть сигарет, чтобы подмазать стражу. Сигареты он купил в солдатской столовой на свои кровные деньги. Как говорится, да будет земля ему пухом!

Дело сладилось. Караульные не были извергами, но были ку-рильщиками, и пленные получили сухари.

Ночью повар снова пошел к пленным, потому что забыл забрать корзину и не хотел, чтобы ее нашли во время утренней проверки. Вы, надеюсь, поняли, что все это он проделал тайком.

На следующее утро в каземате нашли его труп.

Сразу после смены караула пленные снова зашумели. Они громко жаловались, что им дали слишком черствые сухари. И правда, только один-единственный из них смог съесть свой сухарь.

А в углу лежал повар с проломленным черепом. Вот, собственно, и вся история.

Расследование кончилось ничем. Повар принес пленным хлеб, а они, несмотря на это, его убили. Как именно — установить не удалось. При самом тщательном обыске камеры никакого оружия найдено не было. Мы стояли перед загадкой. Эта загадка так и осталась неразгаданной, и потому история не имеет морали. Примером шовинизма она и в самом деле служить не может, об этом говорить смешно. Возможно, кабилы и были шовинистами, но мы — еще большими. В молодости мы на многое смотрим сквозь розовые очки. В этом мое единственное оправдание, почему я тогда столь ложно судил об этом случае. А ведь он самым убедительным образом доказывает, что на войне невозможно быть добрым. Мы не можем сказать: мы собираемся расстреливать женщин и детей, но дальше этого не пойдем. Мы будем чудовищами, но только до определенного предела. Повар тоже не мог сказать: сейчас я не француз и не солдат, я только повар. Горсть сухарей не обманула кабилов.

Гора давно уже кончил есть и теперь скатывал в шарики крошки от булки.

После небольшой паузы антиквар произнес:

— Но мы можем осушить бокал в память о человеке из Марселя. Он совершил ошибку; что делать, бывают непоправимые ошибки.

Мы выпили. Я не мог удержаться и заметил: *еще* одна раса, которая не умеет ценить хлеб.

Мы рассмеялись.

Иветта подала сыр.

Антиквар уже поднял было нож, когда в голову ему пришла мысль.

— Загадка может быть разгадана, — медленно произнес он. — Могу вам сказать, почему повар был убит.

— Почему? — спросил Гора.

— Не смотря на то, что он принес сухари, а *потому*, что принес их. Они были черствыми, ты сам это сказал. Настолько черствыми, что никто не мог их разгрызть.

— Кроме одного, — пробормотал Гора. — Да, возможно, ты и прав. Но и это еще не дает ключ к разгадке, а лишь объясняет мотив.

— Остается вопрос об оружии, — продолжал антиквар. — Но и на него есть ответ. В качестве оружия предлагаю сухарь, слишком твердый для челюстей кабилов. И достаточно твердый для черепа повара.

Гора удивленно раскрыл свои голубые глаза ребенка.

— Это просто здорово, — воскликнул он. — Может быть, ты знаешь также, кто убийца?

— Разумеется, — без запинки отозвался антиквар. — Убийцей был кабил, съевший свой сухарь несмотря на то, что он был такой черствый. Он должен был съесть его, иначе на нем обнаружили бы следы крови.

— О-о-о, — выдохнула Иветта.

— Да, — серьезно сказал антиквар, — они знали толк в хлебе. Культура была на их стороне.

РАССКАЗЫ ГОСПОДИНА КОЙНЕРА

Самое мудрое у мудреца — манера держаться

Господина К. навестил некий профессор философии и принялся рассказывать ему, сколь он, профессор, мудр. Спустя немного времени господин К. заметил: "Ты сидишь неловко и говоришь нескладно, и мыслишь ты тоже неловко". Господин профессор рассердился:

— Не о себе хотел я узнать нечто, но о содержании сказанного мною.

— Тут нет никакого содержания, — ответил господин К., — я смотрел, как неуклюже ты идешь, и за время, что я смотрел на тебя, ты не приблизился ни к какой цели. Ты говоришь темно, и нет ясности в твоих речах.

Я смотрю на твою манеру держаться, и у меня пропадает всякий интерес к твоей мудрости.

Организация

Господин К. заметил как-то: мыслителю не подобает иметь избыток света, избыток хлеба и избыток мыслей.

Господин Койнер и насилие

Однажды, когда господин Койнер, мыслитель, произносил речь против насилия в зале, где собралось множество людей, он заметил, что слушатели его вдруг отпрянули и начали расходиться. Он оглянулся и увидел, что позади него стоит Насилие.

— О чем ты говоришь? — спросило оно.

— Я держу речь в защиту насилия, — ответил господин Койнер.

Когда господин Койнер вышел, ученики упрекнули его в бесхребетности. Господин Койнер ответил:

— Мой хребет существует не для того, чтобы его поломали. Ведь я должен жить дольше, чем насилие.

И господин Койнер рассказал следующую историю:

— Как-то раз, в нелегальные времена, в квартиру господина Эгге, который научился говорить "нет", пришел некий агент и предъявил удостоверение, выданное теми, кто правил городом. Согласно этому удостоверению, агенту принадлежал всякий дом, куда вступит нога его, и всякая пища, какую он пожелает, а всякий человек, на которого упадет его взгляд, должен служить ему. Агент сел на стул, потребовал еды, умылся, потом лег и, повернувшись лицом к стене перед тем, как заснуть, спросил: "Ты будешь мне служить?" И укрыл господин Эгге агента своим одеялом, и отгонял от него мух, и оберегал его сон, и, как в этот первый день, служил он ему семь лет. Все исполнял господин Эгге, одного только остерегался: произнести хоть слово. И прошли семь лет, и стал агент толстым оттого, что много ел, спал и отдавал приказы. И умер агент. И завернул его тогда господин Эгге в грязное одеяло, и выволок из дому, и вымыл господин Эгге кровать, и побелил стены, вздохнул и ответил: "Нет".

Носители знания

— Тот, кто обладает знаниями, не смеет участвовать ни в какой борьбе, ни, тем более, говорить правду. Он не должен оказывать, ни, тем более, принимать почести. Ему не следует ничем бросаться в глаза. Носитель знания из всех добродетелей имеет только одну — он обладает знаниями, — сказал господин Койнер.

Слуга целесообразности

Господин К. задает вопросы:

— Каждое утро мой сосед заводит граммофон. Для чего он заводит граммофон? Чтобы делать гимнастику под музыку. А для чего он делает гимнастику? Чтобы стать сильным, отвечают мне. А для чего ему нужно стать сильным? Чтобы победить своих врагов в городе. А для чего ему нужно победить врагов? Чтобы есть, отвечают мне.

Когда господин К. услышал, что его сосед заводит граммофон, чтобы делать гимнастику под музыку, а гимнастику делает, чтобы стать сильным, а сильным хочет стать, чтобы победить своих врагов, а своих врагов победить, чтобы есть, он задал один из своих вопросов:

— А для чего он ест?

Заботы лучших

— Над чем вы трудитесь? — спросили господина К.

— У меня много работы, — ответил тот. — Я подготавливаю свое новое заблуждение.

Искусство быть неподкупным

Однажды господин К. рекомендовал знакомому купцу некоего человека как человека неподкупного. Прошло две недели, и купец снова пришел к господину К. и спросил его:

— Что ты подразумевал под неподкупностью?

Господин К. ответил:

— Когда я говорю, что ты нанял неподкупного, я имею в виду, что ты не сможешь его подкупить.

— Прекрасно, — удрученно заметил купец. — Боюсь только, как бы его не подкупили мои враги.

— А вот об этом я ничего не могу сказать, — равнодушно ответил господин К.

Голод

Господин К. ответил на вопрос о родине: голодать я могу всюду. Какой-то дотошный слушатель спросил его, почему он говорит, что голодает, ведь в действительности у него есть чем питаться. Господин К., оправдываясь, сказал:

— Вероятно, я имел в виду, что могу жить везде, раз я согласен жить на свете, когда господствует голод. Я признаю,

что одно дело голодать самому, а другое — жить, когда господствует голод. В извинение я смею прибавить, что для меня жить на свете, когда господствует голод, если не столь тяжко, как голодать самому, то, во всяком случае, немногим легче. Не так важно для остальных, чтобы я голодал сам; важно то, что я против господства голода.

Оригинальность

— Нынче, — сетовал господин К., — бесконечно многие люди открыто похваляются тем, что якобы могут без чьей-либо помощи создавать большие книги. И это повсюду одобряется. Китайский философ Дзун Дзе в зрелом возрасте создал книгу в сто тысяч слов, которая на девять десятых состояла из цитат. Такие книги в наше время уже не будут написаны, для этого нам не хватает смелости. Теперь мысли могут изготавливаться только в собственной мастерской, и ленивым прослывет тот, кто не успеет произвести их в должном количестве. И при этом не останется ни одной мысли, которую можно присвоить, и ни одной формулировки, которую можно было бы процитировать. Сколь немногое нужно для этой деятельности! Перо и стопка бумаги — то единственное, что они могут предъявить! И безо всякой помощи, лишь этим жалким инструментом, который умещается в руках, они возводят свои постройки. И большие здания уже не кажутся им такими большими, если некто построил их один без всякой помощи.

Вопрос о том, существует ли бог

Однажды некто спросил господина К., существует ли бог. Господин К. ответил:

— Подумай, изменится ли твое поведение от того, какой ответ ты получишь на этот вопрос. Если оно не изменится, то я могу тебе помочь только тем, что скажу: ты сам дал ответ — тебе бог нужен.

Право на слабость

Господин К. помог одному человеку в беде.

Прошло время, и стало ясно, что тот не испытывает никакой признательности.

Господин К. стал громко жаловаться на неблагодарность этого человека, удивляя этим своих друзей. Они сочли поведение господина К. не деликатным, и сказали они ему:

— Разве не знал ты, что ничего не следует делать в расчете на благодарность? Слишком слаб человек, чтобы уметь быть благодарным.

— А я разве не человек? — спросил господин К. — Почему бы и мне не оказаться настолько слабым, чтобы требовать благодарности? Люди обычно боятся прослыть глупцами, признавая, что по отношению к ним была выказана неблагодарность. А собственно, почему?

Беспомощный мальчик

Господин К. рассуждал о том, как дурна привычка молча проглатывать нанесенную обиду, и рассказал следующую историю:

— Прохожий спросил тихо всхлипывающего мальчика, почему он плачет.

”Я скопил две монетки на кино, — ответил мальчик, — а потом пришел вон тот парень и одну вырвал у меня из рук”, — и он указал на видневшуюся в отдалении фигуру.

”Что ж ты не позвал на помощь?” — спросил прохожий.

”Я звал”, — ответил мальчик и заплакал громче.

”И никто тебя не услышал?” — допытывался прохожий, ласково погладив его по голове.

”Нет”, — прорыдал мальчик.

”Значит, громче кричать ты не можешь?” — снова спросил тот.

”Нет”, — сказал мальчик и посмотрел на вопрошающего с надеждой, ибо тот улыбался.

”Так давай сюда и вторую”, — сказал человек и, отобрав у мальчика последнюю монетку, беззаботно зашагал дальше.

Господин К. и природа

На вопрос о том, как он относится к природе, господин К. ответил:

— Иной раз, выходя из дому, я бы с удовольствием смотрел на деревья. Особенно потому, что изменение их вида в соответствии с временем года и часом дня придает им особую реальность. Ведь нас постепенно начинает сбивать с толку то, что мы видим вокруг себя лишь предметы потребления. Дома и дороги, когда они не жилые и не используемые, делаются пустыми и бессмысленными. Наше общественное устройство позволяет причислить к предметам потребления и людей, а вот деревья для меня, поскольку я не столяр и не плотник, несут в себе нечто успокоительно самодостаточное и независимое от меня. Я

надеюсь даже, что и для столяра в них есть нечто не поддающееся использованию.

— Но почему бы, если вам хочется видеть деревья, не выезжать время от времени за город? — спросили его.

Удивленный господин К. ответил:

— Я же сказал, что хочу видеть деревья, выходя из дому.

Еще господин К. сказал:

— Мы должны очень осторожно пользоваться природой. Блуждая среди природы без всякого дела, можно легко впасть в лихорадку.

Вопросы, которые убеждают

— Я заметил, — сказал господин К., — что многих мы отвращаем от нашего учения тем, что у нас готов ответ на все вопросы. Может быть, нам стоило бы в интересах пропаганды составить список вопросов, которые кажутся нам неразрешимыми?

Обязательность

Господин К. стоял за порядок в человеческих отношениях, а потому почти всю свою жизнь был втянут в борьбу. В один прекрасный день он оказался замешан в весьма неприятном деле, и ему предстояло разыскивать ночью по городу многочисленные места явок, расположенные далеко друг от друга. Чувствуя себя нездоровым, он попросил у одного из друзей пальто. Тот обещал пальто, хотя, чтобы его принести, ему самому пришлось отказаться от условленной встречи.

К вечеру самочувствие господина К. настолько ухудшилось, что ни на какие хождения по городу он не был способен. И все же, несмотря на болезнь и недостаток времени, господин К. приложил все усилия, чтобы со своей стороны не нарушать договоренности, и взял уже не нужное ему пальто точно в назначенный час.

Встреча

Некий человек, давно не видавший господина К., приветствовал его следующими словами:

— Вы совсем не переменялись.

— О, — сказал господин К. и побледнел.

Форма и содержание

Господин К. рассматривал картину, где отдельным предметам была придана весьма своеобразная форма. Он сказал:

— Порой с некоторыми художниками, когда они наблюдают окружающее, случается то же, что и со многими философами. Сосредоточась на форме, они забывают о содержании.

Я работал как-то у садовника. Он дал мне садовые ножницы и приказал подстричь лавровое деревцо. Это деревцо росло в кадке и выдавалось напрокат для торжественных случаев. Поэтому оно должно было иметь форму шара. Я тотчас же начал срезать дикие побеги, но, как ни старался, мне долго не удавалось придать ему форму шара. Я все время отхватывал слишком много то с одной, то с другой стороны. Когда же наконец деревцо приняло форму шара, шар этот оказался очень маленьким.

Садовник проговорил разочарованно:

— Допустим, это шар. Но где же лавровое деревцо?

Разговоры

— Мы больше не можем разговаривать друг с другом, — сказал господин К. какому-то человеку.

— Почему? — испуганно спросил тот.

— В вашем присутствии я не способен сказать ничего разумного, — пожаловался господин К.

— Но мне это не важно, — утешил его собеседник.

— Охотно верю, — проговорил господин К. с ожесточением. — Но это важно мне.

Если господин К. полюбит кого-нибудь...

Господина К. спросили:

— Как вы поступите, если кого-нибудь полюбите?

— Я создам эскиз этого человека и постараюсь, чтобы он стал похож на него.

— Кто? Эскиз?

— Нет, человек.

Успех

Господин К. увидел проходящую мимо актрису и сказал:

— Она красива.

Его спутник заметил:

— Она красива и потому имеет успех.

Господин К. рассердился и сказал:

— Она красива, потому что имеет успех.

Господин К. и кошки

Господин К. не любил кошек. Он не считал кошку другом человека и, следовательно, сам не был ее другом. Он говорил:

— Будь у нас общие интересы, ее вражда была бы мне безразлична.

Но господин К. неохотно сгонял кошку со своего стула.

— Улечься спать тоже работа, — говорил он, — и она должна иметь успех.

И когда кошки кричали у него под дверью, он вставал с кровати даже в холод и впускал их в дом.

— Их расчет прост, — говорил он, — когда они просят, мы открываем им дверь. Если не открывать, они перестают кричать. Крик — это уже прогресс.

Любимое животное

Однажды господина К. спросили, какое животное он ценит больше всех. Он ответил: слона — и обосновал это так:

— Слон соединяет в себе хитрость и силу. Это не та жалкая хитрость, достаточная лишь для того, чтобы избежать преследования или украдкой раздобыть какую-нибудь пищу. Нет, это хитрость, которая опирается на силу, необходимую для большого дела. Слон прокладывает широкий след. Однако он добродушен и понимает шутку. Он добрый друг и достойный враг. Он велик и грузен, но очень подвижен. Тело его огромно, а хобот способен подбирать самые мелкие съедобные предметы, например орехи. У него удачно устроены уши, он слышит только то, что хочет. Он живет до глубокой старости. Он очень общителен, и не только по отношению к слонам. Везде его любят и боятся. В его облике есть что-то забавное, что привлекает к нему сердца. У него грубая кожа, о которую ломаются ножи, но зато нежная душа. Он может быть грустным, может быть гневным. Он охотно танцует. Умирать он уходит в чашу. Он любит детей и других маленьких зверушек. Он весь серый и бросается в глаза только своей массивностью. Он не съедобен. Он умеет хорошо трудиться. Он любит выпить и тогда становится веселым. Кое-что он делает и для искусства — поставляет слоновую кость.

Удачный ответ

Рабочего спросили в суде, какую форму присяги он предпочитает — церковную или светскую.

— Я безработный, — ответил тот.

— Это не просто рассеянность, — заметил господин К. — Своим ответом он дал понять, что в его положении подобный вопрос, да, пожалуй, и вся судебная процедура как таковая, не имеет больше никакого смысла.

Похвала

Когда господин К. услышал, что его бывшие ученики хвалят его, он сказал:

— После того как ученики давно уже позабыли ошибки учителя, он сам все еще их помнит.

Два города

Господин К. предпочитал город Б. городу А.

— В городе А., — говорил он, — меня любят, но в городе Б. мне обрадовались. В городе А. стремились быть мне полезными, в городе Б. — во мне нуждались. В городе А. меня приглашали за стол, в городе Б. — звали на кухню.

Дружеская услуга

Как пример того, какой способ оказывать услуги друзьям он считает наилучшим, господин К. рассказал следующую назидательную историю:

— К старому арабу пришли трое молодых людей и сказали ему:

”Наш отец умер. Он оставил нам семнадцать верблюдов и завещал, что старший сын должен получить половину, средний — одну треть, а младший — одну девятую часть всех верблюдов. И вот теперь мы никак не можем их разделить. Так реши, как нам быть”.

Поразмыслив, араб сказал:

”Как я вижу, вам недостает еще одного верблюда, чтобы правильно разделить их. У меня есть всего один-единственный верблюд, он к вашим услугам. Возьмите его и поделите верблюдов между собой, а мне отдайте то, что останется”.

Братья поблагодарили араба за дружескую услугу, взяли верблюда и разделили теперь уже восемнадцать верблюдов таким образом, что старший получил половину, то есть девять верблюдов, а средний — одну треть, то есть шесть, а младший — одну девятую, то есть двух верблюдов. К их изумлению, после того как каждый отвел своих верблюдов в сторону, остался один лишний. Они вернули его своему старому другу, присово-

купив к прежним хвалам новые.

Господин К. назвал подобную дружескую услугу наилучшей, потому что она не требовала особых жертв.

Господин К. в чужом жилище

Войдя в чужое жилье, господин К., прежде чем отправиться спать, узнавал, где выходы из дому, и больше ни о чем не беспокоился. На вопрос, зачем он это делает, господин К. ответил смущенно:

— Это старая нелепая привычка. Я сторонник справедливости, а при этом не мешаю знать, что в квартире несколько выходов.

Господин К. и последовательность

Как-то господин К. задал одному из своих друзей следующий вопрос:

— Не так давно я познакомился со своим соседом напротив. Теперь у меня нет ни малейшего желания продолжать это знакомство. Но у меня равным образом нет никаких причин, чтобы прекратить его. Мне стало известно, что недавно он купил маленький дом, который прежде арендовал, и сразу же, хотя сливы еще не созрели, срубил сливовое дерево перед окном, заслонявшее ему свет. Может ли это служить причиной разрыва отношений, хотя бы только внешней или хотя бы только внутренней?

Через несколько дней господин К. рассказал своему другу:

— Я перестал разговаривать с тем соседом. Можете себе представить, он, оказывается, уже несколько месяцев требовал, чтобы бывший владелец дома срубил дерево, заслонявшее ему свет. Хозяин не соглашался, потому что хотел еще раз снять урожай слив. Теперь, когда дом перешел к этому человеку, он и в самом деле срубил дерево, полное недозрелых плодов. Я прекратил с ним знакомство из-за его непоследовательности.

Отцовство мысли

Господина К. упрекнули, что у него слишком часто отцом мысли становится желание. Господин К. ответил:

— Не существует мысли, чьим отцом не было бы желание. Спорить можно только о том, какое желание. Не надо утверждать, что ребенок может вообще не иметь отца, чтобы доказать, что установление отцовства вещь трудная.

Правосудие

Господин К. нередко упоминал как образец, в известной степени достойный подражания, одно из правовых предписаний Древнего Китая, по которому для ведения больших процессов назначали судей из отдаленных провинций. Их было трудней подкупить (следовательно, они не должны были быть столь неподкупными), ибо местные судьи, хорошо разбиравшиеся именно в этом, следили за их неподкупностью и всей душой желали им неудачи. Кроме того, судьи, прибывшие издалека, не знали из повседневного опыта обычаев и порядков местной жизни. Несправедливость часто выступает в обличье правоты только потому, что чаще встречается. Новым судьям все докладывали заново, а потому они воспринимали все, что лежало на поверхности. И в конце концов им не приходилось во имя одной добродетели — беспристрастности — не считаться со всеми прочими, как-то: с благодарностью, любовью к детям, доверием друзей — или же иметь мужество наживать себе врагов среди близких.

Сократ

Закончив чтение одной из книг по истории философии, господин К. весьма неодобрительно высказался о попытке философов представить вещи и явления принципиально непознаваемыми:

— Когда софисты утверждали, что знают многое, ничему не учившись, софист Сократ выступил с дерзким утверждением, что он знает только то, что ничего не знает. Можно было ожидать, что он продолжит свою мысль: "...ибо и я ничему не учился". (Чтобы узнать что-нибудь, надо учиться.) Но Сократ, по-видимому, больше ничего не сказал; возможно, впрочем, что бурные аплодисменты, раздавшиеся после его первой фразы и длившиеся две тысячи лет, заглушили последующее.

О естественности собственнических инстинктов

Однажды кто-то назвал собственнический инстинкт естественным, и господин К. рассказал такую историю:

— На южном берегу Исландии рыбаки, исконные жители этих мест, укрепив на якорях буйки, разделили море на участки, а их поделили между собой. К этим морским полям они привязаны стойкой любовью — как к своей собственности, с которой прочно срослись. И даже если бы там перевелась рыба, они все равно никогда не отказались бы от них. Они презирают жителей

портовых городов, которым продают свой улов, и считают их пустым, отлученным от природы племенем. Себя же они называют водяным народом. Если им попадется особенно крупная рыба, они хранят ее у себя в бочках, давая ей имя и любя как свою собственность. С некоторых пор их хозяйственное положение стало ухудшаться, но их решительное упорство отвергало все попытки реформ, и уже не одно правительство было ими свергнуто, как не считающееся с их обычаями. Эти рыбаки неопровержимо доказывают могущество инстинкта собственности, которому человек подчинен от природы.

Если бы акулы стали людьми...

— Если бы акулы стали людьми, они были бы добрее к маленьким рыбкам? — спросила господина Койнера маленькая дочка его хозяйки.

— Конечно, — ответил он, — если акулы станут людьми, они построят в море для маленьких рыбок огромные садки, где будет вдоволь корма — и растительного, и животного. Они позаботятся, чтобы в садках была свежая вода, и вообще будут проводить все необходимые санитарные мероприятия. Если, к примеру, какая-нибудь рыбка повредит себе плавник, ей немедленно сделают перевязку, а то она, чего доброго, умрет раньше времени и ускользнет от акул. А чтобы рыбки не предавались мрачным размышлениям, время от времени будут устраиваться грандиозные водные праздники: ибо жизнерадостные рыбки лучше на вкус, чем меланхолические.

В больших садках устроят, конечно, и школы. В этих школах акулы будут учить маленьких рыбок, как правильно вплывать в акулью пасть. География, например, понадобится для того, чтобы найти те места, где лениво нежатся большие акулы. Но главным, разумеется, будет моральное воспитание рыбок. Их научат, что для маленькой рыбки нет ничего величественнее и прекраснее, чем радостно принести себя в жертву, что маленькой рыбке нужно верить акулам, особенно когда те говорят, что заботятся о прекрасном будущем. Маленьким рыбкам внушат, что это будущее будет им обеспечено, только если они научатся послушанию. Особенно должны остерегаться маленькие рыбки всяческих низменных, материалистических, эгоистических и марксистских влияний. Если одна из них проявит подобное вольномыслие, другие должны немедленно донести об этом акулам.

Если акулы станут людьми, они, разумеется, начнут воевать друг с другом, чтобы захватить чужие рыбки садки и чужих рыбок. Сражаться они заставят своих собственных рыбок. Они внушат своим рыбкам, что между ними и рыбками других акул

огромная разница. Они провозгласят, что хотя, как известно, все рыбки немые, но молчат они на разных языках и потому не могут понять друг друга. Каждой рыбке, которая убьет во время войны несколько вражеских рыбок, молчащих на другом языке, пришьют орден из морской травы и присвоят звание героя.

Если акулы станут людьми, у них, конечно, появится искусство. Появятся картины, на которых зубы акул будут написаны великолепными красками, а пасти ни дать ни взять — увеселительные сады, где можно отменно порезвиться. Театры на морском дне покажут, как героические рыбки с энтузиазмом плывут в акулю пасть; музыка играет так красиво, и под ее звуки рыбки, предшествуемые оркестром, убаюканные самыми приятными мыслями, мечтательно устремляются в пасть акул.

Конечно, возникнет и религия, если акулы станут людьми. Она будет учить, что подлинная жизнь для рыбок начинается в животе акулы. Ну а то равенство, которое сейчас существует между рыбками, исчезнет, если акулы станут людьми. Некоторые из них получат чины и возвысятся над остальными. И те, кто немного покрупнее, получат даже право поедать мелкоту. Акулам это будет только приятно, потому что тогда им самим будут чаще доставаться куски побольше. Крупные, чиновные рыбки позаботятся о порядке среди остальных. Они будут учителями, офицерами, инженерами по строительству садков и так далее. Короче говоря, только тогда и появится истинная культура в море, когда акулы станут людьми.

Ожидание

Господин К. ждал некоего события день, неделю, а потом месяц. К концу этого срока он сказал: Месяц я мог бы ждать вполне спокойно, но к чему еще этот день и эта неделя?

Незаменимый чиновник

Господин К. услышал, как о некоем чиновнике, давно уже занимавшем свою должность, отзывались лестно и в том духе, что он незаменим, такой он хороший чиновник.

— То есть как незаменим? — спросил господин К. сердито.

— Без него все дело станет, — ответили хвалившие его.

— Как же он может быть хорошим чиновником, если без него все дело станет? — сказал господин К. — У него было достаточно времени так наладить свое дело, чтобы и без него можно было обойтись. Чем же он, в сущности, занимается? Я вам скажу: шантажом!

Оскорбление, которое можно перенести

Коллегу господина К. упрекали в том, что он всем своим видом проявляет враждебное отношение к господину К.

— Да, но только у меня за спиной, — заступился за него господин К.

Господин К. водит машину

Господин К. научился водить автомобиль, но поначалу ездил еще не очень уверенно.

— Я выучился пока что водить только одну машину, — оправдывался он. — А нужно уметь управлять еще и той, что идет впереди тебя. Только наблюдая, как складывается обстановка для автомобиля, идущего впереди, и оценивая препятствия на его пути, можно узнать, куда направить свою машину.

Господин К. и поэзия

Прочитав книгу стихотворений, господин К. сказал:

— Кандидаты на государственные должности в Древнем Риме, отправляясь на Форум, не смели надевать одежду с карманами, дабы им не могли сунуть взятку. Так и поэтам не следует носить одежды с рукавами, дабы не делать своего дела спустя рукава.

Гороскоп

Господин К. попросил людей, собиравшихся заказать себе гороскопы, назвать астрологам дату какого-нибудь события в своем прошлом, печального или радостного. Гороскоп должен был, хотя бы приблизительно, открыть астрологу это событие. Совет господина К. не имел успеха, ибо астрологи сообщали своим клиентам сведения о благосклонности или неблагосклонности звезд, не совпадавшие с личным опытом вопрошающих. Астрологи говорили, рассердясь, что звезды лишь указывают на вероятность событий, которые могут и не совпасть с предсказаниями звезд. Господин К. был сильно удивлен и задал еще один вопрос:

— Я не убежден, что из всех живых существ расположение звезд оказывает влияние только на человека. Эти силы не могут просто исключить из-под своего воздействия зверей. И если, скажем, знак некоего человека Водолей и на этом человеке сидит блоха, а ее знак в свою очередь Бык, то что же будет, если

этот человек утонет в реке? Блоха, по-видимому, утонет вместе с ним, несмотря на то что положение звезд было для нее весьма благоприятным. Нет, мне это не нравится.

Два водителя

Господина К. спросили, что он думает о двух театральных рабочих. Господин К. сравнил их таким образом:

— Я знаю одного водителя, который хорошо владеет правилами уличного движения и умеет применять их себе на пользу. Он искусно вырывается вперед, а потом снова идет на постоянной скорости. Он умеет беречь мотор. Осторожно и дерзко он держит свой путь среди остальных машин.

Другой знакомый мне водитель поступает иначе. Больше собственного пути его интересует общее движение, и он чувствует себя частицей целого. Он не использует своих преимуществ и не старается вырваться вперед. Он мысленно ведет и ту машину, что перед ним, и ту, что за ним, постоянно получая удовольствие от движения вперед всех автомобилей и даже всех пешеходов.

Чувство справедливости

Некий человек, у которого гостил господин К., имел собаку. Однажды эта собака приползла, показывая всем своим видом, что провинилась.

— Она что-то натворила, поговорите с ней сейчас же строго и огорченно, — посоветовал господин К.

— Да ведь я не знаю, что она сделала, — запротестовал хозяин.

— Но этого в свою очередь не знает собака, — настойчиво продолжал господин К. — Покажите скорее свое изумление и неодобрение, не то будет задето ее чувство справедливости.

О доброжелательности

Господин К. весьма ценил доброжелательность. Он говорил:

— С кем-нибудь беседовать — из одной лишь любезности, — кого-нибудь оценивать не по его возможностям, отвечать любезностью на любезность, холодно разглядывать того, кто горячится, или горячиться, когда собеседник холоден, — все это не то, что я называю доброжелательностью.

Господин Койнер и рисунок его племянницы

Господин Койнер посмотрел на рисунок своей маленькой племянницы. Там была изображена курица, которая летала над двором.

— Почему же у твоей курицы три ноги? — спросил господин Койнер.

— Куры не умеют летать, — объяснила маленькая художница, — поэтому курице нужна третья нога, чтобы она могла отталкиваться от земли.

— Я рад, что задал этот вопрос, — сказал господин Койнер.

Господин Койнер и гимнастика

Пряатель господина Койнера рассказал ему, что его здоровье улучшилось с тех пор, как он оборвал все вишни с большого дерева у себя в саду. Он добирался ползком до самых концов ветвей, тянулся вверх и в разные стороны. Вероятно, эти разнообразные движения пошли ему на пользу.

— А вишни вы ели? — спросил господин Койнер. Получив утвердительный ответ, он заметил: — От такой гимнастики и я бы не отказался.

Гнев и поучение

Господин Койнер сказал:

— Нелегко давать советы тем, на кого сердит, но что поделаешь, это необходимо, ведь именно они больше всего нуждаются в наших советах.

Заблуждение и прогресс

Когда думаешь только о себе, трудно поверить, что заблуждаешься, и, соответственно, не продвигаешься вперед. Поэтому следует думать о тех, кто идет за тобой. Только так можно помешать остановке движения.

Знание людей

Господин Койнер не отличался особым знанием людей. Он говорил:

— Знание людей необходимо, когда речь идет об эксплуатации. *Думать — значит изменять.* Если я думаю о ком-нибудь,

я изменяю этого человека. Мне даже кажется, что он не таков, каков он есть, а только был таким в ту пору, когда я начал о нем думать.

Господин Койнер и прилив

Господин Койнер шел как-то по долине и вдруг заметил, что ноги его ступают по воде. И тут он понял, что эта долина на самом деле лиман и что приближается час прилива. Он остановился и, не двигаясь с места, стал искать взглядом лодку. Но лодки нигде не было, и с этой надеждой пришлось расстаться. Тогда он стал надеяться, что вода не будет подниматься выше. Только когда вода поднялась ему по шею, он расстался и с этой надеждой и поплыл. Он понял, что он и сам — лодка.

Господин Койнер и актриса

У господина Койнера была приятельница — актриса. Она принимала подарки от одного богача, а потому у нее и господина Койнера были разные точки зрения на богачей. Господин Койнер считал их дурными людьми, а его приятельница полагала, что они не так уж плохи. Почему она думала, что богачи не так уж плохи? Она думала так не потому, что богач дарил ей подарки, а потому, что она их принимала, ибо была уверена, что не возьмет подарка у плохого человека. Господин Койнер вдоволь поразмышлял, но так и не смог согласиться с тем, что думала она.

— Возьми у них деньги, — воскликнул господин Койнер (чтобы хоть как-то использовать неизбежное). — Они не платили за подарки, а украли их. Отними у этих людей их разбойничью добычу, для того чтобы стать хорошей актрисой.

— Разве я не могу быть хорошей актрисой, не имея денег?

— Нет, — сказал господин Койнер. — Нет, нет, нет.

Об измене

Следует ли исполнять обещание?

Следует ли давать обещание? Там, где речь идет об обещаниях, царит полный беспорядок. Следовательно, порядок должен быть наведен. Сам человек ничего обещать не может. Что обещает рука голове? Что она рукой и останется, а ногой не станет. Так через каждые семь лет она делается новой рукой.

Если один предает другого, предает ли он того же самого человека, кому давал обещание?

Пока тот, кому дано обещание, все время оказывается в новых обстоятельствах и, следовательно, меняется в соответствии с ними, как может быть выполнено по отношению к нему, нынешнему, то, что было обещано ему другому, прежнему? Мыслящий изменяет. Мыслящий не обещает ничего, кроме того, что он останется мыслящим.

Удовлетворение интересов

Главная причина того, что интересы должны быть удовлетворены, состоит в том, что множество мыслей не могут мыслиться, ибо противоречат интересам мыслящего. Если невозможно удовлетворить эти интересы, их необходимо по крайней мере видеть, а особенно — видеть их различия. Ведь только таким образом сможет мыслящий мыслить те свои мысли, что служат интересам другого, ибо легче мыслить ради интересов другого, чем вовсе без всякого интереса.

Приметы хорошей жизни

Господин Койнер увидел однажды старый стул прекрасной работы. Он купил его и сказал:

— Я надеюсь достичь многого, размышляя о том, как же была устроена жизнь, где стул, подобный этому, ничем не выделялся среди прочих, а удобство, им даруемое, не несло в себе ни позора, ни чести.

Некоторые философы, — рассказывал господин Койнер, — рассуждают о том, сколь приятной была бы жизнь, которая в свои решающие минуты руководствовалась бы последним шлягером. Добейся мы хорошей жизни — и нам действительно не понадобились бы ни великие побудительные причины, ни сверхмудрые указания, ни вся выборная суета, — заключил господин Койнер, удовлетворенный своим собственным решением этого вопроса.

Об истине

К господину Койнеру, мыслителю, пришел его ученик Тиф и сказал:

— Я хочу познать истину.

— Какую истину? Всякая истина познаваема. Желаеть ли ты узнать истину про рыбную торговлю? Или про налоговое обложение? Если, услышав истину о рыбной торговле, ты не захочешь больше покупать рыбу, ты этой истины не узнаешь никогда, — сказал господин Койнер.

Любить кого?

Про актрису А. рассказывали, что она покончила с собой из-за несчастной любви. Господин Койнер сказал:

— Она покончила самоубийством из-за любви к себе самой. Во всяком случае, Д. она не любила. Иначе она вряд ли поступила бы с ним так. Любовь — это желание отдавать, а не удерживать. Любовь — это способность творить самому через дар другого. А это невозможно без уважения и приязни со стороны другого, а их всегда можно добиться. Непомерное желание быть любимым имеет мало общего с настоящей любовью. В любви к себе всегда есть нечто самоубийственное.

Кто кого знает

Господин Койнер беседовал с двумя женщинами об их мужьях.

Одна из них дала ему следующие сведения:

— Я прожила с ним двадцать лет. Мы спали в одной спальне и в одной постели. Мы всегда вместе садились за стол. Он рассказывал мне про все свои дела. Я знала его родителей и всех его друзей. И все его болезни, даже те, каких он и сам не знал. Никто не знает его так, как я.

— Итак, ты знаешь его? — спросил господин Койнер.

— Да, я знаю его.

Господин Койнер расспросил и другую женщину о ее муже. Она дала ему следующие сведения:

— Часто он подолгу не приходил, и я никогда не знала, вернется ли он. Вот уже год, как он больше не приходит. Я не знаю, вернется ли он опять. Я не знаю, приходил ли он из приличных домов или из портовых кабаков. Я живу в хорошем доме. Кто знает, приходил ли бы он ко мне, живи я в доме похуже. Он ничего мне не рассказывает, мы говорим с ним только о моих делах. О них он знает все. Я знаю, что он говорит, да знаю ли я это? Иногда он приходит голодный, а иногда бывает сыт. Но он не всегда ест, когда голоден, и не всегда отказывается от еды, если сыт. Однажды он пришел раненый. Я перевязала его рану. А однажды он выгнал всех из моего дома. Когда я называю его "темным господином", он смеется и говорит: "Темное то, что ушло, а то, что есть, — светлое". Иногда же он мрачнеет, когда я его так называю. Не знаю, люблю ли я его. Я...

— Не продолжай, — быстро прервал ее господин Койнер. — Я вижу, ты знаешь его. Больше, чем знаешь его ты, никакой человек не может знать другого.

Самый лучший стиль

Вот то единственное, что сказал господин Койнер о стиле:
— Он должен поддаваться цитированию. Цитата безлична.
Лучшие сыновья те, что не напоминают своих отцов.

Господин Койнер и врач

Доктор S. сказал господину Койнеру с обидой:

— Я так много сказал о неизвестном. И я не только говорил, но и лечил.

— А теперь то, что ты лечил, стало известно?

Доктор сказал:

— Нет.

— Лучше, — торопливо проговорил господин Койнер, — чтобы неизвестное так и оставалось неизвестным, нежели чтобы умножались тайны.

Подобие лучше, чем отличие

Не то хорошо, что люди различны, а то, что они подобны друг другу. Подобные довольны. Различные скучают.

Мыслитель и лживый ученик

К господину Койнеру, мыслителю, пришел лживый ученик и сказал ему:

— В Америке есть теленок о пяти головах. Что ты скажешь об этом?

— Ничего не скажу, — сказал господин Койнер.

Лживый ученик обрадовался и сказал:

— Будь ты много мудрее, ты бы много больше сказал об этом.

Глупец ждет многого. Мудрый говорит мало.

Об образе действий и манере себя вести

Мудрость есть и один из результатов нашего образа действий и манеры себя вести.

Так, как ем я, вы есть не станете. Если же вы сумеете есть так, как я, это принесет вам несомненную пользу.

Когда я говорю: наш образ мыслей и наш образ действий побуждают нас совершать поступки, — возможно, это так и есть. Но для этого вы должны управлять необходимостью.

Я часто вижу в себе, сказал мыслитель, манеру себя вести, какая была у моего отца. Но почему же я совершаю поступки другие, чем он? Их вызывает иная необходимость. Я вижу, что наш образ действий сохраняется дольше, чем наша манера вести себя, ибо он противостоит необходимости.

Некто может совершить только одно-единственное деяние, дабы не потерять своего лица. И так как он не может следовать необходимости — он обречен. Но тот, у кого есть образ мыслей, может совершить многое, не теряя своего лица.

Против чего был господин Койнер

Господин Койнер не любил ни прощаний, ни приветствий, ни годовщин, ни праздников, ни прекращения работы, ни начала нового периода, ни подведения итогов, ни мести, ни окончательных суждений.

Мыслитель и гроза

”Когда началась гроза, мыслитель сидел в большой машине и занимал много места. Первое, что он сделал, — он вышел из машины, второе — он скинул пиджак, третье — лег на землю. Так он противостоял грозе, наиболее уменьшив свою величину”.

Прочитав это, господин Койнер сказал:

— Полезно сделать своим достоянием взгляды других на тебя самого. Иначе они тебя не поймут.

Болезнь господина Койнера

— Почему ты болен? — спросили у господина Койнера.

— В государстве нет порядка, — отвечал он, — потому и мой образ жизни неправилен, оттого и почки, мускулы и сердце пришли в расстройство. Когда я приезжаю в город, все там движется либо быстрее, либо медленнее меня. Я говорю лишь говорящим, а слушаю, только когда слушают все. Все преимуществу моего времени порождаются неясностью, ясность не дает прибыли, да она ею и не обладает.

Неподкупность

На вопрос, чем воспитать в человеке неподкупность, господин Койнер ответил:

— Сытостью.

На вопрос, как побудить человека делать полезные предложения, господин Койнер ответил:

— Участием в выгоде, приносимой его предложениями, и невозможностью иным способом, то есть в одиночку, эту выгоду получить.

Роль чувств

Господин Койнер жил со своим маленьким сыном на даче. Как-то он застал мальчика плачущим в уголке сада. Он поинтересовался причиной слез, выяснил ее и пошел дальше. Возвращаясь, он увидел, что мальчик продолжает плакать. Он подошел к нему и спросил:

— Какой смысл плакать при таком ветре, ведь тебя никто не услышит.

Мальчик оторопел и, признав логику этого рассуждения, вернулся к своему песку, не проявляя больше никаких чувств.

О Койнере в молодости

О молодом Койнере рассказывали, что тот как-то сказал девушке, которая ему очень нравилась:

— Сегодня ночью я видел вас во сне. Вы вели себя весьма благоразумно.

Слуга или господин

— Тот, кто не в состоянии занять себя сам, заботится о том, чтобы им занимались другие. Он слуга и господин. Разница между слугой и господином столь невелика, что заметна только самим слуге и господину, — сказал господин Койнер, мыслитель.

— Следовательно, прав тот, кто занимает себя сам? Тот, кто занимается сам собой?

— Тот, кто занимает себя сам, не занимается ничем. Он слуга господина "ничто" и господин господина "ничто", — сказал господин Койнер, мыслитель.

— Значит, прав тот, кто не занимается сам собой?

— Да, если он не дает оснований, чтобы им занимались другие, то есть заниматься ничем и служить ничему, потому что они

сами не есть сами, или господствовать над ничем, если они сами не сами, — сказал господин Койнер, мыслитель.

Аристократическая осанка

Случалось и мне иметь аристократическую осанку, то есть держаться стройно и внушительно, откинув назад голову. Я, видите ли, стоял во все прибывающей воде. Она достигла подбородка, и тут-то у меня появилась аристократическая осанка.

Развитие больших городов

Многие верят, что большие города и промышленные предприятия могут в будущем возрастать до бесконечности, принимая под конец необозримые размеры. Одним это внушает страх, другим — надежду. Нет средства установить, что из этого выйдет. Господин Койнер предложил — во всяком случае, на протяжении нашей жизни — оставлять это обстоятельство без внимания, следовательно, вести себя так, словно города и предприятия не разрастутся в конце концов сверх всякой меры.

— Все же, — сказал он, — говоря о всяком развитии, следует принимать в расчет вечность. Кто осмелится ограничить в развитии слона, во много раз превышающего по величине теленка! И все-таки он будет только больше теленка, но не больше слона.

О системе

Многие ошибки возникают оттого, что мы не перебиваем или слишком мало перебиваем ораторов. Так легко возникает обманчивое целое, в котором именно потому, что оно целое, никто не сомневается, и самые малые его части кажутся соответствующими друг другу, хотя эти части соответствуют только этому целому.

Многие неприятности возникают или продолжаются из-за того, что после искоренения вредных обычаев потребности, оставшиеся после этого, слишком долго пичкают подделками.

Наслаждение само порождает потребность.

Приведем такой пример.

Для людей, испытывающих потребность подолгу сидеть вследствие своей болезненности, следует зимой делать скамейки из снега. Тогда весной, когда молодые люди окрепнут, а старые перемрут, точно так же без всяких дополнительных усилий исчезнут и эти скамейки.

Архитектура

Во времена, когда в правительстве господствовали мелко-буржуазные взгляды на искусство, некий архитектор спросил господина Койнера, принимать ли ему большой строительный заказ.

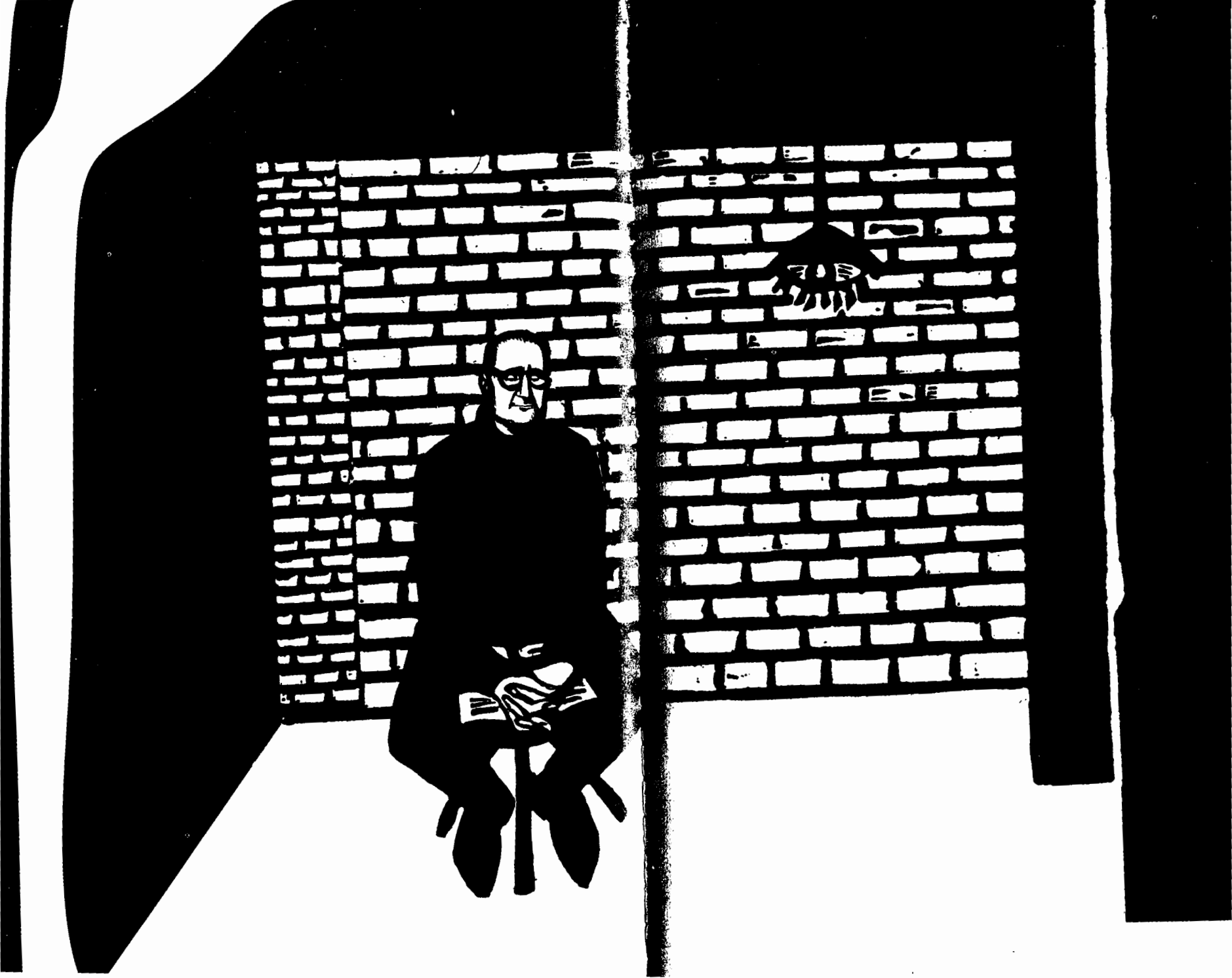
— На сотни лет останутся стоять ошибки и компромиссы нашего искусства! — воскликнул он в отчаянии.

Господин Койнер ответил:

— Теперь уже нет. С тех пор как мощно развились средства уничтожения, ваши постройки — только попытки, малообязательные предложения. Наглядный материал для дискуссий населения. А что касается ужасающих маленьких украшений, колонн и т.п., представьте их как излишнее, так, чтобы кирка быстро помогла освободиться большим чистым линиям. Верьте в наших людей, в быстрое развитие.

ТРИМЕЛАН

ТРЕХГРОШОВАЯ ОПЕРА

Первая постановка "Трехгрошовой оперы" состоялась 31 августа 1928 г. на сцене берлинского Театра на Шиффбауэрдамм. Режиссер постановки — Эрих Энгель, декорации — Каспар Неер. Пьеса прошла с большим успехом, за которым последовал судебный процесс против кинофирмы "Неро", искажившей в экранизации пьесы ее социально-критические идеи. Полный текст пьесы и материалы процесса были опубликованы в 1931 г. Несколько позже Брехт "транспонирует", по его словам, эту пьесу в эпическую форму "Трехгрошовый роман" (1934).

По своему сюжету "Трехгрошовая опера" представляет собой вольную и осовремененную обработку "Оперы нищих" (*The Beggars Opera*, 1721) английского драматурга Джона Гэя (1685—1732). Перевод пьесы на немецкий язык был осуществлен сотрудницей Брехта Элизабет Гауптман.

Успеху "Трехгрошовой оперы" немало содействовало яркое и точное воплощение ее идей в музыкальных образах, созданных композитором Куртом Вайлем. Сонги "Трехгрошовой оперы" были изданы отдельным сборником в 1931 г., многие из них часто используются как самостоятельные произведения в концертах. Часть сонгов, например "Баллада о сутенере", "О приятной жизни", "О Соломоне" и др., представляет собой вольную интерпретацию баллад Франсуа Вийона, осуществленную Брехтом на основе переводов К. Л. Аммера.

Персонажи пьесы — нищие, воры, проститутки, их речь отличается стилистической сниженностью, пересыпана вульгаризмами, бранными выражениями. Общая языковая стилистика речи персонажей способствует сатирическому изображению микромира деклассированных как отражения всего капиталистического мира — его предпринимательства, коррупции, шантажа, грабительства и фарисейства. Нищенство, воровство, грабег

организованы в предприятия буржуазного типа, владельцы "фирм" в определенных ситуациях имитируют язык более "респектабельных" слоев общества, но мещанская напыщенность и тривиальная слащавость легко сменяются развязной, агрессивной и вульгарной речью. Внешние приметы воровского жаргона (имена-клички, арготизмы, сниженная лексика и грубая ругань) сочетаются с фарисейскими лозунгами, заимствованными из Священного писания. С ложным пафосом мещанских добродетелей — брака, солдатской верности — контрастируют циничные сентенции. Языковую полифонию дополняют англоязычные элементы, названия улиц, зданий, районов Лондона.

Важную роль в композиции пьесы выполняют сонги и финалы, которые "призваны не допускать возникновения иллюзий и внушать зрителю независимую позицию по отношению к происходящему на сцене" (И. Фрадкин¹). Языковая канва сонгов умело соткана из тривиальных мещанских клише, циничных лозунгов и двусмысленностей. Смысл сонгов часто аккумулярован в рефренах. Таков, в частности, рефрен сонга Макхита и Брауна, служивших в колониальных войсках: "...Если же новая, / Желто-лиловая, / Черного окраса / Нам попадется раса, / То из нее мы сделаем коллету. Трам-там" (с. 47). Откровенно циничный рефрен второго финала обнажает основу антагонистических взаимоотношений людей в капиталистической действительности: "Ведь люди чем живут? Тем, что терзают, / Калечат, мучат, гонят, бьют плетьюми / Таких же, как они, и забывают, / Что мы же все являемся людьми" (с. 75). Наиболее высок обличительный пафос в монологе Макхита в заключительной части пьесы: "Что такое "фомка" по сравнению с акцией? Что такое налет на банк по сравнению с основанием банка?.." (с. 93).

- 29 *Сохо* — район в Лондоне, известный своими притонами.
- 30 *Стрэнд* — улица в центре Лондона, где расположены театры, фешенебельные магазины и т.п.
- 39 *Чиппендейл*, Томас (1718—1799) — английский мастер мебельного искусства, сочетал функциональность с изяществом линий; *Людовик XIV* (1638—1715) — король Франции с 1643 г. Речь идет о стиле мебели его эпохи.
- 46 *Олд Бейли* — уголовный суд и тюрьма в Лондоне.
- 48 *Кастор и Поллукс* — мифологический образ неразлучной дружбы и братской помощи.

¹Б. Брехт. Театр. Пьесы, статьи, высказывания. В 5-ти томах. М., "Искусство", 1963, т. I, с. 53.

- 48 *Гектор и Андромаха* – герои “Илиады” Гомера: Гектор – самый смелый защитник Трои, Андромаха – его жена.
- 64 *Баллада сутенера* – вольный перевод “Баллады о Вийоне и Толстухе Марго”.
- 74 *Когда умер египетский фараон...* – Пичем старается про- извести впечатление культурного человека, но все его “ис- торические параллели” смехотворны.
- 81 *А то вы сразу отбраунитесь* – то есть Брауном вы уже не будете, ваша песенка спета.
- 82 *Песня о Соломоне Мудром* – переделка “Баллады о глу- постях любви” Ф. Вийона.
- 83 *“И ты, мой сын!”* – Ср.: И ты, Брут! (слова Цезаря Бруту).
- 93 *“Баллада, в которой Макхит просит у всех прощения”* – переработка двух баллад Ф. Вийона: “Эпитафия, написан- ная Вийоном для него и его товарищей в ожидании висели- цы” и “Баллада, в которой Вийон просит у всех прощенья”.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ СЫЧУАНИ

Над пьесой "Добрый человек из Сычуани" Брехт работал в течение многих лет. В литературном наследстве писателя найдены в большом числе планы и фрагменты этого произведения. Некоторые идеи, воплотившиеся затем в пьесе, занимали Брехта еще в 1926—1927 гг., "правариант" под названием "Ware Liebe" был написан в 1930 г. Обращает на себя внимание слово Ware — "товар", оно звучит так же, как эпитет wahre — "истинный". Таким образом, название пьесы могло быть понято двояко — "Товар-любовь" или "Истинная любовь". Разница только в орфографии.

Девять лет спустя Брехт возобновляет работу над пьесой, теперь уже под названием "Добрый человек из Сычуани". Первая постановка состоялась лишь в 1943 г. в Цюрихе (режиссер Леонард Штекель). Самому Брехту не довелось поставить пьесу на сцене: в Берлинском Ансамбле премьера "Доброго человека" состоялась уже после его смерти — 5 октября 1957 г. (режиссер Бенно Бессон, Шен Де — Катрин Райхель). Музыкальное сопровождение пьесы принадлежит Паулю Дессау, с которым Брехта связывало многолетнее сотрудничество и духовная близость. Песни и речитативы, содержащие важные драматургические и художественные мысли, воплощены композитором в своеобразные музыкальные произведения, поддерживающие своей образной формой идейную символику притчи о "добром человеке".

Важное место в структуре пьесы занимают монологи, обращенные к зрителю. Среди них своим пафосом и ритмизированным строем особенно выделяются монологи Шен Де. Ср. например: "О вы, несчастные! / Вашего брата оскорбляют, а вы закрываете глаза! / Застигнутый врасплох кричит, а вы молчите?" (с. 136). Монологи Шен Де, посвященные летчику Суну и их еще

не родившемуся сыну, патетикой напоминают гимны: "Ян Сун, мой любимый, вместе с облаками, / Вопреки ураганам, / Летит сквозь небеса и приносит / Дружеские письма / Другим в далекой стране" (с. 138); "О счастье! Во мне зарождается человек..." (с. 160).

Речь Шен Де удивительно образна и поэтична, метафорика проста и понятна.

Наряду с людьми в пьесе действуют боги, что придает ей характер сказки. Боги ищут доброго человека — это вызывает аллюзию с библейским рассказом о приходе ангелов в Содом и Гоморру. Боги, от которых естественно ждать помощи, уклоняются от вмешательства. Они наблюдатели и регистраторы, строго соблюдающие некие инструкции, их бессилие очевидно. В конце пьесы они покидают землю в изрядно потрепанном виде, комический эффект их ухода напоминает по контрасту античный театральный прием внезапного явления богов (*deus ex machina*) для счастливой развязки.

Китайский колорит пьесы создается Брехтом весьма скупыми средствами — именами действующих лиц, их постоянной заботой о рисе, упоминанием некоторых реалий: чайный домик, бонза. В целом персонажи разговаривают простым языком, без особых социальных примет. "Китайская вежливость" легко уступает место агрессивной манере, разговорно-сниженным оборотам. Речь персонажей изобилует фразеологизмами. Этот прием словесной образности, помимо эстетических задач, способствует народности пьесы, приближая ее к широкому зрителю.

Следует отметить, что в оригинале написание имен дается в английском варианте. Между исследователями и переводчиками до сих пор не достигнуто согласие, как переводить *Sezuap*. Одни пишут *Сезуан*, другие *Сычуань*.

132 ...праведный Кун. — Имеется в виду Конфуций.

ТУРАНДОТ, ИЛИ КОНГРЕСС ОБЕЛИТЕЛЕЙ

Изданию пьесы в 5-м томе Собрания сочинений в 20 томах (1967) предпослано следующее замечание Б. Брехта:

”Пьеса ”Турандот, или Конгресс обелителей” принадлежит к более обширному литературному комплексу, состоящему пока по большей части из планов и набросков. В него входят: роман ”Закат туалов”, том рассказов ”Истории о туаллах”, серия маленьких пьес ”Шванки о туаллах” и томик трактатов ”Искусство подхалимажа и другие искусства”.

Все эти работы, занимающие автора в течение десятилетий, исследуют ”злоупотребление интеллектотом”.

Комментарий в том же издании сообщает дополнительные сведения:

”План написания пьесы ”Турандот” возник у меня в тридцатые годы, в годы эмиграции я собирал материал для романа ”Золотой век туалов”. Особенно после того, как я закончил ”Жизнь Галилея”, где показал брезжущий рассвет разума, мне ужасно захотелось изобразить его закат, вечер разума того сорта, который в конце шестнадцатого столетия открыл эру капитализма”.

Работа над пьесой, в которой использованы элементы старой сказки о принцессе Турандот и шиллеровской обработки пьесы-сказки Гоцци, действительно началась в 1930-е годы, еще до эмиграции, но была завершена только после возвращения его на родину. Первая редакция пьесы создана Брехтом за несколько недель летом 1953 г. в Берлине. В ”Рабочем дневнике” под датой 13.9.53 Брехт записывает: ”Когда я сейчас всматриваюсь в свою ”Турандот”, оказывается, что она лежит за пределами немецкой литературы и выглядит, как часто случается с одиноко стоящими особами, несолидно. Вот если бы я был сочинителем комедий, каковым я почти — но только что почти — являюсь,

тогда нашлась бы у такого опуса родня, и клан мог бы сохраниться.

С "миссией" этого опуса тоже не все так просто, тут положение напоминает ситуацию мольеровского "Скупого". Мольер высмеивает скупость в эпоху, когда буржуазия научилась использовать деньги производительно, так что скупость стала непрактичной, она стала тормозом умножения капитала и, следовательно, смешна (и она вызывает еще смех у феодальных слоев, которые, будучи щедры и великодушны, не скупятся на продукты труда угнетенных классов). И все же еще долго скупость будет существовать — в принципе, как жажда наживы, как цель производительности, как отрицательная сторона капитализма — в течение всего отведенного ему срока. (И вообще это схваченное в нужный момент, глубоко укоренившееся дурное свойство!)

Формалистическое, непроизводительное мышление схвачено в "Турандот" в тот момент, когда (капиталистический) способ производства не позволяет производительным силам развиваться дальше; и оно [мышление] выступает как непрактичное, то есть смешное, но какое-то время оно еще будет существовать — до тех пор, пока интеллектуалы не просто перестанут противостоять остальной части населения, но все население будет интеллектуализировано".

Окончательная редакция пьесы создана летом 1954 года. Первая публикация — в Собрании сочинений: В. В r e c h t. Gesamtelte Werke 5, Stücke 5, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 1967. Первая постановка — в 1969 г. в Цюрихе (режиссер Бенно Бессон). Русский перевод осуществлен в 1976 году; пьеса была поставлена театром Драмы и комедии на Таганке в 1979 году.

РАССКАЗЫ

Рассказы "Аугсбургский меловой круг", "Опыт", "Плащ еретика", "Цезарь и его легионер", "Раненый Сократ" и "Беспутная старуха" были опубликованы Брехтом в сборнике "Истории из календаря" в 1949 г. "Трофеи Лукулла" и "Культура еды", написанные в разное время, по своей внутренней организации близки к "историям из календаря" в той форме, в какой этот старинный немецкий литературный жанр предстает в интерпретации Брехта. По своему конечному заданию все эти истории поучительно-воспитательные, они открыто ведут читателя к выводам моралистического характера.

Аугсбургский меловой круг

Новелла написана в начале 1940 г. в Финляндии; впервые опубликована в журнале "Дас гольдене тор" (1944). Известна в двух вариантах (второй вариант — 1954 г.). Фабула рассказа навеяна старинными литературными источниками — библейской притчей о суде царя Соломона и китайской пьесой XIII в. Действие происходит в первой половине XVII столетия. Место действия — Аугсбург, родина Брехта.

262 *Во время Тридцатилетней войны.* — Тридцатилетняя война (1618–1648) — война между габсбургским блоком (испанские и австрийские Габсбурги, католические князья Германии и другие католические силы) и антигабсбургской коалицией (германские протестантские князья, Франция, Швеция).

269 *...назывался Золотым залом.* — Знаменитый "Золотой зал" в Аугсбурге с барочными украшениями, напоминающими Дворец дождей в Венеции.

Опыт

Рассказ был написан в 1939 г. в Дании.

В новелле изложен реальный эксперимент (опыт со снегом) английского философа-материалиста Фрэнсиса Бэкона, о котором тот писал в одном из своих предсмертных писем. Брехт лаконично сообщает читателю о личности Бэкона (1561–1626), доживающего свои дни вдали от королевского двора, где ранее он занимал самые высокие посты, лишённого всех государственных должностей. Как выдающаяся историческая личность Бэкон показан автором не на вершине славы, а, напротив, в дни унижения. Тем больший моральный вес приобретают в такое время твердость духа и сила интеллекта героя. Однако следует заметить, что Брехт достаточно вольно обращается с фактами: известно, что Бэкон умер 9 июня 1626 г., простудившись во время опыта.

Плащ еретика

Рассказ был написан в начале 1939 года, впервые напечатан в журнале "Internationale Literatur", № 8, 1939, в Москве и носил название "Der Mantel des Nolaners" ("Плащ ноланца"). Итальянский философ и поэт Джордано Бруно (1548–1600) родился в городе Нола в Неаполитанском королевстве, отсюда "ноланец" — имя, которым он часто подписывал свои сочинения. В первом же абзаце Брехт четко формулирует идею рассказа: на примере малозначительного — особенно на фоне разворачивающихся трагических событий — эпизода показать высокие моральные качества своего героя. Брехт лаконично и исторически точно описывает обстоятельства и причины ареста Джордано Бруно. Эпизод с плащом не зафиксирован в материалах дела, но в протоколах римской инквизиции записано, что Джордано Бруно нуждался в плаще и шляпе.

Характерно, что Джордано Бруно представлен в "негероической", бытовой ситуации, но в момент, когда решается его судьба.

280 *"Вы с бóльшим страхом выносите мне приговор..."* — документированные слова Джордано Бруно в момент оглашения приговора.

Некий Мочениго... — Мочениго — историческая личность, дворянин, с провокационной целью заманивший Бруно в 1592 г. в Венецию. Следует иметь в виду, что до этого Джордано Бруно скитался по Европе: он был в Женеве и Тулузе, Париже и Лондоне, Виттенберге, Праге и Франкфурте-на-Майне, где в публичных выступлениях и печатных трудах

отстаивал свое учение о Вселенной, построенное на теории Коперника.

мнемоника – наука о памяти. Джордано Бруно принадлежит сочинение "О памяти" ("Ars memoriae").

282 ...с Синьорией ведутся переговоры. – Здесь, по-видимому, анахронизм: с середины XVI в. власть в Венецианской республике принадлежала Совету десяти.

Цезарь и его легионер

Одна из самых популярных личностей античного мира – Гай Юлий Цезарь (102 или 100 – 15 марта 44 до н. э.) – и сегодня еще занимает мысль историков и писателей. Брехт обратился к этому сюжету впервые в 1942 г., работая над литературным сценарием "Последние дни Цезаря", на базе которого была затем написана новелла "Цезарь и его легионер". Впоследствии Брехт пишет роман-фрагмент "Дела господина Юлия Цезаря", содержание которого в принципе не связано с данной новеллой, хотя и обнаруживает общие черты как в концепции центрального образа, так и в отдельных литературных приемах. В обоих произведениях Юлий Цезарь предстает как беззащитный, циничный политикан, обладающий большим личным обаянием. Можно отметить также сходство литературной техники – изображение примерно одних и тех же событий дважды, но с позиций разных персонажей. В новелле, хотя события излагаются в третьем лице, в первой части в центре их находится Цезарь, во второй – легионер. В романе этот прием еще более эффектен, так как повествование ведется от лица персонажей. В обоих произведениях фигурирует секретарь Рарус (имя вымышленное, *ragus* (лат.) – редкий).

В произведениях на исторические сюжеты Брехт всегда проявляет большую точность в деталях – именах, биографических сведениях, реалиях и других подробностях. Это относится и к данной новелле, все фактические детали которой могли бы быть подтверждены ссылками на разных авторов, древних (Плутарх, Светоний, Тит Ливий) и современных Брехту (Г. Ферреро, К. Барт). Именно концепция этих авторов, а не тех буржуазных историографов, которые идеализированно представляли Цезаря как разностороннего гения и великого человека (Т. Моммзен), легла в основу брехтовского образа Цезаря. На фоне большой исторической точности в деталях особую значимость приобретают все сознательные отклонения от нее, лексические анахронизмы, своеобразная модернизация. В ряде случаев Брехт противопоставляет античным наименованиям

слова из более позднего или даже современного историко-хронологического слоя ("паковать чемоданы"), лексику, ассоциирующуюся с иным, более поздним кругом представлений. Так, в тексте появляются слова типа *Сити* в значении "деловые круги (применительно к капиталистическому миру)", *кожевенный фабрикант, банк, банкир, акции, досье* и названия средневековых реалий: *гильдия, оруженосец*.

Необходимо отметить и лексику, указывающую на аналогичность в демагогических приемах политики Цезаря и немецких фашистов (ср. фразеологизм *новый порядок*), материальные анахронизмы: *плакаты, вербовочные пункты*.

Выразителен синтаксис новеллы: напряжение последних двух дней жизни Цезаря, накал страстей, беспокойство всех участников событий передаются сменой кратких, простых предложений, динамикой смены презенс/претерит, большим числом вопросительных предложений.

286 ...*диктатор*. — Юлий Цезарь четырежды обладал полномочиями диктатора, с 44 г. до н. э. — пожизненно.

287 ...*походу Александра*. — Имеется в виду победоносная война Александра Македонского (356—323 до н. э.) с Персией (334—333 до н. э.).

Клеопатра (69—30 до н. э.) — последняя царица Египта, с 51 г., из династии Птолемеев, получила царскую власть при поддержке Цезаря. В 46—44 гг. по приглашению Цезаря находилась с сыном (отцом которого, вероятно, был Цезарь) в Риме, покинула Рим после гибели Цезаря.

Брут, Кассий — оппозиционно настроенные представители староримской республиканской знати, главные заговорщики и убийцы Цезаря. Марк Юний Брут (85—42 до н. э.) — римский политический деятель, в последние годы перед заговором пользовался любовью и доверием Цезаря. По преданию, Цезарь, увидев в толпе убийц Брута, воскликнул: "Et tu autem, Brute!" (И ты, Брут!). Гай Кассий Лонгин, так же как и его двоюродный брат Брут, считался сторонником Цезаря. Оба они вскоре погибли, Брут — от руки Антония, Кассий закололся тем же кинжалом, которым он нанес удар Цезарю.

Галлия — историческая область Европы между рекой По и Альпами (Цизальпинская Галлия) и между Альпами, Средиземным морем, Пиренеями и Атлантическим океаном (Трансальпинская Галлия). В 58—51 гг. до н. э. Юлий

Цезарь покорил Трансальпинскую Галлию от Белгики до Аквитании.

288 *...полицейский эдил.* — Эпитет модернизирует историческую реалию. Эдилами в Древнем Риме назывались выборные должностные лица, в их обязанность входил, помимо прочего, надзор за безопасностью на улицах.

...портик Помпея. — У Плутарха это здание называется курией Помпея. Об этой постройке он пишет: "Это было одно из прекрасно украшенных зданий, построенных Помпеем, рядом с театром; здесь же находилось изображение Помпея".

...отпустит просителей. — Перед зданием сената обычно подавались прошения о помиловании, возвращении из изгнания и т.п.

...войдет в храм. — По обычаю при входе в сенат Цезарь совершал жертвоприношение.

289 *Разве не был он когда-то великим народным трибуном, мудрой надеждой демократии?* — В 73 г. до н. э. Цезарь был избран военным трибуном и принимал участие в борьбе за восстановление прав народных трибунов, за реабилитацию Гая Мария — вождя демократического движения.

...в Испанию. — Цезарь ранее был римским наместником в Испании, там же одержал окончательную победу над сторонниками Помпея.

Байи — в античности излюбленное место отдыха римской знати, славившееся морскими купаниями и серными ваннами. Современное название — Бая.

290 *...ремесленные клубы, гильдия красильщиков* — "модернизированные" обозначения объединений римских граждан-плебеев. *Гильдия* — историзм, использующийся для обозначения цеховых объединений в средневековой Европе. Брехт намеренно допускает здесь эти анахронизмы и не пользуется древнеримским термином *коллегия*. Именно так назывались профессиональные и религиозные союзы свободных граждан в Риме. В I в. до н. э. коллегии участвовали в выступлениях плебеев, преследовались сенатом и Цезарем, который многие из них распустил.

290 *Карпо* — вымышленное имя (лат. глагол *carpo* имеет ряд значений, в том числе "обессиловать, ослаблять, истощать").

Атриум, или *атрий*, — средняя часть древнеримского жилища. Представлял собой крытый внутренний двор, куда выходили другие помещения. В центре обычно находился неглубокий бассейн, над которым оставляли отверстие в перекрытии. В эпоху Цезаря атриум был одним из парадных помещений римского дома.

Собаčky бега — излюбленное развлечение в Древнем Риме.

291 ...в *Мамертинскую тюрьму*. — Мамертинская тюрьма в Древнем Риме была известна своими страшными подземельями.

292 *Антоний* — Марк Антоний (ок. 83—30 до н.э.) — римский полководец, сторонник Цезаря. После его смерти совместно с Октавианом и Лепидом разбил войска Брута и Кассия (42 до н.э.), получил в управление восточные области римской державы, сблизился с Клеопатрой. Сенат объявил войну Клеопатре. После поражения египетского флота Антоний и Клеопатра покончили жизнь самоубийством.

...*консул*. — Консулы в Древнем Риме — высшие должностные лица. В описываемое время одним из двух консулов был Антоний.

293 *Кампанья* — всхолмленная туфовая равнина близ Рима с намывным побережьем (*Campana-di-Roma*).

Теренций Скапер — имя вымышленное.

...*вербовочные пункты*. — Военная служба в республиканском Риме была платной и добровольной. По выслуге лет полагалось вознаграждение в форме земельного участка.

...*дворец Цезаря на Форуме*. — Цезарь жил в это время, как свидетельствует Светоний, "в государственном здании на Священной дороге".

294 ...в его работе над *грамматикой*. — Известны небольшие фрагменты сочинения Цезаря, посвященного грамматике ("De Analogia").

Помпидий – вымышленное имя.

- 295 *Сестерций* – древнеримская серебряная монета (*sestertius* = 10 коп. золотом). Здесь, по-видимому, имеется в виду *sestertium* (с пропуском *milīa* – тысяча), тысяча сестерциев.
- 296 *Брундизий* – порт на Адриатическом море, соврем. Бриндизи.

Раневый Сократ

Рассказ написан в начале 1939 года в Дании.

Древнегреческий философ Сократ (470/469–399 до н. э.) предстает в новелле Брехта в эпизоде, не засвидетельствованном в античных источниках. Сократ представлен внешне антигероически с точки зрения традиционного понимания военной доблести, но сила его мужества в ином. Смысл, идея новеллы сообщаются писателем в первом же абзаце новеллы, там же изложены и те немногие сведения о Сократе, которые составляют всем известную часть его биографии, – сведения о матери, о методе его философских бесед с друзьями и учениками, о его трагическом конце. Вслед за этим началом, вводящим в идею нравственного урока, Брехт разворачивает фабулу новеллы, снабжая ее колоритными деталями, способствующими реализации темы и характеристики героя.

Историческая точность в данной новелле не соблюдается, античность и ее аксессуары составляют лишь условный фон для общечеловеческой правды. Брехт широко пользуется приемом лексического анахронизма, привлекая слова двойкой исторической сопряженности – одни из них историзмы, т.е. наименования реальных изображаемой эпохи, другие – вполне современные обозначения. Соположение этих двух слоев лексики создает комический эффект, содействующий воссозданию ставшей нарицательной сократовской иронии.

Здравый смысл, грубоватый юмор, независимость и неподкупная честность героя вплетены в его главную характеристику – народность. Брехт рисует более чем скромный быт философа, его простую пищу (чеснок, бобовый суп), убогое жилище. И здесь Брехт не нарушает исторической правды. Именно так описывает жизнь Сократа его ученик Ксенофонт: "Ты живешь так, что подобным образом не стал бы жить ни один раб у своего господина; пищу и питье ты употребляешь бедные, а одежду носишь не только бедную, но одну и ту же и летом и зимой, всегда ты без обуви и без хитона" (Ксенофонт. Воспоминания о Сократе).

Бедность и лишения разделяет с Сократом Ксантиппа, его жена, за которой в веках утвердилась слава сварливой и злоязычной женщины. Брехт рисует несколько иную картину взаимоотношений Сократа и Ксантиппы. В известной мере он "реабилитирует" Ксантиппу, преданность и любовь которой скрываются под оболочкой язвительных реплик.

299 *Сын повивальной бабки...* — Матерью Сократа была повитуха, и это обстоятельство Сократ использовал для пояснения своего метода ведения бесед, который он называл майевтикой (= повивальным искусством). По аналогии с родовспоможением умело направленная беседа содействовала рождению истины. В. И. Ленин замечает по поводу наименования Сократом своего искусства повивальным: "Остроумно!" (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29, с. 247).

Платон (428 или 427 — 348 или 347 г. до н.э.) — греческий философ-идеалист, ученик Сократа. Из сочинений Платона дошли 23 подлинных диалога, речь "Апология Сократа"; ряд других сочинений также приписывается Платону. Сам Сократ ничего не писал, и все сведения о нем известны благодаря сочинениям Платона, Ксенофонта и других его учеников и последователей.

...он осушил чашу цикуты. — Сократ был обвинен своими противниками в "безбожии и развращении молодежи" и приговорен к смерти. По обычаю того времени он должен был выпить чашу цикуты — растертого ядовитого болиголова.

Битва при Делионе (424 г. до н.э.) — одна из битв в Пелопоннесской войне (431—404 до н.э.), войне Афин и союзных с ними греческих полисов со Спартой, главой Пелопоннесского союза. Сражение при Делионе окончилось бегством афинян. Алкивиад (см. ниже) рассказывал, что Сократ вел себя с большим самообладанием. Для Брехта битва при Делионе — повод для развертывания сюжета, он нарушает здесь историческую правду, приписывая афинянам победу над персами, хотя персы в межгреческой Пелопоннесской войне не участвовали. Исторический Сократ участвовал и в других сражениях этой войны, а из битвы под Потидеей вынес с поля боя раненного Алкивиада и его оружие (Платон "Пир").

301 *Атака персов началась.* — Исторически неточно, см. выше, прим. к с. 299.

303 *Алкивиад* (ок. 450–404 до н.э.) – афинский политический деятель и полководец, друг и ученик Сократа. Участник похода против Потидеи и битвы при Делионе.

304 *...раз ты сапожник...* – прежде чем стать философом, Сократ был сапожником.

306 *Эзопул* – имя вымышленное, фонетически напоминает Эзопа.

...у гимнасия. – Гимнасии (от греч. *gymnos* – голый) – в древнегреческих Афинах государственные учебно-воспитательные учреждения, в которых главным образом развивалась физическая сила и ловкость. Как правило, гимнасий включал площадку для гимнастических упражнений, колоннаду и бассейн.

307 *ареопэг* – анахронизм: после 462 г. до н.э. ареопэг утратил свое значение как верховный орган власти; здания ареопэга не существовало (это холм).

взял книгу – анахронизм: Сократ мог взять (папирусный) свиток или воощенные таблички.

Антисфен – Антисфен из Афин (ок. 444 – ок. 365 до н.э.), греческий философ, ученик Сократа, основатель школы киников.

308 *Фестон* – имя вымышленное.

...урок алгебры. – Как слово *алгебра* – анахронизм, как наука – нет; слово восходит к арабскому *al-gebr*, наука – ко 2-му тысячелетию до н.э. (папирус Ахмеса); однако формы античной алгебры нам неизвестны.

Протагор – Протагор из Абдэры, древнегреческий философ, представитель старшего поколения софистов.

Горгий – Горгий из Леонтин в Сицилии (ок. 483 – ок. 375 до н.э.), софист старшего поколения, прибыл в Афины с миссией в 427 г. до н.э.

учил пацифизму – анахронизм; понятие и слово *пацифизм* появилось на рубеже XX в. (во Франции – в конце XIX в.).

Берсеркер – анахронизм: яростный воин в древних скандинавских сагах.

Беспутная старуха

Рассказ написан в 1939 году.

Рассказ содержит элементы, позволяющие интерпретировать его как описание реальных событий: повествование от первого лица, вкрапление местных и устаревших слов, реалии. Предполагают, что прообразом героини могла быть бабка Брехта с отцовской стороны — Каролина Брехт, урожденная Вурцель.

313 "брэгг" (местн.) — карета, кольмага.

К. — имеется в виду Кёльн.

Трофеи Лукулла

Новелла написана в начале 1939 года в Дании. В своих произведениях Брехт нередко обращался к античному наследию. Римский полководец и политик Лукулл (ок. 117 — ок. 56 до н.э.), в частности, изображен им в опере "Осуждение Лукулла" (пост. 1951), а также радиопьесе "Допрос Лукулла" (1939). Описывая историю Лукулла, Брехт опирается на "Сравнительные жизнеописания" Плутарха, где подробно рассказывается о триумфе Лукулла и его трофеях. Богатство и роскошная жизнь Лукулла стали нарицательными ("лукуллов пир"), его полководческая карьера мало кому сегодня известна.

315 *Помпей* — Гней Помпей Великий (106—48 до н.э.), римский полководец. В 66 г. до н.э. одержал решающую победу в войне против Митридата VI Евпатора (царя Понта).

...из утопавшего в густых садах дворца. — Роскошные дворцы и сады на берегу Тибра упоминаются Плутархом.

Лукреций — Тит Лукреций Кар, римский поэт и философ-материалист (I в. до н.э.). Автор дидактической философской поэмы "О природе вещей", где он, в частности, отвергает участие богов в мирских делах.

316 ...своего врага *Митридата*. — Митридат VI Евпатор (132—63 до н.э.), царь Понта, ярый противник Рима, вел против него три войны, которые закончились жестоким поражением. Чтобы не попасть в плен, велел себя заколоть.

317 *Когорта* — в Древнем Риме подразделение легиона (360—600 чел.); в легионе было 10 когорт.

Центурион — сотник, командир подразделения (центурии) в древнеримской армии.

- 320 *"Те, что рыдают в унынье..."* — стихи, приписываемые Брехтом Лукрецию, принадлежат самому Брехту (из незавершенной поэмы "О природе людей", которую он писал на рубеже 30—40-х гг. в стиле Лукреция).

Культура еды

Рассказ написан в январе 1940 г. Впервые опубликован в шведском переводе в газете "Гётеборгс-постен" 18 декабря 1943 г., в оригинале — в 81-м томе "Библиотеки Зуркампа" (Франкфурт-на-Майне) в 1962 г.

В "Рабочем дневнике" Брехта 26.1.1940 есть такая запись: "Написал, нисколечко не думая о публикации, маленькую детективную новеллу, используя в качестве антуража ужин с Ренуаром и Кохом. Не назвать ли его "Культура"?"

- 322 *Буль-Миш* — бульвар Сен-Мишель в центральной части Парижа, на котором расположены многочисленные кафе, варьете и т.п.

324 *...историю о кабилах.* — Кабилы — группа небольших берберийских племен, составляющая часть коренного населения Алжира, Туниса и Марокко. Рифская группа кабиллов населяла северо-восток Марокко. В 1921 г. в области рифов (входившей в Испанское Марокко) вспыхнуло мощное антииспанское восстание, которое возглавил Абд эль-Керим. В феврале 1922 г. была образована Рифская республика. Франция первоначально поддерживала рифов, надеясь присоединить испанскую часть Марокко к своей, когда же эти расчеты не оправдались, бросила против них 200-тысячную армию, оснащенную новейшей военной техникой. В 1925 г. к ней присоединилась 100-тысячная армия Испании. В мае 1926 г. французы взяли Таргвист, где находился штаб рифов. Рифская республика прекратила свое существование. Абд эль-Керим был сослан на о. Реюньон.

- 325 *...он один представлял Францию времен Конвента.* — В Национальный Конвент (10 августа 1792 г.) были избраны также депутаты от колоний.

326 *Они знали толк в хлебе.* — Французы блокировали горные области, там царил голод.

Рассказы господина Койнера

Миниатюры о господине К. Брехт писал начиная с 1926 г. Первая партия рассказиков вошла в № 1 "Опытов" (продолжающееся издание, в котором Брехт публиковал свои произведения и материалы, с ними связанные), Берлин, 1930, вторая – в № 5 (1932). Некоторые опубликованы в "Историях из календаря" (Берлин, 1949) и в журнале "Зинн унд форм" (Берлин, 1957). Наконец, в Собрании сочинений (т. 12) были добавлены тексты из наследия писателя. Последним мы руководствовались в расположении миниатюр, публикуемых в хронологическом порядке.

334 *Господин К. предпочитал город Б. городу А.* – Город Б. – Берлин, город А. – Аугсбург.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Девекин. Глазами разума 5

ТРЕХГРОШОВАЯ ОПЕРА. Перевод С. Анта 25
ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ СЫЧУАНИ.

Перевод Е. Лях-Ионовой. Перевод стихов Б. Слуцкого . . 97

ТУРАНДОТ, ИЛИ КОНГРЕСС ОБЕЛИТЕЛЕЙ.

Перевод И. Фрадкина 191

РАССКАЗЫ

Аугсбургский меловой круг. Перевод Э. Львовой 262

Опыт. Перевод Э. Львовой 272

Плащ еретика. Перевод Э. Львовой 280

Цезарь и его легионер. Перевод Э. Львовой 286

Раненый Сократ. Перевод Л. Иноземцева 299

Беспутная старуха. Перевод Э. Львовой 310

Трофей Лукулла. Перевод М. Вершининой 315

Культура еды. Перевод М. Вершининой 322

Рассказы господина Койнера. Перевод Э. Львовой 326

*Самое мудрое у мудреца — манера держаться . . . 326

*Организация 327

Господин Койнер и насилие 327

*Носители знания 327

Слуга целесообразности 328

Заботы лучших 328

Искусство быть неподкупным 328

Голод 328

*Оригинальность 329

Вопрос о том, существует ли бог 329

*Право на слабость 329

Беспомощный мальчик 330

*Господин К. и природа 330

Вопросы, которые убеждают 331

*Обязательность 331

*Встреча 331

Форма и содержание 332

Разговоры	332
Если господин К. полюбит кого-нибудь	332
*Успех	332
*Господин К. и кошки	333
Любимое животное	333
Удачный ответ	333
*Похвала	334
*Два города	334
Дружеская услуга	334
*Господин К. в чужом жилище	335
*Господин К. и последовательность	335
*Отцовство мысли	335
*Правосудие	336
Сократ	336
*О естественности собственнических инстинктов	336
*Если бы акулы стали людьми	337
*Ожидание	338
*Незаменимый чиновник	338
*Оскорбление, которое можно перенести	339
*Господин К. водит машину	339
*Господин К. и поэзия	339
*Гороскоп	339
*Два водителя	340
*Чувство справедливости	340
*О доброжелательности	340
*Господин Койнер и рисунок его племянницы	341
*Господин Койнер и гимнастика	341
*Гнев и поучение	341
*Заблуждение и прогресс	341
*Знание людей	341
*Господин Койнер и прилив	342
*Господин Койнер и актриса	342
*Об измене	342
*Удовлетворение интересов	343
*Приметы хорошей жизни	343
*Об истине	343
*Любить кого?	344
*Кто кого знает	344
*Самый лучший стиль	345
*Господин Койнер и врач	345
*Подобие лучше, чем отличие	345
*Мыслитель и лживый ученик	345
*Об образе действий и манере себя вести	345
*Против чего был господин Койнер	346
*Мыслитель и гроза	346
*Болезнь господина Койнера	346
*Неподкупность	347

*Роль чувств	347
*О Койнере в молодости	347
*Слуга или господин	347
*Аристократическая осанка	348
*Развитие больших городов	348
*О системе	348
*Архитектура	349
Примечания	351

Бертольт Брехт
ИЗБРАННОЕ

Составитель Девекин Валентин Николаевич

ИБ № 2332

Редактор Беляева Н. Т.
Художники Толстая Т. В., Краковский М. М.
Художественный редактор Иващенко П. В.
Технический редактор Гунина В. Н.
Корректоры Пунга Р. Х., Лукахина Н. А.

Сдано в набор 21.10.86. Подписано в печать 3.04.87. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19,74. Усл. кр.-отт. 40,32. Уч.-изд. л. 23,50. Тираж 50000 экз.
Заказ № 1047. Цена 2 р. 40 к. Изд. № 1693.

Издательство "Радуга" Государственного комитета СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119859, Зубовский бульвар, 17.

Отпечатано с оригинал-макета способом фотоофсет на Можайском поли-
графкомбинате Союзполиграфпрома при Государственном комитете
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Можайск, 143200, ул. Мира, 93.

2р. 40к.